ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
FEB 15 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

БАКЛАНОВА Н. А. **Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.** К истории формирования русской буржуазии. М. Изд-во АН СССР. 1959, 292 стр. 1 200 экз. 13 р. 75 к.

БЕЖКОВИЧ А. С. и др. **Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель.** М. «Сов. Россия». 1959. 257 стр. 1 200 экз. 11 р. 35 к.

Борьба за упрочение Советской власти в Грузии. Сборник документов и материалов. 1921—1925 гг. Сост. Качарова Ю. М. и др. Тбилиси. «Собчота Сакартвело». 1959. XXVII. 555 стр. 5 000 экз. 17 р. 70 к.

В борьбе с контрреволюцией. Сборник документ. материалов. 1918—1919 гг. Сост. В. Ф. Девтеров и др. Омск. Кн. изд-во. 1959. 200 стр. 4 000 экз. 4 р. 40 к.

Второй период революции. 1906—1907 гг. Ч. I. Январь — апрель 1906 года. Кн. 2-я. Сост. Р. Е. Альтшуллер и др. М. Изд-во АН СССР. 1959. 751 стр. 2 800 экз. 27 р. 15 к.

Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г.— 18 марта 1921 г. М. Госполитиздат. 1959. 723 стр. 33 000 экз. 15 руб.

ДРАУДИН Т. **Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917—1919 годах.** Рига. Латгосиздат. 1959. 223 стр. 2 000 экз. 5 р. 45 к.

Из истории империализма в России. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1959. 459 стр. 2 000 экз. 20 р. 40 к.

ИГНАТОВ П. **Записки партизана.** М. «Моск. рабочий». 1959. 788 стр. 100 000 экз. 13 р. 65 к.

КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. **Сочинения. В 8 т. Т. 7. Исследования, рецензии, речи (1866—1890).** М. Соцэкгиз. 1959. 487 стр. 54 000 экз. 11 руб.

Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.). Документы и материалы. Сост. А. И. Азаров и др. Минск. Госиздат БССР. 1959 481 стр. 3 000 экз. 8 р. 50 к.

Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сборник документов. Сост. Э. С. Паина и Н. И. Пишванова. Под ред. и с предисл. А. В. Шапкарина. М. Соцэкгиз. 1959. 750 стр. 5 000 экз. 13 руб.

Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 окт.— 4 ноября 1956 г. Сталинабад. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1959 271 стр. 2 000 экз. 14 р. 60 к.

Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. 1. Брянск. «Брянск. рабочий». 1959. 483 стр. 15 000 экз. 10 р. 50 к.

ПУЛАТОВ Х. **Культурно-воспитательная деятельность Советского государства в Узбекистане (период борьбы за построение фундамента социализма).** Ташкент. Госиздат УзССР. 1959. 142 стр. 3 000 экз. 3 р. 85 к.

РЯБУХИН Е. И. **В борьбе с контрреволюцией. (Помощь трудящихся Вятской губернии Вост. фронту в 1918—1919 гг.)** Киров. Кн. изд-во. 1959. 161 стр. 5 000 экз. 2 р. 05 к.

Всеобщая история.

АМАЛЬРИК А. С. и МОНГАЙТ А. А. **Что такое археология. 2-е изд.** М. Учпедгиз. 1959. 187 стр. 18 000 экз. 4 р. 05 к.

Артхашастра, или Наука политики. Пер. с санскрита. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1959. 794 стр. 29 р. 50 к. Древнеиндийский политико-экономический трактат содержит сведения по государственному, политическому и хозяйственному устройству страны.

БАРТЕЛЬ В. **Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны.** Пер. с нем. Вступит. статья И. Г. Кабина. М. Изд-во иностр. лит. 1959. 700 стр. 23 р. 35 к

БЛАВАТСКАЯ Т. В. **Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 160 стр. 2 000 экз. 7 р. 75 к.

ВАН Я-НАНЬ **Исследование экономических форм полуфеодального, полуколониального Китая.** Пер. с китайск. М. Соцэкгиз. 1959. 395 стр. 3 000 экз. 13 р. 55 к.

ГАНДИ М. К **Моя жизнь.** Пер. с англ. Вступ. статья А. Д. Литман. М. Изд. вост. лит. 1959. 443 стр. 15 000 экз. 17 руб.

ГУРОВИЧ П. В. **Всеобщая стачка в Англии 1926 года.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 223 стр. 1 500 экз. 7 руб.

ЗАСТАВЕНКО Г. Ф. **Крушение немецкой интервенции на Украине в 1918 году.** Киев. Госполитиздат УССР. 1959. 155 стр. 3 000 экз. 2 р. 45 к. На украинском языке.

История Чехословакии. В 3 т. Т. 2. Под ред. С. А. Никитина и др. М. Изд-во АН СССР. 1959. 359 стр. 8 000 экз. 22 р. 60 к. В томе рассматривается период с 1848 г. до 1917 года.

КОЛЕСНИКОВ М. **Сухэ-Батор.** М. «Мол. гвардия». 1959. 303 стр. 50 000 экз. 6 р. 35 к.

КУКРИДЖ Е. Х. **Тайны английской секретной службы.** Пер. с англ. (Предисл. М. Круглова). М. Воениздат. 1959. 307 стр. 6 р. 40 к. Об истории борьбы английской контрразведки против нацистского шпионажа в годы второй мировой войны.

КУПША И. и др. **Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 авг. 1944—9 мая 1945).** Пер. с румынск. М. Воениздат. 1959. 375 стр. 17 р. 40 к.

Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. Сборник статей. М. Соцэкгиз. 1959. 311 стр. 5 000 экз. 7 р. 80 к.

Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М. Изд-во вост. лит. 1959. 203 стр. 1 200 экз. 9 р. 60 к.

Новейшая история. Ч. 1. 1917—1939. Учебн. пособие. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 567 стр. 74 000 экз. 12 руб.

Очерки истории Англии. Средние века и новое время. Пособие для учителя. М. Учпедгиз. 1959. 356 стр. 9 000 экз. 7 р. 60 к.

Очерки истории Китая в новейшее время. М. Изд-во вост. лит. 1959. 696 стр. 4 000 экз. 30 руб.

ПОПОВ Н. А. **Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражд. войны в России (1918—1922).** Л. Лениздат. 1959. 195 стр. 5 000 экз. 4 р. 30 к.

Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. (В 2 т. Пер. с франц.) **Т. 1.** 28 марта — 30 апр. М. Изд-во АН СССР. 1959. 448 стр. 2 500 экз. 21 р. 35 к.

ШАБШИНА Ф. И. **Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.).** М. Изд-во вост. лит. 1959. 276 стр. 2 100 экз. 10 р. 50 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Voprosy istorii

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 1 ЯНВАРЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

D
1
V6
1960
no 1-6

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Б. О. Кашкаев (Махачкала) — Борьба за власть Советов в Дагестане (март 1917— март 1920 г.) 3

В. С. Лельчук — Из истории создания промышленности синтетических материалов в СССР 25

Академик М. Н. Тихомиров — Великий Новгород в истории мировой культуры 42

Л. К. Ерман — Советы рабочих депутатов и демократическая интеллигенция в первой русской революции 53

Л. Цэнд, Второй секретарь ЦК МНРП — Социалистическое строительство в Монгольской Народной Республике 69

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Н. Мейман, академик С. Д. Сказкин — К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытно-общинного способа производства 75

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Е. Иоффе, С. В. Мокин — Некоторые вопросы французской историографии Октябрьской революции 100

П. Е. Скачков (Ленинград) — Значение рукописного наследия русских китаеведов 116

СООБЩЕНИЯ

Л. Н. Кудашев — Установление дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 году 124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

С. М. Майоров — Историческая миссия 139

А. Б. Турсунбаев (Алма-Ата) — В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР 145

В. Б. Кобрин — И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века 151

Ю. Р. Клокман — Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке 159

Всеобщая история

Андрей Оцетя, действительный член Академии РНР — «Всемирная история». Т. III 165

И. Н. Бороздин (Воронеж), **П. М. Гапонов** (Воронеж), **А. Е. Москаленко** (Воронеж) — «История южных и западных славян» 177

Заметки о книгах

А. В. Ефимов, член-корреспондент АН СССР — Р. Ф. Иванов. Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865—1877 гг.); **Е. В. Рубцова** — М. Альперович, Б. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США 186

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

К. А. Тимофеев — О преподавании гражданской истории в школах СССР 194

Ю. О. Бем — Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода 199

О работе исторических факультетов государственных университетов 205

Хроникальные заметки 209

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Т. Данишевский (Польша) — О работе Института истории партии при ЦК ПОРП 211

Э. Памлени (Венгрия) — О планах издания литературы по истории Венгрии в 1960 году 216

Хроникальные заметки 218

Константин Васильевич Сивков 219

СТАТЬИ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ (МАРТ 1917 — МАРТ 1920 г.)

Б. О. Кашкаев

В Дагестане, одном из своеобразнейших районов Северного Кавказа с многонациональным населением, среди которого были чрезвычайно живучи различные пережитки патриархально-феодального уклада, борьба за установление Советской власти протекала в сложных условиях. Литература по данному вопросу, к сожалению, немногочисленна.

Среди работ, посвященных этой теме, следует упомянуть работу И. М. Разгона и А. И. Мельчина[1] и книгу Н. П. Эмирова[2]. В них приведены материалы, характеризующие борьбу трудящихся Дагестана за утверждение диктатуры пролетариата. Однако такие существенные вопросы, как периодизация истории Октябрьской революции и гражданской войны в Дагестане, борьба против контрреволюционных организаций и партий, формирование и деятельность Дагестанской коммунистической организации, ее агитационно-массовая работа среди горцев, не нашли достаточно полного освещения в указанных изданиях.

Содержательна популярная книга А. А. Тахо-Годи[3] по истории революционного движения в Дагестане. Но и она не лишена существенных недостатков, главным из которых является слабое освещение роли большевиков в мобилизации трудящихся края на борьбу за победу и упрочение Советской власти.

Большой интерес для анализа исторической обстановки в Дагестане накануне Великого Октября представляет введение к сборнику статей «Народы Дагестана»[4], написанное А. Д. Данияловым, в котором показано социально-экономическое положение трудящихся горцев на рубеже XIX—XX веков.

Освещается данный вопрос и в первых двух главах II тома «Очерков истории Дагестана», написанных Г. А. Аликберовым, посвященных Октябрьской революции и гражданской войне. Однако авторы «Очерка» недостаточно глубоко и полно показали руководящую роль Центрального, Кавказского краевого и Дагестанского областного комитетов партии в борьбе трудящихся горцев за диктатуру пролетариата.

Ряд вопросов истории борьбы трудящихся Дагестана за власть Советов затронут в работах Р. М. Магомедова, И. А. Гусейнова, З. И. Ибрагимова, Г. В. Хачапуридзе, П. Б. Мосесова[5] и других.

К сорокалетию Великого Октября изданы: сборник документов и материалов «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.» (М. 1958); «Труды» Дагестанского филиала

---

[1] И. Разгон, А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала. 1945.

[2] Н. Эмиров. Установление власти Советов в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. М. 1949.

[3] А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала. 1928.

[4] «Народы Дагестана». Сборник статей. М. 1955, стр. 5—23.

[5] Хотя эти авторы исследуют проблемы борьбы за власть Советов в других районах Закавказья (Азербайджан, Грузия), в их работах содержится немало материалов и по интересующему нас вопросу.

411516

Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (т. 1. Махачкала. 1957); биографические очерки о революционерах, воспоминания борцов за победу диктатуры пролетариата в Дагестане и другие книги, которые ввели в научный оборот новый архивный материал.

В освещении вопросов, связанных с характеристикой Дагестанской социалистической группы, автором данной статьи использована справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение истории борьбы за власть Советов в Дагестане. Опираясь на упомянутые выше работы и вновь выявленные документы, автор пытается осветить ряд вопросов, связанных с периодизацией истории Октябрьской революции и гражданской войны в Дагестане, социально-экономической и политической обстановкой накануне Октября, формированием большевистских организаций и их работой среди горцев, созданием Советов и борьбой большевиков за трудящиеся массы, организацией разгрома контрреволюционных сил в крае в годы гражданской войны и иностранной интервенции.

★

Трудящиеся Дагестана подвергались в дореволюционной России двойному гнету — царских колонизаторов и «своих собственных» эксплуататоров. В прошлом основные пахотные земли, пастбища, леса находились в руках беков, князей, помещиков, духовенства и казны. На помещичье хозяйство в среднем приходилось более 500 десятин земли[6]. Князьям Тарковским, клерикалу-помещику имаму Гоцинскому, царскому сатрапу Апашеву, бекам Казаналиповым и другим принадлежало более 200 тыс. десятин плодородной земли, зимние и летние пастбища. Около 5% хозяйств кулаков и помещиков владели более чем половиной всего скота, 3/4 всех горцев были безлошадными[7]. Середняки составляли около 20% всей массы крестьянства. В поисках заработка многие горцы были вынуждены уезжать в крупные промышленные центры России.

Накануне Октября в Дагестане феодальные отношения переплетались с капиталистическими. К 1917 г. в Дагестане уже сложился класс торгово-промышленной буржуазии, в состав которой входили представители как местных, так и русской и других национальностей. В дагестанскую промышленность проникал иностранный капитал. Так, в Дербенте существовала торговая контора монополистов США «Америка».

В Дагестане складывались кадры промышленного пролетариата преимущественно русской национальности. В Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре, на железнодорожном и водном транспорте, в рыбной промышленности было занято до десяти тысяч постоянных рабочих, не считая сезонных. Текстильная фабрика общества «Каспийская мануфактура», холодильные предприятия, механические, бондарные, канатный, пивоваренный и гвоздильный заводы, табачные фабрики, типографии и паровые мельницы, морской торговый порт и железнодорожный транспорт в Порт-Петровске, капиталистические предприятия в Дербенте, рыбная промышленность и т. д. были центрами концентрации рабочего класса. На этих предприятиях работали и дагестанцы, не порывавшие связей с горским населением. Кроме того, пролетарское влияние в крае усиливали рабочие, уходившие на заработки в Баку и Центральную Россию, а затем возвращавшиеся на родину. Таких рабочих было более 80 тысяч[8].

---

[6] И. Нахшунов. Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана. Махачкала. 1954, стр. 19.

[7] «Труды» Дагестанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 1. К сорокалетию Октября. Махачкала. 1957, стр. 41.

[8] «Обзор Дагестанской области за 1915 год». Темир-Хан-Шура. 1916, стр. 2

В целом же дореволюционный Дагестан был экономически отсталым районом. В 1913 г. на душу населения вырабатывалось промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем в промышленных районах царской России. Дагестан был отсталым и в культурном отношении: без малого на миллион населения имелось всего 60 сельских школ с 2 241 учащимся. Зато существовали 21 церковь и 1 593 мечети. На 60 тыс. жителей приходился один врач; медицинская помощь охватывала менее 4% населения; функционировали только 7 частных аптек [9].

В связи с неурожаем 1917 г. тяжелое материально-бытовое положение горцев еще более ухудшилось. Подвоз хлеба по железной дороге прекратился; голод принимал широкие размеры. «Дайте хлеба и спасайте от голодной смерти братьев-дагестанцев» [10],— писала большевистская газета. В крае свирепствовали эпидемии тифа, малярии, холеры, черной оспы, испанки.

Разноплеменность, разноязычие, наличие межнациональной розни создавали дополнительные трудности в борьбе за победу власти Советов в Дагестане.

После Февральской революции 1917 г. в Дагестане, как и во всей России, возникло двоевластие. Буржуазия, захватив при содействии меньшевиков и эсеров инициативу в организации различных «представительных учреждений», стремилась использовать результаты революции в своих классовых интересах. С целью сохранения власти беков, князей, офицерства, промышленников буржуазные националисты пытались даже спекулировать лозунгом большевиков о самоопределении наций вплоть до отделения и создания самостоятельных национальных государств.

9 марта 1917 г. в областном центре Темир-Хан-Шуре был образован временный исполнительный комитет, состоявший в основном из представителей буржуазии, меньшевиков, эсеров и буржуазно-националистических элементов [11]. На Владикавказском «общегорском съезде» в мае 1917 г. национальная буржуазия и помещики при содействии русской буржуазии и помещиков, проживавших в Дагестане, создали «Центральный комитет горцев Северного Кавказа и Дагестана» во главе с чеченским нефтепромышленником А. Чермоевым, крупным кабардинским капиталистом П. Коцевым, князем Н. Тарковским, генералом М. Карауловым и другими.

Временное правительство практически ничего не изменило на Кавказе. Во всех государственных учреждениях продолжали оставаться реакционеры. Указывая на это, бакинская газета сообщала: «Из провинциальных городов нашего края и уездов получены тревожные известия. Власть на местах захватывают люди, ничего общего с новым строем не имеющие» [12]. Более того, в Дагестане еще в апреле фактически сохранялась власть царского губернатора.

В марте — апреле 1917 г. в Дагестане по инициативе трудящихся были созданы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако первоначально в этих Советах большевики были представлены незначительно, и в них распоряжались эсеры и меньшевики. Так, в Порт-Петровский объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов было избрано лишь несколько большевиков: солдат А. Сельтенев, рабочие Г. Корнешов, Д. Атаев и другие.

Сразу же после Февральской революции в Порт-Петровске и Дербенте легализовались существовавшие там под названием кружков «правдистов» группы большевиков. Вскоре в Порт-Петровске была со-

---

[9] «Обзор Дагестанской области за 1913 год». Темир-Хан-Шура. 1915, стр. 46.

[10] Газета «Петровская жизнь», № 255, 10 декабря 1917 года.

[11] «Очерки истории Дагестана». Т. 2. Махачкала. 1957, стр. 9.

[12] Газета «Известия Совета рабочих и военных депутатов Бакинского района». № 8, 11 апреля 1917 г.; Н. Эмиров. Указ. соч., стр. 8; «Очерки истории Дагестана». Т. 2.

здана большевистская организация, в которую вошли У. Буйнакский, А. Сельтенев, Я. Коробов, Д. Атаев, К. Горбачев, Г. Корнешов, Ш. Таркинский и другие. Всего в городе насчитывалось несколько десятков большевиков, главным образом рабочих. Осенью 1917 г. здесь было создано городское бюро РСДРП(б) [13].

В Дербенте энергичную работу вела большевистская группа, возглавлявшаяся Д. Пугиным. К концу 1917 г. в группе насчитывалось около 50 человек. Дербентские большевики держали связь с Центральным Комитетом РСДРП(б), получали его руководящие указания [14].

Большевистские группы Дагестана в 1917 г., к сожалению, не были объединены в областном масштабе. Фактическим руководителем дагестанских большевиков был У. Д. Буйнакский, старейший член партии.

В это время в Дагестане имелись значительные революционные национальные силы, которые могли выступить против горской контрреволюции Гоцинского и К°. В мае 1917 г. в Темир-Хан-Шуре М. Дахадаев, М. Хизроев, Д. Коркмасов, А. Зульфукаров, С. Габиев и А. Тахо-Годи организовали Дагестанскую социалистическую группу, состоявшую преимущественно из горской интеллигенции. По своему социальному составу и политическим взглядам группа была далеко не однородной. Однако она сыграла известную роль в развитии революционного движения в Дагестане, особенно в период борьбы большевиков за превращение национально-освободительного движения горцев в резерв пролетарской революции в России. Среди организаторов группы были большевики, беспартийные социалисты, левые эсеры. Дагестанская социалистическая группа вела революционную работу среди трудящихся горцев [15]. Большевики использовали революционные силы группы в борьбе за подготовку и проведение социалистической революции в Дагестане.

Дагестанская социалистическая группа объединяла местные революционные национальные силы в Темир-Хан-Шуре и ряде округов. Во время выборов в Советы и учредительное собрание группа выступила со своим самостоятельным списком, отражая интересы главным образом горских трудовых крестьянских, мелкобуржуазных масс и демократической национальной интеллигенции. При неоднородности состава, разных политических убеждениях своих членов и отдельных тактических ошибках социалистическая группа имела «своей целью борьбу за интересы трудящихся Дагестана против помещичье-клерикальной и монархической контрреволюции Дагестана» [16]. Она решительно выступила против клерикалов и других контрреволюционных сил. Группа не имела ни оформленной программы, ни устава. В условиях, когда социалистической революции предстояло разрешать многие задачи буржуазно-демократического характера, действия этой группы имели известное революционное значение [17].

Разъясняя мотивы создания Дагестанской социалистической группы, один из ее лидеров, М. Дахадаев, говорил: «Среди нас есть и левые эсеры, есть и большевики, есть независимые социалисты, но нас было здесь всегда так мало, что количественно мы могли быть сильны лишь

[13] «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 32.

[14] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 130; ф. 60, оп. 2, ед. хр. 14, л. 9; журнал «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 40; «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь) 1917 г.». Сборник документов. М. 1957, стр. 18.

[15] «История гражданской войны в СССР». Т. 3. М. 1957, стр. 82; «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 19, 20.

[16] Б. О. Кашкаев, Х. М. Хашаев. Махач Дахадаев (1883—1917 гг.). Махачкала. 1957, стр. 10.

[17] В феврале 1919 г. на Первой конференции дагестанских коммунистов социалистическая группа была официально распущена, а члены ее, ставшие на позиции большевизма, были впоследствии в индивидуальном порядке приняты в ряды РКП(б) (Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 1, 2).

будучи объединенными в одну группу...»[18]. Местные революционные национальные силы много сделали для воспитания трудящихся горцев в духе пролетарского интернационализма, для развития у них чувства солидарности с великим русским народом, для укрепления братской дружбы народов Терека и Дагестана.

Для проведения среди трудящихся горцев всех национальностей политико-просветительной работы на родном языке в Темир-Хан-Шуре было создано большевиками Дагестанское просветительно-агитационное бюро. Его организаторы — У. Д. Буйнакский (председатель), Г. С. Саидов (заместитель), Х. О. Булач (секретарь), З. Н. Батырмурзаев, С. С. Казбеков, М. Т. Ахундов, А. Ф. Исмаилов, М. Далгат, Г. Далгат, А. К. Закуев и другие[19]. Издававшаяся этим бюро газета «Илчи» («Вестник») и прочие органы печати сыграли важную роль в политическом просвещении трудящихся.

Под руководством большевиков рабочий класс возглавил революционную борьбу в Дагестане. Рабочие текстильной фабрики «Каспийская мануфактура», железнодорожного и водного транспорта, бондарных заведений общества «Рыбак» и др. были застрельщиками забастовок и демонстраций против буржуазного Временного правительства, за установление подлинно народной власти.

Важную роль в революционном движении сыграли профессиональные союзы трудящихся. По инициативе передовых рабочих были созданы на предприятиях Порт-Петровска и Дербента рабочие комитеты[20], которые явочным порядком летом 1917 г. ввели 8-часовой рабочий день, заменили сдельщину повременной оплатой, установили твердую заработную плату, исходя из среднего заработка за последние месяцы работы, ввели контроль за производством и реализацией продукции, боролись с локаутами и т. п. Особенно активно рабочие комитеты действовали на бондарных заведениях капиталистов Тагиева, Наумкина и Абдулаева в Порт-Петровске.

Многочисленные организации профсоюзов существовали в Порт-Петровске у бондарей, металлистов, текстильщиков, полиграфистов, железнодорожников, табачников, водников. Порт-Петровский профсоюз ловцов по прямому указанию большевиков установил контроль над деятельностью рыбных промыслов капиталиста Тагиева[21]. Возглавлявшийся большевиком Л. И. Фрибусом профсоюз металлистов объединял рабочих всех промышленных предприятий города[22].

В мае 1917 г. дербентские большевики создали объединенную профсоюзную организацию, куда входило более тысячи рабочих-бондарей, рыбаков, строителей, кустарей и других. Председателем правления союза был большевик Д. Н. Пугин, членами правления — также большевики и им сочувствующие. Профсоюз неоднократно организовывал манифестации рабочих против антинародных действий Временного правительства[23].

Под воздействием русской революции на национально-освободительную борьбу поднялись веками угнетавшиеся крестьянские массы горцев. В создании боевого союза героического русского рабочего класса с горской беднотой, в развертывании революционного крестьянского движения в Дагестане огромную роль сыграли ленинские аграрная и национальная программы большевиков.

---

[18] Б. О. Кашкаев, Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 11.

[19] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.». Сборник документов и материалов. М. 1958, стр. 502.

[20] Центральный государственный архив (ЦГА) ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 64, лл. 16, 17, 18, 25.

[21] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 48—49.

[22] Этот профсоюз объединял рабочих не по производственно-территориальному, а по профессиональному признаку.

[23] ЦГА ДАССР, ф. 511-р, оп. 1, ед. хр. 40, л. 6.

Пролетарии Дагестана неоднократно обращались с воззваниями, обращениями к горскому крестьянству, призывая его углублять и расширять завоевания революции, бороться против горской монархической контрреволюции [24].

Большевики разоблачали кадетскую аграрную программу. Их требования конфискации помещичьих и национализации всех земель быстро доходили до трудящихся крестьян Дагестана, завоевывая их на сторону большевиков.

Реакционное духовенство, опираясь на мусульманскую религию и созданный на ее основе шариат, защищало интересы крупных землевладельцев, боролось против требований крестьян передать им казенные, помещичьи, бекские, мечетские и прочие земли. Большевики неустанно разоблачали реакционную политику буржуазных националистов. Однако эта борьба против буржуазных националистов была очень трудной. Она осложнялась тем, что широкие слои горцев находились под влиянием насаждавшейся десятилетиями реакционной идеологии кавказского мюридизма.

Летом 1917 г. был организован Союз рабочих и земледельцев Дагестана и его Совет. Они способствовали политическому просвещению, мобилизации горцев на борьбу за свое политическое и экономическое освобождение. Эта организация укрепляла союз рабочего класса с горской беднотой в борьбе за победу диктатуры пролетариата.

Под непосредственным влиянием российского революционного движения в Дагестане развернулись массовые крестьянские выступления, самочинные захваты горцами зимних пастбищ (кутанов), летних (горных) пастбищ, лесных и пахотных угодий, скота, мельниц, принадлежавших эксплуататорам. Феодалы были вынуждены обратиться за помощью к Временному правительству. Так, уже 24 апреля 1917 г. княгиня Тарковская подала жалобу на захват ее кутана крестьянами селения Шамхал Янги-Юрт [25]. 12 мая в предписании местных органов Временного правительства комиссару Кайтаго-Табасаранского округа в связи с захватом земли беков Табасаранских предлагалось применить по отношению к самочинно захватившим помещичьи земли крестьянам военную силу [26].

5 октября 1917 г. сообщалось о захвате кутанов беков крестьянами селения Марага [27]. Заявление поверенного общества селения Шамхал Янги-Юрт в Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов от 16 ноября 1917 г. об оказании поддержки крестьянской бедноте в захвате крупных владений беков, князей и офицерства говорит об огромной активности горцев в борьбе за землю [28]. Наиболее широко в революционном крестьянском движении в Дагестане участвовала крестьянская беднота Темир-Хан-Шуринского, Хасав-Юртовского, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов.

В борьбе за захват помещичьих земель горцы равнинного Дагестана получали помощь местных большевиков [29]. Крестьянские выступления в Дагестане и на Тереке приняли настолько широкий размах, что 4 октября Временное правительство заслушало доклад министра внутренних дел меньшевика Никитина о вооруженной борьбе крестьян в Грозненском, Веденском и Хасав-Юртовском округах, Терской области [30].

Огромное значение для развития революционного движения в Дагестане имели антивоенная пропаганда среди горцев и деятельность боль-

[24] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 22—24.
[25] Там же, стр. 24.
[26] Там же, стр. 25.
[27] Там же, стр. 34.
[28] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) Грузинской ССР, ф. 1, ед. хр. 108, л. 88.
[29] ЦГА ДАССР, ф. 610-р, оп. 1, ед. хр. 3, л. 17.
[30] «История гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1936, стр. 408.

шевиков в армии. Большевики Дагестана развернули в 220-м запасном пехотном полку в Порт-Петровске, а также в крепостных гарнизонах активную работу. Они часто выступали на ротных и полковых митингах, разъясняли программу и тактику партии. Революционные солдаты, в свою очередь, вели активную пропаганду среди горцев. Темир-Хан-Шуринский Совет солдатских депутатов 14 июня 1917 г. решил организовать специальные летучие отряды «в виду огромного значения пропаганды полезных идей среди народа». С этой целью была избрана комиссия из представителей Совета солдатских депутатов и областного исполнительного комитета, которая разработала план организации этих отрядов [31].

Пропагандируя отвечавшую чаяниям народа большевистскую программу по вопросам войны и мира, газета «Илчи» писала: «Народ увидел, что он обманут; люди, которые не хотят, чтобы народ эксплуатировался, выступили против войны... Как только свергли эксплуататоров, в русском народе появились люди, которые требуют свержения своих правителей, продолжающих войну; народ требует, чтобы власть перешла в руки народа» [32].

Важнейшие события русского революционного движения получали горячий отклик среди рабочих, горцев и солдат Дагестана. Так, весть об июльском расстреле Временным правительством мирной демонстрации рабочих в Петрограде вызвала гнев и возмущение горцев. В этой связи 4—5 июля 1917 г. большевики Дербента, Порт-Петровска и Темир-Хан-Шуры организовали митинг, манифестации против контрреволюционного Временного правительства [33]. На митинге в Дербенте, разоблачая меньшевиков и эсеров, выступили большевики И. М. Кобяков, Д. Н. Пугин, Поздеев, Е. Рабинович, А. Ю. Эрлих; в Порт-Петровске — Я. В. Коробов, А. П. Сельтенев, Л. И. Фрибус, У. Д. Буйнакский, Д. Атаев.

Еще сильнее обострилась борьба в Дагестане в период корниловщины. Корнилов рассчитывал в качестве ударной силы использовать два дагестанских конных полка. 30 августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре состоялся многолюдный митинг рабочих и солдат, на котором была принята по инициативе большевиков резолюция, характеризовавшая корниловщину как заговор против русской революции. Резолюция констатировала, что Корнилов опирался на черносотенные партии кадетов и октябристов [34].

Большевики Дагестана разоблачали и попытки контрреволюции созвать «предпарламент». Так, У. Д. Буйнакский, указывая на ожесточенную борьбу большевиков против кадетов, эсеров и меньшевиков в период «предпарламента», очень метко назвал его «домашним меджлисом», который «будет заниматься лишь пустословием и, тем самым, обманывать народ. Народ не хочет иметь подобные учреждения» [35].

Большевики Дагестана развернули работу по вооружению и подготовке трудящихся к борьбе против контрреволюционных сил Временного правительства. Последнее решило с помощью различных политических махинаций разоружить горцев. Против этой антинародной затеи выступили дагестанские революционеры М. Дахадаев, Д. Коркмасов, М. М. Хизроев и другие. «Революция,— говорил М. М. Хизроев,— дала нам свободу и с тем право защищать эту свободу и подозревать, что оружие нужно горцам для нападения на кого-нибудь или на железную дорогу,— это провокация, стремящаяся создать рознь между горцами и рево-

---

[31] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 29—30.

[32] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 31, лл. 1—3; газета «Илчи» («Вестник»), № 1, 3 июня 1917 года.

[33] «Известия Совета рабочих и военных депутатов Дербентского района», № 64, 16 июля 1917 года.

[34] Это сообщение подтверждается воспоминаниями старых большевиков, участвовавших в антикорниловском митинге в Темир-Хан-Шуре.

[35] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 35—36

люционной армией. Революция еще далеко не закончена, она продолжается, и на защиту ее нам нужно оружие. Настанет время, и само собой оружие станет ненужным; теперь же не может быть вопроса о разоружении» [36]. Затея реакционеров, пытавшихся разоружить горцев, была сорвана. Следует заметить, что против разоружения горцев выступил также и главарь имамовской контрреволюции Гоцинский. Однако его цели были прямо противоположны целям большевиков; Гоцинский стремился, опираясь на малосознательные слои горских трудящихся, использовать оружие против дальнейшего расширения и углубления революции в Дагестане.

Большевики вели активную борьбу против многочисленных контрреволюционных организаций в Дагестане. Кадеты имели влияние в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре и Дербенте. Газета «Петровская жизнь» 10(23) декабря 1917 г. напечатала полный текст ленинского «Декрета об аресте вождей гражданской войны против революции», а также правительственного сообщения «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым», где разоблачалась партия кадетов как партия врагов народа. Руководитель дагестанских большевиков У. Д. Буйнакский опубликовал в журнале «Танг Чолпан» статью, раскрывавшую монархическую сущность партии кадетов и ее лидеров Родзянко, Милюкова и К° [37].

Горская помещичье-клерикальная и буржуазно-националистическая контрреволюция выдвинула на арену борьбы политическую партию «Дагестанский мусульманский национальный комитет» («Милли-комитет»), сильную и влиятельную контрреволюционную организацию во главе с помещиком Д. Апашевым, клерикалом М. Дибировым, капиталистом М. Мавраевым, авантюристом С. Куваршаловым, имамом Гоцинским. Социальной базой этой партии являлись помещики, кулаки, местная торговая буржуазия, офицерство, беки, князья, мусульманское духовенство. Она опиралась на сравнительно крупные вооруженные силы горской контрреволюции, руководимые генералом Халиловым, князем Тарковским и другими представителями реакционной военщины.

Свои контрреволюционные цели партия «Милли-комитет» прикрывала консервативными догматами шариата. Утверждая, что рабочий, капиталист, батрак, бедняк, помещик, князь, кулак, бек — «все овцы единого пастыря», члены этой партии осуждали «посягательство на частную собственность».

После Февральской революции в Дагестане были созданы также организации эсеров и меньшевиков. Так, в Порт-Петровске эти организации возглавлялись Богдасаровым, Майоровым, Козловым, Извековым, Дорошинским, Сергеевым, Теньковским и другими [38]. Меньшевики имели свою организацию и в Дербенте во главе с Метрвели. В Темир-Хан-Шуре и Дербенте в 1917 г. существовали организации эсеров.

Как отмечалось выше, большевики Дагестана вели упорную борьбу против мелкобуржуазных соглашательских партий. Журнал «Танг Чолпан» подчеркивал, что члены этих партий хотели кормить народ красивыми фразами, но не могли и не хотели порвать с кадетами. «Это те,— писал журнал,— кто пытается сидеть одновременно на двух стульях. Они во многом недальновидны и поступают по пословице: «чтобы подправить бровь, выкалывают глаз» [39].

В октябре 1917 г. в России победила социалистическая революция, установилась диктатура пролетариата. В соответствии с ленинской политикой партии большевиков в национальном вопросе 2(15) ноября был

[36] Газета «Время», № 10, 28 июня (11 июля) 1917 года.

[37] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 35—36.

[38] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 14, л. 44.

[39] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 35.

опубликован документ величайшей исторической важности — «Декларация прав народов России», а 20 ноября (3 декабря) — обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Эти документы сыграли важную роль в привлечении трудящихся горцев на сторону Советской власти.

В Дагестане, где насчитывалось более трех десятков различных национальностей и этнографических групп, интернациональное воспитание масс составляло одну из главных задач большевиков. «Землероб, где бы он ни обрабатывал землю,— писал У. Д. Буйнакский,— окажется собратом и соратником рабочему, кто бы он ни был, на каком бы языке он ни говорил и какую бы религию он ни исповедовал, сей пробужденный новый боец протянет руку и скажет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ибо в единении и сознании себя — сила. Дагестанец уже на этом пути, и никакая сила не свернет его в сторону» [40].

Большевики прилагали много усилий для установления межнационального мира на Тереке и в Дагестане, создания интернационального единства трудящихся, укрепления боевого союза рабочего класса с беднейшей частью кавказских горцев для борьбы против помещичье-клерикальной буржуазно-националистической контрреволюции, за победу диктатуры пролетариата в крае.

Громадную роль в утверждении подлинного мира и братства на Тереке и в Дагестане сыграл Пятый съезд терских трудовых народов в 1918 г., руководящее участие в котором принял Г. К. Орджоникидзе. При проведении политической работы среди трудящихся горцев Кавказа большевики учитывали национально-бытовые особенности края: на съездах, собраниях, митингах они разъясняли политические вопросы трудящимся на их языках; большевики впервые в истории кавказских горцев выдвинули требование обучения в школах на родном языке. Благодаря умелой, самоотверженной работе большевиков было предупреждено несколько столкновений между различными национальностями, населяющими Дагестан и долину Терека, спровоцированных контрреволюционерами. Так, терские коммунисты во главе с С. М. Кировым предупредили в феврале—марте 1918 г. столкновение терских народов с казачьей беднотой.

25 октября 1917 г. под воздействием эсеро-меньшевистского большинства и органов контрреволюционного Временного правительства на Кавказе — «Особого Закавказского комитета» — Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов, обсудив на экстренном заседании вопрос о победе Октябрьского вооруженного восстания, не признал власти Советов. Лишь депутаты — большевики и максималисты (Сельтенев, Беличенко, Кушнарев, Хренов, Зыков, Ермошкин и др.) — высказывались за немедленное признание Советской власти [41]. Против установления Советской власти выступили также эсеры, меньшевики, дашнаки, сионисты (так называемый национальный комитет евреев города Дербента). Только после упорной борьбы большевиков Порт-Петровский Совет солдатских депутатов, заслушав доклад представителя Грозненского Совета делегата Второго Всероссийского съезда Советов Н. А. Анисимова, 7 (20) ноября 1917 г. признал власть Советов [42].

Большевистская фракция Порт-Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов решила по примеру Петрограда создать Военно-революционный комитет. 8 (21) ноября 1917 г. расширенное заседание Совета с участием широкого актива порт-петровского пролетариата избрало ВРК Порт-Петровска и его района, который фактически стал хозяином

---

[40] ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 31, л. 2; У. Д. Буйнакский. Политический мир. Журнал «Танг Чолпан» («Утренняя звезда»), октябрь 1917 г., № 4 (на кумыкском языке).

[41] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 41—43.

[42] Там же, стр. 44—45.

города. «В состав комитета вошли: Д. Атаев, У. Д. Буйнакский, А. Ф. Исмаилов, И. Котров, Д. Магомедов и другие. Комитет разослал своих представителей в горы поднимать трудящихся горцев на борьбу за Советскую власть» [43]. Руководитель дагестанских большевиков У. Д. Буйнакский, избранный председателем ВРК, на митинге трудящихся Порт-Петровска сказал: «Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами... ...Объявляя вам о создании Петровского Военно-революционного комитета, о создании Советской власти в Дагестане, я призываю вас сплотиться вокруг него и дать дружный отпор всем попыткам врагов Советской власти, помогать трудящимся строить свою жизнь, как они хотят» [44].

Победа Советской власти в районе Порт-Петровска привела в ярость горскую контрреволюцию. Вызвав с Западного фронта части «Дикой дивизии», она временно задержала утверждение диктатуры пролетариата в крае. Контрреволюционеры, обеспокоенные ростом влияния Порт-Петровского военно-революционного комитета на трудящихся горцев, решили созвать чрезвычайную сессию Дагестанского областного Совета с тем, чтобы провести решение о непризнании Советской власти. На эту сессию были приглашены представители духовенства, князья, беки и офицерство. Сессия открылась 23 января 1918 г. в Темир-Хан-Шуре. Наиболее реакционные круги, рассчитывая провозгласить в Дагестане шариатскую монархию во главе с имамом Гоцинским, стянули к городу националистические войска. Чтобы сорвать планы контрреволюции, большевики Дагестана организовали вооруженные отряды из рабочих и солдат Порт-Петровска, из городской бедноты и ввели их в Темир-Хан-Шуру [45].

Большевики Дагестана, порт-петровские максималисты и Дагестанская социалистическая группа выступили единым фронтом против горской контрреволюции. У. Д. Буйнакский, лидеры социалистической группы М. Дахадаев и Д. Коркмасов, а также максималист З. Захарочкин, выступая на заседаниях Совета, на митингах трудящихся, разоблачали замыслы социал-шариатистов Гоцинского и К°. Большевикам удалось убедить обманутых трудящихся горцев, находившихся в отрядах. Сам Гоцинский с небольшой группой своих приближенных вынужден был уйти в горы [46].

Однако вскоре, 13 марта 1918 г., по приказу реакционного Дагестанского областного исполнительного комитета имамовские банды Гоцинского подавили Советскую власть в Порт-Петровске и разогнали Военно-революционный комитет. Но господство этой банды, шедшей под зеленым знаменем мюридизма, продолжалось в районе Порт-Петровска недолго. Большевики привлекали на сторону Советской власти все более широкие слои трудящихся горцев; русский пролетариат подал горской бедноте руку братской помощи. В апреле на помощь трудящимся горцам прибыли экспедиционный отряд из Баку и отряд рабочих из Астрахани во главе с Буйнакским, Буровым и Ляховым. В конце апреля 1918 г. в Порт-Петровске была восстановлена Советская власть. В связи с напряженным положением в большинстве округов Дагестана Советская власть была установлена в форме ВРК. По инициативе У. Д. Буйнакского в областном центре Темир-Хан-Шуре был создан Дагестанский областной военно-революционный комитет в составе Д. Коркмасова (председатель), С. И. Габиева, Е. Г. Гоголева, М. Дахадаева, С. Казбекова, Г. С. Саидова, М. М. Хизроева, З. Н. Батырмурзаева, Г. Далгата,

[43] «История гражданской войны в СССР». Т. 3, стр. 82

[44] «Военно-исторический журнал», 1939, № 3, стр. 116

[45] «История гражданской войны в СССР». Т. 3, стр. 82; «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 33, 34.

[46] «История гражданской войны в СССР». Т. 3, стр. 82

А. Ф. Исмаилова и других, который возглавил борьбу за упрочение Советской власти в области [47].

Большую роль в закреплении первых успехов Советской власти в Дагестане сыграли созданные здесь комитеты РКП(б) и их деятельность в Советах рабочих, земледельческих (крестьянских) и красноармейских депутатов. Дагестанские городские комитеты партии, образованные в 1918 г. вместо существовавших групп большевиков, формально не были объединены в масштабе области, так как в то время не было обкома РКП(б). Однако Порт-Петровский, Дербентский, Темир-Хан-Шуринский городские комитеты РКП(б) поддерживали между собой связи. Деятельность коммунистических организаций в области по-прежнему координировал У. Д. Буйнакский.

В Порт-Петровскую коммунистическую организацию входили в 1918 г.: У. Д. Буйнакский, Д. Т. Казбанов (председатель городского комитета РКП(б)), Я. В. Коробов, В. Б. Архипов, Ш. Таркинский, Д. Атаев, Н. И. Ротенко, М. М. Колышкин, Г. Корнешов, Л. И. Фрибус, С. В. Лагода и многие другие [48]. В Порт-Петровске были образованы первичные организации РКП(б) на железной дороге, текстильной фабрике, бондарном заводе и т. д. 27 мая на общегородском партийном собрании был избран Порт-Петровский городской комитет РКП(б) [49].

В мае 1918 г. был создан городской комитет РКП(б) в Дербенте. Активными членами Дербентской коммунистической организации были: Д. Н. Пугин, К. М. Агасиев, А. Ю. Эрлих, Л. Ю. Эрлих, И. М. Кобяков, К. Мамедбеков, В. А. Бещенцев, Поздеев, Г. В. Канделаки, Г. Таги-Заде, Г. Стуруа и другие. Эта организация насчитывала в своих рядах 70 членов и более 100 сочувствующих [50]. Тогда же был образован и Темир-Хан-Шуринский комитет РКП(б), куда входили: А. Ф. Исмаилов, Е. Г. Гоголев, Г. Далгат, М. Далгат, А. Парпачев, Г. С. Саидов, С. Абдулхалимов и другие [51]. Темир-Хан-Шуринский комитет большевиков имел прямую связь с Центральным Комитетом РКП(б).

В это же время в Дагестане была образована сеть сельских небольших коммунистических групп, которые разъясняли бедноте цели и задачи РКП(б) и Советской власти [52]. Коммунистические группы, по свидетельству старого большевика С. И. Габиева, существовали в селениях Тюхчар, Шовкра, Кумух, Кази-Кумухского округа, а также Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай, Утемыш Аксай и других.

Комитеты РКП(б) и Советы Дагестана имели свои печатные органы. Они публиковали статьи В. И. Ленина, декреты Советской власти и другие актуальные политические материалы [53].

Значительную политическую работу среди горцев-мусульман проводили местные организации «Гуммет» («Энергия») и «Адалет» («Справедливость»), которые существовали в Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. Азербайджанская и дагестанская секции РКП(б) «Гуммет», а также иранская секция РКП(б) «Адалет» были в 1918 г. объединены с местными городскими дагестанскими коммунистическими ячейками [54].

---

[47] «История гражданской войны в СССР». Т. 3, стр. 82; «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 46.

[48] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 763, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3.

[49] Там же, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 14, лл. 6—7, 23.

[50] Газета «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», № 17, июнь 1918 года.

[51] ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, ед. хр. 57; ф. 135-р, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 43—44, 86—88.

[52] Там же, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 196, л. 45.

[53] См., например, газеты «Известия Совета народных комиссаров города Дербента», № 7, 12 мая 1918 г.; «Ишчи халк» («Рабочий народ»), № 3, 5 мая 1918 г.; «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», № 16, июнь 1918 года.

[54] Газета «Известия Темир-Хан-Шуринского Совета рабочих, земледельческих и красноармейских депутатов», № 19, 14 июля 1918 г.; ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 34, л. 25.

Большевики Дагестана прилагали немало усилий для установления межнационального мира среди трудящихся Терека и Дагестана, для объединения горцев и казачьей бедноты. Важную роль в решении этих задач сыграла деятельность Г. К. Орджоникидзе на посту чрезвычайного комиссара Совнаркома РСФСР на юге России; его речи, статьи, доклады пробуждали сознание трудящихся горцев [55].

В мае 1918 г. по указанию Кавказского краевого комитета РКП(б) из Баку в Дагестан была направлена группа коммунистов для организации Советской власти и усиления организационно-партийной и идеологической работы. В Дербент прибыла группа агитаторов-организаторов: К. М. Агасиев, Аникин, Г. Таги-Заде, В. А. Бещенцев, Г. В. Канделаки и др. В Дербенте была организована агитационная коллегия, которая проводила митинги и лекции о Коммунистической партии и Советской власти.

В Дагестане все шире развертывалось советское строительство. В Дербенте были созданы Комитет революционной обороны, Совет народных комиссаров и Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Дербента и его района. В конце мая в Порт-Петровске начал работу Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, первым председателем которого был избран У. Д. Буйнакский [56].

16 июня состоялось первое заседание Темир-Хан-Шуринского объединенного окружного и городского Совета депутатов. Излагая платформу РКП(б), А. Ф. Исмаилов говорил: «Мы потребуем, чтобы вся власть принадлежала трудовому народу и его исполнительному органу — Совету; мы объявляем беспощадную борьбу насильникам империалистам, эксплуататорам и буржуям, и нигде и ни в чем не допустим мы соглашательства, компромиссов или равнения вправо. Наша декларация — это декларация Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Социалистической республики... Дагестан может и имеет полное право на самоопределение, сообразно его бытовых, экономических, политических и географических условий, но исключительно на кристаллически чистых демократических началах. Для него, однако, должны являться обязательными декреты центрального Совнаркома, указанием коего в своей тактике имеет в виду все время пользоваться и местная коммунистическая партия большевиков» [57].

С помощью местных комитетов и Бакинской организации РКП(б) в мае — июне 1918 г. в Дагестане были созданы городские, окружные, участковые и сельские Советы [58]. 20—25 июля 1918 г. состоялся первый Дагестанский областной съезд Советов рабочих, земледельческих, красноармейских депутатов, который избрал областной исполнительный комитет Советов. Органы Советской власти в Дагестане имели прямые связи с Советом Народных Комиссаров РСФСР. Руководящую роль в Советах играли созданные в них коммунистические фракции.

Повсеместное образование Советов рабочих, земледельческих (крестьянских) и красноармейских депутатов встретило яростное сопротивление помещиков, кулаков, буржуазии и их агентов — эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, представителям которых удавалось еще проникать в Советы [59].

Советы, возглавляемые коммунистами, проделали значительную работу по борьбе с голодом, смягчению продовольственного кризиса. Го-

[55] «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», № 18, 23 июня 1918 г.; ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 1, ед. хр. 57; ф. 135-р, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 43—44.

[56] ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 55 и др.; Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 14, л. 47.

[57] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 135.

[58] ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, ед. хр. 7.

[59] «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», № 8, 19 мая 1918 года.

родской пролетариат был мобилизован на уборку хлеба, рыбную ловлю, изготовление джема и т. д. В связи с налетами контрреволюционных банд уборка хлеба в Дагестане зачастую проводилась под вооруженной охраной. В селениях равнинного Дагестана был организован обмен продуктов на промышленные товары (мануфактуру, керосин и т. п.). Летом 1918 г. проводилась также отправка продовольственных отрядов для реквизиции излишков продовольствия у эксплуататорских и зажиточных слоев. Были национализированы промышленные предприятия, началось налаживание их работы в сложных условиях военного времени.

Местные Советы осуществили ряд мероприятий по культурному строительству: начала развертываться сеть культурно-просветительных учреждений, появилась периодическая печать на русском и местных языках, налаживалось медико-санитарное обслуживание трудящихся и т. д.

Трудовое крестьянство, получив поддержку Советской власти, еще шире развернуло борьбу за землю, против беков и князей; в области были фактически отменены повинности крестьян в пользу беков [60].

В Дагестане на равнине была частично проведена земельная реформа, которая предусматривала отчуждение и социализацию земель помещиков, их доверенных и нетрудовых арендаторов [61]. Был разработан и осуществлен ряд мер по наделению землей горской бедноты. Темир-Хан-Шуринский Совет 30 июня 1918 г. опубликовал на всех горских языках воззвание о переходе казенных, бекских, помещичьих, мечетских земель в руки трудящегося народа [62].

Летом 1918 г. в равнинном Дагестане, а также частично в горах (Кюринском, Самурском, Кази-Кумухском, Даргинском, Кайтаго-Табасаранском округах) зимние пастбища (кутаны), пастбища в горах, пахотные земли, мельницы были национализированы и переданы в распоряжение Советов крестьянских депутатов. Значительная часть горских крестьян, в особенности бедноты, была наделена землей, ей были переданы также скот, хозяйственные постройки, леса, отобранные у эксплуататоров, а также рыбные промыслы. Так, трудящиеся крестьяне селения Чонт-аул (Темир-Хан-Шуринский округ) летом 1918 г. получили за счет бывшего рыбного промысла князей Казаналиповых 672 тыс. рублей.

Коммунисты Дагестана мобилизовали трудящихся горцев на борьбу против имамовских банд Гоцинского — Исмаил-Хакки-паши, которые летом 1918 г. начали военное выступление против Советской власти. Закавказье, Дагестан и Терек стали в тот период объектом ожесточенной борьбы двух групп империалистов — Антанты и германо-турецкой коалиции. Эти группировки стремились к захвату Кавказа и бакинской нефти, созданию здесь плацдарма для военной интервенции против Советской России.

В августе — сентябре 1918 г. в Советский Дагестан вторглись отряды ставленника империалистов Л. Бичерахова. Банды Бичерахова насчитывали более трех тысяч штыков и сабель, поддерживались артиллерией и двумя бронепоездами. На командных должностях у бичераховцев было много английских офицеров. По признанию Бичерахова, на содержание его отрядов было израсходовано более 100 млн. долларов [63].

Бичерахов был связан как с английскими, так и с американскими империалистами. В «Памятной записке» он сообщал Денстервилю о не-

---

[60] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 129.

[61] Газета «Известия Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Дербента и его района», 5 июля 1918 года

[62] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 154.

[63] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 3718, оп. 2, ед. хр. 45, л. 16; оп. 1, ед. хр. 7, лл. 1—44, 226, 229, 270—275; ед. хр. 13, л. 21; ед. хр. 6, л. 9.

обходимости докладывать американскому представителю «о финансах, о состоянии отряда и т. д.»[64].

Против объединенных сил иностранных интервентов и имамовской контрреволюции героически выступили вместе с Красной Армией и горцы. Части Дагестанской Красной Армии покрыли себя неувядаемой славой в ожесточенных кровопролитных боях против бичераховских белогвардейцев в районе Дербент — Манас, Порт-Петровск[65].

Но неравная борьба против белогвардейцев кончилась падением Советской власти в Дагестане в сентябре 1918 г. и установлением военной диктатуры Бичерахова — Тарковского.

Занятие Порт-Петровска Л. Бичераховым гарантировали представители США, Англии и Франции. Сделка была совершена между Бичераховым, командующим английскими войсками в Северной Персии генерал-майором В. М. Томсоном, французским военным агентом полковником Шардинье и представителем США Вильбергом[66].

Временное падение Советской власти в Дагестане объяснялось превосходящими военными силами противника, недостатком вооруженных сил в Советском Дагестане летом 1918 г., относительной слабостью пролетарской прослойки в области, отсутствием достаточного опыта руководства массами и организации отпора врагу у Порт-Петровского, Дербентского, Темир-Хан-Шуринского комитетов РКП(б) и Дагестанского областного исполнительного комитета Советов. Необходимо также учитывать падение Бакинской коммуны и временные успехи контрреволюции на Тереке.

Однако господство бичераховцев продолжалось недолго. Вскоре в Дагестан вторглись германо-турецкие интервенты, которые изгнали бичераховских белогвардейцев. На штыках турецких аскеров в ноябре 1918 г. в Темир-Хан-Шуру прибыло «горское правительство», которое заменило военную диктатуру Бичерахова — Тарковского. Это «правительство» было организовано в мае 1918 г. в Тифлисе. В его состав входили: чеченский нефтепромышленник А. Чермоев (премьер-председатель), Г. Бамматов, З. Темирханов, Р. Капланов, П. Коцев, В. Джабагиев и другие. В конце ноября 1918 г., после поражения Германии в войне, на смену германо-турецким интервентам в Дагестан пришли войска Антанты, на службу к которым перешло и «горское правительство».

Коммунисты разоблачали контрреволюционные цели оккупантов, вселяли в сердца трудящихся уверенность в победе над оккупантами и их ставленниками[67].

Пятый съезд трудовых народов Терской области, работой которого руководил Г. К. Орджоникидзе, обсудив вопрос об отношении к «горскому правительству», решил, что «революционные силы сокрушат железом и огнем так называемое горское чермоевское правительство, несущее рабство трудовым горцам и идущее отнять у горцев землю и установить ханство на горбах горских и казачьих землеробов, как сокрушили терские трудовые народы моздокское бичераховское гнездо»[68].

Деятельность «горского правительства» вызывала у трудящихся горцев открытое возмущение; они вели активную борьбу против его антинародной политики, не признавали власти этой марионетки империализма. Население повсюду бойкотировало «горское правительство». На 5 ноября этим «правительством» были назначены выборы в учредительный съезд Дагестана, но горцы не выбрали ни одного делегата[69].

О настроениях горцев красноречиво говорила информация Народ-

[64] Там же, оп. 2, ед. хр. 24, л. 141.
[65] Там же.
[66] Там же, ф. 446, оп. 4, ед. хр. 41, лл. 78, 80, 81, 89—90.
[67] Газета «Народная власть», №№ 172 и 174, 3 и 6 декабря 1918 года.
[68] «Народная власть», № 174, 6 декабря 1918 года.
[69] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 108, оп. 1, ед. хр. 62-с, л. 71; ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 569, лл. 44—46.

ного комиссариата по делам национальностей от 28 декабря 1918 г., в которой подчеркивалось, что горцы «тяготеют к Советской России и ведут борьбу со всеми ее противниками»[70].

Центральный Комитет РКП(б) и Советское правительство во главе с В. И. Лениным оказали военную, политическую и экономическую помощь кавказским горцам в борьбе против иностранных интервентов и белогвардейцев. Так, в телеграмме от 24 апреля 1919 г. Астраханскому реввоенсовету В. И. Ленин настоятельно просил ускорить освобождение города Порт-Петровска[71]. Для реализации ленинского указания был составлен оперативный план боевых действий XI армии на Северном Кавказе и в Дагестане[72]. В Наркомнаце был создан отдел горцев Северного Кавказа, в который вошли Буйнакский, Альтемиров, Кубатиев и другие[73].

ЦК РКП(б) через Астраханский губернский комитет партии и члена РВС XI армии С. М. Кирова, находившегося в Астрахани, принял меры по организации дагестанского большевистского подполья. Важное значение в борьбе за восстановление Советской власти в области имела Дагестанская подпольная партийная (Кумторкалинская) конференция, состоявшаяся 29 февраля 1919 г., создавшая единый руководящий центр— подпольный областной комитет РКП(б) — во главе с У. Буйнакским (члены обкома: М. Далгат, С. Габиев, С. Абдулхалимов, А. Исмаилов, Д. Атаев, З. Батырмурзаев и др.).

Протестуя против антинародных действий «горского правительства», трудящиеся Дагестана объявили в апреле — мае 1919 г. политическую и экономическую забастовку. Ее застрельщиками были железнодорожники Владикавказской дороги, которых поддержали железнодорожники Порт-Петровска, Петровск-Кавказского, Дербента, Темир-Хан-Шуры, проявившие большое упорство в борьбе против «горского правительства». Председателем Дагестанского железнодорожного стачечного комитета был избран С. Дрожжин[74]. 1 мая 1919 г. в Порт-Петровске состоялась демонстрация рабочих, требовавших установления Советской власти[75]. К забастовке примкнули почтово-телеграфные служащие[76], рабочие-текстильщики, бондари, рыбаки, строители и т. д. Под руководством Дагестанского обкома РКП(б) был создан Центростачком (Я. Коробов, Л. Фрибус, С. Дрожжин, В. Архипов и др.), объединивший руководство забастовочным движением в Дагестане. Центростачком предъявил «горскому правительству» ультиматум: произвести перерасчет 70% надбавки с 1 января по 1 марта 1919 г. на оклады, полученные почтово-телеграфными служащими с 10 октября 1918 г., дать гарантии не сокращать штатов, не делать переводов в другие учреждения без серьезной надобности, и т. д., и т. п.[77]. Министерство почт, телеграфа и путей сообщения «горского правительства» отказалось удовлетворить требования трудящихся. На это дагестанский пролетариат ответил усилением борьбы за осуществление своих требований.

Славные бакинские рабочие подали трудящимся Дагестана руку братской помощи в их борьбе против «горского правительства».

Под руководством Кавказского краевого комитета РКП(б) бакин-

[70] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 199.

[71] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 317.

[72] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 212—214.

[73] ЦГАОР и СС, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 82, лл. 24, 25.

[74] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 207—208, 211.

[75] ЦГА ДАССР, ф. 621-р, оп. 1, ед. хр. 43, лл. 17, 18; газета «Набат», № 9, 5 мая 1919 г.; Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп 1, ед. хр. 41, лл. 1—3.

[76] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 218.

[77] Там же, стр. 217, 218, 219.

ские пролетарии парализовали попытки оккупантов перебросить морем в Порт-Петровск английские войска на помощь горским контрреволюционерам. Моряки Каспийского флота отказались перевозить англичан в Дагестан, а Владикавказская железная дорога не работала. Моряки Баку объявили забастовку 5 мая 1919 года. «Стачка, — писали бакинские коммунисты, — началась, и началась она раньше потому, что мы хотели помешать 5 мая погрузить эшелоны для отправки в Дагестан против революционных горцев» [78]. В донесениях командования британских войск также сообщалось, что переброска соответствующих контингентов войск не состоится из-за большевистской железнодорожной забастовки [79].

По указанию Кавказского комитета РКП(б) в начале мая 1919 г. в Баку был проведен «День Дагестана». Лишь в течение 3 мая было собрано 10 тыс. руб. «на помощь революционному Дагестану» [80]. Бакинские рабочие организовали забастовки солидарности с дагестанским пролетариатом [81].

Действуя по указаниям держав Антанты, «горское правительство» расчистило путь к захвату Дагестана деникинцами [82]. Оккупанты отдали Порт-Петровск и его район деникинским войскам, заблаговременно создав здесь прочную оборону [83]. В мае 1919 г. в Дагестан вторглись деникинские банды, которые разогнали «горское правительство» и стали возрождать великодержавную политику царизма. Деникинцы опирались в Дагестане на беков, князей, помещиков, капиталистов, царских офицеров, а также на контрреволюционную часть мусульманского духовенства, возглавлявшуюся Гоцинским. Оружие деникинцы получали от оккупантов, прежде всего от англичан [84].

Еще 13 мая 1918 г. «горское правительство» арестовало членов подпольного Дагестанского обкома РКП(б) У. Буйнакского, А. Исмаилова, М. Алиева, О. Лещинского, А. Гаджи-Магома оглы, С. Абдулхалимова и других и передало их на растерзание деникинским палачам. Это серьезно затруднило дальнейшую деятельность большевиков в Дагестане. Об этом специально говорилось в письме члена бюро Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микояна от 22 мая 1919 года [85].

Однако борьба дагестанских трудящихся против белогвардейцев, за восстановление Советской власти не ослабла. Деникинцы показали себя как разбойничья банда наемных сил Антанты: белогвардейцы сожгли аулы Кадар, Доргели, Губден, разрушили артиллерией свыше 33 населенных пунктов. Даже деникинская газета, будучи не в состоянии скрыть причины массового недовольства белогвардейцами, сообщала: «То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей — при родителях, сестер — при братьях» [86].

Центральный Комитет РКП(б), Советское правительство и лично В. И. Ленин призвали трудящихся горцев к борьбе против деникинщины. Кавказский краевой комитет РКП(б) писал в своем обращении, что он «предлагает всем партийным организациям немедленно мобилизовать всех членов партии и сочувствующих, вооружив их во что бы то ни стало, и держать готовыми по первому приказу комитета к выступлению на фронте. За дело, товарищи!» [87].

[78] «Набат», № 13, 18 мая 1919 года.
[79] ЦГАОР и СС, ф. 1502, ед. хр. 3-б., л. 314.
[80] Газета «Рабочее знамя», № 14, 5 мая 1919 года.
[81] Газета «Известия Центростачкома г. Баку и его района», № 1; 7 мая 1919 года.
[82] Деникинская газета «Вестник Дагестана», № 2, май 1919 года.
[83] ЦГАОР и СС, ф. 1502, ед. хр. 22, л. 325; ф. 449, ед. хр. 3-а, л. 36
[84] Там же, оп. 1, ед. хр. 3-а, л. 219.
[85] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 224.
[86] «Вестник Дагестана», № 21, 1919 года.
[87] Газета «Горская беднота», 24 января 1919 года

Рабочие, горская беднота и батрачество были опорой Советской власти в Дагестане с первых же дней ее победы. В ходе борьбы против «горского правительства», германо-турецких оккупантов и империалистов Антанты в конце 1918 и начале 1919 г. среднее крестьянство Дагестана также перешло на сторону Советской власти. Середняк-горец увидел, что интервенты и белогвардейцы забирают землю, отобранную крестьянами у беков, помещиков, князей, казны и мечетей.

Для помощи Красной Армии, героически сражавшейся против войск Деникина, необходимо было организовать всенародное восстание трудящихся Дагестана против белогвардейцев[88]. Дагестанским обкомом РКП(б) еще весной 1919 г. были созданы подпольные вооруженные отряды в селениях Дженгутае, Кадаре, Доргели, Казанище, Чиркее, Кумторкале и т. д.[89]. В Темир-Хан-Шуринском, Хасав-Юртовском, Кази-Кумухском, Даргинском, Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Самурском, Андийском, Аварском и Гунибском округах коммунисты вербовали добровольцев в Народно-революционную армию свободы. Во всех крупных населенных пунктах создавались штабы для вооруженной борьбы против деникинцев. Так, в донесении начальника Кази-Кумухского округа говорилось: «Партия большевиков создала военный штаб и собирает войска»[90].

Горцы подняли вооруженное восстание как раз в тот момент, когда Деникин имел на фронте наибольший тактический успех. В информационном сообщении политотдела XI армии отмечалось, что в Дагестане подготовлены крупные вооруженные силы для борьбы против деникинщины. Кавказский крайком РКП(б) сообщал в июле 1919 г. Реввоенсовету XI армии об антиденикинских настроениях, о существовании коммунистических организаций в городах и округах Дагестана, о создании вооруженных сил для борьбы против деникинщины. «Мобилизация,— сообщал крайком партии,— идет под лозунгом «Борьба за Дагестан и за свободу»[91].

Огромное значение для дальнейшей борьбы против деникинцев в Дагестане имело решение пленума Кавказского краевого комитета РКП(б) (1 сентября 1919 г.) о восстановлении Дагестанского обкома РКП(б) в составе: Д. Коркмасова (председатель), С. Казбекова, И. Аминтаева, Я. Коробова, Г. Далгата, М. Далгата, И. Махмудова, Д. Атаева и других[92]. На освобожденной от белогвардейцев территории был организован во главе с членом обкома РКП(б) С. Казбековым Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана, который явился высшим органом Советской власти в крае; Совет обороны имел в округах своих особых уполномоченных.

Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана и областной комитет РКП(б) при создании регулярных частей Народно-революционной армии свободы руководствовались твердой инструкцией по мобилизации— «Законом о наборе в Красную Армию»[93]. В освобожденных округах были созданы штабы армии свободы. Главный штаб помещался в освобожденном от врагов селении Леваши.

Городской пролетариат явился ведущей силой народно-революционной войны в Дагестане.

На оккупированной деникинцами территории коммунисты не прекращали подпольную партийно-политическую работу. Так, 29 октября

---

[88] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 108, ед. хр. 3, л. 36.

[89] ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, ед. хр. 27, л. 14.

[90] Там же, л. 13.

[91] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, ед. хр. 2/91, л. 7.

[92] ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 167, л. 4; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 278—279.

[93] ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, ед. хр. 139.

1919 г. в Порт-Петровске был создан подпольный комитет РКП(б) в составе: В. В. Яковлева («Волк») — председатель, И. И. Торгашина («Белый») — товарищ председателя, А. К. Нерченко («Персиянин») — секретарь, Кайтукаева («Черный») — казначей. Активную роль по отправке из Порт-Петровска в горы работников сыграл Темрюк (из сел. Тарки). Основные силы подпольной организации РКП(б) сосредоточивались на текстильной фабрике и на железной дороге. Пять первичных комячеек на предприятиях Порт-Петровска, объединявшихся горкомом РКП(б), проделали значительную работу по мобилизации народных сил в тылу Деникина [94]. В одном только Порт-Петровске было подготовлено подпольным комитетом РКП(б) более трех тысяч бойцов [95]. В короткий срок Народно-революционная армия свободы выросла во внушительную силу. Она насчитывала в своих рядах более 15 тыс. штыков и сабель [96]. На многочисленных митингах и сходах горцы поклялись не складывать оружия, твердо защищать честь и достоинство свободолюбивого дагестанского народа от нашествия деникинских войск [97].

Первый период народной войны в Дагестане, связанный с наступлением партизанских отрядов летом 1919 г., характеризовался разрозненными действиями революционных сил против регулярных войск Деникина. Партизанские отряды Г. Саидова, А. Багатырева, В. Гавриленко и других показали в летних боях 1919 г. образцы храбрости и героизма. Они «героически сражались, героически умирали, но не давали возможности черной опасности перешагнуть эту узенькую полосу между Тереком и Сулаком» [98].

Однако первое дагестанское антиденикинское восстание под ударами превосходящих сил противника потерпело поражение. Но боевой революционный дух горцев, руководимых большевиками, не пал. Они увидели, что с деникинцами надо воевать более организованно и упорно. «Горцы глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной Армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...» [99] — писал С. М. Киров.

Поводом для второго вооруженного восстания в Дагестане послужил приказ Деникина о насильственной мобилизации горцев в «добрармию». Горцы не только не дали Деникину ни одного солдата, но и подняли всенародное восстание, которое возглавили большевики. Антиденикинское выступление началось в Даргинском округе. Встреченные огнем куппинских партизан, а также обстреливаемые салтынцами с тыла, деникинцы частью были перебиты, частью взяты в плен. Ожесточенные, кровопролитные бои кюринских партизанских отрядов во главе с А. Мурсаловым, а также с большевиками Т. Юзбековым, А. Акимовым и М. Сефикулиевым в течение 24—26 августа 1919 г. завершились освобождением окружного центра Касумкента и полным разгромом деникинского гарнизона [100].

Настоящий переполох в белогвардейском стане вызвал разгром деникинцев в сентябре 1919 г. в ущелье Ая-Кака Даргинского округа. Даргинские герои сумели окружить и истребить полк отборных деникинских войск, шедших «для усмирения непокорных горцев» Даргинского, Кази-Кумухского, Аварского, Гунибского, Андийского округов. Этот полк на-

---

[94] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 322—324, 325—326.

[95] Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГА ВМФ), ф. 232, оп. 1, ед. хр. 69, л. 73 об.

[96] Там же, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 30, л. 10 об.

[97] Там же, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 69, л. 5.

[98] «Набат», № 10, 6 мая 1919 года.

[99] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 284; «Правда», 9 сентября 1919 г.; «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 74.

[100] ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 118, лл. 3—4.

считывал 1 200 штыков при 37 пулеметах и 6 дальнобойных и горных орудиях. Повстанцы захватили много вооружения, боеприпасов и продовольствия. Об этой победе горцев над деникинцами С. М. Киров сообщил в Москву В. И. Ленину [101].

Вскоре восстание охватило весь Дагестан: не было ни одного населенного пункта, не давшего пополнения в ряды красных партизан. В докладе Кавказского краевого комитета РКП(б) Центральному Комитету партии сообщалось, что «Дагестан объят восстанием. Восстание начато Даргинским округом. К нему присоединились 7 округов» [102].

Общая численность армии свободы Дагестана к 17 сентября 1919 г. достигла 15 тыс. бойцов [103]. Главные ее силы действовали в районах: Леваши — Дешлагар — Утемыш — Уркарах — Акуша (даргинские и кумыкские отряды); Араканы — Гергебиль — Салта — Хаджал — Маки (аварские и даргинские объединенные отряды); Тлох — Гимры (аварские отряды); Касумкент — Ахты (лезгинские отряды) и Кумух (лакские отряды) [104].

В результате разгрома деникинских гарнизонов в различных пунктах Дагестана было уничтожено 3 тыс. белогвардейцев [105].

В начале осени 1919 г. восстание народов Дагестана против Деникина поддержали и другие народы Кавказа — ингуши, чеченцы и кабардинцы. В партизанских отрядах одних только чеченцев насчитывалось до 10 тыс. штыков и сабель [106]. 28 сентября под Грозным разыгралось крупное сражение горцев и повстанческих частей с четырьмя полками корпуса Шкуро, переброшенными специально для подавления горского населения [107]. Разгромив войска карателей, повстанцы захватили 28 орудий, 31 пулемет, 4 тыс. винтовок, большое количество патронов; было изрублено и взято в плен 800 человек. Остатки деникинцев отступили к Кизляру.

Дагестанский обком РКП(б) и Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана получили в конце 1919 г. для вручения армии свободы доставленное через линию фронта боевое Красное знамя с надписью: «Боевым красным горцам Дагестана от Всероссийского ЦИК» [108]. Огромную роль в развертывании партизанской войны на Северном Кавказе сыграли местные подпольные парторганизации Ставропольщины, Кубани и других мест. «По вашему требованию, — писал С. М. Киров из Астрахани в ЦК РКП(б), — нами направлены люди в Баку, Дагестан, на Северный Кавказ и в Закавказье, в Гурьев и Мугань, в Армавир и на восточное побережье Черного моря. Результаты их работы уже видны. Вся территория, куда выехали наши люди, пылает заревом партизанского движения» [109].

В сентябре 1919 г. Дагестанский обком РКП(б) обратился к трудящимся Дагестана с призывом усилить борьбу против деникинских орд. В обращении говорилось, что война против деникинцев есть война против контрреволюции, что победа Деникина будет означать торжество врагов революции. Горцам сообщалось, что доблестные советские войска идут с боями из России на юг для оказания им помощи [110].

---

[101] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 308—309.

[102] Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 24, ед. хр. 7, л. 1.

[103] ЦГАОР и СС, ф. 3411, оп. 1, ед. хр. 3, л. 220.

[104] Там же, оп. 1, ед. хр. 3, л. 193.

[105] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 319.

[106] ЦГАОР и СС, ф. 3411, оп. 1, ед. хр. 3, л. 220.

[107] Там же, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 561, л. 624.

[108] Знамя экспонируется в Дагестанском государственном краеведческом музее.

[109] Цит. по И. Кондрашев. С. М. Киров — организатор большевистского подполья в тылу у Деникина. Журнал «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 19.

[110] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 279—282.

Коммунисты Дагестана в своей борьбе опирались на постоянную поддержку всей партии. Они через Баку регулярно получали партийную литературу. Брошюры, книги и газеты поступали в обком и окружкомы РКП(б), а также в Дербентский фронтпартком [111].

Кавказский краевой комитет РКП(б), неоднократно направляя в Дагестан своих лучших работников (В. И. Нанейшвили, Б. П. Шеболдаева, С. Казбекова, Г. Султанова и многих других), постоянно оказывал всестороннюю помощь Дагестанской коммунистической организации.

Коммунисты Дагестана имели тесные связи с Реввоенсоветом XI армии через Б. П. Шеболдаева [112]. В письме от 12 марта 1920 г. он писал в политотдел XI армии о необходимости дополнительной денежной помощи горцам Дагестана в размере 20—30 млн. руб. для подготовки третьего этапа восстания — решительного наступления против деникинских войск.

С октября 1919 г. Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана возложил на своих чрезвычайных уполномоченных в округах исполнение функций Советской власти [113]. С этой целью Дагестанский обком и Кавказский краевой комитет РКП(б) командировали в округа ответственных партийных, советских и военных работников. В их задачу входила организация выборов в Советы в местах, освобожденных от деникинцев, при всемерном обеспечении классово-пролетарской политики [114].

Однако без помощи Советской России горцы Дагестана не могли быть освобождены от деникинского гнета. В. И. Ленин подчеркивал необходимость создания теснейшего союза всех народов нашей страны в борьбе против нашествия иностранных интервентов и внутренних белогвардейцев, ибо «поодиночке нам, наверное, не справиться» [115].

Кавказский краевой комитет РКП(б) подробно информировал ЦК РКП(б), Совет Народных Комиссаров РСФСР и лично В. И. Ленина о политическом положении в Дагестане, о действиях различных политических партий, о деятельности Дагестанской коммунистической организации по мобилизации трудящихся горцев на борьбу против деникинщины, о задачах организации Советской власти в крае, о положении на дагестанском антиденикинском фронте, о формах и методах формирования Дагестанской народно-революционной армии, об общем положении дел на Тереке и Северном Кавказе [116] и т. д. Крайком партии обращался в Центральный Комитет РКП(б) с просьбой оказать денежную помощь народной войне горцев в тылу Деникина. Краевой комитет просил Советское правительство выслать на нужды фронта 215 млн. руб., а также оружие и боеприпасы для обеспечения дагестанского повстанческого движения. По указанию члена бюро Кавказского краевого комитета РКП(б) А. И. Микояна горцам было направлено вооружение и оказана денежная помощь [117].

По поручению ЦК РКП(б) и Советского правительства Реввоенсовет XI армии с ноября 1919 г. принял на свое довольствие Дагестанскую народно-революционную армию свободы [118]. РВС XI армии сразу же прислал в распоряжение Кавказского краевого комитета РКП(б) 3 млн.

---

[111] ЦГАОР и СС, ф. 3611, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 17—22.

[112] Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 13, оп. 25, ед. хр. 24, л. 8. Б. П. Шеболдаев — член Кавказского краевого комитета и Дагестанского обкома РКП(б) — был представителем Реввоенсовета XI армии в Дагестане, организатором партизанской борьбы в деникинском тылу; он пользовался большой популярностью у трудящихся Дагестана.

[113] ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, ед. хр. 33, лл. 1, 2, 5, 19, 33.

[114] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 6, л. 64.

[115] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 272

[116] Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 24, ед. хр. 7, лл. 1—2, 2—5, 6—7, 8—14; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 302—308, 325.

[117] Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 24, ед. хр. 7, лл. 14—26.

[118] Там же, л. 14.

руб., предназначенных для «северокавказских и дагестанских повстанческих организаций» [119]. В конце ноября С. М. Киров направил еще 5 млн. руб. для тех же целей; при этом он писал в Кавказский краевой комитет РКП(б): «Необходимо вам принять все меры к снабжению деньгами горцев. На этом особенно настаивает тов. Ленин» [120]. В следующем письме С. М. Киров еще раз напоминал о том, что «ЦК забрасывает нас запросами, а мы сами ничего не знаем. В чем дело?.. Снабжайте горцев — по возможности больше». В конце 1919 г. С. М. Киров сообщил, что «из Москвы нажимает Ильич, что нами сделано для горцев?» [121]. Из телеграммы С. М. Кирова члену Реввоенсовета республики К. Механошину от 7 декабря 1919 г. явствует, что с В. И. Лениным велись переговоры по конкретным вопросам дальнейших наступательных операций XI армии с целью освобождения Северного Кавказа и Дагестана от белогвардейцев. В телеграмме С. М. Кирова говорилось: «Нас крайне интересует судьба вопросов, переданных Вам в записке. Очень просим, чтобы Вы сообщили результаты переговоров с тов. Лениным» [122].

Выполняя указания Ленина, Кавказский краевой комитет РКП(б) отправил в Дагестан военных специалистов, которым были даны указания организовывать регулярные части. Кроме того, повстанцам Дагестана была оказана разнообразная помощь: людьми, деньгами и т. д. По распоряжению крайкома были отправлены туда артиллеристы, пулеметчики, подрывники, командный состав [123]. Для организации партийной работы были посланы военно-политические работники [124].

Братскую руку помощи подал восставшему революционному Дагестану бакинский пролетариат. Более 500 бакинцев храбро сражались вместе с русскими и дагестанскими братьями против войск Деникина. Бакинский комитет РКП(б) для оказания материальной поддержки Дагестану неоднократно проводил «День красного Дагестана». Бакинские коммунисты организовывали сбор теплых вещей и подарков для дагестанских бойцов, устраивали митинги и собрания во всех рабочих клубах. Только в январе 1920 г. в помощь Народно-революционной армии свободы было собрано более 20 тыс. рублей.

На священную войну против деникинских белогвардейцев поднялись мужчины и женщины, старики и молодые. В своем докладе на пленуме Астраханского городского Совета депутатов и губисполкома об усилении борьбы против Деникина С. М. Киров говорил: «Все находятся сейчас там в рядах революционных войск. Поднялся, буквально, весь народ. Женщины-туземки (горянки.— *Б. К.*) помогают бойцам... По примеру ингушей мы скажем международным бандам: «Выставьте против нас хоть по два танка, мы не погибнем» [125].

В связи с победоносными боевыми операциями войск Южного и Юго-Восточного фронтов против деникинцев готовила решительное наступление и армия свободы. Вскоре после взятия войсками Красной Армии Новочеркасска и Ростова Юго-Восточный фронт (командующий — М. Н. Тухачевский и член РВС — Г. К. Орджоникидзе) был переименован в Кавказский. Из состава XI армии Кавказского фронта выделялись силы, которым поручалось освобождение Дагестана от деникинцев.

В связи с задачей освобождения Северного Кавказа от деникинщины был создан Кавказский революционный комитет, при котором дей-

---

[119] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 4, ед. хр. 3, л. 6.
[120] «Очерки истории Дагестана». Т. 2, стр. 79.
[121] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 3, ед. хр. 4, лл. 40—46.
[122] Там же, ед. хр. 39946.
[123] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 317.
[124] ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, ед. хр. 149, л. 11.
[125] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 321.

ствовал горский отдел. Предвидя скорое освобождение Дагестана, политотдел XI армии открыл специальные курсы для подготовки национальных кадров из дагестанцев-бойцов [126].

Всенародное восстание в тылу деникинских войск, поднятое трудящимися Дагестана, имело серьезное значение. Белогвардейцам пришлось оттянуть на его подавление значительное количество сил, предназначенных ранее для наступления на Москву и Астрахань [127]. Так, только в районе Порт-Петровска было сконцентрировано более 5 тыс. деникинцев, ряд военных кораблей, авиация и артиллерия [128]. В. И. Ленин писал в октябре 1919 г.: «...мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина» [129].

Наступательные операции войск XI армии развернулись в тесном взаимодействии с партизанскими силами Дагестана. 25 марта 1920 г. части армии свободы освободили Дербент и Темир-Хан-Шуру, 30 марта — Порт-Петровск, в боях за который совместно действовали части XI армии и бойцы армии свободы. Оказывая громадную помощь народам Кавказа в борьбе с контрреволюцией, Коммунистическая партия и Советское правительство вместе с тем проявляли особую заботу об уважении прав и обычаев местного населения. В телеграмме В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе по этому поводу говорилось: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще» [130].

Объединенными силами XI армии и частей Народно-революционной армии в марте 1920 г. Дагестан был освобожден. Героическая борьба горцев Кавказа при помощи войск Красной Армии увенчалась блестящим успехом. В крае окончательно утвердилась Советская власть.

8 апреля 1920 г. было создано Кавказское бюро ЦК РКП(б), а еще раньше организовано Бюро по восстановлению Советской власти на Кавказе. В апреле 1920 г. в Дагестане был образован Революционный комитет как орган Советской власти. В области создавались окружные, участковые и сельские ревкомы, а также окружные комитеты РКП(б) и сельские коммунистические ячейки.

Центральный Комитет РКП(б) и Советское правительство осуществили единственно правильное решение национального вопроса в Дагестане: 13 ноября 1920 г. была создана Дагестанская автономная социалистическая республика, входящая в состав Советской России.

---

[126] Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 6, л. 67

[127] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.», стр. 312.

[128] ЦГА ВМФ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 30, л. 9 доб.

[129] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 51.

[130] Там же, стр. 460.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИНТЕТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СССР

В. С. Лельчук

В создании материально-технической базы коммунизма важную роль играет химическая промышленность. Практически нет таких производств, которые в той или иной степени не применяли бы продукцию этой отрасли народного хозяйства. В настоящее время благодаря общим успехам науки и техники возможности химии еще более возросли. Особое значение приобретает производство полимерных синтетических материалов. Жизнь полностью подтвердила глубокую мысль Ф. Энгельса о том, что «главной задачей химии все больше и больше становится искусственное изготовление... веществ»[1], познанных в процессе исследования. Современная техника требует применения новых, высокопрочных, жароустойчивых, антикоррозийных материалов, в природе не существующих. Синтетические материалы, ранее часто называвшиеся заменителями, в наш век атомной энергии и искусственных спутников Земли являются совершенно незаменимыми.

В настоящее время разработка вопросов истории героической борьбы трудящихся Советского Союза за создание и развитие промышленности синтетических материалов стала весьма актуальной. Однако до сих пор в исторической литературе нет ни монографий, ни диссертаций, ни статей по этой проблеме.

Данная статья является попыткой показать, как в годы первой пятилетки в СССР был заложен фундамент промышленности синтетического каучука, искусственного волокна и пластических масс, и кратко осветить последующие этапы развития советских полимерных производств.

★

Производство пластических масс и искусственного волокна зародилось в конце прошлого века. Но уже в начале XX столетия мировое потребление этих продуктов измерялось десятками тысяч тонн. Всемирно известные русские химики Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, А. Е. Фаворский и другие неоднократно подчеркивали исключительные возможности промышленности синтетических материалов. Так, Д. И. Менделеев первым выступил со статьей, в которой доказывал выгодность развития производства искусственного волокна в России. «Пожелаем...,— писал великий ученый,— чтобы у нас скорее привилось это дело и распространилось широко... Если бы мы отбросы превратили бы в изделия из вискозы, особенно волокно, то разбогатели бы побольше, чем от всей нашей торговли»[2]. Но царская Россия, не имея самостоятельной химической промышленности и высокоразвитого машиностроения, не могла организовать массового производства изделий из полимеров.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1948, стр. 284.
[2] Газета «Речь», 18 августа 1900 года

Лишь в 1909 г. в Мытищах под Москвой была построена (и то бельгийскими капиталистами) опытная фабрика искусственного волокна «Вискоза». Годовая продукция ее не превышала 100 тонн. В годы первой мировой войны начался крайне незначительный выпуск отечественных пластмасс: близ Орехово-Зуева возникло предприятие полукустарного типа, дававшее за сутки около 50 кг карболита[3]. Запросы внутреннего рынка эти предприятия совершенно не удовлетворяли[4]; во время гражданской войны и интервенции они были остановлены и пришли в негодное состояние.

Промышленность полимеров была создана в нашей стране только в советское время. Трудности восстановительного периода не позволили советскому народу решить эту задачу в начале 20-х годов. Однако уже в сентябре 1918 г. по инициативе В. И. Ленина начальник химического отдела ВСНХ Л. Я. Карпов созвал в Москве специальное совещание по синтезу каучука. На нем присутствовали такие ученые, как А. Е. Фаворский, С. В. Лебедев, Б. В. Бызов и другие. Обсуждение проблемы каучука на совещании позволило в дальнейшем развернуть исследовательские работы в Москве при заводе «Красный богатырь» и в Ленинграде в лаборатории завода «Красный треугольник»[5].

В 1923 г. усилиями работников Московского совнархоза была восстановлена Мытищинская фабрика. Но вследствие острой нехватки специалистов, слабого знания технологических процессов, изношенности и устарелости оборудования изготовленное там искусственное волокно отличалось низким качеством, стоило очень дорого.

Не менее трудными были первые шаги советской промышленности пластических масс. Отдельные подсобные цехи, обслуживавшие крупные заводы и фабрики, в основном занимались переработкой вывозившихся из-за границы полуфабрикатов. Общий импорт вискозы и целлулоида вместе с галалитом составил в 1923/24 г. 39 т стоимостью в 53 тыс. рублей. В последующие годы ввоз неуклонно возрастал, достигнув в 1927/28 г. 714 т (на сумму в 1 760 тыс. рублей)[6]. Удельный вес производимого в то время в СССР искусственного волокна по отношению к употреблявшейся хлопчатобумажной пряже составлял 0,05%, то есть в 50 раз меньше, чем за рубежом. Между тем приблизительные подсчеты показывали, что применение каждой тонны искусственного шелка в трикотажной промышленности страны экономит 5 тыс. руб. валюты[7]. Еще быстрее росли потребности народного хозяйства в каучуке. Так, если в 1925/26 г. Советский Союз потребил 6 439 т сырого каучука, то уже в 1927/28 г. на нужды резиновой промышленности ушло более 9 800 тонн[8]. Своего натурального каучука страна не имела. На 1929/30 г. был запланирован ввоз еще 20 тыс. т каучука[9]. Предполагалось, что в первой пятилетке на импорт натурального каучука потребуется 200 млн. рублей[10].

В обстановке напряженной борьбы за нашу экономическую независимость от капиталистического мира и, в частности, в связи с усилившейся в 1927 г. военной опасностью такое положение вещей становилось

[3] Многотиражная газета «Карболитовец», 7 ноября 1933 года.

[4] В 1913 г. Россия вынуждена была ввезти 1 407 т вискозы, галалита и целлулоида на сумму 1 916 тыс. рублей. Еще больше средств ежегодно затрачивалось на покупку натурального каучука. Проблема синтетического каучука в то время еще нигде не была решена («Внешняя торговля СССР за период 1918—1927/28 гг.» (в дальнейшем «Внешняя торговля СССР...»). Статистический обзор. М.-Л. 1931, стр. 550—551).

[5] Журнал «Синтетический каучук», 1932, № 1, стр. 42.

[6] «Внешняя торговля СССР...», стр. 550—553.

[7] «Торгово-промышленная газета», 30 ноября 1928 года.

[8] «Торгово-промышленная газета», 10 июля 1928 года.

[9] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 2, д. 441, л. 25.

[10] «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)». М. 1927, стр. 335.

нетерпимым. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль — август 1927 г.) указал, что в капиталистическом мире «наблюдается своеобразная военизация промышленности, поскольку на первый план все более продвигается химическая индустрия наряду с металлургией»[11].

Вполне понятно, что Советский Союз должен был с этим считаться, тем более, что химическая промышленность страны вопреки ее значимости оставалась одним из наиболее слабых мест в системе народного хозяйства. Настойчиво продолжая борьбу за сохранение мира во всем мире, Советское правительство вынуждено было принять ряд новых мер, направленных на укрепление оборонной мощи СССР, дальнейшее ослабление и полную ликвидацию импортной зависимости.

В апреле 1928 г. СНК СССР издал постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР». Одновременно при правительстве был организован общесоюзный Комитет по химизации народного хозяйства, одной из важнейших задач которого была постановка и разработка проблем, связанных с созданием промышленности синтетических материалов[12].

В условиях развернувшейся в то время индустриализации нашей страны и начавшейся коллективизации сельского хозяйства с каждым днем требовалось все больше химикатов, в том числе таких, поставщиком которых могла быть только промышленность полимеров. Особенно наглядно это обнаружилось зимой 1929 г., когда комиссия Совета Труда и Обороны приступила к разработке плана развития автостроительства. Перед комиссией встали вопросы: как избавиться от импорта каучука, необходимого для изготовления камер, шин и других резиновых изделий; из чего делать рулевые управления, аккумуляторные баки, бесшумные шестерни и т. п.?[13]. Ответ мог быть только один: нужны советские синтетический каучук, пластические массы и искусственное волокно. Аналогичные проблемы возникали перед машиностроителями и электротехниками, работниками заводов радиоаппаратуры и авиационной промышленности.

Определенная база для создания полимерных производств уже была. К началу первой пятилетки валовая продукция всего народного хозяйства СССР составила 132% по отношению к 1913 году. В 1928 г. довоенный уровень химической промышленности был превзойден приблизительно в 1,5 раза[14]. Проведенные к тому времени научно-технические изыскания свидетельствовали о возможности развития в СССР промышленности полимеров уже в первой пятилетке. Работники Мытищинской фабрики искусственного волокна (тогда единственной в Союзе) довели годовую выработку вискозы до 200 т (200% к уровню 1913 г.)[15], а рабочие, инженеры и техники Ленинграда первыми в СССР освоили на Охтинском химическом заводе производство целлулоида.

В начале 1928 г. стали известны результаты объявленного Советским правительством всемирного конкурса по синтезу каучука[16]. Несмотря на сложные условия конкурса и сравнительно короткие сроки его проведения, жюри получило ряд предложений, исходивших как от со-

[11] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. 1953, стр. 240.

[12] Подробнее об этом см. В. С. Лельчук. Деятельность Комитета по химизации народного хозяйства СССР (1928—1934 гг.). Журнал «История СССР», 1958, № 3; его же. Строительство химической промышленности СССР в период первой пятилетки. «Вопросы истории», 1958, № 10.

[13] См. Б. Агапов. Пластические массы на службу социалистическому строительству. М. 1932, стр. 3—4.

[14] «Промышленность СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 9.

[15] Многотиражная газета «Фильера», 12 ноября 1932 года.

[16] Конкурс был организован в 1926 г. Советским правительством по инициативе химического директората ВСНХ. В течение двух лет предлагалось изготовить два килограмма синтетического каучука из имеющихся в СССР материалов, позволяющих наладить массовый выпуск остродефицитной продукции.

ветских, так и от зарубежных ученых. В результате тщательной проверки два проекта (С. В. Лебедева и Б. В. Бызова) были рекомендованы к реализации.

Весной 1929 г. XVI конференция ВКП(б) и V съезд Советов СССР, утверждая первый пятилетний план, в задачи которого входило превращение химической промышленности страны в одну из ведущих, решающих отраслей тяжелой индустрии, указали на жизненную необходимость развития некоторых новых производств. «Мы должны,— говорил на президиуме ВСНХ В. В. Куйбышев,— учесть события последнего времени и пропитать весь пятилетний план элементами химии, т. е. элементами внедрения химических процессов во все отрасли промышленности» [17].

На основе указаний Коммунистической партии уже в годы первой пятилетки были осуществлены важные мероприятия, которые привели к созданию в СССР промышленности искусственного волокна, синтетического каучука и пластических масс.

Учитывая общие потребности народного хозяйства, а также опыт, накопленный фабрикой искусственного волокна в Мытищах, решено было в первую очередь организовать производство вискозы. Придавая этим работам большое значение, Коммунистическая партия и Советское правительство вопреки противодействию оппортунистических элементов выделили на их осуществление 156 млн. руб., почти в 2 раза больше, чем на резиновую промышленность, или примерно столько же, сколько на всю легкую химию [18].

Однако ряд инженеров, испугавшись больших трудностей, выступил против строительства вискозных фабрик в 1929 году [19]. Решительной критике подобные суждения подверг академик А. Н. Бах. Он высказался за широкое проведение научных работ и немедленный переход к строительству [20]. Комитет по химизации поддержал его предложения и вскоре совместно с Осоавиахимом провел несколько совещаний, в центре внимания которых был вопрос о подготовке технического персонала для новой отрасли промышленности [21]. В 1928/29 г. была начата подготовка инженеров-вискозников в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана, в политехнических институтах Ленинграда, Иваново-Вознесенска и во Всесоюзной промышленной академии. В Химическом институте имени Л. Я. Карпова была выделена лаборатория, которой поручалось проведение научно-теоретических работ по искусственному волокну. Для более широких исследований предназначалась фабрика в Мытищах. Здесь же начали функционировать краткосрочные курсы для мастеров, а в Москве был открыт трехгодичный техникум на 240 человек [22].

Эти мероприятия позволили при утверждении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР запроектировать строительство вискозных фабрик в Ленинграде, Могилеве и Клину. Учитывая важность принятого решения, ВСНХ СССР обязал машиностроительные заводы, изготовлявшие оборудование для новых производств, выполнять их заказы в первую очередь [23].

---

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 492, л. 21.

[18] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР». Т. 2. Ч. 1-я. Изд. 3-е. М. 1930, стр. 185. В ранних вариантах первого пятилетнего плана, составлявшихся при участии правооппортунистических элементов, о производстве изделий из полимеров вообще нет ни одного слова.

[19] «Торгово-промышленная газета», 9 января 1929 года.

[20] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 8100, оп. 1, д. 10, лл. 113, 115

[21] Там же, лл. 52, 109.

[22] Журнал «Искусственное волокно», 1930, № 1, стр. 1—2.

[23] Там же, стр. 24.

Наиболее интенсивно строительные работы развернулись в Ленинграде, где они проходили под неослабным контролем областного комитета партии, направившего на стройку большую группу коммунистов и комсомольцев. С. М. Киров впоследствии справедливо говорил, что пуск Ленинградской фабрики искусственного волокна к XVI съезду ВКП(б) явился замечательным достижением всех большевиков города Ленина [24].

Иначе начиналось строительство в Клину, где руководители не позаботились о создании для рабочих нормальных жилищно-бытовых условий. Обезличка и текучесть рабочей силы срывали все намеченные планы. Отдельные хозяйственники, пытаясь снять с себя ответственность за развал работы, предлагали законсервировать строительство на 8—10 месяцев. Понадобился энергичный протест местных коммунистов, вмешательство ЦКК ВКП(б), чтобы предотвратить остановку строительных работ. Клинский райком партии организовал на стройке штаб по борьбе с прорывами и призвал рабочих к участию в массовых субботниках [25].

Более чем на 14 месяцев задержалось строительство еще одного вискозного предприятия, которое должно было войти в состав строившегося под Москвой Угрешского химического комбината. Для ликвидации отставания Пролетарский райком ВКП(б) усилил прослойку коммунистов и одобрил почин «Комсомольской правды», пославшей на стройку большую группу членов ВЛКСМ [26].

Одной из причин недостатков в строительстве предприятий искусственного волокна была неудовлетворительная работа некоторых хозяйственных органов. Руководители химической промышленности не уделяли должного внимания подобным стройкам, необоснованно урезывали предназначенные им суммы, не заботились о подготовке собственных кадров, явно переоценивая возможности использования иностранных специалистов [27].

Для улучшения руководства вискозной промышленностью СНК СССР в январе 1930 г. создал Государственное всесоюзное объединение промышленности искусственного волокна — «ВОИВ» с целью «объединения производственных предприятий и строительств промышленности искусственного волокна» [28].

В феврале 1930 г. в Москве по инициативе Комитета по химизации была созвана 1-я Всесоюзная конференция по искусственному волокну. Особое внимание ее участники уделили подготовке кадров, ибо в то время эта проблема была особенно злободневной для химической промышленности, требующей сравнительно высокого процента инженерно-технического персонала и рабочих высшей квалификации. Однако соотношение обученных и необученных кадров в химической промышленности показывало, что на каждые 100 рабочих-химиков квалифицированных было 25, тогда как в машиностроении соответственно — 55, металлообрабатывающей промышленности — 46, текстильной — 43, при среднем показателе для всей промышленности СССР —41 [29].

Еще хуже обстояло с подготовкой техников и инженеров. В постановлении ЦК ВКП(б) от 29 августа 1929 г. отмечалось: «Вопрос подбора административно-технических и партийно-хозяйственных кадров в строительстве химической промышленности играет решающую роль...» [30]. Такая постановка вопроса приобрела особое значение для промышлен-

[24] Газета «Ленинградская правда», 29 мая 1930 года.

[25] Архив Института истории партии МК КПСС, ф. 116, оп. 1, д. 8, лл. 129, 133.

[26] Там же, ф. 80, оп. 1, д. 347, лл. 71, 73.

[27] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОР и СС МО), ф. 4326, оп. 1, д. 97, лл. 9—10.

[28] СЗ СССР, 1930, отд. 2, № 17, ст. 120.

[29] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР». Т. I. М. 1929, стр. 76.

[30] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Т. 2. М. 1957, стр. 115.

ности синтетических материалов, где речь шла не только и даже не столько о применении и совершенствовании уже известных приемов и навыков, сколько об овладении новейшей, ранее неизвестной техникой. На XVI съезде партии В. В. Куйбышев отмечал, что во многих случаях в новом строительстве сдерживающим началом являются не деньги, не строительные материалы, а кадры. «Мы,— говорил он,— могли бы например значительно более смело итти по линии строительства промышленности искусственного волокна, но тут среди других лимитов выступает лимит незнания нами процессов производства, неумения наладить технологические процессы и проектировать соответствующие заводы»[31].

Отдельные работники химической промышленности, пасуя перед трудностями, утверждали, что преодоление их возможно только с помощью иностранных специалистов. Но жизнь быстро показала полную несостоятельность такой точки зрения. Капиталисты всячески стремились сорвать план химизации народного хозяйства СССР, поэтому получение квалифицированной помощи из-за рубежа было нелегким делом. В ноябре 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышеву пришлось даже отметить, что иностранная техническая помощь «ввиду острого значения химии в деле обороноспособности страны, в деле конкуренции с мировыми концернами» дается нам с наибольшими трудностями и нет уверенности в том, что она достаточно доброкачественна[32]. В частности, предприятия искусственного волокна неоднократно страдали от того, что из-за границы поступало некомплектное, а порой устаревшее и некачественное оборудование. В ходе строительства иногда обнаруживалась несостоятельность иностранных проектов. С некоторыми зарубежными специалистами пришлось даже расторгнуть контракты и отказаться от их «услуг»[33].

Советский народ вопреки пророчествам маловеров и правых оппортунистов своими силами преодолевал все трудности. Рабочие и техники, инженеры и ученые с исключительным энтузиазмом боролись за создание отечественной промышленности полимеров. Развернувшееся в 1929 г. в стране социалистическое соревнование оживило производственную и общественную работу на вискозных предприятиях и стройках. Активно включился в социалистическое соревнование коллектив Мытищинской фабрики, досрочно выполнивший план 1930 года[34].

Успешно шло вискозное строительство в Могилеве. Работы велись в основном молодежью. 80% всех рабочих составляли комсомольцы. Отказавшись от выходных дней, они решили пустить предприятие к XIII годовщине Великого Октября и сдержали свое слово: 7 ноября, на три месяца раньше срока, фабрика была сдана в эксплуатацию[35].

Вдохновленные примером могилевских товарищей, строители в Клину горячо взялись за ликвидацию прорывов. На производственных совещаниях решили объявить стройку ударной. В декабре 1930 г. на партийном собрании коллектива было выдвинуто предложение пустить фабрику досрочно. Общая конференция рабочих и служащих одобрила решение коммунистов и постановила: до конца работ отказаться от выходных дней, каждому дополнительно отработать по 20 и более часов, все отстающие участки взять на буксир[36]. Общественность района организовала в помощь строителям субботники, в которых регулярно участвовало около 2 тыс. колхозников и рабочих местных предприятий[37]. Инициатива коммунистов, возглавивших труд строителей, позволила

---

[31] «XVI съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М.-Л. 1930, стр. 501.
[32] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, лл. 26—27.
[33] ГАОР и СС МО, ф. 4326, оп. 1, д. 207, л. 51.
[34] Там же, д. 64, лл. 20—21; д. 221, л. 60.
[35] «Искусственное волокно», 1930, № 3—4, стр. 45; № 11, стр. 38.
[36] ГАОР и СС МО, ф. 4326, оп. 1, д. 18, лл. 7, 8.
[37] Архив Института истории партии МК КПСС, ф. 116, оп. 1, д. 12, лл. 12—13.

в феврале 1931 г. ввести фабрику в строй. Уже в первые месяцы своего существования она перевыполнила план[38]. В полтора года клинские химики сумели подготовить собственные кадры рабочих, тогда как по договору с иностранной фирмой на это отводилось четыре года. В результате было сэкономлено свыше 100 тыс. руб. валюты[39].

Всего в стране было создано к этому времени четыре современных предприятия искусственного волокна, из которых три основных и наиболее крупных (в Ленинграде, Могилеве и Клину) были построены менее чем за два года, что, несомненно, было серьезным достижением. В феврале 1931 г. было получено около 99 т вискозы, почти в 3,5 раза больше, чем за такой же период предыдущего года[40].

В январе 1931 г. разрозненные и немногочисленные цехи и заводы по производству пластических масс были наконец объединены в общесоюзный трест «Союзхимпластмасс». Создание треста укрепило организационные основы новой важной отрасли индустрии и дало толчок к ее планомерному развитию.

Однако правление Всехимпрома, в котором засели правые оппортунисты во главе с Томским, всячески мешало делу. Так, построенный в Ленинграде весной 1930 г. второй в мире завод синтетической камфары имел возможность в большом масштабе вырабатывать сырье для получения целлулоида и тем самым освободить нашу страну от ежегодного импорта камфары на 1 млн. рублей. Но завод систематически недополучал или вовсе не получал сырье — пихтовое масло. Поэтому предприятие почти не работало. Направленная в Москву рабочая бригада обнаружила, что полученное из Сибири масло при явном попустительстве со стороны Всехимпрома продано в Германию[41]. Вместо требовавшихся 1 000 т пихтового масла завод получил в 1930 г. всего лишь 159 тонн[42]. Годовой план производства камфары был сорван, что нанесло ущерб работе промышленности пластмасс.

Вследствие порочной практики Всехимпрома вискозные фабрики также постоянно испытывали недостаток в химических продуктах. В начале 1931 г. объединение искусственного волокна недополучило 17% сероуглерода, 24% серной кислоты, 60% каустической соды и т. п., что явилось главной причиной невыполнения квартального плана[43].

Всехимпром ориентировался на импорт сырья. Это приводило к увеличению валютных расходов. В 1930 г. ввоз метилового спирта вырос на 92%, камфары — на 268% и т. д.[44]. Между тем в нашей стране уже существовали реальные возможности обеспечения промышленности синтетических материалов сырьем собственного производства.

Устранению недостатков в работе химической промышленности в тот период содействовала деятельность комиссии ЦКК ВКП(б) — НК РКИ СССР, которая с помощью широкой общественности летом и осенью 1930 г. провела чистку аппарата Всехимпрома и разоблачила правооппортунистическую сущность деятельности правления, возглавлявшегося Томским. В решении комиссии, в частности, отмечалось, что указание ЦК ВКП(б) от 29 августа 1929 г. о всемерном развитии сырьевых баз химической промышленности не выполняется. Газеты «Правда» и «За индустриализацию» в передовых статьях подчеркивали в связи с этим, что дело, разумеется, не в объективных трудностях, а прежде всего в той антипартийной линии, которой придерживались правые уклонисты из Всехимпрома[45].

[38] Там же, л. 122.
[39] Многотиражная газета «Красный вискозник», 6 ноября 1932 года.
[40] ЦГАОР и СС, ф. 8100, оп. 1, д. 10, л. 62.
[41] «Ленинградская правда», 20 мая 1930 года.
[42] ГАОР и СС МО, ф. 4326, оп. 1, д. 107, л. 47.
[43] «Искусственное волокно», 1932, № 1, стр. 2.
[44] ГАОР и СС МО, ф. 4326, оп. 1, д. 107, лл. 48, 49.
[45] «Правда», 25 августа 1930 г.; «За индустриализацию», 10 сентября 1930 года.

В результате принятых ЦК партии и Советским правительством мер были укреплены руководящие органы химической промышленности, что способствовало решению назревших вопросов развития советской химии. Все это вызвало новый подъем творческих сил трудящихся нашей страны и ускорило создание промышленности полимеров.

В феврале 1931 г. в Ленинграде возник первый в СССР Научно-исследовательский институт пластических масс, объединивший 180 научных работников, а спустя два месяца в Москве был открыт его филиал [46]. Одновременно под Москвой было организовано производство формалина — важнейшего сырья для промышленности пластмасс. В Ленинграде развернулось строительство завода «Комсомольская правда». Реконструировался, а вернее, заново создавался завод «Карболит». Эти предприятия должны были специализироваться на выпуске различных изделий из пластических масс. Значительные средства выделялись для сооружения мощного комбината пластмасс во Владимире. Строительство перечисленных объектов требовало больших затрат, и объем капиталовложений непрерывно рос. Если в 1927/28 г. он составил всего 1,5 млн. руб., то в 1932 г. уже превысил 20,5 млн. рублей. Менее чем за пять лет стройки объединения «Союзхимпластмасс» на капитальные вложения получили около 44 млн. рублей [47].

Показательно, что именно в это время буржуазная печать впервые заговорила о создании в СССР промышленности пластических масс. Немецкие и французские журналы отметили успех наших научных учреждений и предприятий — выполнение квартальных планов и т. д. [48].

Осенью 1930 г. Охтинский химкомбинат добился значительных достижений. Последний, так называемый особый квартал 1930 г. был для него поистине ударным. В социалистическое соревнование включилось 77% всех рабочих и служащих, что способствовало перевыполнению производственного плана, а реализация рационализаторских предложений рабочих позволила сэкономить 250 тыс. рублей [49].

Сообщения о новых успехах советской химии дошли и до наших зарубежных друзей. Немецкие рабочие-химики, приветствуя работников Охтинского комбината, писали им: «Лучшим помощником в нашей революционно-просветительной работе среди отсталых масс является ваша борьба за социалистическое строительство, ваша борьба за социалистическое хозяйство» [50]. Похвала немецких товарищей ко многому обязывала, и охтинцы продолжали трудиться с удвоенной энергией.

В авангарде борьбы за выполнение плана и освоение новых технологических процессов выступала партийная организация комбината. В январе 1931 г. она насчитывала 192 коммуниста, а в июне — уже 236. Партийно-комсомольская прослойка составляла почти 25% общего количества работавших на комбинате [51]. Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), коммунисты развернули широкую политическую работу непосредственно в цехах. По их инициативе молодежь камфарного цеха организовала комсомольскую смену, которая изучила процессы производства и вышла победителем в социалистическом соревновании. Пример комсомольцев получил всеобщее одобрение и поддержку. Вскоре техническим обучением были охвачены все рабочие и служащие [52].

Серьезный вклад в освоение новой техники внесли на комбинате мо-

---

[46] «Химический бюллетень ТАСС», 28 апреля 1932 года.

[47] «Химическая промышленность СССР». М.-Л. 1933. Т. I, стр. 235; т. 2, стр. 38.

[48] «Die Chemische Industrie», 1932, № 12, S. 270; № 15, S. 339, «Revue générale des matières plastiques», 1932, № 3, p. 186; № 10, p. 538.

[49] ЦГАОР и СС, ф. 8124, оп. 3, д. 5, л. 84.

[50] Газета «Охтинский химик», 6 ноября 1931 года.

[51] ЦГАОР и СС, ф. 8124, оп. 3, д. 5, л. 84.

[52] «Охтинский химик», 29 октября и 31 декабря 1931 года.

лодые инженеры-коммунисты, окончившие советские вузы в годы первой пятилетки.

Достигнутые коллективом успехи превзошли все ожидания. К XIV годовщине Великого Октября экономия на импорте в результате увеличения выпуска продукции составила 20 млн. рублей. Ленинградский областной комитет партии, первый секретарь которого С. М. Киров не раз бывал на Охте, высоко оценил замечательную победу химиков [53].

Заметно улучшилась в 1931 г. и работа предприятий искусственного волокна, среди которых наибольших результатов добилась ленинградская фабрика «Пятилетка». Успех был обеспечен упорной борьбой партийной организации за технический прогресс. Коммунисты вместе с комсомольцами создали первые ударные хозрасчетные бригады и стали проводить производственные совещания в цехах и у агрегатов. Они перешли с обслуживания 20 веретен на 40 и даже 80. В содружестве с учеными рабочие и служащие фабрики самостоятельно спроектировали, построили и пустили первый в СССР цех по производству искусственной шерсти [54]. Характерно, что именно в 1931 г. количество коммунистов на фабрике выросло почти в 5 раз и достигло 238 человек, а партийно-комсомольская прослойка составляла примерно половину всех работавших [55].

Творческая активность и трудовой энтузиазм советского народа ярко проявились и в создании промышленности синтетического каучука. Для этой новой, ранее нигде не существовавшей отрасли индустрии 1931 год явился крайне важным этапом: в СССР была получена первая партия опытного синтетического каучука и началось строительство больших заводов. Этому выдающемуся достижению предшествовала большая подготовительная работа.

Как известно, впервые со всей серьезностью Коммунистическая партия поставила вопрос о синтетическом каучуке на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году. «Нам во что бы то ни стало,— говорил тогда В. В. Куйбышев,— нужно эту проблему разрешить...» [56].

25 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б), всесторонне изучив вопрос об обеспечении резиновыми изделиями нужд народного хозяйства, принял специальное постановление «О каучуке». Руководящим органам химической промышленности и Резинотреста было предложено максимально форсировать работы по изысканию и выращиванию каучуконосных растений и строительству опытных заводских установок синтетического каучука по методам Б. В. Бызова и С. В. Лебедева. Считая ранее взятый темп работ в этой области совершенно недостаточным, Центральный Комитет обязал ВСНХ обеспечить в первую очередь опытное строительство оборудованием и материалами [57].

Постановление ЦК партии было исключительно своевременным. Нехватка отечественного сырья грозила стать главным препятствием для быстрого роста резиновой промышленности. В свою очередь, работа последней непосредственно влияла на общий темп индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Решая эту задачу, партия столкнулась с громадными трудностями. Имели место факты явного вредительства со стороны вражеской агентуры. Кроме того, большим тормозом было скептическое отношение некоторых консервативно настроенных инженеров и ученых к самой проблеме синтеза каучука. Они обычно ссылались на иностранный опыт. Действительно, за рубежом делалось много попыток получить синтетический каучук. В 1912 г. на 8-м Международном конгрессе прикладной

[53] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2664, л. 167; «Охтинский химик», 6 ноября 1931 года.
[54] Многотиражная газета «Голос пятилетки», 21 октября 1931 г. и 6 ноября 1932 года.
[55] ЦГАОР и СС, ф. 7698, оп. 2, д. 167, л. 15.
[56] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, стр. 24.
[57] «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». М.-Л. 1931, стр. 655—656.

химии в Нью-Йорке английский химик Перкин заявил, что он открыл дешевый способ получения синтетического каучука. Соперничая с ним, один из будущих основателей «ИГ Фарбениндустри», К. Дуисберг, сообщил, что немецкий синтетический каучук «появится в продаже в самом скором времени» [58]. Но вопреки прогнозам Перкина и Дуисберга владельцы частных фирм решили иначе. Подчиняясь законам капиталистического способа производства, в погоне за прибылью, они сочли для себя гораздо более выгодным покупать натуральный каучук, получаемый в колониальных и зависимых странах. Поэтому-то они тогда и сорвали производство синтетического каучука, отказались субсидировать ученых, работавших в этой области. Всячески тормозили исследовательские работы и те монополисты, в руках которых находились плантации натурального каучука [59]. Не понимая, что советская химия в своем развитии подобных пут не имеет, некоторые работники химической промышленности продолжали равняться на опыт капиталистических стран.

Следует заметить, что партия и правительство много внимания уделяли и проблеме растительного каучука. Работы по выращиванию каучуконосов носили массовый характер. Однако, по официальным данным, от посадок 1930 г. первый каучук можно было ожидать лишь в 1935 г., да и то в размере, не превышавшем 400 т, тогда как требовались десятки тысяч тонн [60].

Между тем лабораторная проверка опытов С. В. Лебедева давала высокие результаты. Советское правительство решило организовать в Ленинграде опытное производство синтетического каучука. Придавая этим работам исключительное значение, Ленинградский областной комитет партии повседневно оказывал им всестороннюю помощь. В январе 1930 г. С. М. Киров пригласил в Смольный коммуниста, бывшего матроса с линкора «Марат» Г. В. Пекова и предложил ему возглавить строительство опытного завода. В его лице С. В. Лебедев нашел талантливого организатора. В свою очередь, Г. В. Пеков энергично поддержал ученого. Их содружество способствовало сплочению большого коллектива рабочих, техников, инженеров и исследователей. Работая дружно и с увлечением, они добились пуска установки на три месяца раньше срока.

Сообщения о том, что в Советском Союзе получена первая партия опытного синтетического каучука, взбудоражили весь капиталистический мир. Многие не верили, что советские ученые смогли добиться успеха. Так, знаменитый американский изобретатель Томас Эдисон заявил: «Этого нельзя сделать. Я бы даже сказал больше — весь этот отчет является фальшивкой. На основании моего собственного опыта и опыта других сейчас нельзя сказать, что получение синтетического каучука вообще когда-либо будет успешным». Не ограничившись общим рассуждением, он добавил: «Это должно быть особенно справедливым для России, где исходный материал стоит дороже». Слова Эдисона сочувственно перепечатала вся буржуазная пресса, которой очень хотелось верить в своего «пророка» (именно так был назван Эдисон в одном английском журнале) [61].

Тем временем в Советском Союзе проводились испытания первой партии синтетического каучука. Они были вполне удовлетворительны. В докладе на имя Г. К. Орджоникидзе И. С. Уншлихт сообщал, что ши-

---

[58] Э. Слоссон. В погоне за каучуком. Л. 1928, стр. 7.

[59] Н. Н. Иноземцев. Каучук. Мировой капиталистический рынок. М. 1952, стр. 89; см. также С. Р. Сергиенко. Синтетический каучук. Л. 1940.

[60] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 737, л. 1; «Химический бюллетень ТАСС», 2 января 1932 года.

[61] «The India Rubber Journal», 1931, vol. 81, № 21, pp. 7—8.

ны, содержащие в беговой части 50% синтетического каучука, прошли 17 тыс. км, то есть выдержали пробег, обычный для наших автопокрышек [62]. Совет Труда и Обороны постановил уже в 1931 г. приступить к строительству заводов синтетического каучука в Ярославле и Воронеже. Несколько позднее были заложены еще два завода — в Ефремове и Казани.

В Ярославле работы начались летом 1931 г. в полном смысле слова на пустом месте. Предстояло провести дороги, вынуть 300 тыс. куб. м земли, смонтировать 10 тыс. т металлоконструкций, уложить 300 км труб и т. п. В таких условиях часть руководителей стройки пришла к выводу, что завод раньше 1933 г. пустить не удастся. По их вине был сорван план строительства жилых бараков, вследствие чего вместо 3,5 тыс. рабочих на стройке могло работать не более 1,5 тыс. человек. Правые оппортунисты выступили против скоростных методов работы и досрочной сдачи строительства.

Партийный комитет категорически потребовал от руководства соблюдения строгого единоначалия и составления жесткого стройфинплана, введения прогрессивно-премиальной оплаты и премирования ударников. Разоблачив правых уклонистов, парторганизация возглавила трудовой подъем строителей [63].

Решением Ярославского горкома ВКП(б) на строительство были направлены 500 комсомольцев и группа инженерно-технических работников, прошедших производственную практику на опытных установках в Ленинграде. Закончив кладку мартеновских печей в Магнитогорске и Кривом Роге, в Ярославль прибыли новые партии рабочих высокой квалификации [64]. К ноябрю 1931 г. наметились серьезные сдвиги в сооружении завода. За ударную работу ЦК профсоюза рабочих резинохимиков наградил строительство красным знаменем [65]. Особенно хорошо трудилась молодежь. По предложению директора завода, опытного организатора коммуниста Л. Т. Стрежа, комсомольцы создали более 20 ударных бригад. В мороз и пургу бригада Неклюдова выполняла план на 150—180%. Под лозунгом «Не уходить с поста, пока не выполнены все заказы!» трудилась группа Михаила Немцова, перешедшая первой на хозрасчет [66]. Таких примеров было много. Именно поэтому удалось менее чем за год построить уникальный завод, в сооружении которого приняли участие тысячи людей и десятки организаций. Особо следует отметить заслуги советских машиностроителей, которые за 4 месяца сумели изготовить часть необходимой аппаратуры, ранее у нас не производившейся. Между тем известные германские фирмы соглашались сделать это же оборудование только за год [67].

7 июля 1932 г. в торжественной обстановке завод был пущен.

Советский народ радостно встретил сообщение о том, что в СССР впервые в мире началось промышленное производство синтетического каучука. То, что оказалось тогда не под силу капиталистическому миру, сумела сделать молодая Страна Советов. «Не может подлежать ни малейшему сомнению,— говорил С. В. Лебедев,— что только у нас, в стране строящегося социализма, возможен такой грандиозный размах» [68].

Весть о победе в Ярославле быстро облетела мировую печать. Английский журнал, год назад поверивший Эдисону, теперь вынужден был поместить отзыв американского инженера А. Хирша, который лично побывал в Ярославле и убедился в «обоснованности решения Советско-

---

[62] ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 27, д. 364, л. 8.
[63] Газета «За темпы», 5 и 27 сентября 1931 года.
[64] «25 лет заводу синтетического каучука». Ярославль. 1958, стр. 8, 91.
[65] «За темпы», 7 июня 1932 года.
[66] «25 лет заводу синтетического каучука», стр. 99.
[67] «Правда», 27 июля 1932 года.
[68] С. В. Лебедев. Жизнь и труды. Л. 1938, стр. 464—465.

го правительства пойти на затраты по созданию предприятий синтетического каучука» [69].

Однако реакционная буржуазная печать пыталась дискредитировать успехи новой отрасли советской индустрии. Словно сговорившись, многие буржуазные журналы стали писать о том, что в СССР нет нужного сырья, необходимого заводам синтетического каучука. Берлинский еженедельник, например, напечатал статью, полную цифровых данных, которые должны были убедить читателя в правильности такого тезиса [70]. Аналогичные мысли доминировали и в парижских изданиях [71].

Но вскоре советский народ одержал еще одну важную победу: в октябре 1932 г. первые тонны продукции дал второй завод синтетического каучука, построенный в Воронеже. Завод сооружался без иностранной помощи, и все оборудование, за исключением ряда контрольно-измерительных приборов, изготовлялось на советских заводах.

Воронежское строительство, подобно ярославскому, велось ударными темпами. Из 4 тыс. строителей 87% включилось в социалистическое соревнование. По призыву областного комитета партии тысячи колхозников из окрестных районов, комсомольцы Курска, рабочие Воронежа участвовали в рытье котлована, прокладывали водопровод, укладывали рельсы. Когда обнаружилось, что поставка труб высокого давления задерживается, местные машиностроительные заводы добровольно взяли на себя их изготовление и с честью выполнили обязательство.

Летом 1932 г. монтажники перешли на круглосуточную работу. Особенно отличилась бригада коммуниста Носкова, досрочно и с отличной оценкой выполнявшая все задания. Без устали трудились и другие монтажники. Даже ночью на 36-метровой высоте продолжали вспыхивать огни электросварки [72].

Для всех отраслей советской промышленности полимеров 1932 год был периодом развернутого строительства, напряженного труда по освоению уже пущенных мощностей, подготовки и обучения кадров, преодоления трудностей, которых было еще немало. В значительной мере их ликвидации мешало отсутствие достаточного опыта. Например, проверка галалитового завода в Москве показала, что рабочие не умеют определять нормы расходования сырья; красители порой замешиваются «на глазок», температура продукции определяется на ощупь [73]. Комиссия ЦКК ВКП(б), обследуя завод «Карболит», обратила внимание на то, что более половины всех рабочих имеет низкую квалификацию и на заводе работает менее года [74].

Выводы партийной комиссии многому научили молодой коллектив. Был разработан план технического обучения. Коммунисты развернули массово-политическую работу не только в цехах, но и на квартирах рабочих. Возникли новые ударные бригады. Вскоре 72% всех работников завода «Карболит» активно включились в занятия кружков по овладению новой техникой. Был организован внутризаводской «Заем рабочей смекалки»: каждый давший рационализаторское предложение, помимо обычной премии, получал облигацию с правом участвовать в розыгрыше особо установленного денежного фонда. В результате в 1932 г. рабочие предложения дали экономию, значительно превысившую плановое задание. А в 1933 г. коллектив добился перевыполнения плана; продукция завода вошла в ассортимент экспортных товаров страны [75].

Одновременно строить, работать в цехах и учиться приходилось

---

[69] «The India Rubber Journal», 1932, vol. 84, № 5, p. 16.
[70] «Die Chemische Industrie», 1932, № 35, S 701—702
[71] «Revue générale des matières plastiques», 1932, № 10, p. 538.
[72] «Правда», 20 октября 1932 года.
[73] ГАОР и СС МО, ф. 1564, оп. 1, д. 21, л. 15.
[74] «Карболитовец», 23 августа 1932 г. и 13 марта 1933 года.
[75] «Карболитовец», 12 января и 8 ноября 1933 года.

также и другим рабочим молодой промышленности полимеров. На Ярославском заводе синтетического каучука после ударного пуска дела не сразу наладились. План сплошь и рядом не выполнялся, качество продукции было невысоким. Противники синтетического каучука активизировались. Не замедлила высказаться и буржуазная пресса. Парижский журнал поспешил сообщить, что в Советской России «возможно прекращение снабжения синтетическим каучуком экспериментальных мастерских в Ленинграде, ибо изделия из него негодны» [76].

Однако эти прогнозы вскоре рухнули. Руководители Ярославского завода не растерялись. В цехи пришли научные работники и авторы проектов, вместе с рабочими они искали способы повышения качества продукции. По зову партийной организации лучшие строители перешли на работу в цехи и стали овладевать сложными профессиями. И по сей день успешно работают в Ярославле пришедшие тогда на завод К. А. Антипин, Е. М. Гребенщикова, А. Д. Маркина, М. Я. Захаров и десятки других замечательных тружеников. Вместе с ними начал свой трудовой путь комсомолец С. Ф. Подерухин. Сначала он работал на стройке разнорабочим, потом был выдвинут бригадиром, вечерами учился. Когда началось производство синтетического каучука, его направили в цех, где он вскоре стал одним из лучших аппаратчиков [77]. И таких энтузиастов было очень много не только в Ярославле.

В Воронеже еще строился завод, а уже 240 рабочих в 8 кружках готовились стать к агрегатам. Здесь же был открыт техникум на 280 человек [78]. Другой техникум, на 250 человек, по предложению С. М. Кирова начал действовать в Ленинграде [79]. Кроме того, кадры готовились на опытном заводе, где директором был Г. В. Пеков.

Все эти мероприятия содействовали тому, что в 1933 г. заводы синтетического каучука заметно улучшили качество продукции [80]. Проведенный тогда знаменитый автомобильный Каракумский пробег, прошедший в исключительно трудных условиях, показал, что покрышки серийного производства, сделанные из синтетического каучука, выдержали путь в 28 тыс. километров [81]. Даже буржуазная печать вынуждена была отметить, что Каракумская экспедиция продемонстрировала «достижения, полученные в процессе выполнения первого пятилетнего плана в области индустриализации, и в особенности успехи в автомобильной промышленности и промышленности синтетического каучука» [82].

Советский синтетический каучук прочно входил в жизнь народного хозяйства страны, благодаря чему расходы на ввоз иностранного каучука, составившие в 1929 г. 50,2 млн. руб., в 1933 г. снизились до 28 млн. рублей [83]. Это было хорошее начало.

Быстро завоевывали права гражданства в промышленности и в быту изделия из искусственного волокна и пластических масс. В этом немалую роль сыграли комсомольцы ленинградского завода «Электроприбор». Они предложили в цехах своего предприятия заменить дефицитный импортный металл пластическими массами. Предложение было детально обсуждено и принято на производственных совещаниях. Начинание молодежи получило поддержку Центрального и областного комитетов ВЛКСМ [84]. Число энтузиастов быстро росло. 8 февраля 1932 г.

---

[76] «Revue générale du Caoutchouc», 1932, № 85, p. 25.
[77] «25 лет заводу синтетического каучука», стр. 101.
[78] «Коммуна», 20 октября 1932 года.
[79] С. В. Лебедев. Указ. соч., стр. LXIII.
[80] Показательно, что к этому времени свыше 50% технологов, занятых на заводах синтетического каучука, являлись членами партии и ВЛКСМ («Синтетический каучук», 1933, № 4, стр. 3).
[81] «Синтетический каучук», 1933, № 5, стр. 2.
[82] «The India Rubber Journal», 1933, vol. 86, № 19, p. 4.
[83] «Внешняя торговля Советского Союза». М. 1938, стр. 99.
[84] Б. Агапов. Указ. соч., стр. 7—9.

рабочие и служащие завода обратились через печать с призывом к трудящимся Советского Союза: «Большевистский размах производству пластмасс!». Завод брал на себя обязательство за год сэкономить 1 000 т импортного металла [85].

В большом количестве началось употребление пластических масс и на других предприятиях. В подарок XVII конференции ВКП(б) нижегородцы прислали первые 15 автомобилей, которые были оснащены бесшумными шестернями, рулевыми штурвалами и другими частями, сделанными из пластических масс. Последние широко применялись на заводах «Карболит» и «Красная заря» для изготовления телефонной аппаратуры; на «Электрике» из них делали патроны для осветительной сети, на «Светлане» — цоколи для радиоламп и т. д. Обобщая опыт работы этих предприятий, «Правда» 10 февраля 1932 г. писала: «Проблема пластических масс — одна из важнейших проблем завершения реконструкции народного хозяйства».

28 июля 1932 г. специальная комиссия Совета Труда и Обороны, принимая решение об увеличении производственной программы по товарам широкого потребления, снова подчеркнула возможности промышленности пластических масс в этой области [86]. Учитывая, что в Ленинграде вырабатывалось почти 60% общесоюзной продукции пластических масс [87], областной комитет партии предложил только что построенному заводу «Комсомольская правда» увеличить годовое задание на 1 млн. рублей. Охтинскому комбинату поручалось поставить необходимый для выработки предметов широкого потребления целлулоид [88]. Всего в 1932 г. народное хозяйство СССР получило свыше 3 500 т пластических масс, тогда как в 1927/28 г. их было выработано менее 300 тонн. За тот же период заводы страны увеличили выпуск изделий из пластических масс более чем в 7 раз (стоимость их соответственно возросла с 9,6 млн. руб. до 75,1 млн. руб.) [89].

Примерно такими же темпами увеличивалась выработка искусственного волокна: от 200 т в 1928 г. до 2 800 т в 1932 году [90].

За годы первой пятилетки в нашей стране была не только создана новая отрасль индустрии, столь необходимая для всего народного хозяйства, но и сформировались отряды пролетарских специалистов, активных борцов за построение социализма.

В 1932 г. на четырех предприятиях промышленности пластмасс было занято 3 162 человека [91]. На Охтинском химическом комбинате и заводе «Карболит», то есть на двух основных действующих предприятиях треста «Союзхимпластмасс», работало около 2 560 человек, причем на каждые 6—7 рабочих приходилось по одному инженеру или технику. Партийно-комсомольская прослойка на Охтинском комбинате составляла более 50% всех работников [92].

Общая цифра занятых в вискозной промышленности превысила 12 тыс. человек, из них 10 656 приходилось на рабочих и учеников, 920 — на инженерно-технический персонал и сотрудников Научно-исследовательского института [93]. Количество специалистов и здесь неуклонно увеличивалось. Например, на фабрике «Пятилетка» в каждом цехе работало по нескольку мастеров и механиков, что позволило организовать предупредительные ремонты и закрепить бригады за отдельными агре-

[85] «Правда», 8 февраля 1932 года.
[86] ГАОР и СС МО, ф. 1564, оп. 1, д. 21, л. 56.
[87] «Химическая промышленность СССР». Т. 2, стр. 78.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2650, л. 30.
[89] «Химическая промышленность СССР». Т. 1, стр. 233, 234.
[90] «Промышленность СССР», стр. 323.
[91] ЦГАОР и СС, ф. 7698, оп. 2, д. 167, л. 24.
[92] Там же, л. 14.
[93] «Искусственное волокно», 1932, № 10, стр. 3.

гатами. В результате простои веретен упали с 40% до нуля, брак уменьшился в 10 раз и не превышал 1% [94].

В 1932 г. более 70% всех работников Всесоюзного объединения искусственного волокна включилось в социалистическое соревнование. Во главе шли коммунисты и комсомольцы, число которых на предприятиях превысило 3 270 человек и составило примерно 41% от общего числа рабочих и служащих [95]. Это были надежные, опытные работники, воспитанные в ходе социалистической индустриализации и беззаветно преданные делу Коммунистической партии.

Воспитание новых кадров нанесло сокрушительный удар по всякого рода оппортунистам, равнявшимся на опыт буржуазного развития и не верившим в революционное творчество советских людей. Показательно, что в 1931 г. в СССР работало не более 40 иностранных специалистов по искусственному волокну [96].

Заложив в годы первой пятилетки прочные основы современной промышленности полимеров, Советский Союз продемонстрировал всему человечеству неисчерпаемые возможности социалистической экономики и ее превосходство над капиталистической.

В последующие годы, опираясь на общие достижения народного хозяйства, новая отрасль индустрии продолжала быстро расти. В 1935 г. Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о реконструкции четырех существующих вискозных фабрик и строительстве двух новых [97]. Осуществляя решение партии и правительства, промышленность искусственного волокна в 1937 г. в 3 раза превысила уровень 1932 года [98]. В Клину было организовано производство отечественного целлофана.

Значительные сдвиги за годы второй пятилетки произошли и в промышленности пластических масс. К 1935 г. заметно вырос завод «Комсомольская правда», освоивший выпуск 400 различных деталей из пластических масс [99]. Досрочно выполнил второй пятилетний план по всем показателям завод «Карболит», на котором трудилось свыше 1 700 передовиков. Объем его производства увеличился менее чем за пять лет с 12 млн. руб. до 72—73 млн. рублей. Вдвое повысилась производительность труда. С 1936 г. завод стал рентабельным [100].

Вступили в строй новые предприятия во Владимире и Одессе, в Новосибирске был построен завод камфары, в Днепропетровске пущен галалитовый цех и т. д. Широкое распространение на металлургических заводах Москвы и Донбасса получили текстолитовые подшипники, которые были в 2—3 раза прочнее бронзовых. В 1934 г. в Ленинграде прошла 1-я Всесоюзная конференция по пластическим массам, и в Академии наук СССР была создана специальная лаборатория высокомолекулярных соединений для изучения химии полимеров [101]. В целом к концу второй пятилетки промышленность пластических масс в 2,5 раза превысила уровень 1931 г.: на ее заводах было выработано почти 8 тыс. т различных пластиков. И все же как по ассортименту, так и по количеству изделий из пластмасс потребность страны была удовлетворена лишь на 20—25% [102]. Такое положение объяснялось главным образом

---

[94] ЦГАОР и СС, ф. 7698, оп. 3, д. 164, л. 5.
[95] Там же, оп. 2, д. 167, л. 15
[96] ГАОР и СС МО, ф. 4326, оп. 1, д. 207, л. 51.
[97] «Искусственное волокно», 1935, № 5, стр. 293—294.
[98] «Промышленность СССР», стр. 323.
[99] «Пластические массы», 1935, № 1, стр. 51.
[100] «Журнал органической химии», 1937, № 1, стр. 42.
[101] «Пластические массы», 1934, № 4, стр. 3, 58.
[102] Ф. А. Олейник, И. Г. Рыбин. Сырьевая база промышленности пластмасс. «Информационно-технический бюллетень Главхимпласт НКХП СССР», 1940, № 1—2, стр. 9—10.

неподготовленностью сырьевых баз для промышленности пластмасс и недостаточным оснащением ее новейшей аппаратурой.

Значительно больших успехов во второй пятилетке добилась промышленность синтетического каучука, в состав которой вошли два новых завода, построенные в Ефремове и Казани. В 1937 г. производство синтетического каучука значительно превысило задание второго пятилетнего плана и дало стране 74% необходимого ей для резиновой промышленности сырья [103]. Менее чем за пять лет производительность труда на заводах этой отрасли промышленности увеличилась в 6,5 раза, а себестоимость продукции снизилась втрое. Уже в 1936 г. все заводы синтетического каучука стали полностью рентабельными [104]. Характерно, что в Германии производство синтетического каучука было организовано лишь в 1937 г., а в США — еще пятью годами позже [105].

Советский народ высоко оценил замечательные достижения работников промышленности синтетического каучука и шинных предприятий. В 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР за перевыполнение производственного плана и успешную организацию социалистического соревнования наградил орденом Ленина коллектив Ярославского резино-асбестового комбината и орденом Трудового Красного Знамени коллектив Ленинградского опытного завода синтетического каучука. Тогда же 286 передовиков каучуковой, шинной и резино-асбестовой промышленности были награждены орденами Советского Союза [106].

В 1939 г. XVIII съезд ВКП(б), придавая исключительное значение химизации всего народного хозяйства, постановил: «Третья пятилетка — пятилетка химии». Устанавливая задание химической промышленности — к 1943 г. увеличить общий объем производства в 2,4 раза,— съезд подчеркнул необходимость развития синтетических производств на базе использования природных газов и побочных продуктов нефтепереработки взамен пищевого сырья. Особое внимание было уделено дальнейшему развитию промышленности синтетического каучука. Предусматривалось за пятилетие ввести в строй 13—15 заводов синтетического каучука [107].

Осуществление новой грандиозной программы химизации народного хозяйства СССР было прервано вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. Больше половины всех действовавших производственных мощностей химических предприятий Советского Союза было выведено из строя. Тем не менее химическая промышленность сыграла значительную роль в обеспечении победы советского народа в Великой Отечественной войне, и в этом с особой силой проявилась правильность политики Коммунистической партии в отношении создания и развития мощной химической промышленности. После окончания Отечественной войны титаническим трудом советского народа в кратчайший срок был восстановлен, а потом значительно превышен довоенный уровень производства химической промышленности.

В настоящее время по темпам развития химической промышленности наша страна опередила промышленно развитые капиталистические

---

[103] «СССР и капиталистические страны». М.-Л. 1939, стр. 27.

[104] Журнал «Каучук и резина», 1937, № 6, стр. 9, 13—14.

[105] Опубликованные в печати материалы показывают, что замедленное развитие промышленности синтетического каучука за рубежом связано, в частности, с преступной деятельностью германского концерна «ИГ Фарбениндустри» и американского треста «Стандард ойл». Последние еще в 1930 г. создали общую компанию, которая скупала все патенты, относившиеся к синтезу каучука. Причем «ИГ Фарбениндустри» выполнял при этом прямой заказ германского генштаба, а хозяева «Стандард ойл» надеялись получить с течением времени высокие прибыли из неподготовленности своей страны к производству важнейшего военно-стратегического сырья (Н. Н. Иноземцев. Указ соч., стр. 92—93).

[106] «Каучук и резина», 1939, № 6, стр. 3.

[107] См. «XVIII съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М. 1939, стр. 654, 662.

страны. Выпуск химической продукции в 1956 г. по сравнению с 1937 г. в СССР увеличился в 7 раз, США — в 4,1 раза, Англии — в 3 раза, Франции — в 2,3 раза, Федеративной Республике Германии — в 2,1 раза [108]. Только в РСФСР сейчас насчитывается 11 предприятий искусственного волокна. Всего же в 1958 г. выработка химических волокон достигла 166 тыс. т (почти в 60 раз больше, чем в 1932 г.), а выпуск автопокрышек составил 14,4 млн. штук (2 600% к 1932 г.) [109].

Но, несмотря на высокий уровень производства химической продукции, потребности народного хозяйства во многих ее видах удовлетворяются еще не полностью. Особенно остро ощущается недостаток изделий из полимеров. Советский Союз еще отстает от некоторых капиталистических стран в производстве ряда синтетических продуктов. Так, по производству искусственных и синтетических волокон СССР занимает только шестое место, пластических масс — пятое место в мире [110].

Широкую программу дальнейшего развития химической промышленности разработал майский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС.

Выступая с докладом на Пленуме, Н. С. Хрущев подчеркнул: «Сейчас ставится одна из важнейших и неотложных задач — в короткие сроки обеспечить ускоренное развитие химической промышленности и создать мощную промышленность по производству полимеров. Этот вопрос в современных условиях приобретает огромное государственное и политическое значение» [111].

Намечая величественную программу развернутого строительства коммунизма в СССР, XXI съезд КПСС еще раз указал на неограниченные возможности химии и признал необходимым увеличить общий объем ее продукции за семилетие почти в 3 раза, в том числе производство искусственных волокон — почти в 4 раза, пластических масс и смол — более чем в 7 раз. Предстоящие затраты на развитие химической индустрии в 1959—1965 гг. в пять с лишним раз превосходят вложения в эту отрасль промышленности за 1952—1958 годы [112]. Такой рост, наивысший для всего народного хозяйства, связан прежде всего с необходимостью первоочередного развития полимерных производств. Свыше 50 млрд. руб. выделяется на развитие промышленности синтетических материалов. На эти средства, в частности, будет реконструировано и построено вновь 46 предприятий искусственного волокна, 133 цеха по производству пластических масс, 20 предприятий и цехов синтетического каучука [113].

Советский народ по призыву Коммунистической партии единодушно поднялся на борьбу за досрочное выполнение решений XXI съезда партии. Прошедший в июне 1959 г. Пленум ЦК КПСС отметил, что выполнение плана первого года семилетки проходит успешно, и наметил ряд новых мероприятий по дальнейшему ускорению строительства большой химии. Опираясь на общие достижения народного хозяйства СССР, используя опыт, накопленный советской промышленностью синтетических материалов за тридцать лет, приумножая славные традиции героев первой пятилетки, работники полимерных производств с честью справятся с теми задачами, которые поставили перед ними Коммунистическая партия и Советское государство.

[108] См. «Материалы майского (1958 года) Пленума ЦК КПСС». Госполитиздат. 1958, стр. 35.

[109] «Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1958 году». М. 1959, стр. 7, 8.

[110] См. «Материалы майского (1958 года) Пленума ЦК КПСС», стр. 35.

[111] Там же, стр. 38.

[112] См. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. I. Стенографический отчет. М. 1959, стр. 27, 39.

[113] «Правда», 14 января 1959 года.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ *

Академик М. Н. Тихомиров

По одному названию «Великий Новгород» уже чувствуется, что речь идет о выдающемся городе. На Руси было несколько городов с названием «Новгород» (Нижний Новгород, Новгород-Северский, Новый городок Литовский и др.), но ни к одному из них не применялось название «Великий». В этом наименовании выражалось почтительное отношение к Новгороду не только потому, что он был велик по количеству населения, по обширности занятой территории, по богатству и обстроенности, но и потому, какое он имел значение на Руси.

Время возникновения Новгорода точно неизвестно. Однако русская летопись в записи, относящейся к 859 г., уже упоминает о Новгороде и новгородцах, отождествляя их со словенами, населявшими территорию вокруг озера Ильмень. В Новгородской земле существовало старинное предание, что до возникновения Новгорода в стране ильменских словен стоял город Словенск, а Новый город был построен позднее. Эта легенда нашла свое отражение в известной опере композитора Верстовского «Аскольдова могила», в песне о городе Славянске, поблизости от которого стоял терем некоего злого боярина.

За условную дату возникновения Новгорода можно принять сообщение, записанное под 859 г. в Никоновской летописи [1], в котором говорится, что словене совместно с другими племенами изгнали варягов и «начаша сами себе владети и городы ставити». В этом известии новгородцы отождествляются со словенами («словене, рекше новгородци»). Да и древнейший летописный рассказ, сохранившийся в Новгородской Первой летописи, которую А. А. Шахматов возводит к Начальному своду 1093 г., предшествовавшему «Повести временных лет», гласит, что Рюрик сел княжить «в Новегороде», существовавшем, следовательно, и по легенде о призвании князей раньше прихода варягов. Правда, в Ипатьевской летописи сообщается, что Новгород был построен в 862 г. Рюриком, но доверять такому сообщению невозможно. Это явно позднейшая легенда, связанная с легендой о призвании варягов. Таким образом, одна легенда послужила основой для другой.

Летописное известие о призвании варягов широко использовалось учеными-норманистами и до сих пор имеет распространение среди представителей реакционных кругов зарубежных ученых. Между тем данные советской исторической науки опровергают норманскую теорию возникновения Русского государства.

Норманны появлялись в славянских землях преимущественно с торговыми и грабительскими целями. Это находит свое подтверждение и в новых археологических открытиях. Раскопки, производимые на территории древних поселений восточных славян, говорят об относительно высокой культуре славянских племен. С трудом устанавливаются следы скандинав-

---

* Расширенный текст доклада, прочитанного в Новгороде на заседании, посвященном празднованию 1100-летия города.

[1] Полное собрание русских летописей. Т. IX, стр. 8.

ских корней в названиях местностей Новгородской земли, где будто бы правили варяжские князья. Названия городов и сел Новгородской и Псковской земель — славянские. Следует отметить и тот факт, что название «Новгород» также чисто русского происхождения. Это — лишнее подтверждение несостоятельности норманской теории и предания о Рюрике как основателе города. Было бы странно думать, что норманны, основывая город в чужой земле, назвали его славянским, а не скандинавским именем. Не только Новгород, но и еще примерно 200 древнейших русских городов имеют славянские названия [2]. И этот поразительный факт упорно замалчивается некоторыми приверженцами устарелых взглядов о начале государства на Руси.

Тема о варяжской легенде — особая тема, но нельзя не отметить ту крайне слабую источниковедческую базу, на которой основаны доказательства достоверности этой легенды.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской Первой летописи, в которой упоминаются новгородские люди («рекомые Словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. По летописи, каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владяше»). В этих словах проводится параллель с тем, что было сказано в той же летописи раньше, в повествовании о начале Русской земли («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюще кождо родом своим»).

По легенде, словене, кривичи, меря и чудь вначале давали дань варягам, но позже восстали и стали враждовать между собою. Легенда сообщает, что после этого те же племена сами обратились к варягам с призывом прислать к ним князей. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». Старейший — Рюрик сел в Новгороде, Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. В Новгородской Первой летописи нет упоминания о том, что варяги прозывались «Русью», хотя и говорится, что «от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех слывет Руская земля», без дальнейших объяснений [3].

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, вызвали своеобразные комментарии уже в древнее время для объяснения того, кем же была эта «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывало это начало с Кием, Щеком и Хоривом, но не с варягами. Поэтому уже в «Повесть временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «Идоша за море к варягам к Руси; сице бо ся зваху ти Варязи Русь, яко се друзии зовутца Свее, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и си». В переводе на современный язык это означает: «Пошли за море к варягам к Руси; ведь те варяги также назывались Русью, как другие зовутся шведами, другие норвежцами, англичанами, другие готами, так и эти».

Вставной характер этой фразы признают А. А. Шахматов и наиболее крупные ученые, изучающие летопись. Новейшее высказывание принадлежит А. Н. Насонову, который отмечает, что эта «вставка, судя по ее смыслу, была вызвана прежде всего желанием включить в число потомков Афета варяжские народы» [4].

Введение подобного комментария в «Повесть временных лет» объясняется тем, что источники «Повести», видимо, давали разные сведения о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к этим племенам и Русь, несмотря на то, что по «Повести временных лет» призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле, всюду печатаемые и упорно повторяемые слова, обращенные к варяжским князьям — «реша Русь,

---

[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е. М. 1956, стр. 12—43.
[3] «Новгородская летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 106.
[4] А. Н. Насонов. Начальные этапы Киевского летописания. Проблемы источниковедения. VII. М. 1959, стр. 451.

Чудь, Словени и Кривичи: вся земля наша» и пр.,— являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском и Ипатьевском, сама Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, приглашавших варягов, и текст читается таким образом: «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи: наша земля» и пр. То есть варягам «сказали Русь, Чудь, Словены и Кривичи». Тот же текст найдем и в древнейшем датированном списке летописи — кратком летописце патриарха Никифора с русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 года.

В дальнейшем Новгородская Первая летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и причисление Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой рождение Игоря отнесено к 865 году. В силу этой хронологии Игорю в год его смерти (945) исполнилось 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детеск сы»). По той же хронологии Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 году, рождает сына Святослава в 942 году. Защитники легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию, которая скорее напоминает библейский рассказ о бездетной Сарре, чем русскую действительность X века. Выходит, что Ольга родила единственного сына лет 60 от роду.

Таким образом, варяжская легенда не опровергает того, что Новгород возник до 862 г., к которому летопись относит призвание варягов. У нас есть основание сказать, что Новгород с самого начала был русским городом, носил русское название и был центром Словенской, позже Новгородской земли.

★

Для того, чтобы понять особое значение Новгорода в культуре средневекового мира, необходимо хотя бы в кратких словах сказать о том, какое место он занимает в мировой истории.

Новгород был не только богатым торговым городом, но и центром обширного феодального государства. В этом, может быть, и надо видеть объяснение долговечности Новгородской республики. По обширности своих владений Новгородская республика не имела себе равных во всем мире. Она простиралась от Финского залива до Уральских гор. Непосредственно к Новгороду примыкала также обширная территория, вероятно, уже в XV в. разделенная на пятины. Но центром всех новгородских владений всегда оставался Новгород. И когда столица республики подчинилась московскому великому князю, это означало и подчинение ему всех новгородских владений. Нет и намека на то, чтобы в какой-либо из новгородских областей оказано было сопротивление московскому господству.

Сопоставление Великого Новгорода с «вольными городами» Западной Европы, в частности даже с крупнейшими ганзейскими городами, дает неправильное представление о «Господине Великом Новгороде», как подчеркнуто именовали новгородцы свое государство. И Любек и Бремен даже в периоды своего расцвета обладали лишь незначительной прилегающей к ним территорией и никак не могут сравниваться с Новгородской землей (даже без обширного Заволочья). Большими владениями обладали Венеция и Генуя, но подчиненные им территории были разбросаны в разных частях Средиземноморья и сообщались с метрополией морским путем. «Господин Великий Новгород» господствовал над гораздо более обширными пространствами всей северной России, занимая в этом отношении исключительное, выдающееся место в средневековом мире, не имея себе равных.

Здесь не место останавливаться на государственном строе Новгорода, но нельзя не отметить некоторых замечательных его особенностей. Новгородцев обычно рисуют в виде вечевой вольницы: Новгород — это «город воли дикой, город буйных сил». Но город «воли дикой» просуществовал как центр особого государства по крайней мере 500 лет, с конца X в. по конец XV века. Конечно, было бы неправильным называть новгородское устройство «народоправством», как это в свое время сделал Н. И. Костомаров, но столь же неверно полностью игнорировать то особое положение, которое занимали в Новгороде ремесленники и примыкавшие к ним низы городского населения, «черные люди» в целом. Историки, готовые видеть вместо классовой борьбы одну только «централизацию» власти как всеобъемлющий процесс русской истории XIV—XV вв., не замечают того, что вечевые традиции Новгорода опирались на «черных людей». «Мужи новгородцы», свободные люди, составляли основу новгородского ополчения. Это было «бюргерство» русского средневекового города, а тому, какое большое значение имело бюргерство в средневековых городах Европы, посвящены замечательные страницы в трудах Ф. Энгельса.

Сказанное выше не мешает нам видеть в новгородском устройстве типичные черты средневековой аристократической республики с преобладанием власти бояр-землевладельцев и верхушки купечества совместно с церковными феодалами. Аналогии с другими такими городами, как Новгород, мы находим в Италии. Наиболее близкой к порядкам в Новгороде являлась Флоренция, хотя и здесь имелись большие отличия. Более близкие аналогии дадут славянские города (Котор и др.) на побережье Адриатического моря, в которых собиралось великое и малое «вече» [5].

Насколько строй «Господина Великого Новгорода» был устойчив, видно из того, что за всю свою историю он не знал попыток создания в нем тиранического режима, восторжествовавшего в ряде итальянских городов.

Прочность и длительность новгородских традиций обеспечили Новгороду сохранение его культурных богатств и их длительное накопление.

Новгороду принадлежит и великая роль в деле отстаивания независимости русского народа. Обычная версия спасения Новгорода и Пскова от татарских погромов путем ссылок на весеннюю распутицу, помешавшую будто бы Батыевым полчищам опустошить Новгородскую землю, является малодостоверной. Кто же помешал бы Батыю дождаться сухого лета или холодной зимы, сковывавшей новгородские болота и реки? Ведь Батый и его военачальники не принадлежали к скороспелым полководцам и, как показывают другие примеры, умели ждать. Целый год прошел между завоеванием Великих Болгар и татарским нашествием на Рязанскую землю, а непроходимых лесов и болот между Великими Болгарами и Рязанской землей было не меньше, чем в Новгородской земле. Новгород спасен был от разорения не стихиями природы, а мужеством его защитников, так же, как это случилось вскоре после татарских разорений, когда Невская битва 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г. защитили Новгород и Псков, защитили остальную Русь от шведских феодалов и немецких рыцарей.

★

Поразительно обширны и разносторонни были новгородские торговые и культурные связи.

Трудно представить себе другой город, расположение которого было бы так выгодно в средние века, как положение Великого Новгорода. В те времена, когда сухопутные связи имели меньшее значение, чем водные, Новгород бесконечно выигрывал по сравнению с другими русскими городами, так как стоял на стыке пути «из Варяг в Греки» с гигантским Волж-

[5] И. Синдик. Комунално уредженье Котора. Београд. 1950.

ским путем. Путь «из Варяг в Греки» соединял Балтийское море с Черным, в силу чего Новгород был связан и с Балтийским и с Черным морями. По Волжскому пути можно было добраться до Хвалынского (Каспийского) моря, до древнего Хорезма, центра замечательной среднеазиатской культуры.

Однако одними географическими данными нельзя объяснить рост и значение Новгорода. Ведь географию определяют прежде всего люди. На протяжении многих веков новгородцы представляются нам отважными, смышлеными, искусными людьми, смелыми путешественниками, дерзкими в войнах и в дальних странствиях.

Путь «из Варяг в Греки» выводил новгородцев к Константинополю. В эпоху Киевской Руси он шел по рекам Ловати, Западной Двине и по Днепру, с волоками, сухопутными участками, в верховьях этих рек. Позже, когда в приднепровских степях засели татары, новгородцы шли сухопутными дорогами через Литовское великое княжество и достигали Аккермана (Белгорода) на Черном море. Переезд через Черное море был опасным, и новгородские путники нередко жаловались на бури, застигавшие их во время морского путешествия. В Константинополе новгородцы были постоянными гостями, как и другие русские купцы. В этом международном городе средних веков находилась даже особая русская улица с лавками.

Путешествия новгородцев в Царьград и другие земли не были исключительным событием, как показывают вопросы новгородского монаха XII в., запрашивавшего своего епископа о «роте» — клятве, которую давали желавшие идти «в святую землю» — Палестину. Таких пилигримов, видимо, было немало, судя по ответу епископа «та бо, рече, рота губит землю сию» [6]. И образ такого буйного пилигрима, «калики перехожего», встает перед нами, когда мы читаем одну псковскую псалтырь, писец которой, придя в романтическое настроение, записал на полях рукописи о своей затаенной мечте: «а хочу пойти к Царюгороду, а песнь поя». Историки, заявляющие о неучастии Древней Руси в крестовых походах, должны задуматься, читая о клятве, губящей Новгородскую землю. Возможно, речь идет о добровольцах, стекавшихся в Царьград для участия в крестовом походе, а не только для простого паломничества.

Фактории новгородцев находились в южнорусских городах. Об одной из таких факторий мы узнаем по летописной заметке об убийстве в Киеве постригшегося князя Игоря Ольговича (1147 г.). Тело убитого князя было отнесено «в церковь святаго Михаила в Новгородскую божницю». Слова о новгородской божнице, то есть о церкви, подчеркивают ее принадлежность новгородцам. Из других источников мы знаем о том, что новгородцы при своих торговых дворах в Юрьеве (Тарту) и в Висби, на острове Готланд, имели особые церкви.

К Новгороду подходил и такой путь мирового значения, как Волжский. Мста и Тверца выводили к богатой Твери, стоявшей при впадении Тверцы в Волгу. Отсюда начиналась широкая речная дорога к Нижнему Новгороду и далее к Астрахани, а от нее по Каспийскому морю и сухим путем в Среднюю Азию, Закавказье и Персию. Эта дорога имела не только большое торговое, но и культурное значение, связывая Новгород с Востоком. Какая громадная роль в торговле отводилась Волжскому пути, видно из ярлыка монгольского хана Менгу-Темира, потребовавшего в середине XIII в. от великого князя Ярослава Ярославича дать открытый («чистый») путь по его владениям для рижских купцов [7].

Особенно частыми и оживленными были сношения Новгорода с прибалтийскими странами. По Волхову новгородцы добирались до Ладожского озера и Невы, а по ней и по Финскому заливу — в Балтийское море. Таким путем осуществлялась связь со Швецией, Германией и Фландрией.

---

[6] С. Смирнов. Древнерусский духовник. М. 1914, стр. 13.

[7] «Русско-Ливонские Акты», собранные К. Е. Напьерским. СПБ. 1868, стр. 14.

Запад получал из Новгорода воск, мед, меха, шкуры, моржовые клыки, лен. В свою очередь, в Новгород завозились различные металлы, оружие и другие товары.

Часто считают, что новгородские купцы вели только пассивную торговлю с Западом, но это неверно. Новгородская торговля с западными странами была очень активна, несмотря на огромную конкуренцию со стороны фландрских и ганзейских городов. Значение Новгорода и других русских городов в торговле Ганзы было настолько велико, что порой крупные события в России служили предметом особых обсуждений на съезде ганзейских городов, как это было в 1381 г., когда ганзейские купцы получили известие о Куликовской битве.

О широте торговых и культурных связей новгородцев можно судить, поставив на карте конечные пункты их путешествий с торговыми целями. На западе это будут Ипр во Фландрии, Любек в Германии, Висби на Готланде, на юго-востоке — Астрахань, на юге — Константинополь, на северо-востоке — Северный Урал. Более отдаленные торговые связи в средние века имела только Венеция. Ганзейские же города ограничивались сравнительно узкими пределами Балтийского и Северного морей.

До наших дней в Новгороде сохранились памятники, которые свидетельствуют о широком международном значении города. На Торговой стороне возвышается церковь Иоанна Предтечи на Опоках, построенная в начале XII века. При ней была создана одна из первых купеческих организаций, возникших в Европе,— «Иванское сто». На знаменитой вечевой площади, на Торговой стороне, стоит церковь Параскевы Пятницы, основанная в XII веке. Она была храмом русских купцов, торговавших с «заморскими странами»: с Швецией, Германией, Англией. Сейчас эта церковь почти рушится и вся в подпорках. Этот исторический памятник необходимо немедленно реставрировать.

Замечательна деятельность новгородцев на севере России. Волхов, Свирь, Онежское озеро и Онега выводили новгородцев к берегам Белого моря и Ледовитого океана. На образном языке русских поморов океан назывался «дышучим морем». Море точно дышало, поднимая и опуская свою могучую грудь в приливах и отливах.

Новгородцы освоили русский Север и заселили его вплоть до Белого моря и океана. К востоку от Белого озера на громадное пространство «за волоком» простиралось «Заволочье», часть которого называли Двинской землей. Сюда шли новгородские переселенцы, здесь захватывали обширные владения новгородские бояре. Житие одного из новгородских «святых» повествует о боярине, покинувшем Новгород и основавшем свой городок на реке Ваге. Глухие, темные леса, болота и дебри не были препятствием для отважных новгородских моряков, бороздивших на своих судах, «кочах», северные моря. Новгородцы были знакомы и с берегами Западной Сибири, где археологи обнаружили следы пребывания русских поселенцев, осевших здесь задолго до завоевания Сибири.

Освоение обширных и пустынных пространств на севере Восточной Европы является несомненной заслугой новгородцев. Они, собственно, и оставили нам первые географические описания европейского севера, не лишенные легендарных черт и сказочных подробностей, до которых были так падки люди всех стран и народов в средние века. Только новгородские летописи и новгородские грамоты дают возможность восстановить картину жизни на севере России в XI—XV веках. Устав 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича — это первый официальный документ, перечисляющий населенные пункты на севере Руси, своеобразный дорожник XII столетия.

Из новгородских летописей мы узнаем и о народах, населявших европейский север. Впоследствии сказания новгородцев вошли в основу известий Сигизмунда Герберштейна о севере России, впервые познакомивших

западноевропейские образованные круги с северными народами. Австрийский путешественник посвятил северу особую главу под названием «Плавание по Ледовитому океану», а также «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби» [8].

Относительно многочисленные «двинские грамоты», как называют обычно документы, составленные в новгородских владениях на Северной Двине, рисуют разностороннюю активность новгородцев. Перед нами раскрывается картина деятельности населения, осваивавшего не только скудные северные земли, но и богатые рыбные ловли, морские угодья со стадами моржей, за которыми устраивалась беспощадная охота. «Дорог рыбий зуб» — моржовые клыки служили не меньшей приманкой для охотников, чем слоновая кость. Из них делали красивые рукоятки для ножей, как об этом пишет тот же Герберштейн.

★

Новгороду принадлежит видное место в истории мировой культуры, прежде всего как городу, находившемуся в связи с различными культурными очагами средневековья. Связанный торговыми и культурными отношениями со странами Запада, Востока и Средиземноморья, Новгород создал свою собственную культуру.

«Путешествия» западноевропейских авторов в разные страны широко пропагандируются как произведения, впервые давшие сведения об отдаленных землях. Гораздо менее известны, а иногда и совсем неизвестны замечательные географические описания, принадлежавшие русским путешественникам, среди которых видное место занимали новгородцы. Поэтому нелишним будет напомнить хотя бы в кратких словах о такого рода трудах.

Новгородцы оставили для потомства интереснейшие описания Константинополя и его достопримечательностей. «Хождение» в Константинополь, составленное новгородским архиепископом Антонием незадолго до разорения византийской столицы в 1204 г. крестоносцами,— один из замечательных источников по истории Византии. Новгородский паломник с особой тщательностью отметил русские реликвии, попавшие в Константинополь. В соборе св. Софии он увидел большое золотое блюдо княгини Ольги русской; она его взяла, когда ходила в Царьград за данью. Антоний поклонился гробу русского попа Леонтия: «Велик человек, той бо Леонтий трижды в Иерусалим пешь ходил» [9]. Но Антоний отнюдь не замыкается в сфере только русских интересов. Главной темой его «Хождения» является Константинополь со всеми его достопримечательностями. По преимуществу он рассказывает о различного рода цареградских святынях. Этот рассказ ярко отмечен чертами современности. Произведение Антония по праву может считаться одним из самых замечательных описаний Константинополя в средневековое время.

Путешествие в Константинополь было сделано и Стефаном, также новгородцем. Он посетил Константинополь в 1349—1350 гг. и кратко описал его достопримечательности. В рукописях его произведение озаглавлено «От странника Стефанова Новгородца». Название «От странника», возможно, означает то, что из рукописи «странника», иными словами, из описания путешествия Стефана была выписана только часть произведения. Стефан посетил Константинополь не один, а в содружестве «со своим другы осмью» [10], то есть с восемью друзьями.

---

[8] Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах (перевод А. И. Малеина). СПБ. 1908, стр. 127—133.

[9] «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград» (с предисловием и примечаниями П. Савваитова). СПБ. 1872, стб. 14, стб. 142.

[10] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л. 1934.

Несомненно, новгородскому автору принадлежит уникальное историческое произведение, рассказывающее о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 году. Оно внесено под этим годом в Новгородскую Первую летопись и носит все черты сочинения, написанного очевидцем. Заканчивается сказание о взятии Константинополя крестоносцами такими многозначительными словами: и так погибло царство богохранимого Константина града и земля Греческая в ссоре императоров, которой обладают фряги [11].

Крупнейшее историческое значение имеют новгородские произведения, относящиеся к истории народов, населявших европейский север. Уже в «Повести временных лет» находим полулегендарные рассказы о народах «в полуночных странах». Сведения о Югре и Самояди записаны со слов Гюряты Роговича Новгородца. Со слов жителей Ладоги — ладожан — в «Повесть временных лет» внесен рассказ о стеклянных «глазках», которые будто бы падают из туч и которые иногда выплескивает река Волхов [12].

В Новгородской летописи разбросаны известия о народах европейского севера, и это почти единственный источник по истории северных народов в средние века. Среди них особый интерес имеют те сведения, которые сообщает новгородский архиепископ Василий в своем послании о рае (XIV в.). Возражая тем, кто доказывал, что рай будет не вещественным, а мысленным, Василий ссылается на рассказ Моислава Новгородца: И то место святого рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков, и всех их было три судна («юма»), одно из них погибло, много блуждав. Два других судна долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. За этими-то горами и находился земной рай. В доказательство этого новгородский владыка сообщает еще ряд подробностей, оставив тем самым любопытнейшее и одно из древнейших описаний плавания по Ледовитому океану [13].

★

Новгород сохранил древнейшие памятники русской письменности. Этому способствовало то, что Новгородская земля избежала татарского завоевания. Были пожары и другие бедствия, однако Новгород не знал разорения вплоть до шведской оккупации 1611 года. Благодаря этому Новгород сохранил большее количество рукописей, чем какой-либо другой из русских городов. Долгое время он был тем резервуаром, из которого черпали рукописные сокровища создатели библиотек и рукописных собраний. Одним из таких неутомимых книжных собирателей был знаменитый патриарх Никон. Новгородские рукописи легли в основу Воскресенского собрания рукописей, хранящегося сейчас в Историческом музее, а некогда принадлежавшего Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю под Москвой, основанному Никоном. Патриаршее, или Синодальное, собрание рукописей того же музея в своей основе имеет многие книги новгородского происхождения.

Собирание и хранение рукописей производились при «доме св. Софии», как назывался в Новгороде весь политический и хозяйственный комплекс, подчиненный новгородскому «владыке» — архиепископу. Собирали рукописи монастыри и церкви, князья и бояре.

Тема о новгородской письменности настолько обширная, что не уложилась бы не только в статью, но и в книгу. Поэтому ограничимся только краткими замечаниями.

Древнейшая русская рукопись с датой — известное «Остромирово

[11] См. «Новгородская летопись старшего и младшего изводов», стр. 46—49.
[12] «Летопись по Ипатскому списку». СПБ. 1871, стр. 163, 199.
[13] Полное собрание русских летописей. Т. VII, стр. 212—214.

евангелие» было написано в 1057 г. по приказанию новгородского посадника Остромира; писцом был Григорий-диакон. Это прекрасный образец роскошной русской рукописи XI столетия.

Древнейшая русская грамота, дошедшая до нашего времени в подлиннике, тоже новгородского происхождения. Это грамота князя Мстислава Владимировича, данная им Юрьеву монастырю под Новгородом около 1130 года. Также и древнейший частный акт, вкладная Варлаама Хутынского конца XII в.,— новгородского происхождения.

Велики заслуги Новгорода в деле сохранения памятников русского летописания. Два древнейших списка русской летописи написаны в Новгороде.

«Краткий летописец» патриарха Никифора с русскими статьями помещен в громадной рукописной Кормчей, составленной в 1280 г. по приказанию новгородского князя Дмитрия Александровича и на средства новгородского архиепископа Климента: «Повелением благовернаго князя новгородскаго Дмитрия и стяжанием боголюбиваго архиепископа новгородскаго Климента» [14].

Новгородская летопись по Синодальному списку написана в XIII—XIV веках. Это древнейшие списки летописей, не говоря уже о позднейших. Такой интерес новгородцев к старине способствовал тому, что именно Новгород сохранил потомству Начальный свод 1093 г., о котором говорилось выше.

Список древнейших русских памятников громадного исторического значения можно продолжить и дальше. Древнейший список пространной редакции «Русской Правды» сохранился в той же Новгородской Кормчей 1280 г., как и единственный список упомянутого раньше Устава Святослава Ольговича. Оба уникальных списка краткой редакции «Русской Правды» также новгородского происхождения. Они сохранились в списках середины XV в. в составе Новгородской летописи.

Даже древнейший книжный переплет, восходящий к XII в., был сделан для новгородского князя Мстислава Владимировича. Он украшает не менее замечательную рукопись, которую обычно называют «Мстиславовым евангелием». Она хранится в настоящее время в Историческом музее в Москве.

Среди новгородских рукописей следует отметить и замечательный юридический сборник XIV в., известный под названием Пушкинского. В него включены произведения, являвшиеся юридическими пособиями в Древней Руси: «Русская Правда», пространная редакция «Закона Судного людем», договор Смоленска с Ригой 1227 года. В договоре имеется «Правда» — свод судебных постановлений, которыми руководились при разбирательстве судебных дел, относящихся к русским и чужеземным купцам в Смоленске. «Закон Судный людем» в его пространной редакции, наиболее древний список которого помещен в названном сборнике,— сам по себе интереснейший памятник русской юридической мысли [15].

С большим вероятием можно предполагать, что и шедевр русской древней поэзии, «Слово о полку Игореве», дошел до нас при посредстве новгородского или псковского списка. В частности, как отметил Д. С. Лихачев, на это указывает то обстоятельство, что заглавие летописи, помещенной в том сборнике, где находилось «Слово о полку Игореве», имеет полное сходство с заглавием Новгородской Первой летописи.

Обилие самых разнообразных произведений, дошедших до нашего времени при посредстве Великого Новгорода, объясняется не только особыми условиями для сохранности произведений письменности и искусства

---

[14] «Русские достопамятности, издаваемые Обществом Истории и Древностей Российских, учрежденном при Имп. Московском Университете». Часть первая. М. 1815, стр. 19.

[15] «Русские достопамятности...». Часть вторая. М. 1843.

в Новгородской земле по сравнению с другими русскими землями, за исключением Псковской, но и тем, что новгородцы выделялись своей относительной образованностью. Об этом свидетельствуют надписи, «граффити», нацарапанные острыми орудиями на стенах новгородских церквей. Их делали грамотные люди, а таких было немало среди новгородских купцов и ремесленников, которым грамотность в некоторых случаях была необходима.

Еще красноречивее об этом говорят берестяные грамоты, открытые в Новгороде экспедицией А. В. Арциховского. Это открытие имеет выдающееся значение вообще для истории мировой письменности. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник могут быть сравнены только с египетскими папирусами.

Новгород сохранил и передал по наследству будущим поколениям и громадную литературу церковного и гражданского характера, переведенную на Руси с греческого языка. Значение этой литературы не вполне еще осознано, и к ней нередко относятся с пренебрежением, как к заимствованным произведениям письменности. Между тем греческие произведения, переведенные на русский язык в Древней Руси, порой имеют самостоятельное значение, так как их греческие подлинники утеряны. Кроме того, не исключена возможность, что переводы делались с более ранних редакций и более ранних рукописей, чем известные нам греческие подлинники.

★

Ни один историк мировой культуры, говоря о средневековом искусстве и письменности, не может пройти мимо Новгорода, не упомянув о его замечательных памятниках.

Прикладное искусство Новгорода, его «сионы» и братины, его замечательные иконы, церковные врата и т. д. описаны и изучены в работах Б. А. Рыбакова и других исследователей. В последние годы появились многочисленные труды В. Н. Лазарева о живописи Новгорода. Здесь остается только кратко упомянуть о замечательном новгородском искусстве, жизнерадостном и животворящем вплоть до нашего времени.

Крайне интересны те особенности, которые Новгород внес в живопись и архитектуру. Как уже говорилось выше, Новгород имел большие связи с Византией. Несомненно, что многое в новгородской архитектуре и живописи было заимствовано из Византии, которая хранила замечательные традиции эллинистического мира. Церкви в Новгороде по своей архитектуре близки к постройкам Византийской империи. Отмечают и некоторую связь архитектуры Новгорода с постройками в Армении и Грузии. Однако в новгородских сооружениях нет слепого копирования тех или иных византийских сооружений. Чувствуется какая-то северорусская строгость в архитектуре, например собора св. Софии в Новгороде, в его куполах, напоминающих тяжелые шлемы воинов, в простоте гладких монументальных стен, во всем облике этого замечательного сооружения XI в., ставшего символом новгородской независимости: «Где святая София, тут и Новгород». И архитектура других новгородских церквей типично русская.

В то же время нельзя сомневаться в том, к какому культурному миру относятся новгородские архитектурные памятники. Связь с Константинополем позволила новгородцам использовать лучшие традиции эллинистического мира, охватывавшего некогда обширные территории Передней Азии. И сочетание византийских и русских элементов дало поразительные результаты. Невозможно не любоваться новгородскими церквами XII—XIV веков. Но не только византийские традиции перерабатывались на новгородской почве. В XIV—XV вв. в новгородской архитектуре и живописи все сильнее сказывались связи с Западной Европой. Свидетельством этого служит Грановитая палата в Кремле, построенная в XV веке. Она укра-

шена по образцу западноевропейских горниц сводами готического стил но эти украшения также переработаны в собственном, новгородском дух

Архитектура и живопись Новгорода — замечательное достояние о щемировой культуры. Теперь, после варварского разрушения новгоро ских памятников гитлеровскими полчищами, только с трудом можно пре ставить себе почти тысячелетнюю красоту Софии с ее древним иконост сом и росписью. Фашистский снаряд разрушил знаменитую фреску в к поле с изображением Спасителя. Он держал зажатую руку вместо благ словляющей, и старая легенда предвещала, что когда рука разогнет тогда погибнет и Новгород. Изуродована церковь Спаса Нередицы — под линная жемчужина мирового и русского искусства XII столетия. Целико погибла церковь на Волотове с ее фресками XIV века. Как раз в ее по гибших фресках, может быть, лучше, чем в каких-либо других новгород ских росписях, сохранялись наивные и в то же время глубоко трогательны черты своеобразной новгородской культуры. Тут и трубящий ангел, и свя тые, и совсем уже апокрифический сюжет: сытые монахи пируют и не об ращают внимания на стоящего сбоку нищего, а в образе нищего стоит са Христос и взирает на веселую братию, отрекшуюся от мира, но не от чар ки пенистого вина.

Уже одни только сохранившиеся памятники архитектуры и живопис обеспечивают Новгороду почетное место в мировой культуре. Теперь эт великие памятники искусства бережно восстанавливаются и охраняются

Сохранению памятников древности способствовали удивительная жи вучесть новгородских традиций, забота о седой старине своего города. Вс один из примеров такого уважения новгородцев к традициям прошлог Новгородский митрополит Никон в 1649 г. поссорился с жителями город из-за своего намерения расширить собор св. Софии, сломав внутри его ка кие-то «столпы». Дело дошло до открытого выступления в защиту св. Со фии, и крутой Никон вынужден был уступить. Св. София была сохранен в старом виде.

Велико значение Новгорода в мировой культуре, и новгородцы впра ве гордиться своим городом.

Страшные разорения испытал Новгород во время занятия его фашист скими варварами. Теперь эти раны, нанесенные старому городу, залечены На месте пепелищ и развалин вырос красивый город, в котором чтят берегут старинные памятники и в то же время возводят новые дома, ули цы и парки. Восстановление Новгорода стало возможным лишь благода ря огромной помощи Коммунистической партии и Советского правитель ства, благодаря самоотверженному труду советского народа.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Л. К. Ерман

История Советов рабочих депутатов периода первой русской революции привлекала внимание многих исследователей. Только за последние годы опубликован ряд работ, в которых анализируется деятельность Советов в 1905 году [1]. Однако до сих пор в нашей литературе мало изучено отношение этих органов к демократической интеллигенции. Между тем данная проблема составляет важную часть ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, трактующую вопрос о резервах пролетариата в городе.

Согласно переписи 1897 г., интеллигенция, работавшая в сфере материального производства и культуры, насчитывала 366 тыс. человек— 1,36% всего самодеятельного населения страны [2]. В конце XIX — начале XX в. численность ее несколько возросла.

По своему материальному положению и социальному составу интеллигенция распадалась на буржуазные верхи и мелкобуржуазную массу. К первым В. И. Ленин относил адвокатов, журналистов, профессоров [3]. К ним принадлежала и верхушка инженерно-технического персонала, железнодорожных и почтово-телеграфных служащих. Эта часть интеллигенции была тесно связана с крупной буржуазией и помещиками и стояла на либерально-монархических позициях. Ей «почти всегда свойственно,— писал В. И. Ленин,— тяготеть к союзу с Пуришкевичами» [4]. Из ее среды вышли кадры кадетской партии.

Основную массу интеллигенции составляли мелкобуржуазные элементы. Условия их жизни были близки к материальным условиям зажиточных мелких хозяев [5]. Но значительная группа этого слоя приближалась по своему положению к беднейшим мелким хозяевам. Сюда относились полупролетарские элементы, к которым В. И. Ленин причислял железнодорожных и почтово-телеграфных служащих [6]. Бюро Комитетов большинства характеризовало эту часть населения России как «пролетарски живущую интеллигенцию» [7]. Как отмечал В. И. Ленин, жалованье учителей начальной школы в Петербургском учебном округе не обеспечивало даже голодного существования. Правительство публиковало средние цифры для того, чтобы скрыть тяжелую участь той ча-

---

[1] Г. Д. Костомаров. Московский Совет в 1905 г. М. 1955; Л. М. Иванов. Всероссийская октябрьская политическая стачка и Советы рабочих депутатов. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 9. М. 1956; П. М. Шморгун. Советы рабочих депутатов на Украине в 1905 г. Киев. 1955 (на украинском языке)

[2] «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года». Ч. 2. Петербург. 1905, стр. 260—284.

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 488.

[4] Там же.

[5] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 443.

[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 360.

[7] «Третий съезд РСДРП». Сборник документов и материалов. М. 1955, стр. 67.

сти работников школ, которая получала еще более низкую плату [8]. На пример, среди учителей сельских земских начальных школ четыре уездов Киевской губернии 46 получали менее 8 и 30 — менее 16 руб. месяц [9]. Следовательно, народные учителя получали нередко за свой труд почти столько же, сколько основная часть плохо оплачиваемых ра бочих, а некоторые работники школ оплачивались как неквалифициро ванные рабочие.

Эта основная масса интеллигенции — народные учителя, большин ство медицинского и среднего технического персонала, железнодорожны служащих, почтово-телеграфных и конторских работников и т. п.,— ко торую В. И. Ленин справедливо характеризовал как неимущую [10], и со ставляла демократическую интеллигенцию. Она была тесно связана городской мелкой буржуазией и крестьянством. Условия ее существо вания и большая связь с народом обусловили ее враждебность к реак ции. В. И. Ленин отмечал, что эта демократическая интеллигенция полуинтеллигенция «по всем условиям своей жизни враждебна всякой пуришкевичевщине, всякому союзу с ней» [11]. Более того, условия суще ствования данных слоев населения благоприятствовали распростране нию в их среде сочувствия революционным идеям.

Таким образом, масса буржуазной интеллигенции могла сыграть определенную положительную роль в революции. Не являясь самостоя тельным классом, она не представляла собой «никакой самостоя тельной политической силы» [12]. Но «при условии сближени с народом», учил В. И. Ленин, она могла стать крупной силой в борь бе [13]. Основным условием такого превращения являлось руководство со стороны революционного пролетариата.

«Беспартийная революционность,— писал В. И. Ленин,— есть необ ходимое и неизбежное явление в эпоху буржуазно-демократической ре волюции» [14]. Эта беспартийная революционность была присуща значи тельной части интеллигентов. Однако эта революционность не была устойчивой, что объяснялось мелкобуржуазной природой и особенно стями психологии демократической интеллигенции, которая колебалась между реакцией и революцией, между сделкой с царем и восстанием против него [15]. Эти черты, как и политическая близорукость [16], пристрас ность к швырянию звонкими фразами, наряду с пассивностью в практи ческой борьбе [17] наносили немалый вред революционному движению. Им главным образом объяснялось влияние на интеллигенцию партий мень шевиков и эсеров.

Эффективность революционной борьбы демократической интелли генции определялась прежде всего тем, в какой мере она могла преодо леть свои колебания, свою неустойчивость. А это, в свою очередь, зави село от размаха революционных выступлений пролетариата и крестьян ства, от успехов пролетариата как гегемона революции, от того, в како степени интеллигенция будет вовлечена в общенародную борьбу за свержение самодержавия.

Вопрос об отношении к разным слоям интеллигенции накануне и в период первой русской революции большевики рассматривали как

---

[8] См. В. И. Ленин. Нищета народных учителей. «Исторический архив», 1957 № 2, стр. 4—5.

[9] Киевский областной государственный архив (КОГА), ф. 347, 1907, оп. 1 д. 1951, л. 18.

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 421.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 489.

[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 343.

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 192.

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 60.

[15] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 191.

[16] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 99.

[17] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 312.

часть вопроса о тактике партии в буржуазно-демократической революции. Отношение к буржуазно-либеральной верхушке и к основной массе интеллигенции определялось отношением большевиков к либеральной буржуазии и к массе мелкой буржуазии (крестьяне, ремесленники и т. п.). Тактика изоляции, проводившаяся большевиками в отношении либеральной буржуазии, применялась и к либерально-монархической интеллигенции. Принципиально иной была тактика большевиков в отношении массы мелкобуржуазной и полупролетарской интеллигенции. Критикуя ее ошибки и вскрывая причины ее шатаний, большевики помогали ей преодолевать колебания и привлекали к участию в революционной борьбе.

Под влиянием большевиков в период первой русской революции находился ряд обществ интеллигенции. М. Н. Покровский и И. И. Степанов-Скворцов руководили деятельностью Московского педагогического общества, председателем которого с конца 1904 г. стал Н. А. Рожков. С. И. Мицкевич вел большую работу в Московском обществе фабричных врачей. Под влиянием В. Р. Менжинского находилось Общество взаимопомощи учителей в Ярославле. В 1905 г. большевики создали ряд профсоюзов интеллигенции и руководили их работой. В Петербурге действовал возглавленный Л. Р. Менжинской, Е. Д. Стасовой, В. Р. Менжинской социал-демократический союз учителей. В Москве П. В. Точисский стоял во главе союза техников. Большевики направляли работу Московского союза фармацевтов. Сочувствовавшие большевикам учителя (Н. И. Коваленский, С. П. Виноградов, С. Н. Ильинский) стояли во главе Московского союза учителей средней школы. Сильным влиянием пользовались большевики в массе революционного студенчества. Характеризуя позицию последнего накануне октябрьской стачки, В. И. Ленин указывал: «Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех демократических сил...» [18].

Однако значительная часть интеллигенции в начале революции находилась под влиянием своих либерально-буржуазных верхов и поддерживавших их эсеров и меньшевиков. Их общими усилиями весной 1905 г. было создано свыше десяти так называемых профессионально-политических союзов, объединившихся в «Союз союзов». В эти организации вошла часть мелкобуржуазной интеллигенции, обманутая вывеской надпартийности, которой либералы вместе с эсерами и меньшевиками прикрывали кадетскую сущность данных объединений. Большевики вели борьбу против либералов, эсеров и меньшевиков, за влияние на массу членов указанных союзов, за привлечение ее на сторону революционного пролетариата.

В 1905 г. демократическая интеллигенция, преодолевая под влиянием пролетариата свои колебания, все более сближалась с ним и с крестьянством, постепенно вырастала в важную революционную силу. Основными вехами этого пути до возникновения Советов было участие трудовой интеллигенции в стачечной борьбе весной и летом 1905 г., в бойкоте Булыгинской думы, активная роль в подготовке и проведении октябрьской политической стачки. Если летом 1905 г. демократическая интеллигенция, став на позиции бойкота думы, сделала первый шаг к единению с революционным народом, то к моменту образования Советов она уже превратилась в важную силу октябрьской стачки.

В период высшего подъема революции усилилось размежевание внутри интеллигенции. Ее либерально-монархические верхи вместе со всей либеральной буржуазией открыто перешли на позиции сторонников царизма. Масса мелкобуржуазной демократической интеллигенции стала еще ближе к пролетариату и крестьянству и, правда, не без коле-

[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 324.

баний, приняла участие в важнейших революционных событиях, подво дивших к вооруженному восстанию. Такая ее позиция отвечала социаль ным интересам этой мелкобуржуазной прослойки, заинтересованной решении демократических задач революционным путем.

Большое значение в воспитании демократической интеллигенции привлечении ее на сторону пролетариата имела работа большевиков ее среде и в особенности разоблачение ими программы и тактики каде тов, эсеров и меньшевиков, которое осуществлялось на собраниях, ми тингах, в публичных дискуссиях. Острейшую борьбу против этих бур жуазных и мелкобуржуазных партий развернули на студенческих со браниях и митингах большевики Петербурга. По свидетельств М. М. Эссен, особенно выделялись в это время «выступления Крыленко тогда еще молодого студента» [19]. Не менее острая борьба шла в сту денческих аудиториях Москвы. Лекции и доклады устраивались здес не только в крупных учебных заведениях, как университет или высше техническое училище, но и в сравнительно небольших. В октябре и ноя бре с лекциями для студентов и преподавателей Строгановского художе ственно-промышленного училища выступали видные деятели московско партийной организации: член МК РСДРП М. Н. Лядов и член лектор ской группы МК М. Н. Покровский [20]. В Одесском университете прово дились дискуссии против эсеров, меньшевиков и анархистов по философ ским, программным и тактическим вопросам. Острый характер носил они при обсуждении текущего момента, аграрного вопроса, вопросо подготовки вооруженного восстания, профсоюзного движения. На эт дискуссии собиралось такое огромное количество рабочих и студенто что самая большая аудитория не могла вместить их. Когда университе был закрыт царскими властями, дискуссии продолжались под открытым небом [21]. В Ярославле, на митингах в Демидовском лицее, перед студен ческой аудиторией выступали В. Р. Менжинский, Н. И. Подвойский Емельян Ярославский [22]. В Киеве большевики подготовили для студен тов реферат «О тактических разногласиях меньшинства и большинства» Он был прочитан 15 ноября в помещении Киевского политехническог института [23].

Работу по разоблачению кадетов, эсеров и меньшевиков развернул ли большевики и среди профессиональной интеллигенции. Читинский комитет РСДРП в течение ноября 1905 г. провел собрания учителей почтово-телеграфных и железнодорожных служащих, конторщиков 26 ноября на собрании народных учителей Читы большевики подвергли жестокой критике эсеровскую программу. Вскрывая мелкобуржуазны характер последней, большевики противопоставляли ей идеи пролетар ского социализма [24].

К демократической интеллигенции большевистские организации об ращались и в своих листовках. Пензенская группа РСДРП, разоблача в прокламации царский манифест 17 октября, показала, что борьба н окончилась и что пролетариат и крестьянство готовятся к вооруженно му восстанию. Адресуясь к демократической интеллигенции, большеви ки призывали ее стать под знамя пролетариата. «Интеллигенты, уча щиеся и 3-й элемент! — писали они.— Пролетариат зовет вас в свои ря ды. Бросайте все свои мелкие делишки — помните одно: в великой рос

[19] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПС (ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 3, д. 206, л. 2.

[20] Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 5/1 1905, оп. 67, д. 120, л. 111.

[21] Партархив Одесского областного комитета КПУ, ф. 2, оп. 3, д. 34, л. 25.

[22] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), Научно-справочна библиотека, фонд воспоминаний. Воспоминания Сурикова.

[23] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 3, кн. 1. М. 1957, стр. 194.

[24] «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.». Сборник документо и материалов. Чита. 1955, стр. 140.

сийской революции не пропадает ни одно усилие, нужна работа дружная, общая» [25]. Листовку, направленную против буржуазно-либеральной интеллигенции и эсеров, выпустил в ноябре Иркутский комитет РСДРП. В ней говорилось, что в то время, как пролетариат и крестьянство готовили вооруженное восстание, буржуазно-либеральная интеллигенция выступала за сговор и сотрудничество с царизмом [26]. Листовка разоблачала двурушническую политику эсеров, которые вместе с буржуазными либералами из профессионально-политических союзов выступали на собраниях за мирный путь развития революции, за царскую конституцию, а народных учителей заверяли в том, что они стоят за демократическую республику и вооруженное восстание [27].

Работа большевиков в среде демократической интеллигенции, борьба за нее с кадетами, эсерами, меньшевиками сыграли большую роль в деле ее революционизирования и вовлечения в борьбу за победу революции. На осуществление этой задачи направляли свои усилия и руководимые большевиками Советы рабочих депутатов.

Важнейшее значение для решения вопроса об отношении Советов к демократической интеллигенции имеет работа В. И. Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», написанная в начале ноября 1905 года. «Совет,— писал В. И. Ленин,— должен провозгласить себя временным революционным правительством, или составить таковое, обязательно привлекая для этого новых депутатов не от рабочих только, а, во-первых, от матросов и солдат, которые повсюду потянулись уже к свободе, во-вторых, от революционного крестьянства, в-третьих, от революционной буржуазной интеллигенции» [28]. Чтобы при таком широком составе Совет действовал как сплоченный и единый руководящий центр, он должен иметь сильное пролетарское ядро. «Надо только,— указывал В. И. Ленин,— чтобы было сильно основное чисто-пролетарское ядро во временном революционном правительстве, чтобы на сотни, к примеру скажем, рабочих, матросов, солдат, крестьян, приходились десятки депутатов интеллигентски-революционных союзов». В. И. Ленин указывал, следовательно, те организации интеллигенции, представителей которых необходимо было включить в состав временного революционного правительства. Такими объединениями прежде всего были союзы интеллигенции, руководимые большевиками (средних техников в Москве и Петербурге, среднего медицинского персонала в Москве, учителей в Петербурге, железнодорожных служащих, конторщиков, чертежников, фармацевтов в ряде городов страны и т. д.). Вместе с тем В. И. Ленин писал, что во временное революционное правительство могут войти представители «той части «союзов» и «Союза союзов», которые действительно революционны [29]. Бойкот Булыгинской думы и октябрьская стачка свидетельствовали, что среди профессионально-политических союзов интеллигенции, внутри «Союза союзов», как самого широкого объединения буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, имелось и все более росло революционное крыло. Его представители должны были войти в состав Советов.

Образование Советов (Московского, Киевского, Самарского и других) и их деятельность проходили в острейшей борьбе большевиков против меньшевиков, эсеров и поддерживавшей их либерально-буржуазной интеллигенции. Работу по созданию Московского Совета большевики развернули в борьбе с либеральным Московским стачечным коми-

---

[25] «Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905—1907 гг.». Сборник документов. Пенза. 1955, стр. 87.

[26] «Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции». Сборник документальных материалов. Иркутск. 1956, стр. 95.

[27] Там же, стр. 99.

[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 7.

[29] См. там же, стр. 8.

тетом, который возглавляли буржуазно-либеральная интеллиген ция из союзов адвокатов и журналистов и эсеры, окопавшиеся в Цен тральном бюро железнодорожного союза. Под влиянием большевико из стачечного комитета ушли представители рабочих союзов. Вслед з ними его оставили и делегаты некоторых союзов интеллигенции. На со брании руководимого большевиком П. В. Точисским союза средних тех ников было принято решение: собрание, «признавая смешанный соста Московского стачечного комитета неудовлетворяющим своему назначе нию — представителя московского пролетариата, одобряет выход своег представителя из МСК и принимает предложение, внесенное на заседани МСК тремя представителями от СРД, войти в лице представителя кор порации в состав Совета рабочих депутатов, как действительного выра зителя интересов московского пролетариата» [30]. Московский союз учи телей средней школы, руководители которого сочувствовали большеви кам, также заявил о выходе из стачечного комитета [31].

Таким образом, из-под влияния либералов и эсеров освободилис не только представители рабочих, но и часть демократической интелли генции. 22 ноября 1905 г. состоялось торжественное открытие первог пленума Московского Совета рабочих депутатов. Либерально-интелли гентский стачечный комитет, лишенный поддержки пролетариата и мас демократической интеллигенции, распался [32]. Либерально-буржуазна интеллигенция пыталась помешать образованию Советов или подчинит их своему влиянию также в Петербурге, Киеве, Самаре, Иркутске и мно гих других центрах. Но почти везде эти попытки провалились благодар революционной бдительности пролетариата, руководимого большеви ками.

Иначе, чем к либерально-буржуазной интеллигенции, относилис Советы к трудовой, служащей по найму интеллигенции. Они приглаша ли ее посылать своих представителей в Совет, и она, как правило, с удо влетворением принимала эти предложения. Московский Совет включил в свой состав представителей от нескольких союзов интеллигенции. В со став Совета были приглашены представители Московского союза техни ков — крупной организации интеллигенции Москвы, в которую к конц ноября 1905 г. входило свыше 1,5 тыс. человек. Общее собрание союза заявило, что оно признает руководство РСДРП, а в Москве считае своим руководителем Московский Комитет большевиков [33]. 10% член ских взносов и других сумм, поступавших в союз, отчислялись им непо средственно в кассу МК РСДРП [34]. В Московский Совет был приня также союз фармацевтов. Последний находился под влиянием МК РСДРП и под его руководством участвовал в подготовке и проведени октябрьской стачки [35]. В конце октября в союзе образовалась социал демократическая партийная группа, в которой большевики пользовалис преобладающим влиянием [36]. Наличие большевистского руководства и активное участие этих союзов в революции обусловили то, что предста вители их были приняты в Московский Совет с правом решающего голоса. В состав Московского Совета с правом совещательного голоса вошли депутаты от союза почтово-телеграфных служащих, всероссий ский съезд которого происходил в то время в Москве, а стачка, руково димая этим союзом, охватила всю Россию.

С правом решающего голоса в составе Петербургского Совета на-

---

[30] Журнал «Техник», 1906, № 1, стр. 15.

[31] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистиче ского строительства (ЦГАОР и СС), ф. 6862, оп. 1, д. 81, л. 4 об.

[32] Г. Д. Костомаров. Указ. соч., стр. 74.

[33] Газета «Борьба», № 7, 4 декабря 1905 года.

[34] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. де партамента полиции, д. 999, ч. 5, л. 358.

[35] Там же, ф. московской охранки, 1905 г., д. 811, т. 1, лл. 131, 138.

[36] Газета «Новая жизнь», № 5, 1 ноября 1905 года.

ходились представители союзов конторщиков и фармацевтов[37]. Их работой руководили объединенные социал-демократические группы, в которых сильное влияние имели большевики[38]. С правом совещательного голоса в Совете были представлены союзы почтово-телеграфных и железнодорожных служащих. Несколько позднее в состав Совета был принят представитель союза техников и мастеров[39]. Представители организаций демократической интеллигенции имелись в составе многих периферийных Советов. В Новороссийский Совет, руководивший «Новороссийской республикой», входили два представителя союза учителей и представитель служащих городской управы[40]. В Самарский Совет, председателем которого являлся большевик Вилонов, были приняты депутаты от союзов конторщиков, железнодорожных телеграфистов, земских служащих[41].

Представители демократической интеллигенции входили в состав многих Советов на Украине. В Екатеринославе в Совете были представлены служащие управления железной дороги, почтово-телеграфный союз и служащие контор и кредитных учреждений города[42]. В Одесский Совет своих представителей послали почтово-телеграфный союз и союз служащих и рабочих учреждений и предприятий городской управы[43]. В целом по России представители демократической интеллигенции входили в состав не менее 25 Советов рабочих депутатов (в том числе в Киеве, Костроме, Таганроге, Царицыне, Красноярске, Чите, Тихорецке, Александровске, ряде центров Донбасса и т. д.). Почти везде своих депутатов в Совет посылала интеллигенция, служившая по найму. Этот факт был отмечен В. И. Лениным, который впоследствии писал, что Советы рабочих депутатов «принимали в свой состав нередко делегатов от солдат, матросов, служащих, крестьян»[44].

Депутаты от демократической интеллигенции принимали активное участие в работе Советов. Депутат Московского Совета от союза техников выполнил важное поручение Совета по организации стачки на предприятиях коммунального хозяйства Москвы (газовый завод, водопровод и т. п.) в момент вооруженного восстания[45]. Депутат Новороссийского Совета от союза учителей С. А. Бодянский, сочувствовавший большевикам, по поручению Совета руководил стачкой учителей и учащихся города, организовал забастовку в ряде учреждений Новороссийска во время декабрьского восстания. Он же выступал общественным обвинителем на организованном Новороссийским Советом суде над черносотенцами. Другой депутат Новороссийского Совета, учительница городского училища Жукова, организовала хранение оружия[46]. В Тихорецке депутат Совета рабочих депутатов от учителей, преподаватель железнодорожного училища Троценко, принимал активное участие в создании боевой дружины и в ее составе дрался во время вооруженного восстания. Депутат этого же Совета от железнодорожных служащих, член исполкома Совета помощник начальника депо Василовский, ведал в Совете вопросами движения поездов. Обнаружив в грузах тайно провозившееся властями оружие, Василовский реквизировал его и передал Со-

---

[37] Б. Радин. Первый Совет рабочих депутатов. Петербург. 1906, стр. 10.

[38] «Новая жизнь», №№ 20, 21, 22; 24, 25 и 26 ноября 1905 года.

[39] Л. Геллер, Н. Ровенская. Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов 1905 года (в документах). М.-Л. 1926, стр. 9—10.

[40] В. Д. Сокольский. Три военно-судебных процесса по делу «Новороссийской республики» (1905). См. «Ученые записки» МГПИ, Т. LXXVI, вып. 3. 1957, стр. 195—196.

[41] «Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии». Документы и материалы. Куйбышев. 1955, стр. 277.

[42] Н. Р. Доний. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Екатеринославской губернии М. 1949, стр. 124 (кандидатская диссертация).

[43] Одесский областной партийный архив (ООПА), ф. 2, оп. 3, д. 108, л. 10.

[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 76.

[45] «Известия» Московского Совета рабочих депутатов, № 3, 9 декабря 1905 года.

[46] В. Д. Сокольский. Указ. соч., стр. 195.

вету [47]. На Сулинском заводе депутат Совета инженер механическо цеха Еремин принимал участие в агитационной работе, проводившейс на заводе и на соседних рудниках Советом, а также приезжающим и Ростова большевиком, председателем союза железнодорожников Рей маном [48].

Бывали, однако, и случаи, когда деятельность депутатов от орган заций интеллигенции приносила Совету вред. Так, член Исполкома П тербургского Совета, депутат союза конторщиков меньшевик Сверчко немало потрудился, стараясь сорвать вооруженное восстание в Петер бурге. Но в том же Совете депутат другой организации интеллигенции — союза почтово-телеграфных служащих — выступал за вооруженное во стание и на последнем заседании Совета был в числе тех, кто поддержа предложение большевиков П. А. Красикова и Б. Радина (Б. М. Кнуня ца) о немедленном объявлении вооруженного восстания [49].

Большое значение в революционном воспитании неимущей инте лигенции, работавшей по найму, имело участие ее в стачечной борьб 2 ноября в Петербурге началась политическая стачка, объявленная П тербургским Советом по предложению большевиков для того, чтобы спа сти от расправы арестованных властями кронштадтских моряков и до биться отмены военного положения в Польше. По призыву Совета стачке присоединилась значительная часть демократической интелли генции. По инициативе руководимого большевиками (Л. и В. Менжин ских и др.) социал-демократического союза деятелей по школьному внешкольному воспитанию был создан стачечный комитет учителей [50]. В стачке приняли участие преподаватели более чем 60% школ города [51]. 3 ноября состоялось общее собрание союза конторщиков и бухгалтеров [52]. Социал-демократическая группа союза, в состав которой входили боль шевики, добилась принятия следующей резолюции: «Подчиняясь всецел решению Совета рабочих депутатов, мы, конторщики г. Петербурга, за являя свою солидарность с революционными солдатами Кронштадта революционным пролетариатом Польши, прекращаем работу с лозун гами: 1) Долой полевые суды; 2) Долой смертную казнь; 3) Долой воен ное положение в Польше и во всей России» [53]. На второй день к стачк примкнул Петербургский союз инженеров [54] во главе с радикально на строенными деятелями: профессором Л. И. Лутугиным, С. Д. Кирпич никовым, Б. Г. Галеркиным [55]. Стачку инженеров возглавил стачечны комитет, которому на это время были предоставлены права общего со брания [56].

Либеральные интеллигенты и эсеры, находившиеся в руководстве Петербургского союза железнодорожников, всеми силами старались не допустить присоединения железнодорожников к стачке. Но под влияние большевиков и Совета стачка железнодорожных рабочих началась Вслед за рабочими к ней примкнули служащие. 3 ноября в управлени Балтийской железной дороги в главной бухгалтерии забастовало 38 из 41 человек, в службе сборов — 180 человек. На станции Петербур этой же дороги участвовали в забастовке все служащие, за исключение

---

[47] «Боевые дни (декабрьская политическая забастовка и вооруженное восстани 1905 года в Тихорецке)». Тихорецк. 1930, стр. 70—92.

[48] «1905—1907 годы на Дону». Сборник документов. Ростов-на-Дону. 1955, стр. 22

[49] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1. М. 1955, стр. 441.

[50] «Новая жизнь», № 12, 13 ноября 1905 года.

[51] ЦГАОР и СС, ф. 6862, оп. 1, д. 93, л. 4.

[52] Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 9 оп. 3, д. 11, л. 9.

[53] ЦГИАМ, ф. «Союза союзов» 12/С, д. 30, л. 15.

[54] Там же, д. 17, л. 120.

[55] Л. И. Лутугин (1864—1915) — крупнейший русский ученый-геолог; Б. Г. Га леркин (1871—1945) — выдающийся советский ученый, академик.

[56] «Известия Совета рабочих депутатов», № 7, 7 ноября 1905 года.

начальника службы тяги и движения и дежурных по станции [57]. На Николаевской железной дороге бастовали все низшие служащие, в том числе телеграфисты, в то время как высшие служащие оказывали содействие властям [58]. Здесь ярко проявилась противоположность политических позиций либеральных верхов и массы служащих.

Ноябрьская стачка значительно повысила авторитет Петербургского Совета среди интеллигенции. После ее окончания члену Исполкома Петербургского Совета большевику Б. М. Кнунянцу довелось присутствовать на общем собрании союза медицинского персонала. Обсуждался вопрос, почему союз не участвовал в стачке. Руководство его оправдывалось тем, что оно якобы не успело созвать собрание и принять соответствующее решение. В ответ на это один из выступавших предложил, чтобы в дальнейшем, в случае объявления Советом стачки члены союза, не дожидаясь специального решения общего собрания, действовали согласно решению Совета. Это предложение было встречено аплодисментами. Данный факт Б. М. Кнунянц справедливо считал «очень характерным» для отношения демократической интеллигенции к Совету рабочих депутатов [59]. Демократическая интеллигенция участвовала в политических стачках, организованных в ноябре Советами и в ряде других центров страны. 12 ноября в разгар вооруженного восстания моряков Севастополя на заседание Севастопольского Совета пришли делегаты почтово-телеграфных служащих. Они заявили, что готовы начать забастовку. Когда в Севастополе развернулась всеобщая политическая стачка, к ней присоединились почтово-телеграфные и железнодорожные служащие [60].

Особенно большую роль сыграли Советы во время развернувшейся в ноябре всероссийской почтово-телеграфной стачки, которую В. И. Ленин назвал великой [61]. Причиной ее было запрещение почтово-телеграфным служащим участвовать в профсоюзах. В первый же день стачки царские власти ввели в помещения почт и телеграфов Москвы войска, полицию и жандармерию [62]. 19 ноября всем губернаторам была передана телеграмма министра внутренних дел об аресте «подстрекателей и агитаторов по забастовке почты и телеграфа» [63]. В стране начались преследования активных деятелей стачки. Тысячи бастующих были уволены со службы. Самодержавие вкупе с буржуазией организовало штрейкбрехеров. Однако все эти действия длительное время оказывались безуспешными. Одной из главных причин упорства бастующих служащих была поддержка их пролетариатом, возглавленным Советами рабочих депутатов.

Московский Совет приветствовал бастующих и призвал их «и впредь бороться также дружно за общее освобождение народа, согласуя свои выступления с выступлениями революционного пролетариата» [64]. Орган Костромского Совета — издававшаяся большевиками газета «Известия Совета рабочих депутатов» в связи с просьбой почтово-телеграфного союза о принятии в Совет писала: «Разрушается старая самодержавная, чиновничья Россия... Будем вместе ломать, разрушать эту проклятую тюрьму» [65]. Московский, Петербургский, Самарский и многие другие Советы организовали сбор средств в пользу бастующих.

Советы вели энергичную борьбу против штрейкбрехеров, применяя

---

[57] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр. 431; ч. 4. М. 1957, стр. 541.

[58] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр 430.

[59] Б. Радин. Указ. соч., стр. 107.

[60] С. Ф. Найда. Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг. М.-Л. 1948, стр. 213.

[61] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 40.

[62] ЦГИАМ, ф. московской охранки, д. 795, т. 2, 1905, л. 61.

[63] Там же, ф. департамента полиции, особый отдел, д. 2100, 1905, л. 103.

[64] Газета «Борьба», № 2, 29 ноября 1905 года.

[65] «Известия Совета рабочих депутатов Костромы», № 2, 19 ноября 1905 года.

различные меры — от убеждения до насилия. В Вятке из 90 почтово-те графных служащих 26 вначале не присоединились к стачке [66]. На помо бастующим пришел Вятский Совет, предупредивший, что чиновники, примкнувшие к стачке, будут объявлены «изменниками долгу товари ства и гражданским требованиям русского народа» [67]. В Петербурге поручению Совета боевые дружины рабочих разгоняли штрейкбрехер иногда даже вступали в перестрелку с ними и охранявшими их в ками [68].

В ряде случаев противодействие Советов вынуждало царские вла отказываться от репрессий в отношении почтово-телеграфных служащ Например, в Перми по распоряжению губернатора были арестованы ководители почтово-телеграфной стачки. В их защиту выступил Со рабочих депутатов Мотовилихи, заявивший, что если арестованные будут освобождены, то Совет сделает это с помощью десятитысячн толпы [69]. Губернатор был вынужден отдать распоряжение выпустить тюрьмы заключенных.

Деятельность Советов рабочих депутатов в связи со всероссийск почтово-телеграфной стачкой не только облегчала борьбу служащих царизмом, но и приближала их к рабочему классу как руководителю волюции.

В ходе октябрьской стачки российский пролетариат, как извест революционным путем установил свободу слова и печати. 19 октяб Петербургский Совет заявил, что в свет будут выходить только те га ты, которые прекратили отношения с правительственной цензурой. 22 о тября впервые в истории России все петербургские газеты вышли б цензурного просмотра [70]. «Легальные» газеты,— писал В. И. Ленин, с того момента, когда границы легального стал определять не Треповы союз петербургских стачечников — заговорили необычно смелым яз ком» [71]. 22 октября состоялось собрание представителей редакций 8 п тербургских ежемесячных и еженедельных журналов. Оно вынесло р шение не посылать материалы в цензуру [72]. Редакции остальных журн лов медлили. Но на них оказали давление рабочие, заявившие, что о не будут печатать периодические издания, посылаемые в цензуру [73]. В р зультате 24 октября на собрании литераторов и представителей пери дических изданий к решению, принятому 22 октября (об отказе от цен ры), присоединились редакции еще 7 петербургских журналов [74]. П давлением Совета 31 октября собрание книгоиздателей также вынес решение об отказе от посылки в цензуру книг [75]. К этому постановлени присоединилось 57 издательств Петербурга [76].

Демократическая интеллигенция использовала введенные революц онным путем демократические свободы. А. М. Горький опубликовал в л гальной ленинской газете «Новая жизнь» одно из своих лучших публ цистических произведений — «Заметки о мещанстве» [77], А. С. Серафим вич подготовил для «Новой жизни» произведения на революционные с

---

[66] ЦГИАМ, ф. департамента полиции, особый отдел, 1905 г., д. 2100, л. 85.
[67] «Бюллетень Совета рабочих депутатов г. Вятки» № 12, 1905 год.
[68] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 199, л. 23.
[69] «Большевики Урала в революции 1905—1907 гг.». Свердловск. 1956, стр. 1
[70] «Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 г Л. 1956, стр. 157.
[71] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 421.
[72] Фонд архивного хранения библиотеки ИМЛ (ФАХ ИМЛ), ед. хр. № Ц601 1905 X 24.
[73] «Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 г Л. 1956, стр. 157.
[74] ФАХ ИМЛ, ед. хр. Ц60116. 1905 X 24.
[75] «Новая жизнь», № 5, 1 ноября 1905 года.
[76] ФАХ ИМЛ, ед. хр. Ц60114. 1905 X 31.
[77] М. Горький. Собрание сочинений. Т. 23.

жеты, почерпнутые из материалов той же газеты [78], А. И. Куприн напечатал очерк «События в Севастополе» — гневный протест против зверской расправы царизма с восставшими моряками [79]. Кружок писателей из народа во главе с М. Л. Леоновым издал два выпуска революционных песен «Под красным знаменем» [80]. Не было ни одного писателя (за исключением отъявленных реакционеров), который не воспользовался бы провозглашенной рабочим Советом свободой печати для издания тех из своих произведений, которые прежде не пропускала цензура.

Упразднение цензуры дало возможность прогрессивным писателям и художникам заняться изданием антиправительственных сатирических журналов. Одним из лучших среди них был «Жупел», издававшийся группой демократических писателей и художников во главе с А. М. Горьким. На его страницах были помещены сатирические произведения А. М. Горького, писателя-знаньевца С. И. Гусева-Оренбургского, политически острые рисунки художников В. А. Серова, Д. Н. Кардовского и др. [81]. В это же время издавался, в значительной мере на средства великого русского актера Л. В. Собинова, сатирический журнал «Сигнал» [82], редактором которого являлся Корней Чуковский, впоследствии, в 1906 г., осужденный к тюремному заключению за антиправительственное направление журнала [83].

Одним из крупных завоеваний рабочего класса периода высшего подъема революции было установление восьмичасового рабочего дня.

Фабриканты Петербурга ответили на это локаутом. К 12 ноября на улицу было выброшено более 100 тыс. рабочих [84]. По предложению В. И. Ленина Петербургский Совет 13 ноября принял решение в случае невыполнения предпринимателями требования о прекращении локаута призвать российский пролетариат к «всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы». Чтобы подготовить это выступление, Совет по предложению В. И. Ленина поручил Исполкому немедленно «войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом» [85]. Он обратился к рабочим, ко всем слоям народа с призывом поддержать всеми средствами уволенных. 15 ноября в газете «Новая жизнь» одновременно с принятой Советом ленинской резолюцией была опубликована статья Владимира Ильича «Неудавшаяся провокация». В ней В. И. Ленин показал, что Совет добивается, чтобы союзу царизма с буржуазией был противопоставлен «союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии» [86]. Таким образом, в острый момент борьбы, выдвигая задачу создания единого революционного фронта, В. И. Ленин видел реальную силу, способную поддержать пролетариат, в крестьянстве, солдатах и матросах, а также в демократической интеллигенции.

Предпринятые Советом шаги по выполнению решения, принятого 13 ноября, встретили понимание и поддержку демократической интеллигенции. Командированные Советом депутаты, желая договориться по поводу объявления всеобщей политической стачки, вступили в тесные сношения с почтово-телеграфным союзом [87]. Выступления делегатов Со-

---

[78] Архив А. М. Горького, КГ-II, 71, 1—3 фотокоп.

[79] А. И. Куприн. Собрание сочинений. Т. VI. М. 1958, стр. 579.

[80] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 66 оп. 1, д. 356, л. 162.

[81] «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.». М. 1957, стр. 364.

[82] К. Чуковский. Из воспоминаний о Л. В. Собинове. Журнал «Театр», 1955, № 2, стр. 133.

[83] ЦГИАМ, ф. министерства юстиции, 1906, д. 3402, л. 20.

[84] «Новая жизнь», № 13, 15 ноября 1905 года.

[85] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 33.

[86] Там же, стр. 35.

[87] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр. 409.

вета на проходившем в Москве съезде почтово-телеграфного союза бы встречены громовыми аплодисментами [88]. Съезд просил «передать петер бургским товарищам свой привет и готовность к борьбе в рядах проле тариата всей России» [89]. О готовности поддержать рабочих и примкну ко всеобщей политической стачке заявил и ряд других союзов интелли генции: конторщиков и фармацевтов, петербургский комитет железнодо рожного союза и т. п.[90].

Демократическая интеллигенция откликнулась также на призыв Со вета оказать материальную помощь уволенным рабочим. В сбор средст для них включились и артисты. Театр В. Ф. Комиссаржевской дал с это целью спектакль «Дети солнца» А. М. Горького, в котором участвовал В. Ф. Комиссаржевская, Е. П. Корчагина-Александровская и др. [91]. Руко водившая по поручению Совета сбором средств М. М. Эссен впослед ствии вспоминала: «Деньги поступали отовсюду, никто нам не отказы вал, ни артисты, выступавшие бесплатно на концертах, ни студенческая молодежь, помогавшая устраивать эти концерты» [92]. Так демократиче ская интеллигенция помогала Совету бороться против заговора царизма и буржуазии, направленного на удушение революции. В этой борьбе она заняла важное место в союзе пролетариата и революционной буржуаз ной демократии.

Советы рабочих депутатов, в свою очередь, организовали и возглави ли выступления рабочих в защиту интеллигенции от преследований со стороны царизма. Демократическая интеллигенция не могла найти про тив погромщиков никакой помощи у местных властей и цензовой бур жуазии городских дум. Самодержавие само организовывало погромы, буржуазия сочувствовала его действиям. Единственной силой, выступив шей в защиту интеллигенции, против черносотенных банд, был пролета риат, руководимый Советами. В Петербурге царизм готовил погром на 30 октября: составлялись списки и адреса профессоров, врачей, учите лей, студентов и т. п., которых черная сотня собиралась убить. Петер бургский Совет мобилизовал пролетариат на отпор реакции. 27 октября Совет заслушал сообщения представителей заводов и фабрик о подго товке сил для отпора врагам [93]. Особенно энергично велись действи 29 октября, в канун ожидавшегося погрома [94]. В готовность были приве дены боевые дружины. Когда возникла угроза для курсов Лесгафта, на защиту курсисток приготовились выступить рабочие нескольких завод дов [95]. Под руководством большевиков, работавших в Петербургско Совете, боевая дружина рабочих Путиловского завода разогнала по громщиков, собравшихся на Сенной площади [96]. Так же действовал руководимые большевиками боевые дружины других заводов и фабри Петербурга. В результате погром был предотвращен.

В Москве против черной сотни, напавшей на Московское инженер ное училище, выступили боевые дружины фабрики Шмидта и други предприятий [97]. В связи с подготовлявшимся царской администрацией на 6 декабря погромом интеллигенции Московский Совет вынес резолюцию «Принимая во внимание сообщение о подготовляющихся черносотенны погромах и манифестациях, Московский Совет рабочих депутатов заяв

---

[88] «Новая жизнь», № 17, 19 ноября 1905 года.
[89] Журнал «Голос жизни», 1906, № 4, стр. 38.
[90] «Новая жизнь», № 13, 15 ноября 1905 года.
[91] Е. Александровская. У Комиссаржевской. Памятные встречи. Журна «Театр», 1955, № 8, стр. 187.
[92] М. М. Эссен. Первый штурм. М. 1957, стр. 194.
[93] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 207, л. 3.
[94] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр. 346.
[95] «Новая жизнь», № 4, 30 октября 1905 года.
[96] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 199, л. 23.
[97] «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 года». Сборник матери лов, воспоминаний и документов. М. 1940, стр. 103.

ляет, что черносотенным выходкам правительства и его подлых агентов московский пролетариат даст самый решительный отпор»[98]. Руководимый большевиками Московский Совет осуществил меры, в результате которых рабочие были готовы нанести сокрушительный удар погромщикам. Поэтому царизм не решился выступить. Эти факты из деятельности Советов показывали, что только в лице пролетариата интеллигенция имела подлинного защитника от произвола царских властей, черносотенцев и крупной буржуазии.

Советы рабочих депутатов стремились привлечь демократическую интеллигенцию на сторону готовившегося вооруженного восстания. На собраниях союзов почтово-телеграфных и телефонных служащих в Москве в ноябре 1905 г. большевики призвали интеллигенцию готовиться к вооруженному восстанию, бороться за создание временного революционного правительства и установление демократической республики[99]. Такие же призывы прозвучали на общемосковских собраниях учителей и служащих городского общественного управления[100]. Особенно большое внимание большевистские организации уделяли агитации за вооруженное восстание среди студентов. ЦК РСДРП в августе 1905 г. в обращении «Ко всей учащейся молодежи» писал: «Вы используете аудитории и все те удобства, которые доставляют учебные заведения, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию, этому единственному исходу русской революции». ЦК РСДРП рекомендовал студентам повести широкую агитацию за восстание, организовать боевые дружины, изучить задачи и технику уличной борьбы, содействовать мобилизации сил рабочего класса[101].

Петербургский Комитет РСДРП в выпущенной в ноябре листовке «К гражданам», рассказывая о зверствах царских властей и черносотенных банд, писал: каждый честный гражданин должен понять, что спасение России заключается только в полной победе над царизмом и что, следовательно, вооружение народа и прежде всего вооружение пролетариата — неотложная задача момента. «Во имя безопасности своей жизни, во имя чести своих жен и сестер, во имя неприкосновенности своих детей вы должны взять свою долю в деле вооружения народа»[102]. Под руководством Советов значительные слои демократической интеллигенции включались в сбор средств на вооружение, заготовку, транспортировку и хранение оружия. В ряде случаев возникали боевые дружины из интеллигентов. Во многих случаях интеллигенция входила в рабочие дружины. Медицинские работники создавали медико-санитарные отряды.

Первым, как известно, поднял знамя вооруженного восстания Московский Совет рабочих депутатов. Либерально-буржуазные верхи интеллигенции и масса ее трудовой прослойки по-разному отнеслись к этому факту. Руководство московского «Союза союзов», во главе которого стояли кадетские элементы (адвокаты И. Н. Сахаров, Н. В. Тесленко, инженер Милюков), выступило против всеобщей политической стачки и вооруженного восстания, по-прежнему продолжая сеять конституционные иллюзии. Председательствовавший на митинге московского «Союза союзов» 26 ноября Н. В. Тесленко не давал говорить ораторам, выступавшим за всеобщую политическую стачку и восстание, причем известная часть участников митинга поддержала его[103].

---

[98] Цит. по книге М. Васильев-Южин. В огне первой революции. М. 1955, стр. 105.

[99] «Борьба», № 7, 4 декабря 1905 года.

[100] ЦГИАМ, ф. 63, д. 787, л. 266.

[101] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.». Ч. 1. М. 1956, стр. 162.

[102] «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр. 435.

[103] «Борьба», № 2, 29 ноября 1905 г.; «Русские ведомости», № 314, 28 ноября 1905 года.

Однако позиция кадетских главарей московского «Союза союзов» н отражала настроений массы демократической интеллигенции, котора сочувствовала идее всеобщей политической стачки и вооруженного во стания. Ее настроения были выражены в решениях, принятых рядом сою зов в канун декабрьской стачки. Соединенное заседание ученых и пр светительных обществ Москвы 4 декабря абсолютным большинством г лосов поддержало следующую резолюцию: «Признавая методы и пр емы двух крайних партий соц.-дем. и соц.-рев., независимо от различи их программ, единственно правильными и единственно целесообразны ми в борьбе с самодержавием и контрреволюцией, соединенное заседа ние представителей ученых и просветительных обществ выражает эти партиям свое сочувствие и решает оказывать им моральную, а главно материальную помощь»[104]. В том факте, что собрание солидаризиров лось с методами борьбы не только социал-демократов, но и эсеров, ск залась, конечно, мелкобуржуазная природа значительной части делег тов собрания. Но поскольку под влиянием масс эсеры в тот момент вы сказались вслед за большевиками за вооруженное восстание, основно смысл принятой резолюции заключался в солидарности демократическо интеллигенции с идеей восстания. Большевистская газета «Борьба», п местив на первой странице эту резолюцию, сопроводила ее коммент рием, в котором указывала, что этот документ отмечает новый шаг развитии революции. «В то время,— писала газета,— когда правител ство тщетно старается уверить кого-то, что революцию ведет лишь «куч злоумышленников», широкие слои мелкой буржуазии с двух концов, в ли крестьянства и в лице так называемой интеллигенции, примыкают к р волюционному потоку»[105].

На позициях сочувствия всеобщей политической стачке и вооруже ному восстанию стояло большинство членов профессиональных и пр фессионально-политических союзов интеллигенции Москвы. 4 декаб состоялось общее собрание союза техников, на котором присутствова около 1,5 тыс. человек. Оно вынесло решение присоединиться к «фина совому манифесту» Петербургского Совета рабочих депутатов ЦК РСДРП[106]. Союз техников, принявший политическое руководст МК РСДРП, поддержал полностью его решение о стачке и вооруженно восстании. Приняло «финансовый манифест» к немедленному руково ству и исполнению также общее собрание телефонных служащих и р бочих Москвы. Выслушав сообщение о вооруженном восстании в М скве солдат Ростовского полка, оно приветствовало его и выразило гл бокую веру в то, «что близок день, когда солдаты и пролетарии-рабоч соединенными силами низвергнут общего врага»[107]. Союз фармацевт Москвы за несколько дней до всеобщей стачки, когда вопрос о ней ещ не был окончательно решен, объявил экономическую забастовку, заяви что «в момент общего наступления пролетариата фармацевты не замедл стать на боевые позиции»[108].

Заседавший с середины ноября в Москве съезд представителей ж лезнодорожных рабочих и служащих Рязано-Уральской железной дор ги в начале декабря пришел к выводу о неизбежности всеобщей полит ческой стачки. Служащие и рабочие дороги, рассказывал участни съезда большевик Сушкин, были готовы начать стачку[109]. Состоявшее в начале декабря общее собрание служащих и рабочих Московско-Яр славско-Архангельской железной дороги, обсудив циркуляр министе ства путей сообщения, запрещавший стачки, заявило о готовности б

[104] «Борьба», № 8, 6 декабря 1905 года.
[105] Там же.
[106] Там же.
[107] Газета «Вперед», № 3, 4 декабря 1905 г. (Москва).
[108] «Борьба», № 6, 3 декабря 1905 года.
[109] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 138, л. 61.

роться за свои права самыми решительными средствами. «Мы призываем,— говорилось в резолюции собрания,— товарищей на всех наших линиях, а также и товарищей на всех других железных дорогах принять боевой вызов правительства и быть готовыми при первом призыве конференции Всероссийского железнодорожного союза дружно выступить в окончательный и решительный бой»[110]. После немалых колебаний заседавшая в Москве конференция представителей 29 железных дорог, состоявшая главным образом из интеллигентов, под влиянием большевиков приняла решение об объявлении всеобщей политической стачки на всех железных дорогах[111]. Фактически это означало поддержку линии на вооруженное восстание. «Железнодорожная забастовка,— указывал В. И. Ленин,— е с т ь восстание, это неоспоримо после декабря»[112].

Всеобщую политическую стачку и вооруженное восстание с энтузиазмом встретило революционное студенчество. К стачке присоединилась также значительная часть технической интеллигенции Москвы. Некоторые наиболее самоотверженные представители московской интеллигенции (железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, медицинские работники, студенты и т. п.) принимали участие в строительстве баррикад, в боевых действиях дружин, в оказании медицинской помощи восставшим.

Известное количество интеллигентов выступило на стороне стачки и восстания и в других центрах страны. Стачечный комитет учителей Петербурга в своем обращении писал: «Товарищи учителя! Теперь не время для мирных занятий, не время думать об учении детей»[113]. В результате агитационной и организаторской работы, развернутой руководимым большевиками Петербургским союзом учителей, стачка охватила учителей не только Петербурга, но и его окрестностей[114]. Всего в ней участвовали преподаватели свыше 100 школ столицы[115]. В первый же день стачки в Петербурге принял решение о присоединении к ней возглавляемый крупным ученым Л. И. Лутугиным союз инженеров Петербурга. Стачкой руководил составленный из представителей технической интеллигенции фабрик и заводов стачечный комитет[116]. Созданная при нем так называемая «съемочная комиссия» организовала группы инженеров и техников, которые снимали с работы тех, кто еще не прекратил ее[117]. В стачке участвовали также почтово-телеграфные и железнодорожные служащие, медицинские работники и т. д.

В ходе вооруженного восстания роль органов революционной власти на железных дорогах нередко выполняли стачечные железнодорожные комитеты. Это было, например, на Украине. Представители демократической интеллигенции входили в такие комитеты и в ряде случаев вели в них важную и полезную работу. В состав Центрального организационного комитета Харьково-Николаевской железной дороги входил телеграфист — делегат службы телеграфа дороги[118]. В составе организационного комитета Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги имелись конторщик службы движения, делопроизводитель юридической части управления[119]. В составе того же комитета находились также кон-

---

[110] «Борьба», № 9, 7 декабря 1905 года.

[111] «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.». Сборник документов и материалов. М. 1955, стр. 634.

[112] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 100.

[113] ФАХ ИМЛ, ед. хр. ЦЛ 16 12 XII 1905.

[114] ЦГИАМ, ф. департамента полиции, д. 999, ч. 1, л. 139.

[115] ЦГАОР и СС, ф. 6862, оп. 1, д. 93, л. 4.

[116] ФАХ ИМЛ, ед. хр. Ц59976, 1905.

[117] Архив Музея революции СССР, ф. «Союза союзов». Забастовочный листок союза инженеров, № 1.

[118] Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 3, оп. 287, 1905 д. 1163, л. 5.

[119] ГИАЛО, ф. 50, оп. 2, 1905, д. 73, л. 149.

торщик коммерческой службы и два представителя службы телегра фа [120]. По данным жандармского управления, в стачечном комитете стан ции Николаев состояло 9 рабочих и 4 конторщика [121].

Самоотверженная часть демократической интеллигенции участво вала в вооруженной борьбе с войсками, в баррикадных боях не тольк в Москве, но и в Ростове-на-Дону, Сормове, Екатеринославе, Горловке Александровске и других городах. Указанные факты свидетельствуют том, что демократическая интеллигенция сочувствовала идее вооружен ного восстания, приняла участие в декабрьской политической стачке, известная ее часть — и в вооруженной борьбе с самодержавием.

Итак, в 1905 г. Советы рабочих депутатов, как зачаточные орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянств в абсолютном большинстве случаев имели в своем составе представи телей от организаций демократической интеллигенции. Советы были н только органами власти рабочих и крестьян, но и поддерживавшей их ре волюционной мелкобуржуазной демократии городов. Это расширяло соци альную базу Советов, повышало их роль и значение как органов власт народа, возникавших в ходе буржуазно-демократической революции.

В отношении к Советам со стороны интеллигенции не было и н могло быть единодушия. Либерально-буржуазные ее верхи стремилис воспрепятствовать возникновению Советов. Организации демократиче ской интеллигенции, и прежде всего там, где ими руководили больше вики, содействовали работе Советов. Некоторые организации интеллиген ции проявили в отношении к Советам колебания. Однако такие на строения были преодолены в процессе нарастания противоречий межд интеллигенцией и царизмом, с одной стороны, и усиления роли про летариата как гегемона революции — с другой. Советы как подлин ные органы власти пролетариата и крестьянства показали себя защит никами интересов демократической интеллигенции, которая из рук р бочего класса и его Советов получила завоеванные революционным пу тем демократические свободы и восьмичасовой рабочий день. Совет решительно встали на защиту интеллигенции против черносотенных по громщиков. В результате неизмеримо выросло доверие широких мас трудовой интеллигенции к Советам. Широкие слои демократическо интеллигенции поддерживали мероприятия Советов как органов наро ной власти, так как это соответствовало классовым интересам мелко буржуазии вообще и мелкобуржуазной интеллигенции в частности.

В. И. Ленин, подводя итоги декабрьского вооруженного восстани писал: «Это факт, который остается фактом, что восстает пролетариа восстает и крестьянство, при участии некоторой, по крайней мере, дол буржуазной интеллигенции» [122]. К концу 1905 г. передовая часть инте лигенции, преодолевая свои колебания, шла в рядах активных участни ков борьбы за победу вооруженного восстания. Такой итог был в немало мере результатом повседневной деятельности Советов рабочих депутато и их влияния в среде демократической интеллигенции.

---

[120] ГАХО, ф. 3, оп. 287, 1906 г., д. 1163, лл. 29, 86.

[121] Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (ЦГИ УССР), ф. 357, 1905, д. 147, л. 43 об.

[122] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 91.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(К 35-Й ГОДОВЩИНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Л. Цэнд
Второй секретарь ЦК МНРП

В истории монгольского народа много знаменательных дат, которые вызывают законную национальную гордость и отмечаются с особым торжеством. Самая яркая и важная из них — провозглашение народной республики, первого действительно независимого, суверенного государства революционного народа Монголии. В результате длительной мужественной борьбы под руководством Народно-Революционной партии, с помощью протянувших нам братскую руку рабочих и крестьян Советской России монгольский народ добился в 1921 г. победы над иноземными захватчиками и внутренними феодалами. Монгольской Народной Республике, рожденной по воле ее трудового народа как детище Великого Октября, 26 ноября 1959 г. исполнилось 35 лет.

Установление полного народовластия — выдающееся завоевание трудящихся Монголии, яркое проявление их непоколебимой решимости идти по пути демократии и социального прогресса, свидетельство их безграничной веры в правоту великого ленинского учения о возможности некапиталистического развития отсталых стран по пути к социализму. Долгие годы вплоть до окончания второй мировой войны в результате империалистической политики дискриминации по отношению к смелой, но маленькой монгольской нации МНР признавал только один Советский Союз, могучий защитник и верный друг всех угнетенных и эксплуатируемых.

Империалисты старались сделать все, чтобы задушить, уничтожить народную Монголию: они всемерно поддерживали внутреннюю реакцию, практиковали подкупы, шантаж, организовывали открытые вооруженные мятежи феодалов, лам и прочих контрреволюционеров, неоднократно провоцировали пограничные инциденты и осуществляли прямые военные нападения. Но врагам не удалось повернуть вспять ход истории. В современную эпоху народы сами становятся хозяевами своей судьбы. Несмотря на попытки мировой реакции уничтожить МНР, замолчать успехи монгольского народа, умалить их значение, международный авторитет нашей республики неуклонно растет. Ныне МНР юридически признали уже многие страны, население которых составляет более половины человечества. Она стала равноправным и деятельным членом великого содружества свободных народов — мирового социалистического лагеря.

С Советским Союзом, Китайской Народной Республикой, со всеми социалистическими странами МНР развивает истинно братские связи и плодотворное всестороннее сотрудничество. Наша страна имеет дипломатические отношения также с Индией, Индонезией и Бирмой, проводит подлинно миролюбивую внешнюю политику, основанную на ленинском принципе сосуществования государств с различным социально-политическим строем, политику, направленную на установление хороших, дружественных контактов со всеми странами на основе равноправия и взаимного уважения. Если некоторые капиталистические страны, и

прежде всего США, до сих пор все еще «не находят» оснований для пр знания МНР и прилагают все усилия, чтобы не допустить ее участия различных международных организациях, в том числе в ООН, то э объясняется только обанкротившейся старой политикой мировой реа ции и представляет империалистов в весьма неприглядном свете в гл зах мировой общественности.

Тридцать пять лет народно-демократического строя — это сам яркий период многовековой истории монгольского народа. Со време провозглашения народной республики мы прошли путь напряженной бор бы и упорного труда, глубоких революционных преобразований во вс областях жизни. За это время наша страна под руководством Народн Революционной партии, опираясь на всестороннюю бескорыстную бра скую помощь первой страны победившего пролетариата — великого С ветского Союза, сделала такой скачок по пути прогресса, какой немысли вие народно-демократического строя. Теория научного социализма, о к торой наш народ впервые услышал от русских коммунистов, членов па тии великого Ленина, ныне последовательно воплощается в жизнь в МН Замечательные достижения монгольского народа выступают в еще бол ярком свете, если мы вспомним, какой жалкой и отсталой была стара феодальная Монголия, какую горькую жизнь влачили трудящиеся п гнетом чужеземных колонизаторов и собственных феодалов.

Революционному народу досталась в наследство страна со среднев ковым кочевым животноводством, господством крепостнических отнош ний, разоренная империалистическими колонизаторами. В начале XX Монголия почти не имела собственного земледелия, не знала совреме ной промышленности и транспорта. Феодальные отношения и ламаис ская религия сковывали здесь все живое и деятельное. В стране, где нас ление не превышало 600 тыс. человек, насчитывалось более 100 тыс. ла то есть почти половина трудоспособного мужского населения не заним лась производительным трудом, вела паразитический образ жизни в м настырях, кормясь и одеваясь за счет труда остальной части народ Религия запрещала монголам под страхом тяжелой кары за «грех копать землю, косить травы, рубить лес. Десятки различных видов фе дальных повинностей, гнет сотен больших и малых иностранных фи тяжелым бременем ложились на плечи народа. Все это приводило деградации экономики, к систематическому ухудшению жизни труд щихся, к постепенному вымиранию населения.

Великая победа Октября, рождение Народно-Революционной парт и героическая революционная борьба монгольского народа положили к нец страшному прошлому, принесли Монголии истинное спасение. Имен решительные выступления народных масс за свободу и независимос страны, антиимпериалистическая, антифеодальная революция 1921 совершенная при всемерной поддержке и братской помощи рабоче класса и крестьянства нашего великого соседа — Советской России, обеспечили освобождение Монголии от колониального ига, откры перед нашей родиной широкую перспективу социально-экономическо развития по пути демократии и прогресса. Однако в первоначально сл жившейся международной и внутренней обстановке, когда производ тельные силы и народное хозяйство Монголии находились в состоян векового застоя в результате засилья феодально-крепостнических от шений и иностранного капитала, огромного влияния ламаизма, не бы возможности все решить одним ударом, одной революцией и сразу н ладить демократическую жизнь, обеспечить быстрое возрождение и ра витие хозяйства.

Революционному народу и его партии потребовались годы упорн борьбы с империализмом и внутренней реакцией; нужно было прил жить невероятные усилия и принести колоссальные жертвы, чтобы закр пить первую победу народной революции, отстоять свободу и незав

симость страны, обеспечить дальнейшее развертывание этой революции вглубь и вширь.

Почти двадцать лет ушло на ликвидацию зависимости нашего хозяйства от мирового капиталистического рынка, на уничтожение политического и экономического господства феодалов, на демократизацию жизни в стране.

После всемирно-исторической победы Советского Союза над германским фашизмом и японскими милитаристами, благодаря образованию могучего содружества социалистических стран во главе с СССР Монгольская Народная Республика сделала крупный шаг по пути к социализму. Мы получили возможность резко сократить обременительные для нашей страны расходы на оборону, направить больше сил и средств на развитие народного хозяйства и культуры, на подъем жизненного уровня населения. С 1947 г. МНР успешно завершила две пятилетки и ныне претворяет в жизнь задания трехлетнего плана народнохозяйственного развития на 1958—1960 гг., директивы по которому были приняты на XIII съезде Монгольской Народно-Революционной партии, состоявшемся в марте 1958 года. В результате феодальная в недавнем прошлом Монголия сегодня превратилась в аграрно-индустриальную страну с передовым демократическим строем, политическую основу которого составляет нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, с развивающимся быстрыми темпами народным хозяйством, где уже безраздельно господствуют социалистические производственные отношения, имеющие в своей основе замечательный принцип взаимопомощи и товарищеского сотрудничества. МНР широким фронтом строит прекрасное завтра — социализм, опираясь на братскую помощь и равноправное сотрудничество дружественных народов социалистических стран во главе с великим Советским Союзом.

Подлинным хозяином страны стал трудовой народ, полностью освободившийся от всякой эксплуатации и уничтоживший всякие корни порабощения человека человеком. Трудовые люди, единые с Народно-Революционной партией и руководимые этой партией, через своих представителей управляют страной и ее делами. Яркой демонстрацией непоколебимой поддержки трудящимися политики МНРП, реального участия их в управлении государством явились выборы в местные органы депутатов трудящихся и участковые суды, состоявшиеся 25 октября 1959 года. В выборах участвовало 99,97% всех граждан МНР, достигших 18-летнего возраста, независимо от пола, вероисповедания, общественного и имущественного положения, социального происхождения и национальной принадлежности; 99,98% из них на основе равноправного, прямого, тайного голосования поддержали кандидатов в депутаты местных органов власти, выдвинутых единым блоком членов МНРП и беспартийных. Все 16 138 кандидатов были избраны. В их числе члены партии и кандидаты в члены МНРП составляют 55,4%, члены сельскохозяйственных кооперативов — 41,3%, рабочие — 11,6%, женщины — 18,3%. Не менее замечательны и результаты выборов народных судей. 99,98% избирателей участвовали в выборах, 99,98% из них подали свои голоса за кандидатов блока членов партии и беспартийных.

Главную основу огромных социально-экономических преобразований, происшедших в нашей стране за годы народно-демократического строя, составляют великие исторические победы нашей партии и народа, одержанные во всех областях общественной жизни, замечательные успехи, достигнутые в подъеме экономики МНР, в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры, просвещения, науки, а также в улучшении материального благосостояния трудящихся.

За последние годы неизмеримо возросли темпы и размах строительства созданной в годы революционных преобразований отечественной социалистической промышленности, сдано в эксплуатацию или рекон-

струировано много предприятий горнорудной, энергетической, топливн и нефтяной промышленности. Ежегодный рост промышленной проду ции составлял в первой пятилетке (1948—1952 гг.) 2,4%, во втор (1953—1957 гг.) — 13,1%, а в 1958 г.— 16%, что значительно превыша темпы, предусмотренные трехлетним планом. В 1958 г. валовая проду ция отечественной промышленности увеличилась в 5,4 раза прот 1940 г., причем по государственной промышленности — в 6,3 раза, кооперативной — в 3,2 раза. В настоящее время наша промышленно стала выпускать за один день в 1,4 раза больше продукции, чем бы выпущено за 1930 год. Выработка электроэнергии на душу населен повысилась в 1958 г. в 6,5 раза против уровня 1940 г., составив 96 квт-ч сов, добыча угля — в 2,3 раза, достигнув 534 кг, пошив кожан обуви — в 3 раза (0,71 пары), выработка сливочного масла — в 15,5 ра (5,58 кг).

Наша государственная и кооперативная социалистическая промы ленность, созданная при всесторонней братской помощи великого Сов ского Союза и развивающаяся благодаря сотрудничеству с КНР и др гими странами народной демократии, бескорыстно помогающими на стала занимать важное место в экономике страны и давать почти пол вину валовой продукции народного хозяйства. Поэтому XIII съе МНРП, подытожив эти важнейшие успехи нашего развития, сдел исторический вывод о том, что МНР, бывшая исключительно сельск хозяйственной страной с преобладанием кочевого скотоводства, пр вратилась в сельскохозяйственно-промышленную страну, где чрезв чайно возросла авангардная роль родившегося лишь за годы народн власти рабочего класса. На этой базе произошло политическ и экономическое укрепление союза рабочих и крестьян, строящ социализм.

Огромные изменения произошли и в нашем сельском хозяйст 1958—1959 годы стали периодом решающей победы социалистическ преобразований в сельском хозяйстве. Партия, творчески претворяя жизнь в условиях нашей страны великий ленинский кооперативн план, обеспечила окончательную победу социализма на селе. В наст щее время кооперировано уже более 99% единоличных аратских х зяйств и примерно $^3/_4$ всего поголовья скота перешло в общественну собственность. Функционируют около 400 сельскохозяйственных объед нений (СХО), 42 машинно-животноводческие станции (МЖС), котор оказывают кооперативам широкую государственную помощь, 25 гос зов, где обеспечена полная механизация основных полеводческих раб Поголовье скота в государственном секторе за последние десять лет у личилось в 2,5 раза. В 1958 г. по сравнению с довоенным времен общая площадь сенокосных угодий возросла в 26,6 раза, посевная пл щадь — в 4 раза, причем по государственному сектору — в 11 раз. Рез улучшилось оснащение сельского хозяйства тракторами, комбайнам грузовыми машинами и другой техникой. Количество грузовых автом шин, работающих в нашей стране, по расчету на душу населения в н стоящее время в 3,7 раза больше, чем в Иране, и в 15,5 раза больше, ч в Пакистане.

Благодаря быстрому подъему промышленности и сельского хозя ства страны неуклонно повышается жизненный уровень трудящихся, в сильней развертывается великая культурная революция. Монгольск народ стал почти поголовно грамотным, каждый седьмой человек уч ся в каком-либо учебном заведении. Между тем в Турции 30%, Южной Корее 68% населения неграмотны; в Иране лишь кажды 25-й человек, в Пакистане — 26-й учится в учебном заведении.

В результате резкого улучшения медицинского обслуживания н селения в Монголии, где до революции не было ни одного врача с совр

менным медицинским образованием, в настоящее время на каждые 10 тыс. человек приходится 7 врачей. Государственные ассигнования на здравоохранение в расчете на душу населения в 43 раза выше, чем в Иране, и в 867 раз выше, чем в Пакистане.

Эти замечательные успехи, достигнутые благодаря героическому труду рабочего класса, крестьян и интеллигенции Монголии при братской помощи народов СССР и других социалистических стран, создают реальные возможности для еще более высоких темпов строительства социализма.

Исторические решения XXI съезда КПСС, принятая им величественная программа развернутого строительства коммунизма в СССР, в особенности сделанный съездом теоретический вывод о возможности более или менее одновременного перехода социалистических стран к коммунизму на основе полной мобилизации внутренних возможностей, явились неиссякаемым источником творческого вдохновения для нашей партии и всего народа.

Мартовский пленум ЦК МНРП 1959 г. на основе всестороннего анализа пройденного страной пути выдвинул в качестве очередной программы партии и народа ускорение темпов создания материально-производственной базы социализма, дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений, строительство социализма широким фронтом. Пленум внес некоторые изменения в первоначальный проект трехлетнего плана и выдвинул такие новые неотложные задачи, как крутой подъем земледелия путем освоения целинных земель с целью обеспечения в ближайшие годы потребностей страны в хлебе за счет собственного производства, дальнейший рост промышленности, резкое расширение строительных работ, в особенности усиление жилищного строительства в городах и сельских районах. В решениях пленума особое место занимает указание о проведении в масштабе всей страны культурного похода в честь 40-й годовщины Народной революции. Мартовский пленум ЦК МНРП смело вскрыл недостатки, мешавшие нашему движению вперед, и указал на необходимость решительного улучшения работы партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций в соответствии с новыми требованиями.

Наша партия, рабочие, скотоводы, земледельцы, наша народная интеллигенция, все трудящиеся единодушно одобрили решения пленума ЦК МНРП и в настоящее время вдохновенно претворяют их в жизнь. Все слои трудящихся активно включились в социалистическое соревнование, развернувшееся в промышленности, на транспорте, в строительстве, в сельском хозяйстве и торговле за выполнение и перевыполнение трехлетнего плана развития МНР на 1958—1960 годы.

Самым главным результатом 1959 г. является резкое повышение вооруженности государственных хозяйств современной советской техникой и успешное выполнение плана освоения целинных земель.

Опираясь на огромную материально-техническую и финансовую помощь Советского Союза, оказываемую нашей стране на основе межправительственного соглашения (февраль 1959 г.), благодаря самоотверженному труду наших рабочих, монгольских, а также советских специалистов, прибывших в МНР для оказания помощи в подъеме целины, в 1959 г. распахано свыше 140 тыс. га целинных земель, то есть на 34% больше, чем было предусмотрено планом. Общая посевная площадь в 1959 г. увеличилась против предыдущего года на 43%, а валовой сбор зерновых в госхозах достиг 7 млн. пудов. Это в 2 раза (по пшенице — в 2,6 раза) больше, чем в 1958 году.

Средняя урожайность зерновых поднята с 8 ц в 1958 г. до 11,2 ц с гектара в 1959 году.

В животноводстве также достигнуты заметные успехи: общее по-

головье крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов ув
личилось более чем на 452 тыс. голов.

В промышленности план девяти месяцев перевыполнен, и объем в
ловой продукции по республике увеличился по сравнению с соотве
ствующим периодом 1958 г. на 6,7%, в том числе по государственной пр
мышленности — на 35%, по кооперативной — на 21,2%.

Если за 9 месяцев 1958 г. капиталовложения в народное хозяйст
составляли 144,6 млн. тугриков, то за тот же период 1959 г. они дости
ли 179,4 млн. тугриков, то есть повысились на 24,1%, в том числе в о
ласти сельского хозяйства возросли на 76% и жилищного строител
ства — на 25,4%.

Успешное развитие МНР по пути строительства социализм
неуклонное претворение монгольским народом в жизнь политики Н
родно-Революционной партии — наш вклад в общее дело трудящихс
всех социалистических стран в борьбе за мир и дружбу между нар
дами. Мир — вековое чаяние нашего народа. Успехи, которыми мы го
димся,— это результаты мирного созидательного труда, плоды братск
дружбы и сотрудничества с народами Советского Союза, Китайской Н
родной Республики и других социалистических стран. Поэтому титан
ческие усилия глашатая мира — СССР — в его борьбе за сохранени
мира во всем мире, за мирное сосуществование государств, за полно
и всеобщее разоружение и мирное разрешение всех спорных междун
родных вопросов, миролюбивая политика Советского правительства
всех наших друзей находят самые горячие отклики в сердцах труд
щихся МНР. Трудовые люди Монголии от души радуются огромны
успехам исторического визита Н. С. Хрущева в США и расценивают и
как выдающийся вклад в ослабление международной напряженност
Вся общественность МНР приветствует и единодушно поддержива
положения доклада главы Советского правительства на 3-й сессии Ве
ховного Совета СССР, обращение Верховного Совета СССР к парл
ментам всех стран мира.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ПЕРЕХОДЕ К ФЕОДАЛИЗМУ НА ОСНОВЕ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

М. Н. Мейман, академик С. Д. Сказкин

Созданное Марксом учение об общественно-экономических формациях сыграло огромную роль в развитии не только политической экономии, но и других гуманитарных наук, особенно истории. Конечно, и до Маркса было написано немало ценных исторических работ. Известно, как высоко ценил Маркс французских историков Гизо, Минье, Тьерри, немецких — Маурера, Моммзена и т. д. Но и в лучших исторических работах приводился лишь интересный материал, давался критический анализ источников и отдельных исторических фактов, описание отдельных отрезков истории человеческого общества. Лишь Маркс открыл закон развития всемирной истории, лишь Маркс доказал, что, несмотря на все многообразие и противоречивость исторического развития, это единый закономерный процесс.

В основе общественно-экономической формации лежит господствующий способ производства, представляющий собой единство производительных сил и соответствующих им производственных отношений. История знает пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. Исследование исторического процесса возникновения, противоречивого развития, упадка и гибели всех досоциалистических формаций, изучение характера и специфики классовой борьбы в различных антагонистических формациях — вот что кладет прочную основу для научного понимания истории, для вскрытия закономерностей ее развития, для понимания стремлений и деятельности масс людей, этих подлинных творцов истории.

Целью политической экономии является изучение экономических законов движения каждой общественно-экономической формации. Историки же в своей исследовательской работе исходят из экономического закона движения данной формации. Но задача их при этом чрезвычайно сложна. Ведь данный способ производства, господствуя в той или иной стране, принимает в результате влияния местных естественных и исторических условий свою индивидуальную окраску. Маркс отмечает, «что один и тот же экономический базис—один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [1]. Ни одна из антагонистических формаций не существовала в чистом виде. Помимо господствующего способа производства, сохраняются еще те или иные уклады, остатки отживших общественных форм. Например, поземельная соседская община,

[1] К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 804.

представляющая собой осколок родового строя, не только оставалась начальный период феодального общества, но продолжала существовать в течение всего средневековья. Феодалы лишили общины их свободы подчинили их своей цели — производству и присвоению феодальной ренты, сохранили, однако, их хозяйственный распорядок. С другой стороны объединение крестьян в общину, хотя и подчиненную в целом феодалу облегчало им сопротивление хищническим стремлениям феодалов. Нельзя даже представить себе средневековой феодальной деревни вне общинной организации.

Мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство, возникнув в результате разложения первобытнообщинного строя, продолжает существовать в рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациях. Везде оно играет большую роль, в той или иной форме эксплуатируется господствующим классом, но повсюду оно является лишь укладом, нигде не достигая положения господствующего способа производства. Сохраняется оно и в переходный период от капитализма к социализму.

Но следует отметить и другое: если в общественной формации имеются остатки предшествовавших способов производства, то в ней появляются и зародыши новых производственных отношений, которым предстоит в дальнейшем развиваться и стать основой новой общественной формации. В недрах феодального общества зарождается капиталистическое производство. Вначале оно является лишь укладом, но по мере разложения феодальной формации оно развивается и расширяется, превращаясь в дальнейшем в господствующий способ производства капиталистического общества.

В каждой общественной формации господствующий способ производства, ассимилируя остатки предшествовавших ему общественных форм накладывает на них свой отпечаток. Вместе с тем он борется как с ними так и с зародышами новых, более прогрессивных производственных отношений. Реальный процесс исторического развития каждой страны связан и с другим обстоятельством. Выше уже отмечалось, что один и тот же экономический базис в результате различных условий осуществляется проявляется в разных странах во множестве вариаций. Но это же приводит к тому, что обломки прежних общественных строев и зародыши новых также существуют в разных формах. Различен и их удельный вес в разных странах. Следовательно, ассимиляция их и борьба с ними также приобретают в каждой стране своеобразную индивидуальную окраску.

Этот процесс в известной мере сказывается на характере и формах классовой борьбы, на всей общественной и политической жизни страны. Во всех феодальных государствах противоречие между феодалами и зависимыми крестьянами является решающим классовым противоречием, но в одних странах королевская власть в союзе с городами борется против феодального дворянства (Франция), в других — королевская власть вступает в союз с крестьянством для борьбы с дворянами (Швеция), в третьих — цари вместе с помещиками-дворянами ведут борьбу против крестьянства, всячески содействуя его закрепощению и созданию наиболее грубых и жестоких форм его эксплуатации (Россия в так называемый период второго издания крепостничества).

История разных стран и народов и в период одной и той же общественной формации имеет столько дополнительных индивидуальных черт отклонений, столь разнообразна и многоцветна, что изучение ее во всем ее многообразии, противоречивости и неповторимом своеобразии — дело в высшей степени сложное. Плодотворных результатов могут добиться лишь историки, вооруженные знанием экономических законов движения различных общественных формаций. Только на этой основе может быть исследован и выяснен сложный, противоречивый процесс исторического развития в тех его индивидуальных формах, которые он принимает у раз

ных народов в различных странах. Потому-то Энгельс и говорил, что всю историю человечества надо написать сызнова. Советские историки положили немало труда, чтобы решить поставленную Энгельсом задачу, и добились серьезных успехов. Существенный вклад внесли также историки-марксисты зарубежных стран, в частности стран народной демократии. Но еще больше, конечно, осталось сделать. Естественно, что в разрешении такой колоссальной трудности задачи, как исследование сызнова, на марксистской основе, всей истории человечества, неизбежны и некоторые недочеты. На одном таком недочете и вызванных им ошибках в изучении и освещении исторического процесса мы и хотим остановиться.

Дело в том, что, как нам кажется, некоторые историки в свое время поняли и истолковали теорию Маркса об общественно-экономических формациях, согласно которой человечество в своем развитии последовательно проходит через первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую формации, так, будто бы все страны и народы должны обязательно пройти через каждую из этих пяти общественных формаций. Именно в этом, по их мнению, и состояло единство всемирно-исторического процесса развития человечества. Такое толкование сразу же сказалось на исследовании проблемы перехода от бесклассового общества к классовому и выяснении, какой же общественный строй возник в данной стране после разложения и гибели первобытнообщинной формации. Так как рабство является первой исторической формой эксплуатации человека человеком и за первобытнообщинной формацией следует рабовладельческая, то некоторые историки стали доказывать, что в изучаемой ими стране также имел место развитой рабовладельческий способ производства. Некоторые же из них вступили на путь значительного преувеличения количества рабов и значения их труда даже в экономике стран, где рабовладельческие отношения находились еще на примитивной стадии развития.

Так, одни ученые преувеличивают, по нашему мнению, размеры и значение рабского труда даже в примитивных, ранних рабовладельческих обществах, другие переоценивают действительную историческую прогрессивность Римской рабовладельческой империи, видят ее заслугу там, где она фактически приносила вред, в частности приписывают ей особую роль в создании предпосылок для феодализации восточных эллинистических государств. Показательны в этом смысле работы А. Б. Рановича.

Как известно, Рим покорил и включил в состав своей империи огромное количество стран и народностей. Потеряв независимость и превратившись в римскую провинцию, покоренная страна становилась объектом безжалостной эксплуатации Рима. Причем для многих стран экономические выгоды от их включения в империю не могли перекрыть отрицательных последствий этой эксплуатации, не говоря уже об огромном вреде, причиненном народу потерей независимости в разных областях политической, общественной и духовной жизни.

Возьмем для примера Египет. Превратив его в римскую провинцию, Август сразу же присвоил и вывез огромные сокровища, накопленные веками в казне Птоломеев[2]. В I в. н. э. Рим ежегодно извлекал из Египта денежных доходов на сумму от 300 до 400 млн. египетских драхм[3] — колоссальную по тем временам сумму. Помимо того, в Италию поступало из Египта 200 млн. модиев хлеба в год[4], преимущественно пшеницы. Поло-

---

[2] «...когда в Рим в связи с Александрийским триумфом была привезена египетская царская казна, то здесь оказалось такое огромное количество наличных денег, что ссудный процент упал, а цены на землю необычайно возросли». Светоний. Божественный Август, 41.

[3] «An Economic Survey of Ancient Rome». Vol. II. Roman Egypt to the reign of Diocletian, p. 487. By Allan Chester Johnson.

[4] Там же, стр. 481.

жение непосредственных производителей значительно ухудшилось еще вследствие необходимости содержания чиновничества, армии и выполнения всякого рода натуральных повинностей. Трудящиеся массы Египта подвергались тяжелой эксплуатации и при Птоломеях. Однако римляне еще более усилили эксплуатацию. Причем если в птоломеевском Египте присваиваемая господствующим классом масса прибавочного продукта оставалась в пределах самого Египта, то с установлением господства римлян значительная часть получаемых ими доходов вывозилась ежегодно в Италию. Все это, конечно, подрывало и ухудшало состояние производительных сил Египта.

А вот что пишет А. Б. Ранович: «...Включение Египта в единую Римскую империю привело в конечном счете к экономическому упадку и превратило эту благодатную землю в одну из самых бедных и отсталых. И все же было бы неправильно видеть только мрачную сторону римского господства в Египте... Этой дорогой ценой Египет все же кое-что приобрел; хоть и не в такой мере, как другие провинции, Египет втянулся в общую жизнь империи, изжил многие примитивные черты в своей экономике, особенно в формах земельной собственности, создал предпосылки для феодального способа производства (разрядка наша.— *Авт.*), поднял свою духовную культуру, притом не только на эллинско-римской, но и на самобытной основе»[5].

Таким образом, многовековая жестокая эксплуатация покоренной страны, приведшая к ее экономическому упадку, все же расценивается как в известной степени выгодная для самой страны, так как путем включения ее в общую жизнь рабовладельческой Римской империи и нивелировки были якобы созданы предпосылки для перехода к феодальному способу производства. Согласно концепции А. Б. Рановича, страны Ближнего и Среднего Востока должны были достичь максимально возможного в древнем рабовладельческом мире единства. При этом условии в них могли возникнуть необходимые предпосылки для перехода к феодализму. Сначала процесс нивелирования происходил в рамках эллинистических государств. Когда же эллинистические государства пришли в упадок из-за усилившихся противоречий рабовладельческого способа производства, они были завоеваны Римом. Это было для них выходом из безнадежного кризиса, в котором они находились, выходом, который пошел на пользу рабовладельческому классу. Включение восточных эллинистических стран в состав Римской рабовладельческой империи позволило им повторить процесс своего развития, но на высшей ступени. Римская империя завершила до максимального в древнем мире предела процесс нивелирования, сближения экономических и социальных условий жизни всех завоеванных ею стран. Поэтому органическое включение восточных провинций в состав Римской империи, несмотря на жестокость методов, которыми это достигалось, было исторически необходимым этапом, поскольку создание возможно более единообразных условий жизни подготовляло предпосылки для перехода от рабовладельческой к феодальной формации. В установлении путем нивелировки единства, облегчающего переход к феодализму, и заключается основная историческая прогрессивная роль Римской империи[6].

---

[5] А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.-Л. 1949, стр. 208.

[6] «Нивелирование и жестокие приемы, которыми оно достигалось, были результатом и средством органического включения провинций в состав единой империи, что было (для восточных провинций) исторически необходимым этапом» (А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 21, 22).

«В этом процессе нивелирования заключалась прогрессивная историческая роль Римской империи, облегчившей таким образом возможность перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации...» (там же, стр. 16).

Концепция А. Б. Рановича навеяна, по нашему мнению, представлением, что переход к феодализму возможен лишь на основе разложения высокоразвитого рабовладельческого способа производства. Поскольку же эллинистические государства Востока вступили в период упадка, не завершив развития рабовладельческих производственных отношений, то предпосылки к феодализму могли быть в них созданы лишь благодаря завоеванию и включению их в общую жизнь Римской империи, где рабовладельческие отношения достигли высшей ступени своего развития.

Концепция А. Б. Рановича противоречит действительному историческому процессу развития общества. Индия, Китай и многие другие страны знали лишь примитивные, неразвитые рабовладельческие отношения. Однако у них установился феодальный строй не позднее, а раньше, чем на территории бывшей Римской империи, хотя они и миновали эпоху эллинистического развития и не были включены в состав Римской империи.

Почему же тогда Египет, Сирия и многие другие восточные страны могли перейти от рабовладельческой формации к феодальной только в результате якобы «исторически необходимого для них этапа» нивелирования, которому они должны были подвергнуться в рамках Римской империи? Почему предпосылки для перехода к феодализму не могли быть в них, как и во многих других странах, подготовлены внутренним процессом развития, а не в результате подчинения Риму? Разве можно отвлечься от того факта, что многие страны перешли к феодализму, минуя развитой рабовладельческий способ производства?

Все эти вопросы обойдены А. Б. Рановичем. Его концепция, как нам представляется, противоречит подлинному процессу развития человечества. Господство данного общественного строя вовсе не предполагает единообразное его проявление во всех странах. Один и тот же экономический базис благодаря различным историческим и естественным условиям существует в разных странах во множестве вариаций. Понимание их требует обязательного анализа конкретно-исторических обстоятельств.

Столь же разнообразны и условия, в которых осуществляется развитие и переход от одной общественной формации к другой в разных странах. «Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средства производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм» [7].

И в древнем мире рабовладельческий экономический базис обнаруживал в своих проявлениях многочисленные вариации и различные степени развития, а переход к феодальной формации осуществлялся в пестром хаосе переходных форм. Следовательно, не было и не могло быть того единообразия, которое, по взглядам А. Б. Рановича, должно было быть предпосылкой феодализма. Но тогда отпадает также утверждение А. Б. Рановича, что завоевание и включение восточных стран в Римскую империю было необходимым этапом их развития, так как при помощи нивелировки создавались предпосылки для перехода к феодализму. В реальной действительности завоевание Римом многих стран было обусловлено потребностями экономики самого Рима, спецификой воспроизводства в развитой рабовладельческой формации.

При любом общественном строе, в том числе и при рабовладельческом, воспроизводство даже в неизменном масштабе предполагает, что в годовом продукте истекшего года заключается масса средств производства. Помимо этого, годовой продукт должен заключать в себе также продукты потребления, необходимые для существования как самих работников производства, так и обеспечения замены работников, выбывающих в результате инвалидности или смерти.

Однако из-за крайне низкой производительности труда рабов их мас-

[7] К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 478.

совая эксплуатация была выгодной при условии использования бессемей ных рабов. Позволялось иметь семью рабам-управителям и выслужившим награду. Но тот факт, что большинство занятых в производстве рабов н имело семьи, означает, что в годовом продукте воспроизводилась лиш минимальная масса продуктов, необходимых для потребления самих раб тающих рабов. Замена рабов, выбывавших из строя вследствие смерти ил инвалидности, не обеспечивалась процессом воспроизводства в самом р бовладельческом государстве. Развитый рабовладельческий строй, баз рующийся на хищнической эксплуатации лишенных всякой заинтересова ности в труде работников, не мог обеспечить воспроизводство рабов в пр делах самой рабовладельческой страны. Рабовладельческое государств нуждалось в постоянном ввозе рабов извне. Такова важнейшая специфи рабовладельческого воспроизводства. Это является основой органич ски присущей рабовладельческим государствам экспансии.

Стремление к покорению и подчинению чужих стран вызвано не тол ко необходимостью обеспечения процесса воспроизводства рабами, но жаждой ограбления и эксплуатации населяющих их народностей. В усл виях низкой производительности лишенных заинтересованности в тру рабов развитие одного рабовладельческого государства достигалось з счет присвоения рабочей силы и богатств многих стран. Это вело к возни новению отдельных государств такого колоссального масштаба и так централизации государственной власти, которых не знала последовавш за рабовладельческой феодальная формация. Рабовладельческий спос производства в результате ряда благоприятных условий достиг высше своего развития в Риме.

Рим, конечно, несколько варьировал свою политику по отношени к покоренным странам. Но в основном преследуемые им цели и способ их осуществления были одинаковы в пределах определенного этапа ра вития Римской империи. Поэтому военная, экономическая, налоговая, с дебная политика Рима приводила к стиранию ряда местных особенн стей и создавала тенденцию к уравнению некоторых форм хозяйственно и общественной жизни. Но этот побочный результат владычества Рим вовсе не был обязательной предпосылкой перехода порабощенных стра в дальнейшем к феодализму. Следовательно, включение этих стран в сост Римской империи не было для них обязательным прогрессивным этап в процессе исторического развития. Завоевание многих народов Рим было всецело обусловлено нуждами римского рабовладельческого го дарства, спецификой рабовладельческого воспроизводства, благопри ными историческими условиями, позволившими Римской империи сто успешно и продолжительно осуществлять свою экспансию.

Неизмеримо более важной предпосылкой для феодализма было нал чие в восточных эллинизированных странах государственных крестья зависимых и в той или иной форме эксплуатируемых государством. Поэт му во II—I вв. до н. э., в эпоху своего упадка, эллинистические госуда ства были, по нашему мнению, ближе к феодализму, чем рабовладел ческая Италия. Египетский крестьянин легче мог перейти к производст феодальной ренты, чем, например, италийский крестьянин последн двух столетий Римской республики.

Колоссальное значение зависимого от государства крестьянского х зяйства в экономике восточных стран позволяет прийти к выводам, прот воположным концепции А. Б. Рановича. Подготовка предпосылок для во никновения феодальной формации в эллинистических государствах Вост ка не только не была ускорена, а, наоборот, замедлена в результате завое вания и включения их в Римскую рабовладельческую империю. Поэтом нет никаких причин — ни экономических, ни политических — для оправд ния воздействия, оказанного рабовладельческим Римом на покоренн им страны. Для некоторых из них завоевание оказалось непоправимой к тастрофой (Карфаген, Иудея и т. д.), другим же, как Египту, оно прине

ло огромный вред. Были, конечно, страны, как, например, Галлия, Испания, которым римское завоевание принесло в некоторых отношениях пользу.

Тема настоящей статьи заставляет нас остановиться и на одной из главных проблем китайских историков. Уже ряд лет в КНР оживленно дискутируется вопрос о характере общественного строя в Китае после разложения и гибели там первобытнообщинной формации: пережил ли Китай период развитого рабовладельческого общества или нет? Над этой проблемой работает уже около 30 лет выдающийся китайский историк Го Мо-жо. Го Мо-жо развивает и защищает концепцию, согласно которой в Китае на протяжении весьма длительного времени господствовал развитой рабовладельческий способ производства. Правда, по вопросу о периодизации древней истории Китая и отнесения той или иной эпохи к рабовладельческой или феодальной формации взгляды Го Мо-жо, как он сам отмечает, несколько раз менялись [8].

Го Мо-жо отвергает взгляды тех китайских историков, которые утверждают, что Китай знал только патриархальное домашнее рабство, при котором рабский труд использовался в домашнем хозяйстве, в семье, и что в Китае имело место лишь полурабовладельческое общество. «В Китае,— пишет Го Мо-жо,— в древности также существовало рабовладельческое общество, в котором рабский труд использовался в больших масштабах, главным образом в земледельческом хозяйстве. На основании своих исследований я полагаю, что в периоды Инь и Чжоу существовало рабовладельческое общество» [9]. Как видно из приведенного отрывка, Го Мо-жо связывает свое утверждение о господстве развитого рабовладельческого способа производства в периоды Инь и Чжоу с тем, что в земледелии эксплуатировался рабский труд в больших масштабах. Однако авторы советской «Всемирной истории», например, считают, что вопрос о степени использования рабского труда в земледелии древнего Китая при нынешнем состоянии источников все еще не может считаться решенным [10]. По их мнению, основными производителями в земледелии являлись свободные земледельцы-общинники, которые несли перед государством определенные повинности [11].

Ряд советских историков-синологов считает, что в Иньский период еще не было классового рабовладельческого общества [12]. Что же касается эпохи Чжоу, то и сам Го Мо-жо пишет, что при современном состоянии источников и археологических материалов вопрос о характере способа производства в период Чжоу нельзя еще считать окончательно решенным. «В действительности необходимо затратить еще немало времени на исследования,— пишет Го Мо-жо,— с тем, чтобы окончательно определить, было ли Чжоу феодальным или рабовладельческим обществом» [13].

Вопрос о характере общественного строя в древнем Китае — огром-

[8] «Таким образом, ясно, что я был совершенно неправ, когда на основании весьма неполных данных, без тщательного анализа утверждал, что период Цинь также был периодом рабовладельческого общества, относя хронологическую грань рабовладельческого строя к стыку периодов Цинь и Хань» (Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М. 1956, стр. 46).

[9] Там же, стр. 201.

[10] «Труд рабов находил известное применение и в сельскохозяйственном производстве. Однако в связи со спецификой имеющихся в нашем распоряжении источников и сложностью анализа терминов, обозначающих непосредственных производителей материальных благ, вопрос о том, в какой мере труд рабов как в этот (речь идет о V—III вв. до н. э.— *Авт.*), так и в предшествующий период древней истории Китая использовался в земледелии, остается пока не решенным» («Всемирная история». Т. II. М. 1956, стр. 463).

[11] Там же, стр. 500.

[12] См. Л. В. Симоновская. Вопросы периодизации древней истории Китая. «Вестник древней истории», 1950, № 1; Т. В. Степугина. К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XVI вв. до н. э. «Вестник древней истории», 1950, № 2.

[13] Го Мо-жо. Указ. соч., стр. 159.

ной стране, играющей такую важную роль в истории человечества,— представляет большой интерес не только для специалистов по Китаю. Мы надеемся, что китайские историки-марксисты успешно решат спорные проблемы древней истории китайского общества.

Го Мо-жо исследует историю древнего Китая, исходя из единства всемирно-исторического процесса. Это совершенно правильно. В основу своих выводов он кладет марксистское учение об общественных формациях, согласно которому человечество в своем историческом развитии проходит последовательно через первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую формации. Это также совершенно правильно. Но когда Го Мо-жо полагает, что все страны и народы обязательно прошли в своем развитии через все пять исторически прогрессивных способов производства, то это уже, по нашему мнению, неверная точка зрения. Когда Го Мо-жо на основании данной предпосылки делает вывод, что невероятно, чтобы какой-либо народ перешел после разложения первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, что это невозможно и в том случае, когда имелись лишь неразвитые рабовладельческие отношения в форме патриархального и домашнего рабства, то с такой точкой зрения мы тоже не можем согласиться.

Дело в том, что есть формации, через которые отдельные народы могут либо вовсе не пройти, либо знать их лишь в начальной, неразвитой форме. Маркс и Энгельс приводят примеры этого. Так, Маркс отмечает, что у древних германцев «земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства»[14]. Но если германцы — и не одни германцы — миновали рабовладельческий способ производства, то имеются и народы, не знавшие крепостничества. Энгельс пишет: «Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это дает всему развитию, подобно тому как в Кастилии, совсем другой фон»[15].

Исторические факты последних сорока лет дают немало примеров того, как народы могут в своем развитии миновать тот или иной антагонистический способ производства. Так, в России имелись народности, которые находились на стадии феодально-крепостнических отношений. Однако после Октябрьской революции они, минуя капиталистический способ производства, перешли в условиях Советской власти к успешному строительству социализма. Таково же было положение и в Монголии, которая, минуя капитализм, при братской помощи Советского Союза и других социалистических государств успешно строит социалистическое общество.

Итак, учение Маркса вовсе не предполагает, что все страны обязательно должны пройти через все пять общественных формаций. Таков исторический путь всего человечества в целом. Все народы знали первобытнообщинный строй, и все они, как бы ни было своеобразно развитие каждого из них, придут в конечном итоге к социализму. Но отдельные народы миновали в своем развитии ту или иную антагонистическую формацию. Причем история показывает, что данное положение особенно относится к рабовладельческому строю. Чем это вызвано? Для разрешения вопроса рассмотрим специфику воспроизводства в рабовладельческом обществе.

Из всех общественных формаций рабовладельческая является единственной, где в период развитого рабовладельческого общества воспроизводство рабочей силы невозможно в самой рабовладельческой стране, а осуществляется преимущественно за счет ввоза рабов из других стран. Причем рабы должны были быть достаточно дешевыми, так как в условиях чрезвычайно низкой производительности их труда массовая экс-

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. 1-я. Изд. 1-е, стр. 188.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 221.

плуатация дорогих работников была бы экономически невыгодной. Но рабы обходились дешево лишь тогда, когда источниками пополнения их были войны и разбой.

Конечно, одна лишь возможность захвата военнопленных не могла еще создать необходимые предпосылки для высокоразвитых рабовладельческих отношений. Для этого нужны были соответствующие экономические условия: определенный уровень развития производства, общественного разделения труда, товарного хозяйства, торговли. Однако, с другой стороны, без систематического притока дешевых рабов извне не могло быть и речи о развитом рабовладельческом способе производства.

Итак, высокий уровень развития производства в одном рабовладельческом государстве сопровождался расхищением трудовых ресурсов покоренных стран, лишавшихся, помимо своих богатств, также и значительной части работоспособного населения. Следовательно, высокое развитие рабовладельческого производства в одних странах препятствовало одновременному развитию высших форм рабовладельческого хозяйства в тех странах, откуда первые черпали рабов. Невозможен был высокий уровень рабовладельческого способа производства и в тех странах, которые по различным причинам лишены были возможности систематически импортировать массы рабов. Все это объясняет невозможность одновременного существования одних лишь рабовладельческих государств с развитым рабовладельческим производством. Более того, присущий рабовладельческой формации способ производства достиг высокого уровня развития не в большинстве, а в меньшинстве стран. Многие народы знали ранний, неразвитой рабовладельческий строй с патриархальной, домашней системой рабства [16]. Другие же вовсе миновали рабовладельческий способ производства и перешли к феодализму непосредственно после первобытнообщинного строя.

При феодализме и капитализме воспроизводство основных эксплуатируемых классов осуществлялось, как правило, внутри страны. Потому-то возможно было одновременное существование многих высокоразвитых феодальных стран, а в дальнейшем и многих высокоразвитых капиталистических стран. Феодальный и капиталистический способы производства достигли высокого уровня развития у большинства народов. Из всех антагонистических способов производства один лишь рабовладельческий получил полное развитие не у большинства, а у меньшинства народов из-за невозможности воспроизводства класса рабов внутри самой страны.

Следовательно, когда изучение древней истории какого-либо народа показывает, что он не прошел стадию развитого рабовладельческого способа производства, этому не следует удивляться. Это не аномалия в историческом процессе и не опровержение марксистской теории общественно-экономических формаций. Это путь, присущий многим народам и являющийся результатом специфики рабовладельческого воспроизводства.

Итак, лишь часть стран переходит к феодализму на базе разложения и кризиса развитого рабовладельческого способа производства. Многие же страны переходят к феодальной формации непосредственно после первой, неразвитой стадии рабовладельческого строя. Наконец, имеют-

---

[16] «Бесспорно, рабовладельческая формация проходила у всех народов стадии как начального, так и наиболее полного развития, однако из этого вовсе не следует, что соответствующие периоды в жизни отдельных народов должны были протекать в одних и тех же формах и в одно и то же время» (А. И. Тюменев. Передний Восток и античность (страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи». «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 37). Мы не можем согласиться с утверждением А. И. Тюменева, что рабовладельческий способ производства достиг у всех народов своего полного развития.

ся народы, которые, полностью минуя рабовладение, переходят к феода лизму на основе разложения первобытнообщинных отношений.

Этот последний тип возникновения феодализма наиболее сложе для исследования. Изучение его представляет для советских историко особенно большой интерес, потому что, как известно, восточные славян были в числе тех народов, которые после первобытнообщинной формаци сразу перешли к феодальной.

В советской исторической и экономической литературе нет специ альных теоретических статей, посвященных исследованию вопроса о воз можности непосредственного перехода от первобытнообщинной форма ции к феодальной. Но советские историки уделили много внимания ана лизу конкретно-исторических условий, позволивших восточным славя нам перейти к феодализму на базе разложения первобытнообщинны производственных отношений. В дискуссиях о характере способа произ водства в период возникновения классового общества у восточных сла вян и других народностей, вошедших впоследствии в состав русского го сударства, высказано немало ценных соображений, приведено мног важных фактов. Армянские историки горячо обсуждают вопрос о харак тере общественного строя в древней, доаршакидской Армении. Рассмат ривается, в общем, тот же круг проблем, что и в ходе дискуссии, про исходящей сейчас среди китайских историков. При этом выводы, к кото рым приходят различные историки, зачастую противоположны друг дру гу. Так, С. Т. Еремян пишет в своей статье «О рабстве и рабовладени в древней Армении»: «Таким образом, дошедшие до нас источники дают нам возможность утверждать, что в дофеодальной Армении, т. е. в элли нистическую и позднеэллинистическую эпоху (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) правящая династия, военно-рабовладельческая знать и жречество имел частновладельческие хозяйства — агараки и дастакерты, в которы основными производителями являлись рабы»[17]. Рабовладельчески уклад, заключает С. Т. Еремян, являлся ведущим прогрессивным укладом.

Академик Я. А. Манандян развивает в своей статье «Проблема об щественного строя доаршакидской Армении»[18] иную концепцию. Неко торые историки, как пишет Я. А. Манандян, трактуя развитие древне Армении по аналогии с античной Грецией и Римом, утверждают, что го сударство Тиграна II являлось рабовладельческим, так как агараки, да стакерты и храмовые хозяйства использовали рабский труд, а города были чисто рабовладельческого типа. Однако в древнеармянских источ никах нет никаких указаний, что агараки были населены рабами. Нет материалов, подтверждающих рабовладельческий характер дастакертов усадеб. Нет также фактов, продолжает Я. А. Манандян, свидетельствую щих о рабовладельческом характере храмовых хозяйств, хотя в числ эксплуатируемых ими производителей имелись, конечно, и рабы Я. А. Манандян отрицает также и чисто рабовладельческий характер городов. По его мнению, древняя Армения знала, конечно, рабство, но оно не вышло за рамки домашнего, патриархального рабства из-за недо статочного развития экономики, товарного производства, торговли.

Я. А. Манандян соглашается с положением академика Б. Д. Грекова о сходстве истории древней Армении не с античным рабовладельческим миром, а с развитием скифов, славян и германцев. Я. А. Манандян при ходит к выводу, что основным производителем в доаршакидской Арме нии являлся не раб, а крестьянин-общинник, который, вероятно, был уже в некоторой степени закрепощен в эпоху Артаксиадов и Тиграна Великого. Доаршакидская Армения эпохи Артаксиадов, заключает Я. А. Манандян, была «обществом переходного типа от родового

[17] «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 21.
[18] «Исторические записки». Т. XV.

строя к феодальному, т. е. обществом полупатриархальным, полуфеодальным»[19].

Историки СССР уделили много внимания исследованию вопроса о характере общественного строя начального периода Киевской Руси. Согласно концепции Б. Д. Грекова, решающее значение в переходе восточных славян непосредственно от первобытнообщинной формации к феодальной имело наличие крепкой сельской соседской общины. К числу историков, считавших, что существование устойчивой сельской общины имело решающее значение для возникновения феодализма непосредственно после первобытнообщинного строя, относится и В. И. Равдоникас. Вот что он пишет: «Где патриархальный род успел вполне переродиться в сельскую общину, там создаются особо благоприятные предпосылки для возникновения феодализма — как путем захвата общинной земли выделившимися из среды самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми, военизированными и потому сильными людьми, превращающимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложения ее данью, превращающейся в ренту-налог, в результате завоевания»[20]. Следует отметить также опубликованные в последние годы статьи К. Н. Тарновского «Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян»[21] и И. В. Созина «К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму»[22]. Наличие многих ценных исторических работ, в которых рассматриваются конкретно-исторические условия, позволившие определенному народу непосредственно перейти от первобытнообщинной формации к феодальной, создало возможность для рассмотрения проблемы в широком теоретическом аспекте.

Суть теоретической стороны данной проблемы сводится к следующему: согласно марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций, человечество в своем развитии проходит через пять формаций. Каждая из них, соответствуя определенному этапу состояния производительных сил, содействует дальнейшему развитию производства и общества, благодаря чему она в конечном итоге создает предпосылки для перехода к следующей, исторически более прогрессивной формации. Но если рабовладение является важным, прогрессивным этапом в развитии человечества, то как можно перейти к феодальной формации, минуя рабовладельческую и, следовательно, не имея тех успехов в развитии производительных сил и общественных отношений, которые достигаются в течение длительного периода господства и развития рабовладельческого строя? Как можно перейти к феодализму, не имея предпосылок к нему, создаваемых развитием рабовладельческого способа производства? Для разрешения всех этих вопросов необходимо знание движущих сил возникновения всех известных нам досоциалистических формаций и определение главной тенденции развития каждой из них, выяснение их исторически прогрессивной роли, показ их значения во всемирно-историческом процессе развития общества. Лишь тогда можно будет дать теоретическое объяснение непосредственного перехода многих народов к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства, минуя рабовладельческий. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье не рассматриваются экономические законы движения антагонистических общественных формаций[23].

---

[19] Там же, стр. 28.

[20] В. И. Равдоникас. Маркс, Энгельс и основные проблемы доклассового общества. Известия ГАИМК. Вып. 81, стр. 189.

[21] «Вопросы истории», 1954, № 4.

[22] «Вопросы истории», 1957, № 6.

[23] Об экономических законах рабовладельческой и феодальной формаций авторы писали в следующих статьях: С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. Сборник «Средние века»

Авторы данной статьи сжато излагают лишь то, что имеет непосре
ственное отношение к движущим силам возникновения, к главн
тенденции развития и исторической прогрессивной роли данной фо
мации.

★

В первобытнообщинной формации люди были полностью порабощ
ны природой. Эффективность немногочисленных примитивных орудий
труда была крайне низкой, поэтому заниматься производством проду
тов можно было лишь сообща. Простая кооперация являлась прочно
обязательной формой первобытнообщинного производства. Общий тр
вызвал общественную собственность на средства производства и на пр
дукты производства, уравнительно распределявшиеся между членам
общины. Такова движущая сила возникновения первобытнообщинно
строя.

Первобытнообщинный способ производства благодаря единствен
возможному тогда общему труду людей укрепил и несколько развил ко
лективное производство продуктов, позволил сделать первые, сам
трудные и важные шаги в развитии производства. В этом его истори
ская прогрессивность и значение в развитии общества. Но тем самым
создал предпосылки и для своего уничтожения, подготовил движущ
силы возникновения нового общественного способа производства.

Рост производительных сил, повышение производительности труд
развитие земледелия сделали излишним общий труд людей и обусловле
ную им общественную собственность на средства производства. Накоп
ление производственного опыта и улучшение орудий труда позволили з
ниматься индивидуальным производством продуктов. Ведь общий тр
людей при первобытнообщинном строе был результатом не обобщ
ствления труда и средств производства, а невозможности заниматьс
производством в одиночку. Поэтому, когда в результате развития прои
водительных сил стало возможно индивидуальное производство, то э
означало огромный исторический прогресс. Средства производства ст
ли пригодны для единоличного использования. Процесс производства н
чал приобретать индивидуальный характер. Постепенно возникало час
ное, основанное на индивидуальном труде хозяйство, а вместе с ним
частная собственность на средства производства. Зародившиеся с поя
лением общественного разделения труда товарно-меновые отношени
ускорили формирование частной собственности.

Исторический процесс развития производительных сил шел по лини
замены общего труда индивидуальным, коллективного производства
частным.

Как известно, мелкому индивидуальному производству соответству
свободная частная собственность непосредственного производителя
используемые им средства производства. Почему же на смену гибнуш
му первобытнообщинному строю не пришел строй мелких свободны
частных собственников? Дело в том, что общественное разделение тру
было тогда наиболее важным средством развития производства. По м
ре развития общественного разделения труда усиливалась специализа
ция работников в производстве продуктов. Эта специализация ускорял
накопление производственного опыта и повышение квалификации р
ботников, способствовала совершенствованию орудий труда благода
приспособлению их к производству все более ограниченного круга пр
дуктов, улучшению качества продуктов, росту производительности тр

№ 5; М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин. Об основном экономическом законе феодал
ной формации. «Вопросы истории», 1954, № 2; М. Н. Мейман. Экономический зак
движения рабовладельческого способа производства. «Исторические записки». Т. 2
его же. Движение феодального способа производства. «Исторические записки». Т. 4

да. Поэтому для дальнейшего прогресса производительных сил было необходимо всемерное развитие общественного разделения труда. Однако непременным условием этого являлось осуществление управления трудом, занятия торговлей, общественными делами и т. д. Но человеческий труд был тогда так малопроизводителен, что у мелких частных производителей, занятых производством предметов существования, не оставалось времени для других занятий. Так возникла историческая необходимость в разделении труда между широкими массами, занятыми физическим трудом, и привилегированным меньшинством, осуществлявшим управление обществом. В исторических условиях того времени в большинстве стран это могло быть достигнуто за счет эксплуатации рабского труда [24], следовательно, деления общества на господствующие и угнетенные классы.

В первобытнообщинной формации не было эксплуатации человека человеком. Производительность труда была столь низка, что не было еще возможности делить рабочий день на необходимое и прибавочное время. Положение радикально изменилось в результате развития производительных сил и возникновения общественного разделения труда. Выделение земледельческих и пастушеских племен — первое крупное общественное разделение труда — привело к росту производительности труда в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле и сделало возможным деление рабочего дня на необходимое и прибавочное время.

Вместе с тем развитие производительных сил вызывало необходимость в затратах все большего количества труда для производства различных продуктов. Возможность же производства и присвоения прибавочного продукта создала и заинтересованность в использовании дополнительной рабочей силы. Пленников стали превращать в рабов. Выделявшиеся в процессе разложения первобытнообщинного строя знатные семьи, присвоившие себе привилегию наследственного выполнения важнейших общественных обязанностей, обзавелись рабами. Но роль рабского труда в общественном производстве была еще крайне незначительна.

Однако создаваемая рабами масса прибавочного продукта обеспечивала существование господствующего класса. Стал складываться рабовладельческий строй с присущей ему рабовладельческой собственностью на средства производства и на работников производства — рабов. Возникновение рабовладельческой формации осуществлялось в условиях ожесточенной борьбы разных общественных групп.

Таким образом, если движущей силой возникновения первобытнообщинной формации является необходимость общего труда, коллективного производства продукта, то движущей силой возникновения рабовладельческой формации является необходимость создания и развития частного производства с индивидуальным характером самого процесса производства. Поскольку развитие индивидуального производства продуктов может происходить лишь на основе усиления общественного разделения труда, предпосылкой которого является деление общества на трудящиеся массы и господствующие классы, то и возникает рабовладельческая собственность. Общество делится на классы: рабовладельцев, рабов и свободных мелких собственников — крестьян в деревне и ремесленников в городе [25].

---

[24] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 183, 184.

[25] «...в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало значительного участия насилия, хищничества, обмана и хитрости в образовании классов; а раз господствующий класс упрочил свое положение, он никогда уже не упустит случая усиливать свою власть за счет трудящихся классов и превращать управление общественными делами в усиленную эксплуатацию масс» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 285).

Рабовладельческому обществу присущи мелкие, несовершенны ограниченные орудия производства, пригодные лишь для единоличног употребления. Это определяет характер производительных сил рабовл дельческого строя. С развитием производительных сил в недрах само рабовладельческого общества все более укреплялась база для индиви дуального производства продуктов. Процесс производства приобрета все более индивидуальный характер. В период патриархального рабст подавляющее большинство населения состояло из мелких производит лей. Они использовали в процессе труда принадлежавшие им средст производства.

В дальнейшем началась стадия развитого рабовладельческого спо соба производства. Рабский труд стал основой развития общества, а ра бовладельческое производство — господствующей формой производств Возникли и распространились латифундии, применявшие труд деся ков, а иногда и сотен рабов. Появились крупные рабовладельческие м стерские, в которых работало по 10—15, а то и по нескольку десятко рабов.

Однако рост крупной рабовладельческой собственности не измени характера производительных сил, характера процесса производств Орудия труда оставались мелкими, ограниченными, пригодными лиш для единоличного употребления. Потому производство продуктов как латифундиях, так и в эргастериях осуществлялось от начала до конца основном одним и тем же работником. Процесс производства сохрани свой индивидуальный характер. Труд большинства рабов являлся инди видуальным трудом. Разделение труда в самом процессе производств продукта встречается в античном обществе лишь в виде исключения[26]. Характерно, что при постройке огромного водопровода Марциуса в Ри ме правительство заключило договор с 3 тыс. отдельных ремесленнико каменщиков. Многие из них использовали труд 2—3 рабов. Этот фак подчеркивает индивидуальный характер процесса производства в раб владельческом обществе.

Для некоторых работ была необходима простая кооперация. Про стая кооперация, как сумма отдельных трудовых усилий, была необхо дима при крупном строительстве, проведении дорог, в морском транспор те и частично в горном деле. Во всех этих видах производства она игра ла большую роль и существенно содействовала развитию производитель ных сил. Во многих странах Востока без ирригационных работ, осуще ствлявшихся путем простой кооперации, земледелие не могло широко развиваться. Все эти факты показывают серьезное значение простой коо перации в древнем рабовладельческом мире. Однако в обычном произ водстве промышленных и сельскохозяйственных продуктов не был необходимости в простой кооперации. «Спорадическое применение коопе рации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в совре менных колониях,— говорит Маркс,— покоится на отношениях непосред ственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»[27]. Следо вательно, согласно Марксу, простая кооперация в рабовладельческом обществе была не постоянной, а спорадической формой производства Основная масса труда затрачивалась как индивидуальный труд.

В целом производство в рабовладельческой формации является об щественным, так как работники производят материальные блага не изо лированно от общества, а вступая друг с другом в общественные, про изводственные отношения. Но самый процесс производства в каждом от дельном хозяйстве в рабовладельческом обществе имеет индивидуаль

---

[26] «...мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создани капиталистического способа производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч Т. XVII, стр. 396).

[27] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 341.

ный характер, так как продукты производятся в основном индивидуальным трудом одного и того же производителя.

Однако развитие производительных сил было немыслимо без усиления разделения труда, имевшего своей основой деление общества на классы. Производство и общество нуждались во все большей массе прибавочного продукта. Эта цель достигалась за счет возникновения и роста крупной рабовладельческой собственности, обеспечивавшей рабовладельческое общество прибавочным продуктом рабского труда.

Огромное значение для понимания развития рабовладельческого строя имеют: 1) крупная рабовладельческая собственность, 2) индивидуальный характер процесса производства.

Исследование характера процесса производства в рабовладельческой формации позволяет определить и главную тенденцию развития рабовладельческой формации, раскрыть ее историческую прогрессивность.

С усилением общественного разделения труда и соответствующей специализации производства повышалась квалификация работников и улучшались орудия труда как в самом рабовладельческом хозяйстве, так и в мелких хозяйствах свободных производителей. Происходило общее укрепление и развитие индивидуального производства продуктов во всем рабовладельческом обществе.

Основная, главная тенденция рабовладельческой формации заключается в развитии индивидуального производства продуктов как в собственно рабовладельческом хозяйстве, так и в самостоятельных хозяйствах ремесленников и крестьян.

Рабство содействовало развитию производительных сил, создало материальную базу для расцвета античной цивилизации, науки и искусства, оказавших огромное влияние на все дальнейшее развитие общества. В рамках рабовладельческого государства, обогащавшегося за счет прибавочного продукта рабов, усиливалось общественное разделение труда, промышленность все больше отделялась от земледелия, город от деревни. Известного развития достигли товарное производство и торговля. Это постоянное и непрерывное развитие общественного разделения труда создавало все более широкие возможности для специализации работников в производстве отдельных продуктов. Специализация повышала квалификацию работников и производительность их труда, содействовала совершенствованию орудий труда.

Историческая прогрессивность рабовладельческой формации состоит в развитии производительных сил путем совершенствования индивидуального процесса производства продуктов, улучшавшегося по мере усиления общественного разделения труда и роста специализации производства. Этот прогресс достигался на основе массы прибавочного продукта рабов.

В странах, где господствовал рабовладельческий способ производства, разложение рабовладельческого строя создало и освободило элементы феодального общества. Поэтому остановимся сначала в общих чертах на разложении рабовладельческой формации.

Согласно марксистско-ленинскому учению, основным противоречием антагонистического способа производства является противоречие между присущим ему характером процесса производства и господствующей формой собственности. Выше было уже выяснено, что производительные силы рабовладельческой формации характеризовались мелкими, ограниченными, предназначенными для индивидуального употребления орудиями труда, что процесс производства продуктов имел индивидуальный характер.

Индивидуальный характер процесса производства вступает в противоречие с рабовладельческой собственностью, являющейся крупной соб-

ственностью. Это противоречие — основное противоречие рабовладельческого способа производства. Оно проявляется в противоречиях между рабами и рабовладельцами, между крестьянами и крупными землевладельцами. Основным противоречием рабовладельческого общества является противоречие между рабами и рабовладельцами. Это основное противоречие рабовладельческого общества есть проявление основного противоречия рабовладельческого способа производства.

Необходимое в условиях индивидуального характера процесса производства продуктов приближение работника к положению собственника потребляемых им во время работы средств производства находится в непримиримом противоречии с рабовладельческой собственностью, лишающей рабов стимула к труду. Поэтому заинтересованные в труде мелкие свободные производители лучше использовали выгоды от усиления общественного разделения труда, чем само рабовладельческое хозяйство, основанное на рабском труде.

В связи с этим рабовладельческая формация не может обойтись без значительного развития мелкого свободного производства. Наилучшим условием для развития рабовладельческой формации является такое сочетание господствующей рабовладельческой и мелкой свободной собственности, которое оставляет также широкое поле деятельности для самостоятельного производства мелких собственников. Важной роли мелкого свободного хозяйства в экономике рабовладельческой формации соответствовало и большое общественное и политическое значение класса мелких производителей — крестьян и ремесленников. Рабовладельческое общество не могло состоять только из рабовладельцев и рабов. Рабы не принимали участия в политической жизни. Общество, которое включало бы в себя огромную массу рабов и немногочисленный класс рабовладельцев, не могло бы вести войн для захвата рабов и новых территорий. Оно не сохранило бы и своей независимости, так как рабы не имели права поступать в армию. Армии рабовладельческих государств формировались из свободных людей, крестьян и ремесленников.

Но удельный вес крупной рабовладельческой и мелкой свободной собственности зависел от соотношения сил классов. Помимо классовой борьбы рабов и рабовладельцев, большое значение имела борьба мелких и крупных землевладельцев, оказавшая огромное влияние на все развитие рабовладельческой формации. Господствующий класс рабовладельцев, руководивший государственными и общественными делами и существовавший за счет прибавочного продукта трудящихся масс, укреплял свою власть и увеличивал свои богатства, не брезгая никакими методами. Не ограничиваясь жестокой эксплуатацией рабов, рабовладельцы увеличивали размеры своей земельной собственности за счет разорения мелкого свободного землевладения. Огромный, чрезмерный рост рабовладельческой собственности привел в конечном итоге к сокращению мелкого свободного хозяйства. Противоречие между индивидуальным характером процесса производства и расширяющейся рабовладельческой собственностью все возрастало.

Но жизнь, создавая противоречия, создает и форму их движения. На определенном этапе развития производительных сил и противоречий рабовладельческого общества возникла необходимость в появлении и упрочении мелкого частного производства в самой рабовладельческой латифундии. Рабовладельцы стали сокращать собственно рабовладельческое хозяйство, а освободившиеся земли сдавать участками в аренду колонам — свободным арендаторам. В дальнейшем рабовладельцы вынуждены были стимулировать рабов путем наделения их собственным хозяйством. Постепенное превращение рабов в мелких, зависимых производителей означало уже кризис рабовладельческого способа производства.

Таким образом, необходимое в условиях индивидуального характе-

ра процесса производства приближение непосредственного производителя к положению собственника используемых им в работе средств производства привело в период разложения рабовладения к развитию в самих латифундиях мелкого, зависимого хозяйства крестьян. Примерно одинаковые в своей основе условия хозяйствования содействовали слиянию колонов и рабов в общую массу зависимых мелких производителей — предков средневековых крепостных.

Рабовладельческие производственные отношения превратились в оковы для развития производительных сил. Противоречие между индивидуальным характером процесса производства и рабовладельческой собственностью должно было радикально разрешиться созданием нового общественного строя, при котором эксплуатируемые производители имели бы некоторую заинтересованность в труде. Это было обязательным условием дальнейшего развития производительных сил. Но в разлагавшемся рабовладельческом государстве не было общественных сил, которые могли бы завершить начавшийся процесс феодализации. Рабовладельческое общество, расшатанное классовой борьбой и восстаниями рабов и колонов, было уничтожено покорившими его варварскими племенами. На развалинах рабовладельческого строя возник новый, исторически более прогрессивный способ производства [28].

Мелким орудиям труда, индивидуальному характеру процесса производства соответствует свободная мелкая собственность. Почему же процесс развития рабовладельческого строя, главная тенденция которого заключается в развитии индивидуального производства продуктов, завершился не созданием предпосылок для возникновения строя мелких свободных собственников, а подготовкой условий для феодализации общества?

Производительные силы в период распада рабовладельческой формации стояли на неизмеримо более высоком уровне, чем к концу первобытнообщинной формации. Но орудия труда, несмотря на их улучшение, были малоэффективны, процесс производства, хотя и в более совершенной форме, имел индивидуальный характер. Следовательно, развитие производительных сил должно было и впредь происходить в условиях укрепления индивидуального производства продуктов. Но из-за недостаточного развития производства деление общества на господствующий и производительные классы все еще оставалось необходимой предпосылкой роста общественного разделения труда. Таким образом, необходимость дальнейшего развития индивидуального производства продуктов в условиях классового общества приводит к тому, что развитие производительных сил и противоречий рабовладельческого способа производства завершается созданием предпосылок не для строя мелких свободных собственников, а для феодализма.

Движущей силой возникновения феодального способа производства является необходимость дальнейшего развития производительных сил путем совершенствования индивидуального производства продуктов. Классовое деление общества, обеспечивающее усиление общественного разделения труда, должно осуществиться в такой форме, которая максимально соответствовала бы мелким орудиям труда, индивидуальному характеру производства и создавала бы заинтересованность в труде у работников. Все это обеспечивается возникновением феодальной собственности и делением общества на феодалов и крепостных крестьян. В ряде стран Западной Европы феодальная формация возникла на основе взаимодействия двух процессов: разложения рабовладельческого способа производства в Римской империи и разложения родового строя у завоевавших ее племен. Многие же народы перешли к феодализму непосредственно после разло-

[28] В классической форме этот процесс происходил в Римской империи, где рабовладельческие производственные отношения достигли наивысшего своего развития.

жения и гибели первобытнообщинного способа производства. Возникновение феодализма было длительным и сложным историческим процессом, осуществлявшимся в условиях ожесточенной классовой борьбы, внутренних и внешних войн. Феодалы стали собственниками средств производства, в том числе главного из них — земли, и поставили крестьян в положение в той или иной форме лично зависимых производителей. Но зависимые крестьяне, в том числе и крепостные, были собственниками своего частного, основанного на личном труде хозяйства.

Земля феодального поместья делилась обычно на господскую землю и крестьянскую землю. На господской земле велось собственно господское хозяйство феодала на основе барщинного труда крепостных. Крестьянская земля, занимавшая большую часть поместья, отдавалась в качестве наделов крепостным крестьянам. Поколение за поколением крепостных обрабатывало одни и те же земельные наделы. Крепостные стали фактически владельцами земель, собственность на которые принадлежала феодалу [29].

Создаваемая на основе феодальной собственности значительная масса прибавочного продукта крепостных и феодально зависимых крестьян ускорила развитие производительных сил, усилила общественное разделение труда и специализацию производства в промышленности и в сельском хозяйстве. Уже в последний период рабовладельческой формации мелкое самостоятельное, хотя в тех или иных формах и эксплуатируемое, хозяйство значительно окрепло. Еще более возросло его значение с возникновением и победой феодальных производственных отношений. Большая часть земли феодальных вотчин была распределена в виде наделов между крепостными и феодально зависимыми крестьянами. Лишь меньшая часть земель феодальной вотчины, например, одна треть, одна четверть, представляла собой господскую землю, на которой велось хозяйство феодала. Но укрепление индивидуального производства продуктов, наиболее ярко проявившееся в увеличении количества и значения мелких крестьянских хозяйств, сказалось и на самом хозяйстве феодала. Последнее вовсе не представляло собой крупного производства. Большая часть господской земли лежала вперемежку с полосами крестьян, следовательно, она подлежала общему принудительному севообороту. Обрабатывалась она крестьянами, использовавшими свой скудный, примитивный инвентарь. Кооперация в самом производстве продуктов применялась еще реже, чем в рабовладельческом обществе. Поэтому процесс производства носил индивидуальный характер не только в хозяйствах крестьян и городских ремесленников, но и в господском хозяйстве феодала [30].

Однако рост производительных сил и здесь был невозможен без развития разделения труда, имевшего своей основой деление общества на классы. Для развития производства и общественного разделения труда была необходима материальная база в виде все большей массы прибавочного продукта. Эта цель достигалась благодаря феодальной собственности, обеспечивавшей феодалов прибавочным продуктом крепостных крестьян.

Решающими для понимания экономической природы феодального

---

[29] Крепостной, непосредственный производитель, отмечает Маркс, является «наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд...» (К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 810). Это же положение Маркс повторяет и на следующей, 811 странице.

[30] В. И. Ленин отмечает, что «крепостнические латифундии — опора мелкого кабального земледелия, а вовсе не крупного производства» (В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 59). «До капитализма производство земледельческих продуктов всегда велось в неизменной, мизерно-мелкой форме,— как в том случае, когда крестьянин работал на себя, так и в том случае, когда он работал на помещика,— и никакая «общинность» землевладения не в силах была сломать эту гигантскую раздробленность производства». (В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 271).

строя являются следующие его черты: 1) феодальная собственность, 2) индивидуальный характер процесса производства.

Индивидуальный характер процесса производства вступает в противоречие с феодальной собственностью. Это противоречие является основным противоречием феодального способа производства. Оно проявляется и в основном противоречии феодального общества — между крепостными и зависимыми крестьянами и феодалами.

Отделение промышленности от земледелия, города от деревни было осуществлено в феодальном обществе значительно полнее, чем в рабовладельческом. Земледелие, промышленность и торговля достигли значительно большего развития. С усилением общественного разделения труда и, следовательно, ростом специализации производства улучшались орудия труда, повышались качество и производительность труда как в мелких хозяйствах городских ремесленников и крестьян, так и в господском хозяйстве феодала. Происходило общее укрепление и развитие индивидуального производства продуктов во всей феодальной формации.

Основная, главная тенденция феодализма заключается в возможно более полном развитии индивидуального производства продуктов. Преимущества от усиления общественного разделения труда и соответственно возраставшей специализации производства в условиях индивидуального характера процесса производства могли быть лучше всего использованы мелким свободным производством. Если крепостные превосходили рабов наличием у них стимула к труду, то они значительно уступали мелким свободным собственникам, чья заинтересованность в работе была несравненно большей, а возможности для инициативы — шире. Но мелкому, индивидуальному производителю враждебно противостоит исторически необходимая в то время крупная феодальная собственность. Поэтому наилучшим условием для развития феодального строя является установление таких форм зависимости крестьян и такой степени феодальной эксплуатации, которая, обеспечив усиление общественного разделения труда достаточной массой прибавочного продукта, оставляла бы широкую и все расширяющуюся сферу действия и возможности развития для мелких хозяйств в деревне и городе. Но рост производительных сил и повышение производительности труда связаны не только с усилением общественного разделения труда и дальнейшим увеличением количества и значения мелких хозяйств, но и с постепенным приближением непосредственного производителя к положению фактического, а затем и полного собственника. Развитие форм феодальной ренты — отработочная рента, рента продуктами, денежная рента — расширяло сферу крестьянского хозяйства за счет сокращения господского и уменьшало степень зависимости крестьян, приближало их к состоянию мелких свободных собственников.

Историческая прогрессивность феодальной формации состоит в дальнейшем развитии производительных сил путем совершенствования индивидуального производства продуктов, улучшавшегося по мере усиления общественного разделения труда и вызываемой им специализации производства и постепенного приближения работников к положению свободных мелких собственников используемых ими средств производства. Этот прогресс достигается на основе использования массы прибавочного продукта крепостных и феодально зависимых крестьян. Сравнивая состояние общества в конце XV в. с последним периодом античного мира, Ф. Энгельс отмечал в развитии земледелия и промышленности огромные успехи, достигнутые за время феодализма. Значительно возросла численность населения, следовательно, увеличились ресурсы рабочей силы. Производство стало более массовым, совершенным, многообразным. Орудия труда улучшились, производительность труда повысилась. Огромную роль в общественной жизни сыграло изобретение книгопечатания, пороха, компаса.

Экономика феодального общества, так же как и рабовладельческого,

являлась в своей основе натуральной. Однако рост производительных сил был связан с усилением общественного разделения труда. Последнее неизбежно вызывало развитие торговли. Развитие торговли, в свою очередь, содействовало усилению общественного разделения труда и все большей специализации производителей. Таким образом, известное развитие торговли было как результатом, так и условием развития производительных сил феодального строя. При феодализме общественное разделение труда достигло более высокого уровня, чем при рабовладении. Соответственно значительно возросло количество торговых центров, увеличился удельный вес внутренней торговли. Возросло и значение торговли сырьем и товарами сравнительно широкого потребления.

Историческая прогрессивность феодализма по сравнению с рабовладением ярко проявилась в том, что хотя в обеих этих формациях развитие производительных сил происходило путем совершенствования индивидуального производства продуктов, улучшавшегося по мере общественного разделения труда, однако лишь при феодализме развитие производства и общества достигло такого уровня, когда стал возможен и необходим переход к капитализму.

В рабовладельческой и феодальной формациях развитие производительных сил и общества осуществлялось в форме укрепления, расширения и совершенствования индивидуального производства продуктов. Но наконец наступила пора, когда мелкое, индивидуальное производство исчерпало все свои потенциальные возможности. Дальнейший рост производительных сил и производительности труда был возможен лишь при условии внедрения разделения труда в самый процесс производства продуктов. Они должны были производиться не индивидуальным трудом отдельного работника, а совместным общественным трудом многих рабочих. Индивидуальный характер процесса производства должен был быть заменен общественным характером процесса производства. Разбросанные ранее в мелких частных хозяйствах средства производства необходимо было сконцентрировать в крупных предприятиях. Следовательно, мелкое частное хозяйство должно было быть заменено крупным предприятием, а экспроприированные тем или иным способом свободные производители превратиться в вольнонаемных пролетариев.

Движущей силой возникновения капитализма является историческая необходимость замены мелкого, индивидуального производства продуктов крупным производством с присущим ему общественным характером процесса производства. Появляется частная капиталистическая собственность. Формируются классы капиталистов и наемных рабочих.

Возникшее в недрах феодального общества капиталистическое производство существует сначала как уклад, развитие которого тормозят феодальные отношения. Феодальный строй, стержнем которого были мелкое земледелие с подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, превратился в препятствие, мешавшее дальнейшему развитию производства и общества. По мере разложения феодализма все усиливалась классовая борьба жестоко эксплуатируемых трудящихся, стремившихся покончить с феодальной эксплуатацией. Буржуазия использовала плоды революционной борьбы масс, сыгравших решающую роль в буржуазных революциях, и на развалинах феодального общества построила капиталистическое.

Капиталистическая формация в отличие от всех предшествующих характеризуется развитым товарным хозяйством. Сама рабочая сила превращается в товар, и отношения основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата — осуществляются посредством постоянно возобновляющихся товарно-денежных отношений. Капиталистическое производство представляет собой единство производства потребительной стоимости, стоимости и прибавочной стоимости.

Развитие производительности труда при капитализме проходит три

основные стадии: 1) простая кооперация, 2) разделение труда и мануфактура, 3) машины и крупная промышленность.

При простой кооперации каждый из работников, занятых в капиталистическом предприятии, производит по-прежнему весь продукт от начала до конца. Рабочий лишь формально подчинен капиталисту и создает ему прибавочную стоимость. Но все же и простая кооперация приводит к некоторому повышению производительности труда и к экономии на средствах производства. Однако простая кооперация «не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства»[31]. Очень скоро простая кооперация превращается в сложную, ставшую характерной постоянной формой капиталистического производства.

В мануфактуре — кооперации, основанной на разделении труда,— искусство ремесленника остается основой производства. Но труд рабочих расчленяется на отдельные операции. Рабочий постоянно занят выполнением одной и той же операции. Эти рабочие, совместно производящие продукты, образуют комбинированного, совокупного рабочего, общественный производственный механизм. Товар превращается в общественный продукт комбинированного рабочего персонала.

Производительность труда повышается. Увеличивается производство относительной прибавочной стоимости. Однако ремесленный тип труда, хотя и разделяется на отдельные операции, остается основным принципом общественного производства.

До тех пор, пока труд имел ремесленный характер, пока ремесленное искусство оставалось основой производства, его технический базис развивался очень медленно, оставался консервативным. Эта ограниченная техническая база сохраняется и в мануфактурный период капитализма, несмотря на то, что самый процесс производства в мануфактуре приобретал уже общественный характер. Но труд сохранял свою зависимость от сноровки, силы и интенсивности рабочего, вооруженного своим инструментом.

Однако мануфактурный период имел и достижения: расчленение труда, комбинирование рабочих в совокупного общественного рабочего, дифференциация и специализация орудий труда. Все это предпосылки для перехода к высшему этапу в развитии капиталистической промышленности — периоду крупной машинной индустрии. Лишь с внедрением машины в производство и началом эры крупной машинной индустрии, позволяющей всякий процесс производства разлагать на его составные элементы безотносительно к руке человека,— технический базис промышленности лишился своего прежнего консервативного характера и стал революционным. Темпы развития общественного производства ускорились. В крупной машинной промышленности капитализм получил адекватную ему техническую основу.

Крупное производство при капитализме представляет собой сложное предприятие, где сконцентрированная значительная масса средств производства производительно используется совокупным общественно-комбинированным трудом многих наемных рабочих, совместно производящих продукты. В этом и заключается общественный характер самого процесса производства.

Капиталистическая частная собственность фактически основана на общественном процессе производства. Однако, несмотря на его общественный характер, капиталисты используют свою частную собственность и присваивают результаты общественного труда рабочих. Общественный характер процесса производства вступает в непримиримое противоречие с частной капиталистической собственностью. Это — основное противоречие капиталистического строя, порождающее все остальные его противо-

---

[31] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 341—342.

речия. Оно проявляется и в непримиримом антагонизме между пролетариатом и буржуазией.

Основное противоречие капитализма проявляется и как противоречие между общественной организацией производства на отдельных фабриках или заводах и анархией производства во всем обществе.

До капитализма, при рабовладении и феодализме, развитие производительных сил осуществлялось при усилении общественного разделения труда, связывавшего частные хозяйства, где процесс производства имел индивидуальный характер. Из всех досоциалистических, антагонистических формаций лишь при капитализме общественное разделение труда создает связь между предприятиями, в которых самый процесс производства продуктов имеет уже общественный характер.

Несравненно более быстрое развитие производительных сил при капитализме, чем в предшествовавших ему феодальном и рабовладельческом обществе, достигается главным образом за счет возникновения и развития общественного характера процесса производства и революционизирования его технической базы.

Возможность, хотя и в крайне ограниченных размерах, повышения заработной платы для отдельных рабочих (сдельная форма зарплаты, премиальная система и т. д.), угроза увольнения, усиливающаяся из-за наличия армии безработных; невозможность нарушить темпы и ритм производства (каждый рабочий является лишь частью комбинированного рабочего персонала) заставляют рабочих работать со все усиливающейся интенсивностью. Капитализм является единственным антагонистическим способом производства, сумевшим добиться интенсивного труда у трудящихся. Буржуазия довела степень эксплуатации до невиданных ранее размеров. С развитием капитализма усиливается интенсивность труда, выматывающая все жизненные силы рабочих. Капитализм варварски, хищнически использует важнейший элемент производительных сил — рабочий класс.

Возникновение капиталистического способа производства связано с массовой экспроприацией крестьян и ремесленников, чье мелкое хозяйство исключает возможность концентрации средств производства, установления разделения труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и серьезное развитие производительных сил. Капитализм — единственный антагонистический общественный строй, где господствующая форма труда — обобществленный труд наемных рабочих — является вместе с тем и наиболее передовой формой труда, неизмеримо более производительной, чем труд ремесленников и крестьян. По мере развития капитализма усиливается дифференциация крестьянства и сокращается количество крестьян и ремесленников. Мелкое производство все более деградирует и вытесняется.

Основная, главная тенденция капиталистического способа производства заключается в росте крупного производства и развитии присущего ему общественного характера процесса производства, в вытеснении мелкого производства крупным.

Рост фабрик и заводов, выпускающих дешевую массовую продукцию, позволяет продавать товары на все более отдаленных рынках. Это усиливает общественное разделение труда, выражающееся в росте специализации отдельных предприятий и отраслей промышленности. Капиталистические предприятия потребляют массу средств производства, производимых другими предприятиями. Переплетаются, усложняются и возрастают взаимные связи капиталистических предприятий в связи с производством друг для друга деталей, полуфабрикатов, сырья и т. д. Все это означает непрерывный рост обобществления труда, который происходит в условиях скачкообразного экономического развития капиталистических стран и осуществляется не только за счет того, что самый процесс производства

приобретает общественный характер, но и благодаря специализации общественного труда и увеличению числа отраслей промышленности, созданию теснейшей связи и взаимозависимости различных областей народного хозяйства. Подвижность населения, созданная крупной машинной индустрией, все возрастает.

Развитие производительных сил в условиях капиталистического строя требует увеличения размеров фабрик и заводов, концентрации все большей массы средств производства и рабочих на одном предприятии. Но для создания предприятий, требуемых состоянием техники и науки, необходимы капиталы возрастающей величины. Частная собственность капиталистов не поспевает за необходимостью увеличения размеров предприятий и тем самым дальнейшего расширения общественного характера процесса производства. На этот раз уже крупная капиталистическая собственность становится тормозом для развития производительных сил. Общественный характер процесса производства требует и общественной собственности на средства производства.

Основное противоречие капитализма ведет к концентрации и централизации капитала и кредита. Укрупняются размеры предприятий, развивается общественный характер процесса производства, возрастают связь и взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства, усиливается обобществление труда.

Историческая прогрессивность капитализма состоит в создании и развитии общественного характера процесса производства продуктов, в развитии производительных сил общества, в обобществлении труда. Этот прогресс достигается на основе использования огромной массы прибавочной стоимости, создаваемой пролетариатом.

☆

Выше мы отметили, что разрешение проблемы возможности возникновения феодализма на базе разложения первобытнообщинного строя, минуя рабовладение, требует прежде всего исследования и определения движущей силы возникновения, главной тенденции развития и исторической прогрессивности каждой из досоциалистических формаций.

Сравнительный анализ вскрывает очень интересный и важный факт. Оказывается, что движущие силы возникновения первобытнообщинной, рабовладельческой и капиталистической формаций весьма существенно друг от друга отличаются, тогда как движущие силы возникновения рабовладельческой и феодальной формаций в известной мере схожи между собой. В самом деле, первобытнообщинный способ производства возникает потому, что в начальный период развития человечества, в условиях полной порабощенности человека природой, производство продуктов и существование людей были возможны лишь при условии общего труда и уравнительной формы распределения продуктов. Движущей силой возникновения рабовладельческой формации является необходимость развития производительных сил в условиях частного производства, индивидуального характера процесса производства и усиления общественного разделения труда, обеспечиваемого классовым делением общества. Движущая же сила возникновения феодализма — необходимость дальнейшего развития индивидуального производства продуктов и установления такой формы классового общества, которая вызвала бы у эксплуатируемых в условиях индивидуального характера процесса производства некоторую заинтересованность в труде.

Иная движущая сила возникновения у капитализма. Исчерпание мелким, индивидуальным производством своих исторических прогрессивных возможностей создает необходимость замены мелкого производства крупным, индивидуального характера процесса производства — обще-

ственным. Сохранение же необходимости в классовом делении общества порождает капиталистическую собственность, являющуюся основой капитализма.

Аналогично положение с главной тенденцией и исторической прогрессивностью этих общественных формаций. Они различны у первобытнообщинной, рабовладельческой и капиталистической формаций. Зато они весьма схожи у рабовладельческой и феодальной формаций. Так, основная, главная тенденция как рабовладельческой, так и феодальной формации — развитие индивидуального производства продуктов. Историческая прогрессивность рабовладельческой формации состоит в развитии производительных сил путем совершенствования индивидуального процесса производства продуктов, улучшавшегося по мере совершенствования на основе рабовладельческой собственности, общественного разделения труда и роста специализации производства. Историческая же прогрессивность феодальной формации заключается в дальнейшем развитии производительных сил путем совершенствования индивидуального процесса производства продуктов, улучшавшегося по мере усиления, на основе феодальной собственности, общественного разделения труда и вызываемой им специализации производства, постепенного приближения работников к положению свободных мелких собственников используемых ими средств производства. Налицо несомненное сходство движущих сил возникновения, главной тенденции развития и причин исторической прогрессивности рабовладельческой и феодальной формаций.

Чем это вызвано? Конечно, рабовладение и феодализм являются двумя различными историческими формациями. Каждой из них присущи своя особая господствующая форма собственности, свой способ соединения средств производства с рабочей силой, своя специфическая форма производства и присвоения прибавочного продукта. Нельзя не отметить также различных условий воспроизводства производительных классов — рабов и крепостных. Однако при всем различии рабовладельческой и феодальной формаций они имеют ряд важных общих черт:

1. Состояние производительных сил характеризуется мелкими, ограниченными, пригодными лишь для индивидуального употребления орудиями труда; индивидуальный характер процесса производства. 2. Консервативный технический базис производства. 3. Натуральная в своей основе экономика. Отсутствие широкого внутреннего рынка, несмотря на известное развитие товарного производства и торговли. 4. Внеэкономический характер принуждения. 5. Господствующие классы — рабовладельцы и феодалы — непроизводительно потребляют почти весь прибавочный продукт. 6. Консервативный технический базис и непроизводительное потребление прибавочного продукта крайне ограничивают возможность расширенного воспроизводства. Простое воспроизводство остается частым явлением. Темпы расширенного воспроизводства, когда оно имело место, очень незначительны.

Наличие этих важных общих черт в известной мере сближает рабовладельческую и феодальную формации. В. И. Ленин никогда не отмечал близости феодального способа производства с первобытнообщинным или капиталистическим. Наоборот, он противопоставлял их друг другу. Зато он подчеркивал близость рабовладельческой и феодальной форм производства [32]. Близость рабовладельческой и феодальной формаций, естественно, выражается в близости движущих сил возникновения главной тенденции развития и исторической прогрессивной роли их в развитии общества. Поэтому в тех странах, где нет условий для развития рабовладельческого способа производства, возможен переход к феодализму непосредственно вслед за разложением и гибелью первобытнообщинного строя.

[32] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 13, 21, 87.

Ни один народ не может миновать в своем развитии первобытнообщинного способа производства, так как на начальной стадии развития производительных сил индивидуальный труд еще невозможен и для производства продуктов необходим общий труд людей. Далее. Ни одна страна не может самостоятельно, без помощи извне, миновать полностью капитализм, так как капиталистическая формация, единственная из всех досоциалистических формаций, создает и развивает крупное производство с присущим ему общественным характером процесса производства, обобществляет труд, создает, развивает и революционизирует пролетариат.

Но возможно после разложения и гибели первобытнообщинного способа производства, в случае отсутствия условий для развития рабовладельческой формации, миновать ее и перейти к феодальной. Это объясняется тем, что исторический процесс развития и разложения первобытнообщинной формации ликвидировал необходимость в общем труде и привел к появлению мелкого, индивидуального производства продуктов. Дальнейшее развитие производительных сил путем развития индивидуального производства продуктов, совершенствующегося по мере усиления общественного разделения труда и специализации производства, осуществляется как в рабовладельческой формации, так и в феодальной. Но при рабовладении это происходит на основе массы прибавочного продукта рабского труда, а в феодальной формации — на основе массы прибавочного продукта крепостных и феодально зависимых крестьян. И первый и второй путь дают возможность для развития производительных сил путем совершенствования индивидуального производства. Но если возможен непосредственный переход от разлагающегося первобытнообщинного строя к феодализму, то тем более возможен переход к феодализму страны, находящейся на первой, неразвитой ступени рабовладельческих отношений, лишенной условий для дальнейшего развития рабовладельческого способа производства. Теоретическое объяснение этого одно и то же.

Итак, конкретные условия каждой данной страны определяют, пройдет ли она через все стадии развития рабовладельческого способа производства, или через раннюю, неразвитую форму рабовладельческого производства, или же, полностью минуя рабовладельческий строй, непосредственно перейдет к феодализму.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. Е. Иоффе, С. В. Мокин

Передовые люди Франции с величайшим энтузиазмом встретили весть о победе вооруженного восстания в Петрограде, создании Советского правительства во главе с В. И. Лениным, триумфальном шествии социалистической революции по всей России. Обладая замечательными революционными традициями, французские трудящиеся правильно поняли великий смысл этих событий. Рабочие Франции сознавали, что «в России строится их республика, что дело, за которое так доблестно борются и умирают русские рабочие,— их дело, общее дело трудящихся всех стран. И над неприятельскими окопами, над опустошенными, сожженными городами, над областями, разгромленными артиллерией и превращенными в пустыни, несся великий призыв Маркса, подхваченный русской революцией: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[1].

Под влиянием идей Октября начались мощные выступления французского пролетариата[2]. Одним из основных его лозунгов был: «Руки прочь от Советской России!».

В 1919 г. произошло героическое восстание матросов французской эскадры на Черном море, направленное против вмешательства империалистов в дела Советской страны.

Отношение демократической Франции к революции в России зафиксировано в многочисленных и ярких документах. Среди них привлекают внимание прежде всего свидетельства очевидцев и в определенной мере участников событий. Такого рода материалами являются, например, письма и дневники Жака Садуля, который был послан в Россию в начале осени 1917 г. в составе французской военной миссии. Капитан Садуль был очевидцем событий Октябрьской революции, присутствовал на историческом II съезде Советов, неоднократно беседовал с В. И. Лениным.

В своих письмах из России Садуль подробно и объективно информировал французскую общественность о ходе революционных событий, разоблачал преступные действия Антанты. Садуль отмечал выдающуюся роль В. И. Ленина в русской революции, его популярность среди народа. Убедительно раскрыл Садуль силу Советов как новой формы демократической власти. Он назвал Советы «одним из величайших творений революции»[3].

Статьи, дневники и письма Садуля широко распространялись во Франции, читались на собраниях рабочих, печатались в газетах и неоднократно издавались отдельными книгами[4].

---

[1] Морис Торез. Сын народа. М. 1950, стр. 32.

[2] Подробно о борьбе французских трудящихся см.: Жан Фревиль. Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре. М. 1951; Л. П. Кожевникова. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М. 1959.

[3] Jacques Sadoul. Notes sur la révolution bolchévique (octobre 1917 — juillet 1918). Mosçou. 1920, p. 18, 19.

[4] См. «La vie ouvrière», № 28, 5 ноября 1919 года. «Notes sur la révolution bolchévique» были изданы в Берне в 1918 г., в Париже в 1920 г., а также в Москве.

Садуль активно участвовал в деятельности группы французских коммунистов, находившихся в России, был ее представителем на I Конгрессе Коммунистического Интернационала. Группа проделала большую работу, распространяя правду об Октябрьской революции. Издаваемая ею газета «III-ème Internationale» имела широкий круг читателей во Франции; на ее страницах давалось правильное освещение наиболее важных событий, происходивших в Советской России, разоблачались происки врагов советского народа — белогвардейцев, интервентов и их пособников в лице деятелей обанкротившегося II Интернационала. В частности, газета показала лживость заявлений о том, что «союзники не вмешиваются во внутренние дела России» [5]. Отмечая первую годовщину Октябрьской революции, газета убедительно раскрыла ее народный характер, нанося удар тем фальсификаторам, которые изображали Октябрь как заговор небольшой группы людей [6]. Газета разоблачала перед читателями клеветнический характер утверждений империалистов, будто существовали тайные связи между большевиками и германским правительством и будто большую часть Красной Армии составляли «вооруженные австро-германские отряды» [7].

Среди активных друзей Советской России во Франции, писавших и говоривших правду о революции, был великий французский писатель Ромен Роллан. Социалистическая революция, писал он в своих дневниках тех лет, «принесла народам России мир и землю, то, о чем они мечтали больше всего» [8]. В. И. Ленина писатель называл самым великим человеком XX века [9].

Столь же искренне выражал восхищение деятельностью В. И. Ленина Анатоль Франс, ставший, как он сам говорил, «большевиком сердцем и душой» под непосредственным влиянием событий в России [10]. Анри Барбюс, выступая на митингах и собраниях, а также в печати, разоблачал интервентов и призывал всех честных французов помочь Советской республике [11]. Защиту Октябрьской революции и молодой Республики Советов считал своим священным долгом известный ученый Поль Ланжевен, один из основателей «Кружка друзей новой России», активно добивавшийся установления советско-французских научных и культурных связей [12]. Марсель Кашен, Поль Вайян-Кутюрье, Раймон Лефевр и другие видные общественные деятели оказали полную поддержку Октябрьской революции.

Ряд воззваний и обращений к французской общественности в защиту русской революции выпустила республиканская организация бывших фронтовиков (ARAC) [13]. В программе организованной в 1917 г. прогрессивными писателями группы «Clarté» одним из важнейших пунктов стояла защита Советской республики. В журнале, который издавала эта группа, имелся специальный раздел — «Правда о России».

Материалы «Clarté», так же как и многочисленные выступления А. Барбюса, А. Франса, М. Кашена, Р. Лефевра, заявление 71 представителя интеллигенции — писателей, ученых, художников Франции в защиту Советской России [14], листовки и брошюры Комитета по восста-

[5] «III-ème Internationale», Organe de la section française du parti communiste (bolchévik) russe, № 1, 20 октября 1918 года.

[6] Там же, № 3, 9 ноября 1918 года.

[7] Там же, № 2, 27 октября 1918 года.

[8] Romain Rolland. Journal des années de guerre 1914—1919. Paris. 1952. p. 1782.

[9] «Глазами иностранцев, 1917—1932». М. 1932, стр. 222.

[10] См. Jacques Suffel. Anatole France. Paris. 1946, p. 363.

[11] Henri Barbusse. Paroles d'un combattant. Articles et discours (1917—1920). Paris. 1920; см. также А. Барбюс. Избранные произведения. М. 1952, стр. 446—450.

[12] См. О. А. Старосельская-Никитина. Поль Ланжевен и франко-советские культурные связи. «Вестник Академии наук СССР», январь 1956, стр. 66.

[13] См. Jacques Duclos, Jean Fréville. Henri Barbusse. Paris. 1946, p. 52.

[14] См. «L'Humanité», № 5669, 26 октября 1919 года.

новлению интернациональных связей [15], воззвания и письма многих местных организаций социалистической партии и отдельных групп трудящихся — все это документы, чрезвычайно важные для изучения истории пролетарской революции в России и ее влияния на Францию.

Французским революционерам удалось опубликовать и широко распространить в своей стране ряд ленинских работ, оказавших огромное влияние на мировоззрение прогрессивных деятелей Франции, на борьбу левых сил в социалистической партии за создание Компартии и присоединение к III Интернационалу.

Произведения В. И. Ленина, материалы съездов и конференций РКП(б), как и документы Французской коммунистической партии, стали научно-теоретической и идейно-политической основой марксистско-ленинской историографии Октябрьской революции во Франции. «Наша задача,— говорил Марсель Кашен на Турском съезде, положившем начало существованию Компартии,— показать буржуазии наше желание идти бок о бок с великой русской революцией, которая в настоящее время является во всем мире основной крепостью против империализма» [16].

В противоположность демократическим кругам Франции официальные представители французского правительства в России по указанию своего правительства и главного военного командования всячески содействовали развертыванию интервенции и контрреволюции. Особую активность проявлял бывший посол Нуланс. Искажая факты, он объявил социалистическую революцию верхушечным заговором, якобы не поддержанным народными массами [17]. Таким же грубым фальсификатором выступал и другой активный участник интервенции, бывший руководитель французской военной миссии в России генерал Ниссель. В его книге, посвященной русским событиям 1917—1918 гг., встречаются те же, что и у Нуланса, рассуждения о верхушечной революции в России, якобы «осуществленной интеллигенцией» при «безразличном» отношении народа, гнусные вымыслы о связях большевистской партии с германским правительством [18].

На таких же позициях стояли и другие реакционные буржуазные авторы. Так, буржуазные историки Г. Домерг и Е. Бюиссон клеветнически изображали вооруженное восстание в Петрограде как верхушечный переворот [19]. Тесная связь партии с народными массами тенденциозно отрицалась ими. Органам власти трудящихся — Советам — эти авторы противопоставляли Учредительное собрание, извращая при этом и данные о его составе и историю его разгона [20].

Ненавистью к Октябрьской революции пронизаны сочинения белогвардейцев-эмигрантов, например, клеветническая книга С. Перского [21] и пространный «труд» Н. Зворыкина [22].

Клеветой, глумлением над русским революционным народом и его партией, угрозами и открытыми призывами к вмешательству в дела Советской России встретила победу Великого Октября правая французская буржуазная печать; в таком духе выступали министры, дипломаты, генералы и реакционные историки. «Нет той лжи и клеветы,— отмечал

[15] Заявление представителей французской интеллигенции и деятельность Комитета были положительно оценены В. И. Лениным. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 196; т. 27, стр. 486.

[16] «Parti socialiste. Section française de l'Internationale Ouvrière. 18e Congrès national tenu à Tours les 25—30 décembre 1920». Compte-rendu sténographique. Paris. 1921, p. 209.

[17] Joseph Noulens. Mon ambassade en Russie soviétique 1917—1919. Vol. I. Paris. 1933, p. 53—62, 121.

[18] См. Général Niessel. Le triomphe des bolchéviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917—1918. Paris. 1940, p. 75, 87, 94 и др.

[19] G. Domergue. La Russie rouge. Paris. 1918, p. 124—131; E. Buisson. Les bolcheviki (1917—1919). Paris. 1919, p. 13, 15.

[20] См. E. Buisson. Les bolcheviki (1917—1919). Paris. 1919, p. 40—50.

[21] Serge Persky. De Nicolas II à Lenin (1917—1918). Paris. 1919.

[22] N. Svorikine. La révolution et le bolchévisme en Russie. Paris. 1920.

В. И. Ленин,— которую они (пресса англо-французского империализма.— *Авт.*) не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов,— а она ворочает миллиардами,— что она действует вся, как один синдикат, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас»[23].

Враждебно встретили Октябрьскую революцию и правосоциалистические лидеры. Социал-шовинисты Ренодель, Самба, Альбер Тома и др., центристы во главе с Леоном Блюмом отрицали международное значение социалистической революции в России, пытались рассматривать ее лишь как специфически русское явление, отрицали ее социалистический характер и т. д.

Такие взгляды проповедовал, например, на Турском съезде Самба, выступая против присоединения партии к III Интернационалу[24]. С ним солидаризировался Л. Блюм. Успех Октябрьской революции, по его словам, объясняется якобы только особыми условиями страны, а научная теория большевиков применима будто бы лишь к специфической обстановке России. Главные формы борьбы для трудящихся Франции, по его мнению, должны быть парламентские, а не революционные[25]. Это была сознательная проповедь буржуазной идеологии в рабочем движении.

Марксизм-ленинизм учит, что в каждой стране, учитывая особенности ее положения и традиций, соотношение классовых и политических сил, были и будут различные формы и методы борьбы за победу социалистической революции. Но основное содержание борьбы, основные закономерности перехода от капитализма к социализму одинаковы для всех стран.

Правые социалисты помогали распространять пресловутые «документы Сиссона», английскую «Белую книгу»[26] и другие фальсифицировавшие действительность материалы. О глубине падения правосоциалистических лидеров особенно красноречиво говорит тот факт, что они одобряли и поддерживали вооруженную интервенцию в Советскую Россию.

Таким образом, сторонники антисоветской интервенции выдвинули свою «концепцию» событий, которая исходила из реакционных политических целей и классовой ненависти правящих кругов Франции к Октябрьской революции и не содержала в себе никаких элементов научности или объективности. Так начала складываться французская реакционная буржуазная историография Октябрьской революции. Вопрос об отношении к историческим событиям в России, об их оценке стал предметом ожесточенной идеологической борьбы.

Многое для разоблачения фальсификаторов истории, как отмечалось выше, сделали в те годы прогрессивные деятели Франции. Активно боролись против искажения истории Октябрьской революции советские ученые. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, они убедительно показали, что социалистическая революция была подготовлена длительным историческим развитием страны, обусловлена важнейшими социально-экономическими причинами, а не чьими-то случайными «ошибками» или «промахами», как утверждали французские (и не только французские) фальсификаторы истории. Особенно много работ на эту тему вышло в последние годы[27].

---

[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 142.

[24] «18e Congrès national tenu à Tours...», p. 179—183.

[25] Там же, стр. 261—266.

[26] Эдгар Сиссон, представитель Комитета информации США в России в 1917 — начале 1918 г., по возвращении в Америку опубликовал 70 «документов о германо-большевистском заговоре», грубо извращавших историю Октябрьской революции. Сборник «Белая книга» состоял из докладов и показаний английских представителей в России, частично анонимных, заполненных клеветническими выпадами и инсинуациями в отношении Советского государства.

[27] «Великий Октябрь». Сборник статей. М. 1958; «Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР» (Сборник статей). М. 1957; «Из

Советские историки, разоблачая фальсификаторов, убедительно показали, что революцию совершил народ, что возглавившая Октябрьское восстание партия большевиков была массовой партией, неразрывными узами связанная с рабочими, крестьянами и солдатами. За последние два месяца перед Октябрем состоялось 16 областных съездов Советов; они показали, что подавляющее большинство (более 500) губернских и уездных Советов высказалось за передачу власти в руки народа. Большевистская партия насчитывала в октябре 1917 г. 400 тысяч членов. В рядах созданной ею Красной гвардии находилось не менее 200 тысяч вооруженных рабочих. Уже летом массовым крестьянским движением были охвачены 43 губернии из 69, а движение продолжало нарастать. Большая часть солдат Северного и Западного фронтов (там числилось свыше 1 700 тысяч человек) шла за большевиками. Широкую поддержку имели большевики и на других фронтах. Гарнизоны по всей стране преимущественно были также настроены революционно. На стороне партии большевиков выступали моряки Балтийского флота. Чего же после этого стоят заявления Нуланса и Нисселя, Домерга и Бюиссона о «верхушечном характере» Октябрьской революции!

★

После окончания гражданской войны и разгрома интервентов в России два основных направления французской историографии — прогрессивное и реакционное — получили дальнейшее развитие.

Патриотические силы Франции, и прежде всего коммунисты, неизменно защищали идеи и завоевания Октября, давали правильную, научную интерпретацию истории социалистической революции.

Политическое и научное значение защиты французскими патриотами идей Октября от нападок и извращений со стороны реакции было чрез-

---

истории Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник статей). В двух томах. М. 1957; «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник статей). М. 1957; «Коммунистическая партия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1958; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сборник статей. М.-Л. 1957; «Выборгская сторона. Из истории борьбы рабочего класса за победу Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей и воспоминаний. Л. 1957; «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М. 1957; «История гражданской войны в СССР. 1917—1922». Т. 3. М. 1957; «История Москвы». В шести томах. Т. 6. Период построения социализма (1917 г.— июнь 1941 г.). Кн. I. М. 1957; «1917 год в Москве». М. 1957; П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М. 1958; Л. С. Гапоненко. Великая Октябрьская социалистическая революция. Краткий исторический очерк. М. 1957; Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959; С. Ю. Выгодский. Ленинский Декрет о мире. Л. 1958; А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь). М. 1958; Я. Г. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1957; «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий. В четырех томах. Т. I. М. 1957; «Большевики Петрограда в 1917 году». Хроника революционных событий в Петрограде. Март — октябрь 1917 г. Л. 1957; «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Март — октябрь 1917 г. Документы и материалы. Ч. 1—2. М.-Л. 1957; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис». Документы и материалы. М. 1958; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М. 1957; «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов трудящихся». Сборник документов. М. 1957; «Декреты Советской власти». Т. I. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г. М. 1957; «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М. 1957; «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля — 5 ноября 1917 г.». Сборник документов. М. 1957; «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник). М.-Л. 1957; «Документы внешней политики СССР». Т. I (7 ноября 1917 г.— 31 декабря 1918 г.). М. 1957, и другие.

вычайно важным. Разоблачая буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов истории, прогрессивные деятели Франции боролись за улучшение международной обстановки, укрепление мира, дружбу советских и французских трудящихся, имеющую жизненно важное значение для обеих стран. Анатоль Франс, ставший в 77-летнем возрасте коммунистом (он вступил в партию в январе 1921 г.), опубликовал к пятилетию Октябрьской революции статью «Привет Советам»[28]. «Если есть еще в Европе друзья справедливости,— писал А. Франс,— пусть они с уважением приветствуют пятую годовщину этой революции, которая, после стольких веков, принесла миру первый опыт власти, осуществляемой народом, правящей для народа». Писатель подчеркивал жизненность и справедливость идей Октября, рассматривал революцию в России как начало новой эры человеческой истории.

Вдохновенные поэтические строки посвятил Великому Октябрю и В. И. Ленину поэт Вайян-Кутюрье[29].

Из историко-публицистических выступлений этого периода должны быть названы прежде всего работы М. Кашена и М. Тореза. В книге Марселя Кашена[30] Октябрьская революция показана как исходный момент великих свершений навсегда освобожденного от эксплуатации советского народа, как важнейший рубеж в мировой истории. Влияние Октября на революционное движение во Франции, на укрепление сил демократии в этой стране, помощь французских трудящихся Советской России ярко охарактеризованы в статье Мориса Тореза «Великая Октябрьская революция и Франция»[31].

В тяжелые годы немецкой оккупации героическая борьба советского народа против фашизма показала миллионам французов, какие великие силы разбудила в народе пролетарская революция. Победы Советской Армии сыграли решающую роль в создании благоприятных военных и международно-политических условий для освобождения Франции.

В честь 25-летия Октября французские патриоты выпустили специальный номер подпольной в те годы «L'Humanité». Несмотря на небольшой формат нелегального издания, газета сумела рассказать о важнейших событиях революции, о первых декретах Советской власти и их осуществлении[32]. В следующем, 1943 году Октябрю был также посвящен специальный номер. Он открывался призывом — праздновать 7 ноября под лозунгами усиления борьбы против общего врага, нерушимой франко-советской дружбы, восстановления свободы, независимости и величия Франции. На примере огромной созидательной работы, проделанной трудящимися России после победы диктатуры пролетариата, видно, писала «L'Humanité», на что способны народные массы под руководством коммунистов, вооруженных марксистско-ленинским учением[33].

В послевоенные годы французская прогрессивная историография поднялась на новую ступень. Вышли ценные исторические труды. В первую очередь должна быть названа книга Ж. Садуля «Рождение СССР». Она рассказывает французскому читателю о ходе событий в России между мартом и октябрем 1917 г., о расстановке классовых и политических сил в решающие дни революции. Автор показывает, что большевистской партии удалось создать союз рабочих и крестьян, собрать «в поток революционного единства движение за мир, за хлеб, за землю,

---

[28] «L'Humanité», 8 ноября 1922 года.

[29] См. «Гражданская поэзия Франции». В переводах Павла Антокольского. М. 1955, стр. 248.

[30] Marcel Cachin. Vingt ans de pouvoir Soviétique. Paris. 1937.

[31] См. журнал «Коммунистический интернационал». 1937, № 10—11, стр. 111—115.

[32] «L'Humanité», октябрь — ноябрь 1942 года. Специальный номер.

[33] «L'Humanité», № 252, 15 октября 1943 года.

борьбу национальных меньшинств, борьбу народа за демократию и социализм»[34]. В книге раскрывается коренное отличие Октябрьской революции от всех предшествовавших ей революций, ни одна из которых не была в состоянии уничтожить экономическую основу эксплуатации человека человеком[35]. Автор убедительно охарактеризовал империалистическую внешнюю политику царизма и Временного правительства, борьбу большевиков за демократический мир, много внимания уделил разоблачению фальсификаторов истории[36].

Правильные выводы о международном значении Октября, его влиянии на революционное движение во Франции, а также обстоятельное описание борьбы трудящихся России за Советскую власть содержатся в работе Жана Фревиля по истории Французской компартии[37]. Ценные сведения по истории Октябрьской революции имеются и в другой книге Жана Фревиля, в которой широко использованы труды В. И. Ленина, работы Н. К. Крупской, И. Арманд[38]. Опираясь на эти материалы, автор знакомит читателей с обстоятельствами возвращения В. И. Ленина в Россию после свержения царизма, анализирует Апрельские тезисы, останавливается на многих вопросах деятельности большевистской партии в 1917 году.

Гневно и решительно против клеветы буржуазных реакционеров на Октябрьскую революцию и ее вождя В. И. Ленина выступил Пьер Куртад[39]. В его книге охарактеризованы миролюбивые принципы внешней политики, провозглашенной Октябрьской революцией и осуществленной Советским правительством. Автор разоблачил интервенционистскую деятельность западных империалистов.

Отдельные вопросы истории революции и ее международное значение освещались в ряде статей прогрессивных историков, публицистов, видных деятелей Коммунистической партии Франции, помещенных в журнале «Cahiers du communisme». Так, М. Торез в статье «Французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза» убедительно показал, что Октябрьская революция положила начало великим свершениям советского народа, его последовательной борьбы в пользу мира, демократии и независимости всех стран[40].

Значение вклада в дело укрепления мира между государствами и народами, внесенного социалистической революцией, охарактеризовано в статье М. Тореза «Октябрьская революция и борьба за мир»[41]. Влияние революции на французский народ освещено в статье Раймона Гюйо[42]. Неразрывная связь между национальными и интернациональными задачами пролетариата показана Роже Гароди на примере отношения прогрессивных сил Франции к Октябрьской революции. «Французские коммунисты,— пишет он,— глубоко убеждены, что, защищая Октябрьскую революцию и Советский Союз, они защищают интересы рабочего класса, интересы Франции, интересы мира, интересы и надежды всех борцов за будущее»[43]. Анализ внутренних и внешних условий

---

[34] См. Jacques S a d o u l. Naissance de L'URSS. De la nuit féodale á l'aube socialiste. Charlot. 1946, p. 258.

[35] См. т а м ж е, стр. 36.

[36] См. т а м ж е, стр. 202, 208, 209.

[37] Jean F r é v i l l e. La nuit finit à Tours. Paris. 1951. Русский перевод: Жан Ф р е в и л ь. Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре. М. 1951.

[38] Jean F r é v i l l e. Une grande figure de la Révolution russe. Inessa Armand. Paris. 1957. Partie VIII. Dans le brasier de la Révolution russe.

[39] Pierre C o u r t a d e. Essai sur l'antisoviétisme. Paris. 1946.

[40] «Cahiers du communisme», novembre 1948, № 11, p. 1202—1204.

[41] См. «Правда», 6 ноября 1955 года; «Cahiers du communisme», decembre 1955, № 12.

[42] См. Raymond G u y o t. La Révolution d'Octobre et la formation du Parti Communiste Français. «Cahiers du communisme», novembre 1951, № 11, p. 1247—1255.

[43] «Cahiers du communisme», novembre 1955, № 11, p. 1338.

Октябрьской революции — начала новой эры в истории человечества — дан в работе Франсуа Бийу [44].

Ряд ценных материалов, посвященных рассматриваемой теме, можно встретить на страницах других прогрессивных французских журналов (например, статьи Ж. Брюа «Международный рабочий класс и русская революция» [45], Лео Фигера «Теоретические основы мирного сосуществования» [46] и др.).

Публикация произведений французских прогрессивных авторов явилась серьезным ударом по фальсификаторам истории, многократно пытавшимся во Франции, как и в других капиталистических странах, грубейшим образом извращать события Великого Октября в угоду антисоветским и антинародным целям реакционных кругов.

В период между двумя мировыми войнами истории Октябрьской революции уделяли немало внимания и буржуазные ученые. Французской буржуазией в это время усиленно культивировались шовинистические, националистические настроения среди части французов; находящиеся в руках монополий средства пропаганды широко использовались в идеологической борьбе. Одним из таких средств была и остается поныне фальсификация истории СССР, особенно истории пролетарской революции. Работы реакционных французских авторов еще раз подтверждают тот факт, что историческая наука в руках империалистов используется как одно из орудий в борьбе против социализма, мира и демократии. «В силу самой ее природы,— писал еще Ф. Энгельс о буржуазии,— в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии» [47].

Следует отметить, что формы и методы фальсификации истории, к которым прибегали реакционные буржуазные деятели, после окончания гражданской войны претерпели определенные изменения. Советская страна вопреки прогнозам многочисленных «предсказателей» не только не исчезла с карты мира, но, разгромив белогвардейцев и интервентов, быстро залечивала раны, нанесенные войной и разрухой, набирала силы, разрабатывала грандиозные планы реконструкции народного хозяйства и энергично укрепляла свои международные позиции. Французское правительство в числе многих других вынуждено было установить дипломатические отношения с СССР, вступить в деловые сношения с Советским Союзом, начать культурное сотрудничество.

Эта новая международно-политическая ситуация не могла, разумеется, не отразиться на французской буржуазной историографии Великого Октября. В новых условиях противники Советского государства стали применять более тонкие, чем прежде, методы фальсификации.

Для работы французских буржуазных историков официального направления, изучающих историю СССР, созданы благоприятные условия; ученые и преподаватели, разделяющие официально принятое отрицательное отношение к Октябрьской революции, имеют широкие возможности для публикации своих книг и статей. Много монографий, сборников, учебников выпускает, например, Институт славяноведения при Парижском университете (Institut d'études slaves), основанный в 1920 году; институт издает постоянный ежегодник («Revue des études slaves»). Исследованием истории СССР советского периода занята группа историков шестой секции парижской «École pratique des Hautes Études». Большая работа в той же области проводится в Сорбонне, где

---

[44] François Billoux. Les voies ouvertes par la Révolution Socialiste d'Octobre. «Cahiers du communisme», novembre 1956, № 11.

[45] «Cahiers internationaux», № 29, 1951, p. 59—72.

[46] См. «Democratie nouvelle». Numero special, 1956, № 1.

[47] «Архив Маркса и Энгельса». Т. X, стр. 104.

решением французского правительства в ноябре 1958 г. создан специальный центр по изучению истории СССР во главе с известным ученым Роже Порталем. Одно из ведущих мест среди учреждений, изучающих нашу страну, в том числе ее прошлое, принадлежит правительственной организации «Французская документация» («La documentation française»), занимающейся сбором разнообразных материалов об СССР, а также исследовательскому центру по изучению советской внешней политики при Национальной ассоциации политических наук, Русскому теологическому институту в Париже и ряду других учреждений.

В одной из первых книг об СССР, появившихся после провала интервенции,— работе П. Шаля [48], делалась попытка как-то объяснить события революции, меньше прибегая к грубой фальсификации, столь характерной для некоторых предшествующих работ. Вместе с тем в его книге содержалось утверждение о том, будто Октябрьская революция произошла слишком рано, повторялись вымыслы об олигархическом характере Советской власти. В статье М. Фаро, опубликованной в сборнике «История Советов», извращались причины Октябрьской революции, история возникновения III Интернационала, борьба большевиков против империалистической войны. В статье А. Олара «Две революции, 1789—1917» признавался социалистический характер программы Октябрьской революции, отмечалось, что программа являлась реальной и могла быть проведена в жизнь. Однако коренные отличия Октябрьской социалистической революции от французской буржуазной революции автор раскрыть не сумел.

Р. Лабри, выступивший со статьей по аграрному вопросу, обстоятельно рассмотрел деятельность Временного правительства в этой области. В то же время он извратил аграрную политику Советской власти.

Р. Лабри, например, утверждал, что большевистская партия сохранила эксплуатацию крестьянства и даже обрекла его якобы на голод [49]. И это говорилось о партии, по предложению которой Советская власть приняла Декрет о земле, передавший крестьянам более 150 млн. десятин обрабатываемой земли, освободивший их от долгов банкам, помещикам, кулакам, ростовщикам (задолженность крестьян только одному Крестьянскому банку исчислялась в сумме почти полутора миллиардов рублей), от уплаты арендных платежей, а также расходов на покупку новых земель (что составляло 700 млн. золотом). Несмотря на сложность внутреннего и внешнего положения молодой Советской республики, декрет осуществлялся быстро и успешно. Только в 32 губерниях РСФСР, по неполным данным, в течение двух лет 97,2% всех полезных для сельского хозяйства земель было передано крестьянам [50]. Эти меры серьезно улучшили положение трудящихся деревни.

В отличие от А. Олара профессор-юрист Жан Лескюр признавал, что русская революция пошла значительно дальше французской, ибо национализировала банки, промышленность, торговлю [51]. Автор отмечал большое влияние большевиков среди рабочих и крестьян, укрепление позиции партии в Советах. Ее силой, связью с массами он объяснял успех Октябрьской революции [52].

Вместе с тем он бездоказательно утверждал, что Октябрьская революция сопровождалась будто бы установлением кровавой диктатуры и

[48] Pierre Chasles. Le bolchévisme expliqué par l'Etat social de la Russie. Paris. 1921.

[49] «Histoire des Soviets». Paris. 1922, p. 75—77. Подробнее статья Р. Лабри критически рассмотрена в книге «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957, стр. 338.

[50] «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». Документы и материалы. М. 1954, стр. 40.

[51] Jean Lescure. La révolution russe. Le bolchévisme, Communisme et NEP. Paris. 1929.

[52] Там же, стр. 41—42, 49—50.

массовыми убийствами [53], хотя на деле она являлась одной из самых бескровных в истории. В ходе Петроградского вооруженного восстания, в котором с обеих сторон участвовали многие тысячи людей, погибло всего несколько десятков человек [54]. Уже 26—28 октября Советская власть победила мирным путем в Иванове-Вознесенске, Владимире, Ярославле, Твери, во многих других городах Центрально-промышленного района и Северной области. В ноябре Советы стали единственной властью почти во всей Центральной России, в ряде окраинных и национальных районов. И повсеместно имелись лишь минимальные жертвы. Во многих городах страны Советская власть была установлена без единого выстрела. Быстро и безболезненно перешла власть в руки солдатских военно-революционных комитетов на Северном и Западном фронтах.

Справедливые замечания и объективные оценки в одних вопросах и вместе с тем грубые ошибки, повторение клеветнических выпадов в других характерны и для монографии Ф. Гренара. Автор пишет о борьбе В. И. Ленина за союз пролетариата с крестьянством в революции, рассказывает о пренебрежении Временного правительства к нуждам различных национальностей и о постепенном переходе национальных меньшинств на сторону большевиков [55]. В противовес Ж. Лескюру и некоторым другим исследователям Ф. Гренар считает, что Октябрьская революция была бескровной [56]. Но рядом с новыми моментами в освещении истории в его книге существует и старое: германской буржуазии приписывается активная роль в революционных событиях, а народным массам (революция была якобы совершена «сверху») — пассивное отношение к событиям [57].

В книге Де Базили тоже признается, что большевикам удалось привлечь трудящиеся массы на свою сторону, и в то же время отрицается активная роль рабочих, крестьян и солдат в самой революции, изображаемой автором как вооруженный мятеж [58].

Тенденциозная оценка Октябрьской революции имеет место также в учебниках и учебных пособиях для средней и высшей школы. Она проявляется прежде всего в стремлении преуменьшить значение Октября. Это видно хотя бы из того, что изложение событий 1917 г. в России намеренно не выделяется в отдельную главу, а дается в общем разделе о первой мировой войне [59]. Авторы и редакторы учебников вопреки истине не рассматривают Великий Октябрь как начало новой эпохи в истории человечества [60]. Такой ненаучный подход лишил их возможности вскрыть коренное отличие Октябрьской революции от Февральской и всех западных буржуазных революций.

Реакционные авторы, как правило, не хотят видеть принципиальной разницы между событиями Февраля и Октября [61], отвергают тот факт, что в России в 1917 г. было две революции. Вместо этого читателю преподносится версия о двух этапах одной и той же революции (первый этап — «поражение Романова — диктатура Керенского», второй — «пора-

---

[53] Там же, стр. 52.

[54] «История гражданской войны в СССР». Т. 2. М. 1942, стр. 164.

[55] F. Grenard. La révolution russe. Paris. 1933, p. 265—267.

[56] Там же, стр. 285.

[57] Там же, стр. 242—243 и др.

[58] N de Basily. La Russie sous les Soviets. Paris. 1938, p. 72—75.

[59] См., например, A. Malet, J. Isaac. Histoire contemporaine (de 1815 à nos jours). Ouvrage conforme aux programmes officiels du 18 août. 1920. Paris. 1935; Nouveau cours d'histoire publié sous la direction de Victor-L Tapié; Histoire contemporaine après 1789 par A. Bossuat et E. Bruley. Paris, 1957.

[60] В книге Victor-L. Tapié, L. Genet «L'Époque contemporaine (1851—1939)». Paris. 1957, например, даны такие исторические периоды: 1851—1871, 1871—1919, 1919—1939 годы.

[61] «Manuel historique de politique étrangère» par Emile Bourgeois. Vol. IV. La politique mondiale (1878—1919). Paris. 1927.

жение Керенского — диктатура большевиков») [62]. Буржуазные ученые нередко не скрывают свое положительное отношение к Февральской революции и резко отрицательное — к Октябрьской [63]. В их работах обычно отсутствует анализ соотношения классовых и политических сил в России в период Октября. Почти во всех изданиях воспроизводится лживая версия о победе революции с помощью Германии.

Искажение истории Октябрьской революции, умаление ее значения можно встретить и во французских энциклопедиях [64]. Так, ни в одном из этих изданий нет специальной статьи об Октябрьской революции. В многотомнике, вышедшем под редакцией П. Оже, о 1917 годе лишь кратко говорится в историческом очерке «Россия» и даже не упоминается в статье «СССР», а также в общей статье о революциях. В издании Клода Оже тоже весьма лаконично повествуется об Октябрьской революции — притом в статье о мировой войне 1914—1918 гг. и в хронике, помещенной в конце тома. Наконец, в энциклопедическом словаре Рауля Мортье, в разделе «СССР», изложение истории Февральской и Октябрьской революций объединено в один параграф («Революция — март — ноябрь 1917 г.»), а в статье по всеобщей истории Октябрьской революции посвящено лишь несколько общих фраз.

Отказ от сколько-нибудь обстоятельного изложения событий Октября объясняется тем, что его роль как начала новой эры в истории человечества отрицается и замалчивается. Статьи в энциклопедиях являются обычно перепевом книг реакционных буржуазных авторов. Так, в издании П. Оже датой установления «русской республики» называется 15 марта 1917 г., а в ноябре изменилось будто бы только наименование республики, социальный же строй остался якобы прежним [65].

В издании Р. Мортье буржуазно-демократическая революция оценивается как прогрессивная, а социалистическая ...как путч, насильственный переворот большевиков. Развитие событий от Февраля к Октябрю Мортье клеветнически изображает как движение от прогресса к регрессу [66].

Распространенное в буржуазной литературе противопоставление Февральской революции Октябрьской продиктовано чисто политическими мотивами, желанием авторов прославить буржуазную республику и опорочить диктатуру пролетариата. Им хотелось бы — иногда об этом пишут откровенно,— чтобы развитие событий остановилось на свержении царизма, а Временное буржуазное правительство закрепилось. Во всех упомянутых выше энциклопедических изданиях отрицается роль народных масс в социалистической революции, неверно оценивается деятельность большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Статьи, специально посвященные В. И. Ленину, предельно лаконичны и анализа его роли в революции не содержат.

Приведенные материалы о позиции французских реакционных историков в отношении Советской России говорят о том, что, несмотря на отдельные нюансы, господствующей в буржуазной науке является фальсификаторская точка зрения на Октябрьскую революцию. Правда, у некоторых буржуазных авторов наблюдались попытки более объективного подхода к анализу и оценкам исторических событий в России. Эти попытки находились в прямой связи с борьбой двух тенденций по «русскому вопросу» в правящих кругах Франции и за ее пределами. Определенная часть

[62] Cours d'histoire. Publié sous la direction de J. Guiraud; Histoire contemporaine. Du milieu du XIX-e siècle à nos jours. Par Ch. Aimond. Paris, 1933.

[63] A. Malet, J. Isaac. Указ. соч.

[64] «Larousse du XX-e siècle en six volumes». Publié sous la direction de Paul Augé. Vol. IV, V, VI. Paris. 1931—1933; «Larousse mensuel illustré». Revue encyclopédique universelle. Publié sous la direction de Claude Augé. Tome quatrième (1917—1919); «Dictionnaire encyclopédique quillet». Publié sous la direction de Raoul Mortier. Paris. 1958.

[65] «Larousse du XX-e siècle». Vol. VI, p. 878.

[66] «Dictionnaire encyclopédique quillet», p. 5614.

буржуазии выступала за развитие дипломатических и экономических отношений с СССР, понимая огромное значение сотрудничества с Советским Союзом для безопасности Франции, сохранения ее положения великой державы и отражения угрозы со стороны германского империализма. Учитывалась и взаимная выгодность торговых отношений между двумя государствами. В условиях жестокой конкуренции между империалистами торговля с СССР имела существенное значение для определенных кругов французской буржуазии. Нельзя было также игнорировать глубокие и искренние симпатии к Советской стране трудящихся Франции, неизменно активно выступавших в защиту СССР от наскоков империалистов.

Все эти обстоятельства привели в 20—30-х годах к некоторому усилению буржуазно-либерального направления в историографии Октября. В числе авторов, которые давали более трезвую и объективную оценку Октябрьской революции, был видный французский политический деятель Э. Эррио, активно выступавший в пользу советско-французского сотрудничества. В его книге «Новая Россия» содержались интересные наблюдения и выводы относительно развития революционной мысли в России и за ее пределами, подготовившей возникновение ленинизма. Э. Эррио особо отмечал влияние учения К. Маркса и Ф. Энгельса на формирование мировоззрения русских революционеров. Октябрьская революция, писал он, «подготовила путь для развития новой России, первые успехи которой уже видны. Она породила в народе, находившемся длительное время под игом эксплуатации, новые силы... создала человеческий материал для возрождения, которое обязательно осуществится» [67].

Однако работа Э. Эррио не свободна от существенных ошибок в характеристике послеоктябрьских событий в Советской России. Многое из того, что происходило в СССР, Э. Эррио не смог понять и правильно осмыслить и в последующих своих работах [68]. Но важно отметить, что в его книгах нет таких клеветнических выпадов и прямых фальсификаций, какие свойственны книгам, статьям, публицистическим выступлениям реакционных авторов во Франции.

Большое внимание рассмотрению предпосылок социалистической революции уделено в двухтомной работе Анри Роллена [69]. Автор оказался не в состоянии дать научный анализ проблемы, однако он сделал некоторые интересные и в общем правильные замечания. А. Роллен признает, например, что империалистическая война ускорила развитие революции, помогла народным массам познать «подлинное лицо руководящих классов»; резонно указывает он на полное банкротство Временного правительства в аграрном вопросе [70], говорит о влиянии Октября на международную обстановку. Автор сумел подняться выше некоторых своих коллег и взглянул на вещи без предубежденности и озлобленности. Однако до конца преодолеть буржуазную ограниченность А. Роллен не сумел, о чем свидетельствует его попытка проводить надуманные, ненаучные параллели между описываемым временем и далеким прошлым.

Стремление к объективности при изложении событий пролетарской революции в России характерно и для книги Г. Вельтера [71], в которой критикуются фальшивки, имевшие хождение в реакционной буржуазной литературе, и положительно оцениваются революционные мероприятия Советского правительства, как, например, декреты о мире и о земле.

Такая линия нашла отражение и в послевоенной буржуазной историо-

---

[67] Edouard Herriot. La Russie nouvelle. Paris. 1922, p. 290.

[68] См., например, E. Herriot. Jadis. D'une guerre à l'autre. 1914—1936. Vol. II. Paris. 1952.

[69] Henry Rollin. La révolution russe. Ses origines — ses résultats. Vol. I. Les Soviets; vol. II. Le parti bolchéviste. Paris. 1931.

[70] Там же. Т. I, стр 47, 51.

[71] G. Welter. Histoire de la Russie communiste 1917—1935. Paris. 1935.

графии. Например, в другом сочинении Г. Вельтера [72] подробно рассказывается о вожде Октября В. И. Ленине, его роли в подготовке и осуществлении революции, без какой-либо тенденциозности излагаются факты. Но и этот автор не смог выйти за рамки буржуазно-либеральных концепций и избежать существенных ошибок, прежде всего в понимании роли народных масс в революции.

Попытка объективно охарактеризовать рассматриваемую проблему сделана также в новом учебнике по истории Тапье и Гене [73]. В книге указывается, что вооруженное восстание носило массовый характер, в революции участвовали рабочие и солдаты, приводятся основные биографические данные о В. И. Ленине, неоднократно используются советские источники.

Однако и в этом издании имеется немало утверждений, далеких от исторической действительности. Авторы учебника видят, например, только «голод и анархию» в послеоктябрьской России, но не замечают, что голод и разруху принесли белогвардейцы и интервенты, в том числе французские, что анархии в действительности не было, так как трудящиеся Советской республики, руководимые коммунистами, проявили исключительную организованность, быстро навели в стране революционный порядок. Не нашлось в книге места и для рассказа о героизме и самоотверженности советского народа, проявленных в борьбе с белогвардейцами и интервентами.

Несомненно, известные изменения в трактовке истории Октября, которые произошли в послевоенной буржуазной исторической литературе (не только во французской, но и в английской и американской), объясняются укреплением международных позиций социалистического государства, ростом экономической мощи и международного авторитета СССР, возникновением и упрочением социалистического лагеря, ставшего ведущей силой в борьбе за мир во всем мире.

★

В течение нескольких последних лет идеологическая борьба на мировой арене носила особенно острый, напряженный характер. Участились нападки на марксизм-ленинизм, на международное коммунистическое движение со стороны агрессивных кругов, всячески разжигавших «холодную войну». Международная реакция подготовила и развязала контрреволюционный мятеж в Венгерской Народной Республике, рассчитывая начать общий поход против стран социалистического лагеря и мирового коммунистического движения. В целях внесения разлада в ряды коммунистических и рабочих партий буржуазные пропагандисты и ревизионистские элементы искаженно трактовали вопрос о преодолении последствий культа личности.

Обострение идеологической борьбы отразилось и на исторической науке. Участились экскурсы в историю клеветнического характера. Во Франции наиболее резкие выступления против советского народа имели место со стороны лидеров правых социалистов, ревизионистов. Прежде всего были предприняты попытки противопоставить ленинизм марксизму. В определенных кругах на Западе такое противопоставление стало даже «модным». Вновь были вытащены на свет писания Леона Блюма, считавшего, будто большевизм — это «левое отклонение» от бланкизма, и делавшего из этой ложной посылки не менее нелепый вывод о том, что большевики якобы могли иметь успех только при опоре на отсталые, «неорганизованные массы» [74].

---

[72] G. Welter. Histoire de la Russie des origines à nos jours. Paris. 1946.

[73] Victor-L. Tapié, L. Genet. L'Epoque contemporaine (1851—1939). Paris 1957.

[74] См. Audry Collette. Léon Blum ou la politique du Juste. Paris. 1955, p. 45—47.

Выпады против теории научного социализма потребовались врагам коммунистического движения для того, чтобы защищать антинаучную идею о якобы чисто русском характере Октябрьской революции, отрицать ее международное значение, уверять, будто в других странах пролетарские революции невозможны. Такие утверждения выгодны правым лидерам французской социалистической партии, которые никогда и ни к какой революции не стремились. Руководствуясь оппортунистическими теориями правых социалистов и повторяя их зады, группа французских ревизионистов объявила в своем коллективном труде о необходимости поисков «новых путей социализма» в противовес опыту Советской России и стран народной демократии [75].

Правда, иногда подобные идеи преподносятся в несколько завуалированном виде. Например, в статье «Что такое современный социализм» правосоциалистический журнал «La revue socialiste» признает, что для России революция была необходима «и успех большевиков это подтвердил». Но в современных условиях для осуществления социальных изменений революции якобы уже не требуется [76].

Таким образом, современные ревизионисты повторяют, по существу, то, что много лет с поразительным упорством твердили их предшественники, — вымыслы о якобы специфически русском характере Октябрьской революции. Подобные утверждения опровергаются практикой социалистических государств, как европейских, так и азиатских, свидетельствующей о том, что в установлении диктатуры пролетариата, как и в осуществлении социалистических преобразований в каждой стране, действуют общие закономерности. Повторение основных черт русской социалистической революции неизбежно для любой страны, где ликвидируется эксплуататорский строй, как неизбежно для каждой страны и проявление конкретных специфических особенностей.

Заметно активизировались реакционные историки во Франции в период, когда советский народ и мировая демократическая общественность праздновали 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В газете «L'Express», например, снова стала повторяться имеющая уже солидный «возраст» и давно опровергнутая, в том числе и французскими авторами, версия об Октябрьской революции как путче, государственном перевороте, «подкрепленная» на сей раз ссылками на Троцкого и Керенского. Последний вообще удостоился большого внимания газеты, поместившей даже фотографию этого ярого врага революции [77].

В другой статье той же газеты [78] сделана попытка преуменьшить международное значение русской революции. Автор вопреки многочисленным и убедительным данным пытается уверить читателя, будто влияние Октября стало сказываться лишь в 1957 г., по истечении сорокалетнего срока.

Для французской прогрессивной историографии 40-летие пролетарской революции знаменовалось активизацией издательской деятельности и подведением некоторых итогов в борьбе с фальсификаторами истории СССР, в том числе и ревизионистами. Авторы-коммунисты поставили в своих выступлениях ряд коренных проблем, таких, как анализ объективных предпосылок Октябрьской революции, борьбы большевиков за массы, выявление роли русской революции в мировой истории, влияния

---

[75] Ivan Craipeau. La révolution qui vient. Les voies nouvelles du socialisme. Paris. 1957. В написании этой ревизионистской книги участвовали Колетт Одри, Клод Бубе, Манюэль Бридье и Пьер Стиб.

[76] См. «La revue socialiste», № 122, avril 1959, p. 66. Авторы статьи Пьер Боннель и Роже Кийо.

[77] Jean Cau. Ce jour-la... le 7 novembre 1917. «L'Express», № 333, 7 ноября 1957 года.

[78] J. M. Domenach. Le génie de la révolution. Там же.

ее на рабочее и национально-освободительное движение, на судьбы государств и народов Запада и Востока.

Большое внимание уделил 40-летию Октября теоретический журнал Коммунистической партии «Cahiers du communisme». В противовес утверждениям реакционных историков о якобы «верхушечном» характере Октябрьской революции автор одной из юбилейных статей, помещенных в этом журнале, Лео Фигер убедительно показал, что большевики в период между Февралем и Октябрем проделали огромную работу по завоеванию масс, без чего «социалистическая революция невозможна». Автор пишет, что политика большевиков получила поддержку трудящихся города и деревни, а также солдат, что русская революция сопровождалась несравненно меньшими жертвами, чем любая буржуазная революция прошлого. Великий Октябрь в соответствии с исторической истиной представлен как глубоко закономерное, а не случайное явление в мировой истории [79].

В статье Жоржа Коньо рассказывается о вкладе, который внес В. И. Ленин в теорию научного социализма. Октябрьская революция, как отмечает Ж. Коньо, явилась претворением в жизнь учения Маркса, Энгельса и Ленина о диктатуре пролетариата [80].

В работе Р. Калас, посвященной научно-теоретической деятельности В. И. Ленина, обстоятельно проанализировано учение вождя большевистской партии о стратегии и тактике русских коммунистов в социалистической революции [81].

В статье А. Джовони охарактеризована ленинская программа по национальному вопросу, показано претворение ее в жизнь в ходе социалистической революции и мирного строительства в СССР, раскрыта роль Великого Октября в освободительном движении колониальных и зависимых народов. Победа социалистической революции в России, подчеркивает автор, положила начало кризису колониальной системы империализма [82].

Международное значение Октябрьской революции, ее влияние на исторические судьбы народов, в том числе французского, показаны в работах М. Тореза [83]. «Ленинская теория первоначальной победы социализма в одной стране, точка зрения, полностью подтвержденная ходом событий, — указывает автор,— была в то же время теорией развития пролетарской революции во всем мире».

Редакция прогрессивного журнала «Pensée», откликаясь на 40-летие Октябрьской революции, отмечала ее значение как переломного этапа не только в развитии России, но и в развитии мировой цивилизации и культуры, показала крах различных предсказаний реакционной буржуазной печати относительно «большевистского эксперимента» [84]. Журнал опубликовал подборку приветствий известных французских ученых в связи с 40-летием Октября [85].

О борьбе Советской страны за мир во всем мире, против войн и милитаризма писал Жак Дюкло. Он показал, почему реакционеры во

---

[79] Léo Figuères. La révolution socialiste d'Octobre et la liberté des hommes. «Cahiers du communisme», № 10, octobre 1957, p. 1509—1511.

[80] Georges Cogniot. Quarante années du marxisme créateur. «Cahiers du communisme», № 10, octobre 1957.

[81] Raoul Calas. Lénine ce génie de la Révolution. «France nouvelle», № 623, novembre 1957.

[82] Arthur Giovoni. La Révolution d'Octobre et la libération des peuples colonisés. «Cahiers du communisme», № 10, octobre 1957.

[83] Maurice Thorez. Les ouvriers français et l'anniversaire d'Octobre. «Cahiers du communisme», № 11, novembre 1957; его же. L'influence de la révolution d'Octobre sur le mouvement ouvrier français. «France nouvelle». № 623, novembre 1957.

[84] «La Pensée», № 75, septembre — oktobre 1957.

[85] «La Pensée», № 76, novembre — décembre 1957.

Франции и в других капиталистических странах так ненавидят Октябрьскую революцию [86].

В работе М. Реберьо [87] на основе трудов В. И. Ленина дан анализ экономических предпосылок социалистической революции. В противовес буржуазной историографии Октябрьская революция рассматривается в статье как закономерный результат социального и политического развития России в период империализма, а не как «историческая случайность».

Французские коммунисты считают, что Октябрьская революция имела важнейшее значение для образования ФКП. Создание Компартии Франции датируется в учебном пособии «История Французской коммунистической партии» (которое скоро должно выйти в свет) временем с ноября 1917 г. до Турского конгресса, состоявшегося в декабре 1920 года [88].

В дни 40-летия Октябрьской революции ряд прогрессивных деятелей Франции выступил со статьями в советских газетах и журналах, показав в них огромное влияние Октября на международное коммунистическое и рабочее движение. Прежде всего следует отметить статью М. Тореза «Октябрь указал нам путь» [89].

Несомненна также научная ценность выступлений, посвященных Октябрьской революции, руководителей Всеобщей конфедерации труда Бенуа Фрашона и Гастона Монмуссо, членов ЦК Коммунистической партии Этьена Фажона и Жоржа Коньо [90], а также брошюры В. Жоаннеса [91].

Коммунисты и все прогрессивные ученые Франции разоблачают попытки реакционеров извращать историю первой в мире социалистической революции, противопоставляют клеветникам правдивое освещение истории Великого Октября и его роли в судьбах народа Франции и всего человечества. Борьба идей и мнений, происходящая в исторической науке капиталистических стран, отражает борьбу народных масс и всех прогрессивных сил Запада за мир и демократию, за широкое сотрудничество с социалистическими государствами. Дальнейшее изучение зарубежной историографии Октябрьской революции, критика фальсификаций и ошибок являются важными в научном и политическом отношении задачами советских историков.

---

[86] J. Duclos. Quarante années au service de la paix. «Démocratie nouvelle», numero special, novembre 1957.

[87] См. Madeleine Reberioux. Le développement du capitalisme en Russie, 1880—1917. «La nouvelle critique», № 89, septembre — octobre 1957.

[88] См. «Cahiers du communisme», 1959, № 3, стр. 266—277. Статья Шарля Фурнио о конференции представителей институтов марксизма-ленинизма и комиссий по истории компартий социалистических и капиталистических стран, происходившей в Берлине в октябре 1958 года.

[89] См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3.

[90] См. «Новое время», 1957, специальный номер — «40 лет Октября»; журнал «Советские профсоюзы», № 10, октябрь, 1957; «Правда», 11 октября 1957 г.; журнал «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

[91] В. Жоаннес. Октябрьская социалистическая революция 1917 года и интернационализм французских рабочих. М. 1957 (перевод с французского).

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКИХ КИТАЕВЕДОВ

П. Е. Скачков

Публикация первых трудов русских ученых-китаеведов в условиях дореволюционной России была сопряжена с большими трудностями. Они вызывались жесткими цензурными условиями, незаинтересованностью царского правительства в развитии русской науки, отсутствием материальной базы (не было, в частности, китайского шрифта, а затем квалифицированных наборщиков, в силу чего первая книга с китайским шрифтом — китайско-русский словарь Д. А. Пещурова — вышла только в 1887 году). Научные рукописи оставались подолгу в архивах авторов и по другим причинам (узость освещаемых тем, своеобразный характер таких материалов, как дневниковые записи, черновики и т. д.). В результате очень многие труды русских китаеведов длительное время не публиковались.

Об этом огромном рукописном научном наследии в области китаеведения до сих пор нет полных и точных данных. Выявление и описание неопубликованных трудов русских китаистов фактически началось только в годы Советской власти. До Великой Октябрьской социалистической революции были напечатаны лишь две работы: А. Любимова «О неизданных трудах о. Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии»[1] и В. М. Алексеева «Список рукописных трудов доктора Э. Бретшнейдера, поступивших в Азиатский Музей и библиотеку и[мператорского] Ботанического сада»[2].

Советские ученые наибольшее внимание уделяли рукописям Иакинфа Бичурина (статьи С. А. Козина, А. А. Петрова, П. Е. Скачкова). Но лишь описание его рукописей, хранящихся в Казани (А. А. Петров) и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (П. Е. Скачков), можно считать законченным. О полноте коллекций другого русского китаеведа, В. П. Васильева, можно судить по библиографическому обзору С. А. Козина[3] и по «Предварительному сообщению о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева» М. И. Тубянского[4]; о наличии рукописей С. И. Базилевского, Феофилакта Киселевского, К. А. Скачкова, Аввакума Честного — по нашему сообщению[5]; о рукописях Иллариона Россохина — по статье В. Тарановича[6]. Что же касается рукописей А. Г. Владыкина, П. И. Каменского, А. Л. Леонтьева, З. Ф. Леонтьевского, С. В. Липовцова, Палладия Кафарова, Д. А. Пещурова, Н. М. Монастырева, М. Д. Храповицкого и дру-

---

[1] «Записки восточного отделения русского археологического общества». Т. 18. СПБ. [illegible] 60—64.

[illegible] novembre 1957. [illegible] мператорской Академии наук». Т. XVII. 1902, № 4, стр. 63—69.

[82] Arthur Giov[illegible] адемии наук СССР». 1931. Отделение общественных наук, nisés. «Cahiers du comm[illegible]

[83] Maurice Thore[illegible] емии наук СССР». Т. 3. 1927, стр. 59—64.

du communisme», № 11, [illegible] в. Забытый фонд рукописей К. А. Скачкова. «Вопросы истории», sur le mouvement ouvrier[illegible]

[84] «La Pensée», № [illegible] Илларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское

[85] «La Pensée», № 7 1945, стр. 235—241.

гих русских китаистов, то о них до настоящего времени почти ничего не известно. Имеющиеся сведения о рукописях, хранящихся в том или ином архиве, явно недостаточны: они не дают точного описания объема и содержания рукописей, а иногда не устанавливают даже их авторскую принадлежность.

Представление о русском китаеведении будет оставаться недостаточным, пока в научный оборот не войдет громадное рукописное наследство русских китаеведов, которое накопилось на протяжении почти двух столетий. Не может быть написана и история отечественного китаеведения без знания содержания и характера неопубликованных трудов русских китаеведов. Бесспорно, что биографии последних также нельзя считать хорошо изученными, поскольку не исследованы их личные архивы.

При ознакомлении с рукописным наследием некоторые китаисты предстают перед нами в совершенно ином научном и политическом свете. Даже неполное знакомство с рукописями академика В. П. Васильева позволило коллективу китаеведов (З. И. Горбачевой, А. А. Петрову, Г. Ф. Смыкалову и Б. И. Панкратову) [7] раскрыть научный и политический облик этого выдающегося ученого значительно ярче и глубже, чем это делалось раньше [8]. Или другой пример. После П. И. Каменского осталось немало трудов, до сих пор почти неизвестных научной общественности. При жизни он опубликовал только две небольшие работы; причем авторство одной из них (имеется в виду «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария...») [9] было установлено лишь по записям самого П. И. Каменского. По рукописям Аввакума Честного удалось установить, что первая в России грамматика тибетского языка была им составлена еще в 1830 году. Ряд китаеведов (например, Феофилакт Киселевский, Федор Бакшеев, Егор Солертовский и др.) не издали при жизни ни одного своего труда, но они оставили рукописи, дающие нам право отметить их имена и показать их вклад в науку, в накопление знаний о Китае в России.

Выявление и описание рукописей позволит поставить вопрос о практическом использовании многих неопубликованных трудов, о которых исследователи знают пока непростительно мало и к которым они относятся иногда даже пренебрежительно. Так, сохранились рукописные переводы четырех классических книг «Сышу»: Иллариона Россохина (40-е годы XVIII в.), Иакинфа Бичурина (1821 г.) и Даниила Сивиллова (1830 г.). Между тем ряд советских китаеведов делает новые переводы тех же книг, не учитывая работы, проделанной нашими предшественниками. Это мешает объективно оценить немалые заслуги последних и использовать их труды как известную базу, несомненно, облегчившую бы перевод труднейших текстов. То же самое можно сказать и о переводах истории династий Мин, Юань, «Шуцзина», «Истории уголовного законодательства» и других классических китайских книг.

Среди рукописей можно найти и такой ценный материал, как дневники китаистов за время пребывания их в Китае, записи о культуре, быте, экономике китайского народа. Сохранились в личных архивах и многие оригинальные труды, по разным причинам не увидевшие в свое время свет. Советский исследователь, работающий над тем или иным конкретным вопросом китаеведения, должен ознакомиться со всеми —

---

[7] «Очерки по истории русского востоковедения». Вып. 2. М. 1956, стр. 235—338.

[8] А. О. Ивановский, В. П. Васильев. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского Университета. Т. 1. 1896, стр. 125—129; «Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Речи, читанные на торжественном заседании Российской Академии наук». «Известия Российской Академии наук». Серия VI. Птгр. 1918, стр. 532—566.

[9] «Сибирский вестник». Т. 3. 1823, стр. 29—110.

как опубликованными, так и рукописными — трудами на ту же тему, написанными в дореволюционное время.

Изучение Китая в России началось более чем триста лет назад. От отдельных представителей народов, которые имели связи с Китаем, русские землепроходцы, осваивавшие пространства Сибири, узнавали различные сведения об этой стране. Важную роль играли донесения первых русских путешественников в Китай — Ивана Петлина (1618 г.), Федора Байкова (1654 г.). В результате расспросов, проведенных П. И. Годуновым «с товарыщи», была составлена в 1669 г. «Ведомость о Китайском государстве», которую можно назвать первым энциклопедическим сочинением о Китае.

Затем, когда границы обоих государств соприкоснулись на Амуре, в сообщениях о Китае все чаще и больше отражались непосредственные наблюдения официальных послов и торговых людей (Аблин — 1668 г., Милованов — 1672 г., Николай Спафарий-Милеску — 1675 г. и др.). Их сведения фиксировались в сравнительно незначительных масштабах: уведомлялись о виденном и слышанном обычно одни официальные лица. Донесения Петлина, Байкова, Спафария считались в России в свое время секретными. Позднее эти документы — свидетельства ранних сношений русского государства с Китаем — были опубликованы в России, но в архивах имеется огромное количество материалов, которые могут дать много новых, совершенно неизвестных данных по истории начала отечественного китаеведения или известных лишь в малой степени, как было, например, с документами о Петлине, найденными В. С. Мясниковым [10].

После заключения Нерчинского договора 1689 г. русские торговые люди расширили торговлю с Китаем и добились по Кяхтинскому трактату 1728 г. права регулярно направлять свои караваны в Китай. Сведения об этой стране тогда собирались русскими купцами (до 1740 г. в Китай было отправлено 14 торговых караванов) и официальными лицами (Измайлов — 1719 г., Ланг — 1721, 1727, 1731 гг.). По Кяхтинскому трактату русское правительство получило право отправлять через каждые десять лет известное число духовных лиц для обслуживания албазинских пленных казаков, а также шесть человек для изучения китайского и маньчжурского языков.

Первым русским китаеведом был Илларион Россохин (1707—1761 гг.), прибывший в Пекин со второй миссией в 1729 году. Предшественники его — Иосиф Дьяконов (некоторое время являвшийся переводчиком с маньчжурского языка в Лифаньюане), Лука Воейков, Иван Шестопалов и Федор Третьяков — не оставили после своих занятий китайским и маньчжурским языками документов, по которым можно было бы судить о методе их работы и достигнутых ими результатах. Илларион Россохин вернулся в Россию в 1740 г. и сразу же был определен в Академию наук для переводов и преподавания китайского и маньчжурского языков. У него обучались Яков Волков, Леонтий Савельев, Семен Корелин и Степан Чекмарев. Хотя эта школа просуществовала около пяти лет, ученики Россохина не оставили следа в истории русского китаеведения. Сохранились, правда, их рукописные переводы с китайского и маньчжурского языков, характеризующие в известной мере систему обучения и степень полученных ими знаний. Учебные пособия, составленные Россохиным и сохранившиеся в рукописях, также имеют определенный интерес для изучения первоначальной фазы в развитии русского китаеведения.

Из рукописного наследства Иллариона Россохина, насчитывающего более двадцати наименований, назовем следующие: перевод с маньч-

[10] В. С. Мясников. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина. «Советское китаеведение». 1958, № 1, стр. 146—152.

чжурского языка «Истории о завоевании китайским ханом Канхием Калкаского и Элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (на 5 300 страницах), законченный в 1750 г.; перевод китайской истории «Цзы чжи тунцзянь ган-му», перевод «Саньцзыцзина» (троесловия), небольшой русско-китайский словарь (1744 год).

Переводы фундаментальных исторических трудов, выполненных И. Россохиным в 50-х годах XVIII в., не только свидетельствуют о способностях и трудолюбии их автора, но и устанавливают приоритет русской науки в данной области, так как до сих пор считалось, например, что первым переводом «Тунцзянь ган-му» являлся перевод Майя, опубликованный в 1777—1783 годах [11]. Уже одно упоминание об этой части наследства И. Россохина подтверждает необходимость обращения к незаслуженно забытым рукописям для того, чтобы показать состояние русского китаеведения в середине XVIII века.

Алексей Леонтьев (1716—1786 гг.) — соавтор И. Россохина по большому труду [12] — оставил немного неопубликованных материалов. Однако они помогают выяснить несколько неизвестных ранее черт, характеризующих научную деятельность этого интересного человека, над биографией которого в настоящее время работает В. С. Колоколов.

В конце XVIII в. с шестой миссией (1771—1781 гг.) в Пекин были отправлены в качестве учеников Федор Бакшеев, Алексей Парышев, Яков Коркин и Алексей Агафонов. Последний известен как автор изданных в 80-х годах XVIII в. переводов с маньчжурского языка поучительных книжек императоров Кан-си и Шунь-чжи и хронологии Китая. Его рукописи, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, являются подлинниками этих переводов. Федор Бакшеев, имя которого почти забыто, также оставил след в истории русского китаеведения не только как переводчик при канцелярии иркутского губернатора (с 1782 г.) и при государственной коллегии по иностранным делам (с 1786 г.), но и как автор рукописи первого не только в России, но и на Западе маньчжуро-русского словаря (1776 г.).

Следующая группа учеников была отправлена в Китай в 1784 г. и пробыла там десять лет. Здесь следует отметить А. Г. Владыкина — автора первой маньчжурской грамматики, учебников маньчжурского языка и маньчжурского лексикона, обнаруженных в рукописях. Эти учебные пособия были составлены для школы восточных языков при коллегии иностранных дел, где А. Г. Владыкин с 1798 г. преподавал маньчжурский язык. Раньше в истории нашего китаеведения А. Г. Владыкин был известен лишь как автор двух небольших переводных статей. Найденные рукописи опровергают такую точку зрения. Вместе с А. Г. Владыкиным к миссии были прикомандированы еще три ученика: Егор Солертовский, Иван Филонов и Алексей Попов. После них остались носящие учебный характер переводы с маньчжурского и китайского языков. Изучение этих рукописей восполняет наши представления о состоянии китаеведения к концу XVIII века.

В XIX в. начинается второй этап «пекинского периода» изучения Китая в России. Русское китаеведение выдвинуло во второй четверти XIX в. крупнейшего синолога в лице Иакинфа Бичурина. В его трудах отражены история развития отечественной науки о Китае, а также борьба между старым и новым, происходившая в то время во всех областях русской культуры.

И. Бичурину (1777—1853 гг.) благодаря его настойчивости, трудо-

[11] «Histoire génerale de la Chine ou Annales de cet Empire traduites de Tougkien-kang-mou. Par le feu Père Joseph Anne-Marie de Moyriac de Mailla». Paris. 1777—1783.

[12] А. Леонтьев, И. Россохин. Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего. Тт. I—XVII. СПБ. 1784.

любию и большому таланту удалось опубликовать при жизни более 5 тыс. страниц своих трудов о Китае. Но он оставил также и огромное количество рукописей. Значение работ И. Бичурина для развития русского китаеведения отмечалось неоднократно в русской дореволюционной печати и в советское время. Его трудами русское китаеведение было поставлено на первое место в мировой науке о Китае.

Еще более грандиозной фигурой предстал бы И. Бичурин как ученый-синолог, если бы своевременно были опубликованы его переводы шестнадцати томов «Тунцзянь ган-му», «Китайско-русский словарь» в 12 бэнях (томах) и другие труды. Огромной заслугой И. Бичурина является организация в 1835 г. Кяхтинской школы китайского языка, предназначавшейся для обслуживания развивавшейся торговли России с Китаем. С этой целью И. Бичурин написал первую в нашей стране грамматику китайского языка, долгое время служившую учебным пособием. Вместе с И. Бичуриным в миссии состоял студент Михаил Сипаков — автор сохранившейся рукописи маньчжуро-русского словаря.

Современником И. Бичурина был П. И. Каменский (1765—1845 гг.), пробывший в Пекине с 1794 по 1807 г. учеником миссии вместе со Степаном Липовцовым. Он много сделал для развития русского китаеведения, хотя больше известен как начальник 10-й миссии [13]. О заслугах П. И. Каменского (с 1820 г. он архимандрит Петр Каменский) в отечественном китаеведении можно судить почти исключительно по найденным рукописям. Этот ученый оставил после себя такие труды, которые, если были бы опубликованы, могли сделать честь тогдашнему русскому китаеведению. Его перу принадлежат, например, полный перевод с маньчжурского языка истории династии Юань (Юаньши); «Падение минской и начало маньчжурской в Китае царской династии, или жизнь изменника Ли Цзи-чэна» и другие сочинения.

Заслугой П. И. Каменского нужно считать также составление и подготовку им к печати первого в России пятиязычного словаря (китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского), редактором которого являлся П. Шиллинг. Издание словаря было прекращено из-за отъезда П. И. Каменского в Пекин, куда он был назначен начальником духовной миссии. Все эти факты отражены только в рукописях.

После Степана Липовцова (1770—1841 гг.), известного своим переводом «Уложения китайской палаты внешних сношений» [14], остались рукописи переводов истории династии Мин, книги Ци Ши-ия «Побег торгоутских калмыков из России в Зюнгарию», экземпляр оттиска набора этой рукописи и рукописей трех словарей (тонического китайско-русского, латино-китайского и маньчжуро-китайско-русского), относящихся к 1830—1838 годам.

В 1820 г., как уже отмечалось, в Пекин была отправлена 10-я миссия. Большинство ее членов, главным образом светских лиц, оставило значительный след в китаеведении. Даниил Сивиллов (1798—1871) стал первым профессором китайского языка при вновь открытой кафедре Казанского университета. После его смерти курс китайского, а также маньчжурского языков (изучение последнего было впервые начато в рамках университетского образования) читал бывший врач той же миссии О. П. Войцеховский (1793—1853 гг.). Алексей Сосницкий в качестве адъютанта занимался упражнениями со студентами в разговорном китайском языке. Два других члена миссии работали в Кяхте: Н. И. Вознесенский — переводчиком при таможне, а К. Г. Крымский — учителем Кяхтинской школы. З. Ф. Леонтьевский (1799—1864 гг.) много лет был переводчиком в Азиатском департаменте министерства иностранных дел.

---

[13] «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине». Вып. 1. СПБ. 1905, стр. 48.

[14] «Уложенче китайской палаты внешних сношений». Тт. I—II. СПБ. 1828.

Таким образом, по возвращении в 1830 г. в Россию из десяти членов 10-й миссии семь (включая П. И. Каменского) с успехом применяли на практике свои знания китайского и маньчжурского языков. Каждому из них принадлежат неопубликованные труды: Д. Сивиллову — переводы «Сышу», «Шуцзина», части «Шицзина», «Истории династии Чжоу», «Дао-дэ-цзина» [15]; З. Ф. Леонтьевскому — китайский лексикон в 15 томах с параллельным маньчжурским текстом, перевод на китайский язык трех томов «Истории Российского государства» Н. М. Карамзина, записи в дневнике и обстоятельная рецензия на рукопись статьи И. Бичурина «О неправильном произношении китайских звуков». В этой рецензии З. Ф. Леонтьевский решительно протестовал против транскрипции И. Бичурина и предлагал свою транскрипцию, близкую к той, которая была принята Палладием Кафаровым в его словаре.

Данная рукопись, следовательно, отражает происходившие тогда споры по вопросу о русской транскрипции китайского языка. Н. И. Вознесенский написал «Замечания о Китае» и составил русско-маньчжуро-китайский словарь; А. И. Сосницкий составил различные записки о Китае. Даже краткий перечень рукописного наследия членов 10-й миссии показывает, как ценны их неопубликованные труды. Характеризуя состояние русского китаеведения на определенном этапе в целом, они в то же время знакомят нас с новыми данными об отдельных китаеведах.

Из членов следующей, 11-й миссии (1830—1840 гг.) известны в истории китаеведения Аввакум Честной и врач Кириллов. По найденным рукописям можно восстановить еще два имени: Феофилакта Киселевского (заметки и переводы) и Г. М. Розова (перевод «Истории дома Цзинь»).

Аввакум Честной (1801—1866 гг.), длительное время работавший переводчиком в министерстве иностранных дел, опубликовал лишь две статьи. Но анализ трех папок его рукописей (более тысячи листов), вывезенных из Пекина К. А. Скачковым, позволяет установить, что именно он был автором первой грамматики тибетского языка в России, переводчиком с китайского языка описания истории Кореи. О деятельности А. Честного как ученого-китаеведа можно судить также по отчетным донесениям в Азиатский департамент.

Успехи членов следующих миссий становились все значительнее. Этому способствовала традиция накопления в библиотеке миссии книг не только на китайском, маньчжурском и тибетском языках, но и трудов на западноевропейских языках, посвященных Китаю. Изучению китайского языка во многом помогали имевшая широкое обращение грамматика китайского языка И. Бичурина и значительное число рукописных словарей. В архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится 45 китайско-русских, маньчжуро-русских, русско-китайских и т. п. рукописных словарей, из которых около пятнадцати составлены в конце XVIII — первой половине XIX века. Несомненно, копии и оригиналы трудов членов предыдущих миссий оказали благотворное влияние на учеников миссии и некоторых духовных лиц.

Немало способствовал успехам русского китаеведения и Азиатский департамент министерства иностранных дел, непосредственно заинтересованный в изучении Китая, поскольку до 1860 г. единственным представителем России в этой стране была пекинская духовная миссия, выполнявшая одновременно некоторые функции дипломатического характера и доставлявшая необходимые сведения о Китае. Чтобы сохранить представительство России в Китае, Азиатский департамент из осторожности иногда даже воспрещал пекинской духовной миссии вести какую-либо религиозную пропаганду.

---

[15] Частично опубликованы в «Известиях Одесского библиографического общества». Т. IV. Вып. 5—6. Одесса. 1915, стр. 209—245.

Наибольшего прогресса русское китаеведение достигло в трудах светских и духовных членов 12-й миссии, которые внесли существенный вклад в развитие русской науки о Китае. Имена В. П. Васильева (1818—1900 гг.), Палладия Кафарова (1817—1878 гг.), И. И. Захарова (1814—1885 гг.), В. В. Горского (1821—1847 гг.), врача А. А. Татаринова (1817—1876 гг.) известны по многим опубликованным ими работам. Китай переживал тогда первый открытый натиск колониальных держав — Англии и Франции (опиумные войны 1840—1842 гг., Нанкинский договор 1842 г., борьба китайского народа против англичан и маньчжур в 1841—1850 гг.). Это нашло отражение в трудах не только перечисленных выше китаеведов, находившихся в то время в столице Китая; с гневом писали о захватнических планах англичан в отношении Китая И. Бичурин и многие прогрессивные люди России.

Из сохранившихся рукописей членов 12-й миссии следует назвать дневник В. П. Васильева за 1840—1849 гг. (почти подготовленный к печати еще в 1925 г., но опубликованный лишь частично), записи китаиста и японист а И. О. Гошкевича, несколько рукописей (начало перевода У Сань-гуя, биография «Таранаты» и др.) В. В. Горского и две записки о Западном Китае И. И. Захарова.

В середине XIX в. в России, переживавшей процесс ломки крепостнических отношений, усилился интерес к постановке сельского хозяйства в других странах, в частности в Китае, о необыкновенных успехах которого в этой отрасли производства говорилось в книге И. Бичурина [16] и его статьях, а также в работах И. О. Гошкевича, В. П. Васильева и И. И. Захарова и в переводных статьях. Серьезно изучением сельского хозяйства Китая занимался в Пекине в это время член 13-й миссии К. А. Скачков (1821—1883 гг.). Перу последнего принадлежат ценные опубликованные статьи и рукописи, посвященные данному вопросу (более 1 500 страниц). Из них историки-экономисты могут извлечь много полезных сведений. Кроме того, в коллекции К. А. Скачкова, хранящейся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, находятся его дневники, материалы по торговле России с Китаем, описание обычаев Китая и другой богатый содержанием материал [17].

Палладий Кафаров, приехавший в Китай в качестве начальника миссии, оставил ряд рукописей, опубликованных после его смерти Н. Адоратским, Э. В. Бретшнейдером, Н. Веселовским и пекинской миссией [18]. П. Кафаров умер в Марселе в 1878 г., возвращаясь из Пекина на родину; судьба рукописей, которые он вез с собою, неизвестна. При миссии, руководимой П. Кафаровым, находился врач С. И. Базилевский (1822—1878 гг.). Рукописи его сочинений посвящены китайской медицине.

В настоящей статье нельзя не упомянуть о Д. А. Пещурове (1837—1903 гг.), который заведовал обсерваторией миссии, и враче К. А. Корниевском (1833—1878 гг.). Д. А. Пещуров, много лет преподававший китайский язык на восточном факультете Петербургского университета, оставил после себя рукописи аналитического разбора китайской грамматики «Циньвэнь цимэн» и черновика изданного им китайско-русского словаря. Рукописные труды К. А. Корниевского заслуживают особого внимания. По ним можно судить, насколько глубоко и внимательно русские ученые изучали в то время (почти 100 лет назад)

[16] И. Бичурин. Земледелие в Китае. СПБ. 1844.

[17] См. К. А. Скачков. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца. М. 1958, стр. 347—348.

[18] П. Кафаров. Китайская литература магометан. СПБ. 1890; его же. Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг. СПБ. 1892; его же. Заметки о путешествии в Китай Ивана Петлина. «Записки восточного отделения русского Археологического общества». Т. VI, 1891, стр. 303—308; его же. Извлечение из китайской книги «Шен-ву-цзи». «Известия братства православной церкви в Китае». 1907, №№ 46—55; «Китайский благовестник». 1907, №№ 3—4.

китайскую медицину. До сих пор рукописи Корниевского не утратили своей практической ценности.

Изучение и использование наследства крупного русского китаеведа Э. В. Бретшнейдера (1833—1901 гг.), к сожалению, не начато до сего времени. Его труды «Geschichte der Mongolen», «Timur and his Succesor», описание «Бэньцао ган-му» с индексом, его многочисленные работы по ботанике, ряд индексов (например, к «Юаньши») должны, несомненно, привлечь внимание советских китаистов и монголистов. Работа Э. В. Бретшнейдера по истории государства Западного Ляо переведена на китайский язык и издана в 1955 году.

Во второй половине XIX в. доминирующая роль в деле изучения Китая в России переходит от пекинской духовной миссии к восточному факультету Петербургского университета. Первым преподавателем китайского языка в Петербургском университете был академик В. П. Васильев (в 1855—1893 гг.). С 1878 по 1893 г. он являлся бессменным деканом восточного факультета Петербургского университета. Для подготовки преподавателей из числа окончивших факультет выделялись наиболее способные студенты, которые в течение двух лет должны были защитить магистерскую диссертацию. Последовательно преподаванием китайского и маньчжурского языков до 1917 г. здесь занимались: К. А. Скачков (1866—1867 гг.), Д. А. Пещуров (1867—1903 гг.), С. М. Георгиевский (1886—1893 гг.), А. О. Ивановский (1887—1903 гг.), П. С. Попов (1902—1913 гг.), А. И. Иванов (1905—1916 гг.), В. М. Алексеев (1910—1916 гг.). Почти все они были учениками В. П. Васильева.

После академика В. П. Васильева осталось громадное рукописное наследство. Полное описание его рукописей до сих пор не сделано. Серьезно и систематически архивом В. П. Васильева никто еще, по существу, не занимался. Над материалами по буддологии проделал большую работу М. И. Тубянский. Часть буддологических трудов В. П. Васильева и его дневник были подготовлены к печати еще в 1925 году.

Учениками В. П. Васильева, побывавшими на практической работе в Китае, П. С. Поповым (консул в Пекине), П. А. Дмитриевским (Ханькоу), Н. А. Поповым (Фучжоу) и другими написан ряд сочинений, среди которых имеются как опубликованные, так и сохранившиеся в рукописном виде. Наибольший научный интерес среди них представляют труды П. С. Попова (1842—1913 гг.) — автора многих работ о Китае. В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина была обнаружена коллекция писем к П. С. Попову от В. П. Васильева, Е. К. Бюцова, П. И. Гомбоева, П. А. Дмитриевского, А. М. Кумани, Н. Ф. Ладыженского, И. В. Подерина, А. М. Позднеева, П. Ф. Унтербергера и других (всего около 130 писем). Эти письма раскрывают много интересных и важных деталей из истории не только китаеведения, но и русско-китайских отношений.

Если ныне сравнительно хорошо известны опубликованные сочинения предшественников советских китаеведов, чему частично помогает «Библиография Китая», изданная в 1932 г., то их рукописные работы почти совсем неизвестны. Крайне важно систематизировать эти рукописи, чтобы ввести в научный оборот содержащийся в них громадный фактический материал. Необходимо также подготовить к публикации наиболее ценные труды, а также выявить те работы, которые могут быть полезны нашим китайским товарищам историкам.

Подробное ознакомление с содержанием рукописного наследства отдельных китаеведов позволит более четко представить научный облик каждого из них, определить их место в истории русского китаеведения и тем самым нарисовать полную и точную картину истории отечественной науки о Китае в прошлом.

СООБЩЕНИЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ в 1925 году *

Л. Н. Кудашев

Миролюбивая политика Советского Союза в отношении Японии не является политикой лишь сегодняшнего дня. Она выражает общий внешнеполитический курс Советского государства, неизменно стремящегося к дружбе и сотрудничеству со всеми странами, независимо от их политического строя и господствующей в них идеологии.

Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула на первый план в международной политике проблему взаимоотношений двух социально-экономических систем: социалистической и капиталистической. Борьба между ними составляет основное содержание эпохи перехода от капитализма к социализму. В. И. Ленин в своих трудах показал, что эта борьба может и должна проходить в условиях мирного сосуществования.

На основе ленинского принципа мирного сосуществования Советское государство всегда строило свою политику и по отношению к Японии. Однако японские правящие круги не приняли предложений Советского правительства об установлении нормальных добрососедских отношений и встали на путь вооруженной интервенции против молодой Республики Советов, надеясь отторгнуть от нее богатейшие районы Сибири и Приморья. Япония стремилась поставить в кабальную от нее зависимость созданную в те годы Дальневосточную республику. Конференции представителей ДВР и Японии в Дайрене (1921—1922 гг.) и Чаньчуне (1922 г.) по поводу нормализации отношений не дали результатов. Но героическая борьба народов Дальнего Востока, поддержанная всей Советской Россией, опрокинула расчеты Японии и ее белогвардейских ставленников.

В октябре 1922 г. японские оккупанты были выброшены с территории Советского Дальнего Востока. И хотя под контролем японской военщины еще оставался Северный Сахалин, было ясно, что японская авантюра не удалась. Последний очаг гражданской войны и интервенции на территории Советской России был погашен. 15 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК в соответствии с просьбой трудящихся Дальнего Во-

---

* В настоящей статье делается попытка осветить на основе архивных и опубликованных источников историю советско-японских переговоров 1923—1925 гг. о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. В советской и иностранной литературе этот вопрос не нашел сколько-нибудь полного отражения. В монографии Н. Л. Рубинштейна «Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг.» (Госполитиздат. 1953) советско-японским отношениям в 1923—1925 гг. посвящено немногим более трех страниц, причем главным образом анализируется советско-японская конвенция, подписанная 20 января 1925 года. В коллективном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949 гг.» (изд. 2-е. М. 1956) также не освещается ход переговоров и дана лишь общая характеристика тогдашней обстановки. В работе японского автора Акаги «Внешние отношения Японии» (R. H. Akagi. Japanis Foreign Relations. Tokyo. 1936) рассматриваемому вопросу уделено несколько страниц. В книге отсутствует анализ борьбы, происходившей на конференции и вокруг нее, но читатель может почерпнуть некоторые сведения о позиции японского правительства в отношении переговоров.

стока провозгласил ДВР «нераздельной частью РСФСР». Советское государство восстановило свои законные права на Дальнем Востоке.

В конце 1922 г. произошло объединение Советских Социалистических Республик в единое союзное государство. Образование СССР знаменовало собой рост влияния Советского государства во всех международных делах.

С этим не мог не считаться капиталистический мир. В конце 1922 г. В. И. Ленин говорил: «...экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении»[1].

Восстановление Советским государством своих законных исторических прав на Дальнем Востоке, укрепление внутренних и международных позиций СССР, дальнейшее обострение империалистических противоречий на Тихом океане со всей остротой ставили перед японскими правящими кругами вопрос об отношениях с Советским правительством. Военный метод разрешения проблемы советско-японских отношений показал свою несостоятельность. Японским агрессорам пришлось с позором уйти с территории Советской России. И Япония, заинтересованная в урегулировании ряда политических и экономических вопросов, которые она не могла решить без Советского Союза или вопреки ему, вынуждена была искать мирных соглашений.

20 февраля 1923 г. депутаты парламента от партии «Кокусин курабу», представлявшей интересы мелкой торговой городской буржуазии, внесли в парламент проект резолюции о немедленном признании СССР. Это предложение было поддержано рядом обществ и коммерческих ассоциаций Осака, Токио, Йокогамы. Однако парламент отклонил его под давлением военщины, надеявшейся на возобновление интервенции и сохранение под своим контролем Северного Сахалина. Враждебную СССР позицию занимали также концерны Мицуи и Мицубиси, заинтересованные в разработке нефти и угля на Северном Сахалине[2]. Несмотря на это, торговые палаты ряда крупных городов продолжали настаивать на урегулировании советско-японских отношений. В начале апреля торговая палата крупнейшего экономического центра Японии Кобе призвала правительство немедленно восстановить торговые связи с Россией[3].

Активно выступали за нормализацию отношений и рыбопромышленники Японии, заинтересованные в заключении соглашения о ловле рыбы в советских водах. Если в период гражданской войны и существования Дальневосточной республики японские рыбопромышленники безнаказанно занимались ловом в водах Советского Дальнего Востока, то после эвакуации японских войск такое положение сохраняться не могло. Советское государство принимало меры к тому, чтобы прекратить хищнический лов рыбы в своих водах.

Требования признания СССР высказывались широкой общественностью Японии.

Укрепление внутреннего и международного положения Советского государства, покончившего с иностранной интервенцией и успешно восстанавливавшего разрушенное войной хозяйство, оказывало огромное влияние на международное рабочее движение. Трудящиеся Японии, как и других стран, все активнее выступали в защиту СССР. Активным сторонником развития отношений с Советской Россией явилась Генеральная федерация труда, руководившая рабочим движением в стране. Она насчитывала в своих рядах 30 тыс. членов, имела около 60 отделений

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 398.

[2] См. газеты «Осака Майници». 10 марта 1923 г.; «Хоупин Ници-ници», 22 марта 1923 года.

[3] Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 146, д. 5, л. 11.

во всех промышленных центрах страны. На ее съезде в 1922 г. были сформулированы семь основных требований к правительству, в том числе 8-часового рабочего дня, установления минимума заработной платы, отмены полицейского закона об общественной безопасности, признания Советской России. На съезде федерации в 1924 г. пункт о признании СССР был также записан в качестве одного из важнейших [4].

Развернула свою деятельность «Японская ассоциация земельных арендаторов», возникшая в 1922 г. и объединявшая в своих рядах арендаторов большинства районов страны. В состав ассоциации входило 50 тыс. глав семей и 150 тыс. представителей молодежи и женщин. Она издавала журнал «Земля и свобода» («Тоци то дзию») и «Японскую крестьянскую газету» («Нихон номин симбун»). Ассоциация арендаторов поддерживала требование установления отношений с СССР [5].

Широкий характер приобрело студенческое движение «за изучение общественных наук», имевшее центром «Общестуденческую ассоциацию», переименованную в августе 1924 г. в «Студенческую ассоциацию общественных наук». Ассоциация охватывала 50 учебных заведений и насчитывала около 1 500 активных членов. Передовое студенчество принимало участие в движении за оказание помощи голодающим в Советской России, в борьбе против милитаризма, за признание Советской республики [6].

В Японии образовался целый ряд обществ содействия сближению с Россией. В начале мая 1923 г. в Токио состоялся многотысячный митинг, участники которого требовали признания Советского государства и установления с ним экономических и политических отношений.

Японские правящие круги вынуждены были считаться с настроением масс. Они стали искать повода для начала переговоров. Таким поводом послужило приглашение в декабре 1922 г. советского дипломатического представителя в Пекине Иоффе в Японию для лечения.

Весной 1923 г. английская реакция добилась резкого ухудшения англо-советских отношений. Над нашей страной нависла угроза новой интервенции. В этих условиях Советское правительство поручило Иоффе начать переговоры о нормализации советско-японских отношений [7].

Сношения советского представителя с японским правительством осуществлялись через сторонника развития отношений с СССР мэра Токио Гото, который передавал письма Иоффе премьер-министру Като и министру иностранных дел Уцида и сообщал мнение последних о предварительных условиях возобновления переговоров [8].

Одновременно с политическими переговорами советский представитель в целях установления контакта с кругами, непосредственно заинтересованными в развитии экономических отношений с нашей страной, начал переговоры с японскими рыбопромышленниками по вопросам рыболовства в советских водах.

На 20 марта 1923 г. Дальневосточный ревком назначил торги рыболовных участков, объявив, что иностранцам, имевшим арендную задолженность, участки будут предоставлены лишь после погашения последней. 19 февраля 1923 г. японский консул направил Дальревкому памятную записку, в которой заявлялось, что переговоры по рыболовным вопросам должны быть проведены как составная часть общего соглашения по вопросам торговых взаимоотношений. В записке, составленной в угрожающих тонах, советским властям «рекомендовалось» во «избежа-

---

[4] Журнал «Кайдзо», 1925, № 1, стр. 2—5.
[5] Там же, стр. 6—9.
[6] Там же, стр. 11—12.
[7] АВП СССР, ф. 146, д. 65, л. 5.
[8] Там же, л. 6.

ние конфликта» не публиковать каких-либо заявлений о предоставлении всем вообще иностранцам права участвовать в торгах. В заключение указывалось на желательность предоставления японским рыбопромышленникам 340 рыболовных участков из числа тех, которые находились у них в эксплуатации в 1922 году [9]. Таким образом, японское правительство пыталось диктовать свои условия Советскому Союзу, установить полную монополию на рыболовный промысел в водах Дальнего Востока.

Угрозы японских империалистов не запугали Советское правительство. 2 марта Совнарком РСФСР принял постановление о порядке эксплуатации рыбных и морских звероловных промыслов на Дальнем Востоке. Согласно постановлению, все договоры, заключенные до дня воссоединения ДВР и РСФСР, аннулировались. Участки для промыслов в советских территориальных водах, за исключением бухт, закрытых для иностранного промысла по стратегическим соображениям, а также рек, вдоль которых селились русские переселенцы и местные племена, предоставлялись в аренду с публичных торгов как советским гражданам, так и гражданам других государств. Специально оговаривалось, что предпочтение будет отдаваться представителям государств, имевших соглашения с правительством РСФСР о рыбных и морских звероловных промыслах [10].

Постановление вызвало большой шум в японской прессе. В газетах писали о намерении японского правительства предъявить СССР протест, ссылаясь на Портсмутский договор и рыболовную конвенцию 1907 г., якобы предусматривавших, что только русские и японцы могут пользоваться правами рыболовства на Дальнем Востоке. Япония грозила игнорировать постановление СНК РСФСР и, основываясь на полученных ею от царского и Временного правительств разрешениях, заниматься рыболовством в советских водах под охраной своих военных кораблей.

В ответ на это советский дипломатический представитель в многочисленных интервью и беседах с японскими политическими руководителями указывал, что между государствами, которые не признают друг друга ни де-юре, ни де-факто, не может быть и речи о действенности старых договоров. К тому же Япония сама грубо нарушила Портсмутское соглашение своим участием в антисоветской интервенции, захватом КВЖД, оккупацией Северного Сахалина и другими агрессивными действиями. Иоффе категорически заявлял, что Советское правительство не признает царских договоров, а также соглашений, заключенных с белогвардейцами, и расценивает самовольные действия Японии в советских дальневосточных водах как пиратство. Советское правительство настаивало на необходимости разрешить весь комплекс советско-японских отношений на русско-японской конференции [11]. Эта позиция основывалась на нормах международного права, а также на декретах Советской власти, аннулировавших договоры и соглашения царского и Временного правительств.

Переговоры с японскими рыбопромышленниками шли медленно. Лишь 21 мая в Токио было подписано первое соглашение. Заинтересованность рыбопромышленников, давление народных масс сыграли свою роль. Япония вынуждена была признать советские требования. В соответствии с соглашением, японские промышленники обязались уплатить арендную плату за пользование рыболовными участками в 1920—1921 гг. в сумме свыше 3 млн. иен, из них 1,7 млн. иен немедленно внести на счет Советского правительства. В связи с этим Японии было разрешено снять в аренду 255 (из 511) рыболовных и 14 (из 47) краболовных

[9] См. «Известия», 11 февраля 1923 года.
[10] АВП СССР, ф. 146, д. 5, лл. 7—9.
[11] Там же. л. 5.

участков — всего на сумму свыше 1 100 тыс. золотых рублей[12]. Одновременно было решено создать комиссию для определения суммы недоимок за пользование Японией рыболовными участками в 1917—1922 гг., а также штрафов за нарушение правил рыболовства.

Заключение соглашения означало победу советской дипломатии. Япония вынуждена была отказаться от бесконтрольного лова в советских водах и признать суверенитет СССР над ними.

Японские правящие круги добивались решения экономических вопросов без урегулирования политических проблем: установления дипломатических отношений с нашей страной и эвакуации Северного Сахалина. Японская военщина, антисоветски настроенные группировки крупной буржуазии, монополии, заинтересованные в эксплуатации богатств Северного Сахалина, тормозили решение политических вопросов. Советское правительство не могло согласиться с такой позицией. Поэтому 21 мая 1923 г. оно подписало лишь временное соглашение с Японией, определив условия рыболовства только на сезон 1923 года. Тем самым оно подчеркивало, что без решения политических проблем не могут быть прочными и экономические взаимоотношения.

Между тем все более широкие круги японского населения требовали установления нормальных отношений с Советским Союзом. Премьер-министр Като отметил в одной из своих речей в конце мая усиление интереса японской общественности к развитию связей с СССР и налаживанию с ним дружественных отношений. «Вопросы переговоров о признании и сближении,— сообщал из Токио советский представитель,— занимают всю прессу»[13]. Гото опубликовал специальное заявление, в котором подчеркивал, что политика дружбы с Россией завещана самим императором Мэйдзи. Пытаясь оказать нажим на свое правительство, Гото заявил, что отказывается вести неофициальные переговоры, и настаивал на том, чтобы они перешли в официальную стадию.

Однако в правительстве не было достигнуто единства, и премьер-министр предложил советскому представителю считать все прежние переговоры несуществовавшими и начать новые неофициальные переговоры, однако через специально на то уполномоченных чиновников[14]. Советское правительство согласилось с этим и в середине июня 1923 г. назначило Иоффе чрезвычайным и полномочным представителем для переговоров с Японией. С японской стороны уполномоченным был назначен Каваками[15].

Переговоры Иоффе — Каваками начались 28 июня и продолжались до 3 августа 1923 года.

В первом же своем выступлении Каваками воспроизвел претензии, предъявленные японским представителем на Чаньчуньской конференции. Как известно, тогда Япония настаивала на принятии ДВР 17 требований, которые ставили Дальневосточную республику в зависимое от нее положение, и отказывалась от эвакуации Северного Сахалина. Теперь путем грубого нажима японское правительство хотело добиться осуществления той же самой программы. Такая попытка была заранее обречена на провал. Советский представитель прямо заявил, что на подобных условиях он вести переговоры не будет[16]. Японские дипломаты стали вносить более реальные предложения, однако было ясно, что они намеревались тянуть переговоры без конца.

Враждебные СССР империалистические и милитаристские круги Японии оказывали давление на свое правительство. Накануне переговоров японское военно-морское министерство было уведомлено о том,

[12] Там же, л. 45.
[13] Там же, лл. 56—57.
[14] Там же, л. 73.
[15] Там же, л. 94.
[16] Там же, л. 49.

что на Сахалине предполагаются богатые месторождения нефти. Стремясь освободиться от американской нефтяной зависимости, японские монополии возлагали большие надежды на Сахалин. Для производства изысканий министерство выдало 1,5 млн. иен обществу «Кокусина», в котором участвовали крупнейшие монополии: Мицубиси, Окура, Таката и др.

Японские капиталисты были заинтересованы также в добыче каменного угля на Северном Сахалине. Разработкой угольных месторождений занимался один из крупнейших японских концернов — Мицуи.

Японская военщина не оставляла планов провокаций новых конфликтов на советских границах. Несмотря на провал интервенции, начиная с осени 1922 г. усиленно пополнялись гарнизоны в Северной Корее и Северной Маньчжурии. Известные надежды военщина возлагала на авантюру генерала Пепеляева в Якутии в весенне-летний период 1923 года [17]. Формировались различные военные и полувоенные белогвардейские организации: «Союз казаков Дальнего Востока», «Бюро по делам русских эмигрантов» и др.

Немалое воздействие на правительство, затягивавшее переговоры, оказывала также политика других капиталистических держав, пытавшихся помешать японо-советскому сближению. Англия и США, стремясь втянуть Японию в общий антисоветский фронт, проводили энергичную антисоветскую кампанию. Они всячески старались сорвать советско-японские переговоры, «разъясняли» японскому правительству «опасность» установления отношений с СССР. Дело не обходилось и без прямых угроз [18].

В ходе переговоров японские представители довольно откровенно формулировали программу, имевшую целью осуществить захват Северного Сахалина и навязать Советскому Союзу выгодные для Японии экономические соглашения. Японская сторона предлагала два варианта решения сахалинского вопроса: а) продажу русской части Сахалина Японии за 150 млн. иен; б) предоставление японскому обществу долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств острова, а также железных дорог сроком на 55—99 лет. Выдвигалось требование о предоставлении концессий и в других местах русского Дальнего Востока. Не был забыт и пресловутый николаевский вопрос [19]. Согласно японским предложениям, Советское правительство должно было выразить сожаление по поводу убийства японского консула и японских граждан в Николаевске и признать себя обязанным возместить убытки. Япония настаивала на признании договоров и долгов дореволюционных правительств, а также возвращении частной собственности японским гражданам. Выдвигалось требование гарантировать при заключении торговой конвенции «безопасность подданных обеих сторон, уважать частную собственность, предоставить свободу торговли и промысла» [20].

Советский представитель заявил, что Советское правительство не может согласиться на продажу Сахалина, признание обязательств и

[17] Генерал Пепеляев при поддержке Японии и США организовал выступление в Якутии в сентябре 1922 года. Однако в июне 1923 г. его банды были ликвидированы Красной Армией (см. газета «Дальневосточный путь», 3 июля 1923 г.; «20 лет Якутской автономной республики». Якутск. 1938).

[18] АВП СССР, ф. 0146, д. 50, лл. 1—4.

[19] Так называемый николаевский инцидент был спровоцирован японскими военными кругами в марте 1920 года. Окруженные в Николаевске-на-Амуре партизанскими отрядами японские части 28 февраля 1920 г. капитулировали и заключили с командованием партизан договор о мире и дружбе. Однако 11 марта они вероломно напали на партизан. Центром японского сопротивления явилось помещение консульства, которое было обстреляно партизанской артиллерией. В огне погибли все засевшие там японские солдаты и офицеры. Этот инцидент в течение ряда лет служил японской военщине предлогом для различных провокаций.

[20] АВП СССР, ф. 146, д. 5, л. 48.

долгов царского правительства, возвращение частной собственности японским подданным. Он доказал виновность японской военщины в николаевских событиях. В то же время Иоффе указал на возможность предоставления Японии концессий на Сахалине и в других районах русского Дальнего Востока. С оговоркой — «в пределах законов СССР» — признавалось приемлемым предложение о предоставлении некоторых гарантий при заключении торговой конвенции [21].

Переговоры показали японским кругам, что СССР не примет невыгодных для него условий, и они вынуждены были смягчить некоторые свои требования. Так, было заявлено о согласии Японии сократить сумму и отсрочить уплату долгов царского правительства, снять требование о материальном возмещении убытков за николаевский инцидент. При условии принятия Советским правительством всех японских требований японское правительство соглашалось определить срок эвакуации своих войск с Северного Сахалина. Как видим, уступки японской стороны не носили конструктивного характера и не свидетельствовали о ее намерении урегулировать отношения с СССР.

Советский Союз не хотел, чтобы японское правительство, бесконечно затягивая переговоры, вводило в заблуждение народ своей страны, требовавший нормализации отношений. Поэтому 28 июля 1923 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин дал указание прекратить переговоры, поскольку они носили неофициальный характер и не продвигали вперед вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений. Советское правительство предложило Японии начать в возможно короткий срок официальные переговоры [22].

На этом, собственно, и кончилась третья по счету попытка [23] нормализовать отношения между двумя странами. В итоге переговоров были выяснены основные спорные вопросы и позиция японского правительства. Положительной стороной миссии Иоффе явилось также установление непосредственных контактов с японскими официальными деятелями. Эти контакты получили дальнейшее развитие осенью 1923 г., когда в Москву прибыла делегация представителей торговых палат Японии во главе с председателем Токийской торговой палаты Ямазаки. Делегация посетила ряд крупных городов СССР, ознакомилась с сельскохозяйственной выставкой, была принята М. И. Калининым, Г. В. Чичериным и другими руководящими деятелями СССР.

★

В сентябре 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, нанесшее колоссальный ущерб японскому народу. Советское правительство выразило горячее сочувствие японскому населению. М. И. Калинин телеграфировал Дальневосточному ревкому: «Немедленно отдайте распоряжение о посылке пароходов и продовольствия для оказания помощи пострадавшему населению Японии» [24].

8 сентября пароход «Ленин» с большим количеством продовольствия (20 тыс. пудов пшеницы, 5 тыс. пудов риса, 3 тыс. пудов рыбы и 22 тыс. пудов других продуктов) и 11 отрядами Красного Креста на борту отправился в Японию [25]. Японские власти недружелюбно встретили советских посланцев, потребовали себе все грузы, заявив, что они сами распределят продукты среди пострадавшего населения. Советским представителям не было даже разрешено сойти на берег. Враждебные

[21] Там же.

[22] Там же, д. 65, л. 7.

[23] Первой попыткой являлись переговоры в Дайрене в 1921—1922 гг., второй — переговоры в Чаньчуне в 1922 году.

[24] «Известия», 5 сентября 1923 года.

[25] «Известия», 9 сентября 1923 года.

действия властей вызвали возмущение японской общественности. Министр иностранных дел Уцида вынужден был выразить от имени японского правительства благодарность СССР за помощь [26].

18 сентября Президиум ЦИК СССР принял специальное постановление об оказании помощи японскому населению. Была создана центральная комиссия, выделено 200 тыс. рублей золотом. Постановление предусматривало отведение на льготных условиях рыболовных участков и лесных делянок для пострадавшего японского населения, освобождение от таможенных пошлин грузов, идущих в Японию, и ряд других мероприятий [27].

Советская комиссия вынесла решение предоставить японскому населению 70 рыболовных участков на побережье Приморья с льготной арендной платой, а также сдать на льготных условиях в аренду лесные участки общей площадью в 500 тыс. десятин на Амуре, Камчатке и в Приморье [28].

Японский посланник в Пекине Иошизава сообщил советскому полпреду 5 декабря, что Япония принимает советское предложение при условии передачи рыболовных участков и лесоразработок японским промышленникам, которые будут отчислять в пользу пострадавших некоторую долю дохода [29]. Таким образом, японские дельцы хотели использовать благородную помощь СССР в целях наживы. Советское правительство отклонило это условие.

В сентябре 1923 г. правительство СССР начало дипломатический зондаж в целях возобновления советско-японских переговоров. 22 сентября новый советский дипломатический представитель на Дальнем Востоке, Л. М. Карахан, в беседе с японским посланником Иошизава напомнил о предложении Советского правительства возобновить переговоры [30]. Экономически заинтересованные в них деловые круги Японии начали оказывать давление на правительство. 4 октября газета «Асахи» сообщила, что по настоянию общества рыбопромышленников японское правительство заявило о намерении возобновить переговоры, которые намечалось открыть не позднее 20 октября и закончить до начала рыболовного сезона (середины апреля) 1924 года.

Однако в этот срок переговоры начаты не были. Причиной тому явилось продолжавшееся сопротивление со стороны японских военных кругов, сумевших укрепить свои позиции в стране. В сентябре 1923 г. правительство возглавил представитель военщины адмирал Ямамото, провозгласивший своей главной внутриполитической задачей подавление демократического движения в Японии и опасавшийся, что восстановление отношений с СССР и признание Советского государства дадут новый толчок развитию этого движения.

Стремясь подавить выступления трудящихся, японские правящие круги проводили политику жестоких репрессий и преследований. Особенно усилились репрессии осенью 1923 года. Японское правительство воспользовалось народным смятением во время сентябрьского землетрясения и организовало кровавые погромы корейского населения, спровоцировало убийства передовых демократических и рабочих лидеров. В течение нескольких дней было арестовано свыше 1 300 рабочих, крестьян, интеллигентов. В тюрьмах была учинена зверская расправа над коммунистами и социалистами. Из рядов молодой Коммунистической партии были вырваны многие активные работники, что подорвало силы партии и дало возможность ликвидаторской группировке повести дело

---

[26] АВП СССР, ф. 0146, д. 61, л. 28.
[27] Там же, лл. 18—20
[28] Там же, д. 15, лл. 3—4.
[29] См. «Известия», 23 февраля 1924 года.
[30] АВП СССР, ф. 0146, д. 15, л. 6.

к свертыванию деятельности партии, а затем и к ее самороспуску. Все это ослабило на некоторое время рабочее и демократическое движение. Был нанесен удар силам, активно выступавшим за установление и развитие отношений с СССР. Военщина и реакционные, антисоветски настроенные круги использовали сложившуюся обстановку, чтобы затормозить возобновление переговоров с СССР.

Прежде всего это сказалось на урегулировании рыболовного вопроса. Комиссия, созданная по условиям временного рыболовного соглашения от 21 мая 1923 г., начала работу 15 июля. Переговоры по вине японских представителей проходили весьма напряженно и в конце марта — начале апреля 1924 г. приобрели особенно острый характер. Японская печать начала публиковать статьи, в которых угрожала разрывом переговоров и объявлением «свободного лова» в советских водах [31].

Советское правительство, не дожидаясь окончания переговоров и игнорируя японские угрозы, 1 апреля 1924 г. провело торги без участия Японии. Твердая позиция СССР произвела отрезвляющее впечатление на японских промышленников. Япония заявила, что принимает советские условия; затем состоялись дополнительные торги, на которых японские представители получили 1 краболовный и 229 рыболовных участков на общую сумму 1 766 тыс. рублей. Тогда же было подписано временное соглашение по рыболовному вопросу, определявшее условия рыболовства на сезон 1924 года. По этим условиям Япония признала задолженность в 2 750 тыс. руб. за использование рыболовных участков в прежние годы. Была на 15% повышена арендная плата, перераспределены лучшие участки в пользу советских государственных организаций и установлена норма улова в 7 млн. пудов (в сезон). Японии не разрешалось заниматься рыболовством во внутренних водах Советского Дальнего Востока [32].

И на этот раз Советскому правительству удалось заставить Японию перейти от хищнического лова к договорным отношениям. Следует вместе с тем заметить, что и в 1924 г. японские промышленники нарушали соглашение, проводя «свободный лов» рыбы на не сданных им в аренду участках. У западных берегов Камчатки браконьерствовало, например, около 30 японских судов. 18 сентября Советское правительство направило Японии ноту протеста против незаконных действий японских рыбопромышленников [33].

Соглашение 1924 г. носило временный характер. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что окончательное урегулирование рыболовного вопроса возможно лишь при одновременном решении основных политических проблем. Японские рыбопромышленники и связанные с ними деловые круги оставались, таким образом, заинтересованными в урегулировании отношений с СССР.

На позиции Японии в вопросе нормализации отношений с Советским Союзом не могло не сказаться также и обострение японо-американских и японо-английских противоречий в 1924 году.

В послевоенный период район Тихого океана, в частности Дальний Восток, стал одним из первостепенных в мировой политике. Это было обусловлено громадным хозяйственным ростом тихоокеанских стран. Особенно разительно возросла их торговля с США. Вывоз дальневосточных товаров в Соединенные Штаты утроился, а ввоз американской продукции сюда увеличился в 4 раза [34]. Повышение роли тихоокеанских стран в торговле великих империалистических держав привело к дальнейшему обострению противоречий между ними в борьбе за первенство на Дальнем Востоке. Американские и английские монополии вытесняли

[31] См. «Известия», 21 августа 1923 года.
[32] АВП СССР, ф. 146, д. 16.
[33] «Известия», 20 сентября 1924 года.
[34] Журнал «Новый Восток», 1925, № 7, стр. 24.

Японию с рынков Китая, Южных морей и полосы отчуждения КВЖД. Так, объем японской торговли в районе Южных морей упал со 180 млн. иен в 1920 г. до 97 млн. в 1923 году. Обострившиеся противоречия сказывались на сокращении ввоза японских товаров в США, в первую очередь шелка и шелка-сырца [35].

Отношения между Японией и США резко ухудшились и в связи с некоторыми политическими моментами. В мае 1924 г. в США был принят новый закон об иммигрантах, запрещавший иностранцам въезд в Соединенные Штаты. Этот закон вызвал волну антиамериканских настроений в Японии, поскольку был направлен прежде всего против японской эмиграции. Верхняя и нижняя палаты японского парламента приняли официальные резолюции протеста. Используя недовольство народа новым иммиграционным законом, многочисленные организации в Японии, выступавшие против политики США, развернули широкую антиамериканскую кампанию. По всей стране прошли сотни митингов, был объявлен бойкот американских товаров и кинофильмов.

Еще большее возбуждение в Японии вызвала речь морского министра США Вильбурга, заявившего 5 сентября 1924 г. в Сан-Франциско, что Соединенным Штатам с Тихого океана угрожает «агрессивность народа, поддающегося влиянию духа черни и вспышке страсти. Но... ничто так не охлаждает горячего темперамента, как кусок холодной стали» [36].

Вслед за тем США провели военно-морские маневры в Тихом океане. Японская печать тогда писала, что «маневры должны рассматриваться как крупная демонстрация, направленная против Японии» [37]. В США была развернута также широкая пропаганда вооружения и укрепления Гавайских островов. Пресса требовала удвоить воздушные силы и число подводных лодок на Гавайях, превратить острова в неприступную крепость [38].

В свою очередь, Англия в 1923 г. начала строительство Сингапурской военной базы, которая угрожала прежде всего Японии [39].

Обострение обстановки на Тихом океане, угроза совместных выступлений Англии и США заставляли японское правительство искать опору на международной арене. Соглашение с СССР было тем фактором, который усиливал Японию перед лицом английского и американского империализма.

Сложная внутренняя обстановка также толкала японское правительство к скорейшему урегулированию отношений с Советским Союзом. Демократические силы страны оправились от тех репрессий, которые обрушились на них в сентябре 1923 года. Весна 1924 г. характеризовалась для Японии новым подъемом демократического движения. Широкие народные массы требовали расширения избирательных прав, усиления полномочий парламента, изменений внешней политики. В стране резко усилилась классовая борьба. В одной только провинции Хиого произошло в 1924 г. 146 крестьянских волнений. Значительно возросло количество выступлений рабочих. Если в 1922 г. было зарегистрировано 49 рабочих конфликтов, то в 1923 г.— уже 271, а за первые 9 месяцев 1924 г.— 264 [40].

Реакционное правительство Киоура, пришедшее к власти в январе 1924 г., на выборах в парламент в мае потерпело поражение и вынуждено было уйти в отставку. Новое правительство, возглавленное Като Комей — лидером оппозиционной партии «Кенсейкай»,— не могло не счи-

[35] С. Катаяма. Япония и Америка. М. 1925, стр. 8—9.
[36] Цит. по журналу «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 4, стр. 84.
[37] Там же, стр. 86.
[38] См. журнал «Международная жизнь», 1925, № 3, стр. 97.
[39] См журнал «Новый Восток», 1925, № 7, стр. 26.
[40] Там же, стр. 28, 30.

таться с размахом демократического движения в стране и широкой волной пацифизма, охватившей в те годы почти все капиталистические страны. Оно вынуждено было пойти на проведение ряда реформ внутри страны, а во внешней политике маневрировать, прикрывать агрессивные устремления разговорами «о мирной политике», о готовности к соглашениям и т. д.

Экономические и политические факторы, вынуждавшие капиталистический мир нормализовать и развивать отношения с Советской Россией (урегулированием советско-английских отношений открылась так называемая полоса признания Советского Союза), действовали и в Японии. Приверженцы сближения с нашей страной одержали победу. Политика министра иностранных дел Сидэхара в отношении СССР была более реалистической, нежели политика его предшественников.

14 мая 1924 г. в Пекине начались официальные переговоры между японским посланником Иошизава и советским полпредом Л. М. Караханом, имеющие целью возобновление нормальных отношений между двумя странами [41].

К 23 мая, после восьми заседаний, были выработаны основные принципы договора, но позиции сторон оставались не согласованными по вопросу о Северном Сахалине. Под давлением монополистических кругов, заинтересованных в эксплуатации нефтяных и угольных месторождений на Северном Сахалине, японская делегация под предлогом неурегулированности николаевского инцидента не хотела определить сроки эвакуации Северного Сахалина [42]. «Япония уже поместила крупный капитал на Сахалине,— заявил в июне 1924 г. бывший военный министр генерал Танака,— и поэтому решить вопрос об эвакуации не так легко, если только вопрос о Николаевске не будет улажен» [43]. Получение нефтяных концессий на Северном Сахалине было обязательным условием, которое выдвигало командование военно-морским флотом для заключения соглашения [44].

Переговоры снова вступили в критическую стадию. Иошизава с группой специалистов 12 июля по поручению правительства выехал на Северный Сахалин, чтобы на месте познакомиться с расположением нефтяных месторождений и их состоянием [45]. На основании его сведений было выработано требование японской делегации — предоставить Японии концессии на 60% всех разведанных нефтяных полей.

4 августа переговоры были возобновлены. Иошизава передал советскому полпреду проект «Конвенции, охватывающей основные принципы отношений между Японией и СССР».

Вторая статья проекта предусматривала полное признание Портсмутского договора. Другие договоры и соглашения, заключенные до 7 ноября 1917 г., должны были быть пересмотрены на специальной конференции. Советское правительство в связи с этим сделало заявление о снятии с себя политической ответственности за заключение Портсмутского договора.

Япония настаивала также на сохранении рыболовной конвенции 1907 г., заключенной царским правительством. Советская делегация считала необходимым ограничить действие конвенции в соответствии с интересами Советского государства и его безопасности [46].

Наибольшие разногласия в ходе дальнейших переговоров вызвал вопрос о концессиях на Сахалине. Япония предложила СССР предоста-

---

[41] «Известия», 22 мая 1924 года.
[42] R. H. Akagi. Указ. соч., стр. 423.
[43] См. «Известия», 1 июля 1924 года
[44] АВП СССР, ф. 0146, д. 65, л. 31.
[45] Иошизава Кенкити. Гайко рокудзюнен (60 лет дипломатической работы). Токио. 1958, стр. 74—78.
[46] АВП СССР, ф. 0146, д. 61, лл. 61—65.

вить японским промышленникам концессии на эксплуатацию 60% известных ей нефтеносных полей Северного Сахалина, а также концессии на добычу угля в том же районе. Советская делегация отвергла этот проект и предложила японской стороне концессии на эксплуатацию 40% нефтеносных полей и на угольные копи в районе Дуэ с отчислением в пользу СССР за использование концессий определенного процента добычи нефти (от 10 до 15%) и угля (от 5 до 12%) [47].

Предлагавшийся японской стороной проект дополнительной ноты содержал требование, чтобы Советское правительство выразило сожаление по поводу инцидента в Николаевске. Протоколом «А» предусматривался полный вывод японских войск в течение определенного срока с Северного Сахалина. Однако вопрос об эвакуации военных сил Японии в значительной степени связывался с урегулированием вопроса о долгах царского и Временного правительств [48]. Советский вариант протокола «А» оговаривал двухнедельный срок со дня вступления в силу протокола для вывода японских войск с Северного Сахалина. На эвакуированной территории немедленно восстанавливалась власть правительства СССР. Советский контрпроект предусматривал также обмен нотами, в которых высказывались бы сожаления со стороны СССР о событиях в Николаевске, а со стороны Японии — о поведении японских войск в Сибири [49].

В 1918 г., во время гражданской войны, Румыния оккупировала советскую территорию — Бессарабию. Послы четырех держав (Англии, Франции, Японии и Румынии) в 1921 г. подписали протокол о признании Бессарабии частью Румынии. Япония не ратифицировала этот протокол. Советские представители предложили японскому правительству сделать заявление, что оно и в дальнейшем не ратифицирует протокола [50].

Л. М. Карахан предупредил японского представителя, что советский контрпроект является последним решением правительства СССР и в случае несогласия Японии переговоры будут прерваны. Советское правительство допускало редакционные изменения некоторых статей и было готово обсудить вопрос о проценте отчислений в пользу Советского Союза с нефтяных и угольных концессий.

Военщина, а также монополистические круги, тесно связанные с англо-американским капиталом, выступали против соглашения с СССР, настаивали на принятии невыгодных для Советского государства требований, стремились сорвать переговоры путем организации различных конфликтов. Во время переговоров японские военные суда нарушали советские территориальные воды и заходили в дальневосточные порты, не соблюдая правил, установленных международным морским правом [51]. Это было определенной формой нажима на СССР. Однако Советское правительство заявило Японии решительный протест и твердо стояло на своих позициях.

Затягивая переговоры, японские правящие круги надеялись на то, что внешнеполитическое положение Советского Союза осложнится в связи с попытками США и Франции сорвать советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г. и взять под свой контроль управление КВЖД. Вскоре, однако, выяснилась беспочвенность расчетов Японии. В сентябре 1924 г. было достигнуто соглашение между СССР и маньчжурскими властями об установлении совместного управления на КВЖД, и оно успешно осуществлялось. Серьезный удар по планам японских правящих кругов нанесло развитие национально-освободительной борьбы в Китае, провозглашение Монгольской Народной Республики и провал английской авантюры в Синьцзяне.

[47] Там же, лл. 82—83.
[48] Там же, лл. 66—67.
[49] Там же, лл. 88, 92.
[50] Там же, лл. 89—91.
[51] Там же, д. 65, л. 31; д. 50, л. 52.

После урегулирования советско-китайских отношений КВЖД вновь стала важнейшим звеном трансконтинентального пути, соединяющего по кратчайшему расстоянию порты Балтийского и Японского морей. Японское правительство сознавало, что от позиции СССР во многом зависели перевозка продуктов Восточной Азии в Европу и снабжение Японии продукцией европейской промышленности, а также сырьем из Синьцзяна, Монголии и СССР. Без восстановления нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом Япония не могла надеяться на использование КВЖД и Транссибирской железной дороги для провоза промышленной продукции и сырья из Европы в случае конфликта с США.

Серьезное влияние на позицию Японии оказала также гибкая советская политика в отношении концессий на Сахалине. Американская компания «Синклер ойл корпорейшн» еще в 1920 г. предложила РСФСР заключить с нею соглашение о нефтяной концессии на Сахалине. Договор (сроком на 36 лет) был утвержден СНК РСФСР в начале 1923 года [52]. Это встревожило японское правительство, которое опасалось, что ему придется уступить США нефтеносные участки на Северном Сахалине. Посредством же советско-японского соглашения Япония надеялась закрепить свои позиции в этом районе.

Японские рыбопромышленники не были удовлетворены временным характером соглашений по рыболовным вопросам. Рыболовные компании настаивали на заключении общеполитического японо-советского соглашения, на базе которого было возможно стабильное урегулирование рыболовной проблемы.

Все эти обстоятельства, а также твердость позиции советской дипломатии заставили Японию пойти на уступки в ходе переговоров, в частности в вопросах об эвакуации Сахалина и о нефтяных концессиях [53].

Советско-японские переговоры завершились подписанием 20 января 1925 г. советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений [54].

Не имея в тот период возможности ликвидировать последствия поражения царской России в русско-японской войне, Советское правительство вынуждено было признать действенность несправедливого Портсмутского договора, в частности статей, оставлявших за Японией исконную русскую землю — Южный Сахалин. При подписании конвенции была оглашена специальная декларация со следующей оговоркой: «Признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение сказанного договора» [55].

Декларация свидетельствовала о том, что признание договора носило временный характер, и советский народ надеялся на отмену в будущем его тяжелых и несправедливых условий. Соглашаясь подтвердить Портсмутский договор, Советское правительство имело в виду то обстоятельство, что в то время ряд положений договора мог служить укреплению мира на Дальнем Востоке. К таким положениям относились: запрещение содержания японских войск на территории Маньчжурии и признание суверенитета Китая над ней; запрещение строительства военных укреплений и любых военных сооружений на Сахалине и на прилегающих к нему островах; запрещение принятия военных мер, могущих препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперуза и Татарском; обязательство России и Японии воздерживаться «от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопас-

[52] «Известия», 27 и 28 января 1923 года.
[53] АВП СССР, ф. 0146, д. 61, лл. 114—117.
[54] «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. III. М. 1945, стр. 3 и сл.
[55] Там же, стр. 8.

ности русской или корейской территории»; обязательство России и Японии эксплуатировать «принадлежащие им Маньчжурские железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных и никоим образом не в целях стратегических» [56].

По условиям конвенции 1925 г., обе стороны обязывались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела, воздерживаться от всякой, открытой или скрытой, враждебной деятельности друг против друга. Специально говорилось о пересмотре в дальнейшем рыболовной конвенции 1907 г. с учетом тех перемен, которые могли иметь место в общих условиях. Конвенция 1925 г. предусматривала заключение договора о торговле и мореплавании на принципах свободы въезда, передвижения, права частной собственности и свободы заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и другими мирными занятиями в соответствии с законами страны.

Правительство СССР заявляло о готовности предоставить японским подданным концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств. Привлечение японского капитала позволяло Советскому правительству ускорить восстановление хозяйства Дальнего Востока, разрушенного интервентами и белогвардейцами.

Согласно протоколу «А», приложенному к конвенции, все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам оставлялись для разрешения на последующих переговорах. Японское правительство обязывалось полностью вывести войска с Северного Сахалина.

Протокол «В» был специально посвящен вопросу о концессиях и предусматривал предоставление японским подданным концессий на эксплуатацию 50% известных Японии нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Советское правительство разрешало произвести в срок от 5 до 10 лет разведку нефтяных месторождений на площади в 1 тыс. кв. км и 50% этих месторождений, в случае их обнаружения, передать в концессию японским подданным. Предоставлялись концессии и на угольные месторождения. В пользу СССР должно было отчисляться от 5 до 8% валовой добычи угля и от 5 до 15% валовой добычи нефти [57].

Заключение советско-японской конвенции завершило важный этап борьбы СССР за нормализацию отношений с главными капиталистическими странами. Планы создания единого антисоветского фронта для организации новой интервенции против Советского Союза были сорваны. Соглашение вызвало большое недовольство правящих кругов США и западноевропейских держав, опасавшихся советско-японского сближения.

Агрессивные японские круги откровенно высказывали недовольство соглашением. В печати и с трибуны парламента они заявляли, что «переговоры представляют собой поражение японской дипломатии» [58].

Однако среди широких кругов японской общественности преобладал реалистический подход к вопросу. Редакция известного японского журнала «Тойо» опросила общественных и политических деятелей Японии по поводу заключения советско-японского соглашения. В большинстве ответов красной нитью проходила мысль, что заключение соглашения улучшило и международное и экономическое положение Японии [59], вывело ее из состояния международной политической изоляции и создало условия для широкого политического и экономического сотрудничества с СССР.

Лозунг советско-японского сближения встретил горячую поддержку трудящихся масс и передовой интеллигенции Японии. Общество русско-

[56] «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока». СПБ. 1915, стр. 741—753.

[57] «Внешняя политика СССР». Т. III, стр. 5—7.

[58] «Вестник Маньчжурии», 1926, № 1—2, стр. 28.

[59] Там же, стр. 17.

японской дружбы организовало в начале февраля митинг в Токио, на котором присутствовали члены парламента, многочисленные представители трудящихся, профессора, студенты [60]. Пребывание в сентябре 1925 г. в Японии делегации советских рабочих, приехавших по приглашению японских профсоюзов, вылилось в мощную демонстрацию симпатий японского трудового народа к СССР.

Конвенция с Японией явилась серьезным успехом советской дипломатии. Империалистические расчеты японских правящих кругов добиться существенных материальных и политических выгод в ущерб интересам Советского государства были сорваны твердой и в то же время гибкой политикой Советского правительства. Конвенция укрепила позиции СССР — великой тихоокеанской державы, определила основы взаимоотношений двух государств и способствовала стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. Советское правительство стремилось к тому, чтобы отношения СССР и Японии строились на принципе мирного сосуществования, были добрососедскими и исключали какие-либо агрессивные действия со стороны японских милитаристов.

Советско-японская конвенция регулировала отношения между двумя странами в течение двадцати лет. Она открыла возможности для широкого развития экономических, культурных и политических связей между двумя странами. Однако японские правящие круги не использовали их. Вместо укрепления добрососедских отношений, развития взаимовыгодной торговли, экономического и культурного сотрудничества японские правящие круги встали на путь агрессии. Совершив в 1938 г. открытое нападение на советскую территорию, а в 1939 г.— на союзную нам МНР, Япония вступила затем в военный блок с фашистскими государствами — Германией и Италией. Несмотря на пакт о нейтралитете, подписанный в 1941 г., Япония не прекратила подготовку к войне против Советского Союза, непрестанно создавала пограничные инциденты, мешала советскому судоходству на Дальнем Востоке. Японские правители помогали фашистской Германии вести войну против СССР, превратили пакт в клочок бумаги, фактически ликвидировали его.

В августе 1945 г. в целях прекращения мировой войны и ликвидации постоянной угрозы своим границам на Дальнем Востоке Советский Союз вступил в войну против Японии. Военный разгром похоронил бредовые планы японских империалистических кругов о подчинении себе Азии, и в том числе Советского Дальнего Востока. Опыт взаимоотношений двух стран свидетельствует о том, что путь вооруженной интервенции и агрессии, к которым не раз прибегали японские милитаристы, ведет лишь к самым роковым последствиям.

По инициативе СССР в 1955 г. с Японией были начаты переговоры о восстановлении дипломатических отношений и заключении мирного договора. Они показали, что Советский Союз стремится к созданию духа сотрудничества и взаимопонимания в отношениях между двумя странами. Конструктивная позиция СССР привела к подписанию в октябре 1956 г. декларации о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений. Однако до сих пор мирный договор еще не подписан. Предложения Советского Союза о переговорах не встречают положительной реакции со стороны японских правящих кругов.

Японский народ хочет прочного мира и безопасности, процветания своей страны, развития ее экономики. Опыт истории говорит о том, что эти задачи могут быть решены на путях проведения независимой, нейтральной политики, развития дружественных связей Японии с СССР и КНР.

[60] «Известия», 18 февраля 1925 года.

Рецензии

История СССР

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ

В истории вообще, в истории международных отношений в частности бывают такие события, которые, как вехи, знаменуют собою новые этапы. Таким поистине историческим событием современности явилась поездка Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки с великой миссией мира и дружбы.

За последнее время ничто так не волновало мировую общественность, как замечательные итоги пребывания Н. С. Хрущева в Америке, его беседы с президентом Д. Эйзенхауэром и другими государственными деятелями США, встречи с простыми американцами, выступление Никиты Сергеевича на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, где им было внесено от имени Правительства СССР предложение о всеобщем и полном разоружении.

Документы и материалы, связанные с поездкой Н. С. Хрущева, собраны в книге «Жить в мире и дружбе!» [1]. Выход в свет этой книги встречен с огромным интересом не только в нашей стране, но и во всем мире. Книгу с большим вниманием читают миллионы людей. Ее материалы свидетельствуют о величайших преимуществах социалистической системы перед капиталистической, о неуклонном стремлении советского народа к миру, о торжестве внешней политики Советского Союза, направленной на ослабление международной напряженности и обеспечение мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Положительные результаты поездки Н. С. Хрущева в США сейчас сказываются на всей международной обстановке. Старым догмам поджигателей войны нанесено серьезное поражение. Несостоятельность пресловутой политики «с позиции силы» стала еще более очевидной. В международных отношениях наступило потепление, и в сердца людей вселилась уверенность, что лед «холодной войны» будет растоплен и дело мира победит. Однако в капиталистическом мире есть силы, которым такой ход событий явно не по душе. Вот почему реакционная буржуазная пропаганда прилагает ныне большие старания к тому, чтобы преуменьшить значение визита Н. С. Хрущева в США, извратить и опорочить миролюбивую политику СССР и других социалистических государств, принизить достижения социалистической системы и приукрасить положение дел в капиталистическом мире. Но тщетны усилия врагов мира.

В ярких и образных речах, задушевных беседах, просто и доходчиво рассказывал Н. С. Хрущев во время поездки по США о растущем могуществе миролюбивого Советского государства, об исторических победах нашего народа в строительстве социализма, о его успехах и перспективах в борьбе за построение коммунистического общества, о внешней политике СССР и всех стран лагеря социализма.

Откровенные заявления и горячие призывы Н. С. Хрущева к мирному сосуществованию и дружественному сотрудничеству всех государств и народов, к отказу от попыток решения спорных международ-

[1] «Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15—27 сентября 1959 г.». Госполитиздат. 1959. 446 стр. Тираж 500 000. Цена 6 руб.

ных проблем силой оружия выслушивались простыми американцами, широкими слоями мировой общественности с огромным вниманием и встречали у них живейший отклик.

С большим достоинством и величайшей энергией обосновал и развил Н. С. Хрущев ленинский принцип мирного сосуществования двух систем — социализма и капитализма,— наглядно и убедительно показал последовательность политики Советского Союза в осуществлении этого принципа.

Марксисты-ленинцы исходят из того, что объективный ход общественного развития привел к одновременному существованию на земле двух социально-экономических систем. Мирное сосуществование стало объективной необходимостью современного этапа развития человеческого общества. Как же должны складываться отношения между государствами с различными общественными системами? Отвечая на этот вопрос, Н. С. Хрущев в речи на обеде в Экономическом клубе Нью-Йорка говорил: «Жить в мире, как добрые соседи, или катиться к новой войне — таков выбор, перед которым стоят сейчас и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки, и весь мир» (стр. 141).

Принцип мирного сосуществования, разработанный и провозглашенный великим Лениным, Советское государство проводит с момента своего возникновения. Он нашел воплощение уже в первом декрете Советской власти — декрете о мире. Еще в 1919 г., в разгар иностранной интервенции и гражданской войны, по предложению В. И. Ленина VII Всероссийский съезд Советов принял резолюцию, в которой говорилось, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами [2]. В 1921 г. В. И. Ленин поставил вопрос: «...мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении?» [3]. И ответил на него утвердительно и категорично.

Советское государство, выдвинув и последовательно проводя принцип мирного сосуществования, исходит из реально существующих факторов международной жизни.

Одним из них является потребность капиталистических и социалистических стран в широких экономических, научно-технических и культурных связях, выгодных и полезных для обеих сторон. В. И. Ленин так характеризовал это обстоятельство: «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [4].

Таким образом, экономической основой мирного сосуществования и сотрудничества двух систем служат международные экономические связи, особенно взаимовыгодная торговля. Мирное сосуществование предполагает невмешательство во внутренние дела государств, взаимное уважение суверенитета, отказ от использования силы в международных отношениях.

Ленинский принцип мирного сосуществования нашел свое дальнейшее развитие в решениях XX и XXI съездов КПСС.

Величайшее значение имеет сделанный XX съездом КПСС вывод о том, что в современных условиях нет больше фатальной неизбежности войны. Этот вывод, как отмечалось на XXI съезде партии, полностью подтвердился. Сейчас есть все возможности избавить человечество от мировых войн, исключить войну из жизни общества, решать спорные международные вопросы только путем переговоров. Эту политику Коммунистической партии и Советского правительства разделяют и поддерживают все люди доброй воли.

Настойчиво и терпеливо разъяснял Н. С. Хрущев своим американским слушателям ленинские положения, которыми руководствуются Коммунистическая партия и Советское правительство во внешней политике. И его правдивые слова доходили до сердец простых людей Америки, до всех, кто не одобряет враждебную деятельность сторонников милитаризации и политики «холодной войны». Он многократно подчеркивал, что в Советском Союзе нет классов и групп, заинтересованных в войне и гонке вооружений. Народам социалистических стран чужда политика территориальных захватов, они хотят жить в мире со всеми другими народами, чтобы строить социализм, коммунизм — светлое будущее человечества. Все население социалистических стран знает, что социализм, безуслов-

[2] См. «7 Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Стенографический отчет. М. 1920, стр. 46.

[3] В. И. Ленин. Соч. т. 33, стр. 126.

[4] Там же, стр. 129.

но, победит капитализм в мирном соревновании, ибо он представляет собой более прогрессивный социально-экономический строй, открывающий неисчерпаемые возможности для улучшения условий материальной и духовной жизни людей.

Характеризуя проводимую Советским Союзом политику невмешательства во внутренние дела других государств, призывая к мирному соревнованию двух систем, к отказу от войны как средства разрешения споров, Н. С. Хрущев, обращаясь к своим американским слушателям, говорил: «Вам, господа, нравится ваш капиталистический строй. Мы очень любим свой социалистический строй, который создан нашим народом. Вы говорите, что ваш строй лучше. Ну и живите с таким мнением, пока не убедитесь в обратном. Мы вам искренне говорим, что социалистический строй лучше. Он создает лучшие условия для развития производительных сил и, следовательно, может больше содействовать расцвету экономики и культуры. Вы пока не признаете этого, хотя преимущества социализма хорошо продемонстрированы на примере Советского Союза и других стран. Разные взгляды на общественный строй не должны мешать нам сотрудничать. Вам нравится капитализм, ну что же, бог с вами, живите при капитализме, продолжайте ехать на своем старом коне. А мы на новом, свежем, социалистическом коне, и нам будет легче догнать и перегнать вас. Но это вопрос экономического соревнования двух систем. Если мы станем на путь мирного соревнования, то от этого выиграют все народы, так как между государствами не будет войн, не будет литься кровь людей» (стр. 333).

Мирно сосуществовать — это значит уважать суверенитет и независимость каждого государства, соблюдать равноправие народов, расширять взаимовыгодную торговлю, научные и культурные связи, с одной стороны, вести борьбу против агрессии, за разоружение, за разрядку международной напряженности, за ликвидацию «холодной войны» — с другой. «Принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем,— говорил Н. С. Хрущев на III сессии Верховного Совета СССР,— означает невмешательство во внутренние дела, необходимость взаимных уступок, компромиссов, если хотите, приспособления обеих сторон в области межгосударственных отношений при решении назревших практических вопросов в интересах сохранения и упрочения мира» [5].

Примером подобного рода отношений могут служить отношения, которые существовали между народами англо-советско-американской антифашистской коалиции во время второй мировой войны. Именно такие отношения между государствами с различными социальными системами и создали необходимые условия для победы свободолюбивых народов над фашистскими поработителями. Признавая это несомненное положение, Уинстон Черчилль заявлял: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намереваются ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов» [6]. Вполне естественно, что если подобные отношения существовали в военное время, то они могут иметь место и в современных условиях.

Тем не менее в наши дни реакционные империалистические круги усиленно пытаются использовать мирное сосуществование для сглаживания идеологической борьбы между буржуазным и коммунистическим мировоззрениями. Они пропагандируют тезис о том, что принципу мирного сосуществования якобы должно сопутствовать признание «вечности капиталистической системы», желая тем самым получить какие-то уступки от социалистической идеологии.

В вопросах идеологии нет и не может быть никаких компромиссов. Идеологическая борьба между социализмом и капитализмом — это борьба классовая. Ни о каком примирении буржуазной и коммунистической идеологий не может быть и речи. «В вопросах идеологии,— говорил Н. С. Хрущев,— мы твердо стояли и будем стоять, как скала, на основе марксизма-ленинизма. Идеологические вопросы нельзя решать силой, нельзя идеологию, господствующую в одном государстве, навязывать другому государству. Никто из здра-

---

[5] Н. С. Хрущев. О международном положении и внешней политике Советского Союза. Доклад на Третьей сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 г. Госполитиздат. 1959, стр. 10.

[6] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I. Госполитиздат. 1957, стр. 33.

вомыслящих людей никогда не признавал, что идеологические споры или вопросы о государственном устройстве тех или иных стран должны решаться войной» [7].

Мирное сосуществование, разумеется, не означает отказа от идеологической борьбы, от соревнования в области экономики и культуры. Оно исключает защиту идей и взглядов силой оружия.

Одной из важнейших проблем современности, привлекающей внимание всего человечества, является разоружение, уничтожение оружия массового истребления людей.

Советское правительство неоднократно выступало с реально осуществимыми предложениями по вопросам разоружения. Во время пребывания в США Н. С. Хрущев 18 сентября 1959 г. выступил на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций с развернутой программой обеспечения прочного мира. Помещенные в книге речь Н. С. Хрущева и Декларация Советского правительства о всеобщем и полном разоружении были с воодушевлением восприняты всеми народами как документы поистине исторического значения.

Радикальное решение проблемы разоружения, к чему зовет Советский Союз,— это та абсолютная гарантия международной безопасности, которой так жаждут простые люди всего земного шара. От того, удастся ли найти правильное решение этой проблемы, будет во многом зависеть, куда пойдет человечество — к войне, с ее катастрофическими последствиями, или восторжествует дело мира.

Н. С. Хрущев обратил внимание на то, что еще никогда гонка вооружений не велась в таких масштабах и такими темпами, как это делается сегодня, и указал на огромную опасность, которую она таит в наш век атома, электроники и покорения космоса. Сейчас только две — три великие державы, владеющие ядерным оружием, обладают такими средствами разрушения, по сравнению с которыми общая мощь всего оружия, которым располагало человечество в прошлом, составляет лишь ничтожную долю. И все же гонка вооружения продолжается. В военные приготовления вовлечена масса людей. Более 100 млн. человек вместе с вооруженными силами различных государств составляют контингент, обслуживающий армии и занимающийся производством вооружений. Гонка вооружений ложится тяжелым бременем на плечи трудового народа. Ежегодные военные расходы всех государств составляют примерно 100 млрд. долларов. «Не пора ли покончить с этой безумной растратой народных средств, народной энергии на цели подготовки войны и разрушений»,—заявил Н. С. Хрущев (стр. 168).

Многократные выступления Советского правительства с конкретными предложениями, направленными на прекращение гонки вооружений, наталкивались на противодействие реакционных кругов западных держав. Четырнадцать лет в ООН, также на различных международных совещаниях обсуждается эта проблема. Однако до сих пор не достигнуто никаких практических результатов. Но в наши дни это дело не терпит отлагательства.

«Советское правительство,— заявил Н. С. Хрущев,— всесторонне рассмотрев создавшуюся ситуацию, пришло к твердому убеждению, что выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения. При таком подходе полностью устраняется возможность создания каких-либо военных преимуществ для тех или иных государств. Именно всеобщее и полное разоружение устранит все преграды, выдвигавшиеся при рассмотрении вопросов частичного разоружения, и расчистит путь к установлению всеобъемлющего, полного контроля» (стр. 172).

Внесенная в ООН Н. С. Хрущевым Декларация Советского правительства предусматривает роспуск всех вооруженных сил и запрещение их восстановления в любой форме; уничтожение всех видов военной техники, вооружений и боевых запасов; полное запрещение ядерного оружия и ликвидацию его запасов; полное прекращение производства и уничтожение всех видов ракетного оружия, включая космические ракеты военного назначения; запрещение средств химической и бактериологической войны и уничтожение запасов этих видов оружия; ликвидацию военных баз на чужих территориях и всех установок для запуска ракет; отмену военной службы в любых формах и обучения военному делу, упразднение военных министерств.

Предложенная Советским правительством программа разоружения продиктована единственным желанием — обеспечить

[7] Н. С. Хрущев. О международном положении и внешней политике Советского Союза, стр. 9.

действительно вечный мир на земном шаре. Эту программу с большим энтузиазмом восприняли народы всех стран, к ней серьезно относятся и наиболее дальновидные политики капиталистических государств. Только тем, кто заинтересован в гонке вооружений и продолжении «холодной войны», программа полного и всеобщего разоружения пришлась не по вкусу. Но мнение недругов мира не есть мнение всей международной общественности. Народы не хотят войны, и они приветствуют инициативу Советского Союза.

Американский народ впервые в истории встречал на своей земле главу Советского правительства. И всюду, где бы он ни был — в Вашингтоне и Нью-Йорке, в Лос-Анжелосе и Сан-Франциско, в Де-Мойне и Питтсбурге,— миролюбивые люди, составляющие большинство населения США, тепло и сердечно приветствовали Н. С. Хрущева. Десятки и сотни тысяч жителей в каждом из этих городов выходили на улицы, оказывая радушный и теплый прием высокому гостю из Советского Союза.

Вступив на американскую землю, Н. С. Хрущев на аэродроме Эндрюс заявил: «Мы приехали к вам с открытой душой и добрыми намерениями. Советский народ хочет жить в мире и дружбе с американским народом» (стр. 49). Развивая эту мысль, Н. С. Хрущев на другой день своего приезда при встрече с журналистами в Национальном клубе печати в Вашингтоне сказал: «Мы привезли чувства дружбы к американскому народу и искреннее желание добиться улучшения взаимоотношений между нашими странами, укрепления мира во всем мире. Это главная цель нашего визита» (стр. 65).

Беседы Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева и президента США Д. Эйзенхауэра в Белом доме и в Кэмп Дэвиде были посвящены ряду насущных международных проблем. Обмен мнениями между главами правительств двух великих держав проходил в благоприятной обстановке и выявил во многом общее понимание необходимости улучшения советско-американских отношений.

Главный итог обмена мнениями между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром был выражен в совместном советско-американском коммюнике, с одобрением воспринятом каждым, кто искренне стремится к миру. В нем главы правительств СССР и США заявили, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами, путем переговоров.

В коммюнике отмечалось: «Председатель Совета Министров СССР и Президент Соединенных Штатов согласились, что вопрос о всеобщем разоружении является самым важным вопросом, который стоит перед миром в настоящее время. Оба правительства приложат все усилия к достижению конструктивного решения этой проблемы» (стр. 362).

При встрече глав правительств обсуждались и другие назревшие международные проблемы, среди которых первостепенное место занимает вопрос о ликвидации остатков второй мировой войны. Обе стороны высказались за безотлагательное возобновление переговоров по берлинскому вопросу «с целью достижения решения, которое будет соответствовать интересам всех заинтересованных сторон и интересам поддержания мира» (стр. 363).

Силы, стремящиеся к миру, сосредоточивают свое внимание на том, чтобы берлинский вопрос, являющийся одним из главных источников международной напряженности, был решен без затяжки с целью нормализации положения в Германии и упрочения европейской безопасности.

Отмечая значение состоявшегося обмена мнениями, Н. С. Хрущев в послании президенту США Д. Эйзенхауэру писал: «Обмен мнениями между нами по наиболее важным международным проблемам и по вопросам советско-американских отношений показал, что все более берет верх стремление предпринять необходимые усилия в целях ликвидации «холодной войны», создания обстановки доверия и взаимопонимания между нашими странами. Наши встречи несомненно будут содействовать разрядке международной напряженности, упрочению дела всеобщего мира» (стр. 393).

Результаты визита Н. С. Хрущева свидетельствуют о том, что идея мирного сосуществования государств с различным общественным строем, неуклонно и последовательно проводимая Советским Союзом и другими социалистическими государствами, все настойчивее пробивает себе дорогу к сознанию миллионов людей.

К книге «Жить в мире и дружбе!» тесно примыкает другая работа — «Лицом к лицу с Америкой». Она представляет собой яркий публицистический рассказ о поездке Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, написанный очевидцами и участниками этого исторического визита:

А. Аджубеем, Н. Грибачевым, Г. Жуковым, Л. Ильичевым, В. Лебедевым, Е. Литошко, В. Матвеевым, В. Орловым, П. Сатюковым, О. Трояновским, А. Шевченко, Г. Шуйским.

Во вступлении к книге авторы пишут: «Нам, группе советских писателей и журналистов, посчастливилось сопровождать главу Советского правительства в его поездке по Соединенным Штатам Америки. Мы были непосредственными очевидцами встреч Н. С. Хрущева с государственными деятелями, сенаторами, профсоюзными лидерами, представителями деловых кругов и простыми американцами. Мы наблюдали картины задушевных бесед с рабочими и острой идейной полемики с бизнесменами. Мы вели записи всех событий, беседовали с рядовыми американцами, изучали материалы о США и так называемый американский образ жизни, собирали факты, делали выводы. Для нас было непременным правилом — стоять на почве фактов. Мы не сходили с этой почвы» (стр. 6).

Писатели и журналисты повествуют в этой книге о том, как в течение всего двухнедельного пребывания Н. С. Хрущева в США разбуженная Америка встречала, слушала, узнавала. Живые очерковые записи день за днем раскрывают события этого исторического визита. В них рассказывается о теплых встречах Н. С. Хрущева с простыми американцами, о победоносных идеологических битвах Никиты Сергеевича с апологетами и защитниками капитализма.

В книге приводятся выдающиеся по мастерству и силе убеждения высказывания Н. С. Хрущева о великой, неодолимой силе марксизма-ленинизма, коммунистических идеалах, исторических победах советского народа в строительстве самого справедливого общества на земле — коммунистического общества.

Ряд выступлений главы Советского правительства на американской земле ранее не входил в газетные отчеты и в этой книге публикуется впервые. Книга богата зарисовками «американского образа жизни», в ней много интересного об экономике, городах, печати и телевидении США, об американском рабочем движении и т. д. Она имеет многочисленные фотоиллюстрации и рисунки, в том числе из иностранных газет и журналов.

С напряженным вниманием следили за поездкой Н. С. Хрущева советские люди и трудящиеся стран народной демократии. Они горячо одобряют миролюбивую ленинскую внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства и выражают свою глубокую благодарность Никите Сергеевичу Хрущеву за его благородную, самоотверженную борьбу за мир и счастье людей труда.

Простые люди всей земли связывают большие надежды с результатами визита Н. С. Хрущева в США. Они ожидают, что государственная мудрость, проявленная президентом Д. Эйзенхауэром в переговорах с Н. С. Хрущевым по насущным вопросам международных отношений, явится примером для других политических деятелей США и всех капиталистических государств.

Визит Н. С. Хрущева в США войдет в историю как великая миссия мира и дружбы и будет в огромной степени содействовать разрядке международной напряженности, полной ликвидации «холодной войны», укреплению мира на земле на основе принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Книга «Жить в мире и дружбе!» выдвигает ряд важных задач перед работниками идеологического фронта, в том числе перед советскими историками. Документы, собранные в книге, дают для исторической науки материал исключительной важности, мобилизуют ученых на борьбу с фальсификаторами истории, поборниками «холодной войны», врагами мира и дружбы между народами.

Для историков нет другой более важной и почетной задачи, как изучение и обобщение событий нашей великой эпохи.

С. М. Майоров

В. П. ДАНИЛОВ. *Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР.* Ответственный редактор М. П. Ким. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1957. 451 стр. Тираж 2 000. Цена 21 руб. 80 коп.

Исследование развития производительных сил сельского хозяйства СССР накануне перехода к коллективным формам земледелия, освещение борьбы трудящихся под руководством Коммунистической партии за создание условий для социалистического переустройства деревни — одна из важных задач советской исторической науки. Между тем проблема создания материально-технических предпосылок коллективизации до сих пор у нас почти не освещалась. Лишь отдельные ее стороны кратко затрагивались в общих работах по истории сельского хозяйства. Несколько глубже изучался только один аспект данной темы — роль тракторных колонн и МТС. Книга В. П. Данилова — первая крупная работа по истории создания материально-технических предпосылок коллективизации.

Автор широко использовал труды основоположников марксизма-ленинизма по аграрному вопросу, и прежде всего — произведения В. И. Ленина, решения съездов, партийных конференций и пленумов ЦК КПСС. Для освещения политики партии в деревне, главным образом в области развития производительных сил, автор привлек постановления Центрального Комитета и Советского правительства, а также краевых и областных комитетов партии. Среди источников, использованных в рецензируемой книге, большое место занимают официальные материалы к годовым отчетам правительства СССР и РСФСР, документы Госплана, отчетные материалы, доклады и докладные записки, ведомственные распоряжения, стенограммы заседаний, подготовительные документы (обоснования к проектам и т. п.), переписка правительственных органов, а также других организаций и учреждений, частично опубликованные, но главным образом извлеченные из фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства.

Специфической особенностью исследования является широкое использование материалов социально-экономической статистики. Анализу последних отведено большое место во всех разделах книги. Из статистических источников с наибольшей полнотой использованы как опубликованные, так и хранящиеся в архивах материалы ЦСУ и ЦУНХУ Госплана СССР и других органов.

Книгу В. П. Данилова отличает не только широкое использование статистических данных, но и критический подход к ним. Содержащиеся в монографии многочисленные критические замечания по поводу различных статистических источников и комментарии к ним окажут большую услугу исследователю истории советской доколхозной деревни (например, примечания на стр. 26—27, 42, 84, 91, 92, 93—94, 137 и ряд других).

Следует отметить, что часть таблиц, анализируемых в книге, составлена самим автором, причем некоторые из них потребовали сложных расчетов. Таковы, например, таблицы «Количество и состав инвентаря в дореволюционной России по данным переписи 1910 г.» (подсчеты сделаны для территории СССР и РСФСР в границах 1926 г., стр. 404—405) и «Распределение сельскохозяйственных машин и орудий среди крестьянских хозяйств в 1927 г.» (стр. 406).

Автор уделяет большое внимание и живым свидетельствам отдельных явлений и событий, которыми особенно богаты газетные материалы. Этот вид источников он использует, подкрепляя конкретными примерами анализ того или иного процесса.

Наличие большого фактического материала, тщательность его исследования, обоснованность обобщений и выводов являются положительными сторонами монографии.

Во введении к книге подчеркивается, что коллективизация была подготовлена всем ходом экономического развития нашей страны, многолетней работой партии и Советского государства по созданию материальных, организационных и идейно-политических предпосылок реконструкции сельского хозяйства. В. П. Данилов правильно указывает, что социалистическое преобразование деревни явилось закономерным революционным переворотом, обусловленным необходимостью заменить старые производственные отношения в сельском хозяйстве новыми, социалистическими. В связи с этим автор дает критико-историографиче-

ский обзор отдельных исследований по истории подготовки коллективизации.

Следует заметить, что при разборе литературы нужно было бы, на наш взгляд, подвергнуть критике антимарксистские работы, изданные в 20-х годах, в частности книги Суханова, Кондратьева, Чаянова, Челинцева и других. При этом острие критики следовало бы направить против путаных, антинаучных концепций в таких вопросах, как природа крестьянского хозяйства в советских условиях, классовое расслоение крестьянства и др.

Понятие «материально-технические предпосылки коллективизации» В. П. Данилов определяет как «совокупность элементов новых средств производства, совокупность новых орудий труда, накопленных в сельском хозяйстве за время подготовки массового колхозного движения» (стр. 4).

Прежде всего автор ставит перед собой задачу исследовать состояние и развитие производительных сил сельского хозяйства в целом (стр. 5).

Второй аспект темы — выяснение неразрывной связи и взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Анализ экономической политики Коммунистической партии и Советского правительства, организация и развитие конкретных форм и средств подготовки материально-технических предпосылок коллективизации, регулирование социальных процессов в деревне — третья задача исследования (стр. 5, 28).

Наконец, четвертая проблема, которая рассматривается в рецензируемой книге,— развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства СССР в 1926—1929 годах.

В первой главе В. П. Данилов рассматривает восстановление и развитие производительных сил сельского хозяйства, показывает социально-экономические отношения в деревне в годы нэпа.

Раскрывая процесс становления нового строя в деревне, автор отмечает, что социалистическое преобразование сельского хозяйства, перевод его на новую материально-техническую базу являлись одними из главных задач хозяйственного строительства в нашей стране после установления Советской власти. Автор справедливо подчеркивает, что основные предпосылки для развития нового строя в деревне, так же как и в городе, создала Великая Октябрьская социалистическая революция.

В книге обстоятельно анализируются итоги аграрной революции, четко освещается вопрос о значении национализации земли. В первой главе убедительно показано, как в связи с ликвидацией частной собственности на землю создались благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства. Огромные средства, которые раньше затрачивались на приобретение и аренду земли, после Октябрьской революции были обращены на расширение и улучшение хозяйства, на развитие его производительных сил.

В. П. Данилов подвергает в своей книге сомнению имеющие место в нашей литературе преувеличения степени измельчения крестьянских хозяйств после Октябрьской революции. До сих пор считалось, что число крестьянских хозяйств в нашей стране увеличилось с 16 млн. (довоенное время) до 25 млн. (1927—1928 гг.) — рост действительно колоссальный. В. П. Данилов опроверг эти взгляды. Тщательно изучив источники, он показал, что уже к 1916 г. в России число крестьянских хозяйств превысило 21 миллион. Следовательно, после 1917 г. «масштабы дробления крестьянских хозяйств не были катастрофическими, а главное, вредные последствия этого процесса решительно перекрывались влиянием Октябрьской революции на развитие сельскохозяйственного производства», в частности резким увеличением крестьянского землепользования (стр. 26—27).

Анализируя развитие материально-технической базы сельского хозяйства за период от Октябрьской революции до перехода к сплошной коллективизации, автор делает ряд важных наблюдений: о соотношении основных элементов производительных сил (в частности о возникновении к началу нэпа диспропорции между количеством земли, переданной Советской властью крестьянству, и количеством рабочего скота, оставшегося у него после войны и голода), об изменениях в обеспеченности крестьянских хозяйств орудиями и машинами, о господстве ручного труда в сельском хозяйстве и уровне его производительности, о технической базе колхозов и совхозов.

Большой интерес представляет анализ издержек производства, произведенный по данным специального обследования бюджетов крестьянских хозяйств в 1925 году. Оказывается, среди издержек единоличного крестьянского хозяйства преобладающее место занимали затраты рабочей силы: по

яровой пшенице — 57,2%, по ржи — 58,2%, ячменю — 60,7%, картофелю — 57,0%, подсолнуху — 67,3%, льну — 75,3% и т. д. (стр. 38). Эти данные свидетельствуют, что мелкое крестьянское хозяйство базировалось главным образом на применении ручного труда. Не удивительно, что в сельском хозяйстве один день человеческого труда давал валовой продукции всего на 1 руб. 53 коп., в то время как в промышленности — на 18 руб. 36 коп. (стр. 41).

Эти данные наглядно показывают, насколько остро стояла перед партией и страной задача перевода сельского хозяйства на новую техническую базу.

Рассматривая общие показатели развития сельскохозяйственного производства до перехода к коллективизации, автор отмечает, что «сельское хозяйство в двадцатых годах отнюдь не находилось в состоянии деградации или хотя бы застоя» (стр. 93). Однако темпы его развития намного отставали от темпов роста промышленности. Это создавало реальную угрозу срыва индустриализации страны.

Главной причиной отставания сельского хозяйства от запросов социалистического строительства являлось то, что оно основывалось на мелком, распыленном производстве, которое не было способно использовать новейшую технику.

Специальный параграф книги посвящен социально-экономическим отношениям в доколхозной деревне. В этом параграфе анализируются изменения в распределении средств сельскохозяйственного производства среди крестьянства и те отношения, которые складывались непосредственно на почве этого распределения: сдача и наем живого и мертвого инвентаря, аренда земли и эксплуатация наемного труда. Привлекая обширный статистический материал, автор раскрывает основные особенности процесса социальной дифференциации крестьянства в условиях нэпа. В книге подчеркивается, что главным фактором расслоения крестьянства стало не распределение земли, как это было до Октябрьской революции, а распределение других средств производства (рабочего скота и инвентаря) и торговля (стр. 50—55, 58—62). Вместе с тем своеобразие классового расслоения деревни состояло в том, что в результате этого процесса количество середняцких хозяйств не сокращалось, а возрастало. В 1927 г. середняки составляли 62,7% всех крестьян, тогда как до революции их насчитывалось всего 20% (стр. 77).

Особенности социального развития доколхозной деревни заключались не только в осереднячивании крестьянства. В деревне происходил и другой важный процесс: зарождались и развивались новые, социалистические формы хозяйства — совхозы и колхозы.

Автор прослеживает первые шаги колхозного движения. Характеризуя материально-техническую базу первых колхозов, он отмечает, что производство там основывалось на ручном труде, применялись преимущественно простейшие сельскохозяйственные орудия, бывшие прежде в употреблении единоличников. Но и простое сложение крестьянского инвентаря, как видно из приводимых автором фактов, показывало широким крестьянским массам преимущества коллективного хозяйства перед индивидуальным.

Автор приводит немало интересных данных о росте общественного хозяйства колхозов, в частности о степени обобществления средств производства, которая является важнейшим качественным показателем колхозного движения. Однако качественная сторона этого движения определяется и размерами неделимых фондов. К сожалению, этот вопрос в книге В. П. Данилова не получил отражения. Между тем в течение года, с 1 июня 1928 по 1 июня 1929 г., размер неделимых фондов значительно возрос. По СССР рост составил 240%, а по РСФСР — 219% [1]. Изучение этого вопроса позволило бы автору полнее проследить качественные изменения, происходившие в колхозах накануне массовой коллективизации, показать процесс расширенного воспроизводства, означавший непрерывный рост общественного продукта, укрепление социалистической собственности на средства производства.

Во второй и третьей главах книги освещаются история внедрения в сельское хозяйство СССР машинной техники, борьба за создание новой материально-технической базы в деревне в период 1926—1929 годов. Несомненный интерес представляют собранные в главе сведения о развитии сельскохозяйственного машиностроения. За два года непосредственной подготовки коллективизации продукция этой отрасли промышленности почти удвоилась. В денежном выражении она достигла суммы в 196 млн. руб. (в 3,5 раза больше, чем в довоенной России). В 1929 г. было про-

[1] «Колхозы в 1929 году». Статистические материалы. М. 1931, стр. XXI.

изведено 1 683 тыс. плугов, 672 тыс. борон, около 100 тыс. сеялок, свыше 300 тыс. жаток и косилок, свыше 173 тыс. молотилок Индустриализация страны, как отмечает автор, создала возможность для осуществления в ходе коллективизации и в последующие годы технического перевооружения сельского хозяйства.

В. П. Данилов показал связь коллективов предприятий сельскохозяйственного машиностроения с крестьянами. Интересны факты, характеризующие участие трудящихся крестьян в производственных совещаниях, рабоче-крестьянских конференциях, на которых широко обсуждались вопросы механизации сельского хозяйства (стр. 122—124).

В организации снабжения деревни машинами важную роль сыграла сельскохозяйственная кооперация. В. П. Данилов правильно отмечает, что она явилась центральным звеном в осуществлении ленинского кооперативного плана. В подтверждение этого вывода он приводит яркие данные: «В 1927 г. через кооперативную низовую сеть в РСФСР было продано крестьянам около 65% машин и орудий, реализованных в деревне, а на Украине — до 80%» (стр. 143).

Обстоятельно исследована в книге организация снабжения деревни машинами. Анализируя большой фактический материал, автор решает ряд важных вопросов, к числу которых относятся особенности и закономерности развития рынка орудий сельскохозяйственного производства в переходный период, производственная смычка города и деревни, характер и роль сельскохозяйственной кооперации, роль Советского государства в развитии сельского хозяйства и регулировании социальных процессов в деревне.

Показывая, что снабжение крестьян и колхозов машинами и орудиями осуществлялось (до создания системы МТС) через рынок, путем купли-продажи, автор приходит к следующему выводу: «...рынок на орудия и средства сельскохозяйственного производства в условиях нэпа существенным образом отличался от капиталистического рынка, так как первоначальным собственником машин и орудий являлось Советское государство; оно определяло целевую установку и условия их сбыта. Используя политику цен и кредит, всемерно содействуя развитию кооперации, Советское государство уже в годы восстановительного периода обеспечило поступление основной массы орудий и машин в хозяйства бедняков и середняков, а также в колхозы» (стр. 194, ср. стр. 126—130).

Этот вывод подтверждается анализом конкретного материала. Прослеживая развитие политики цен с начала восстановительного периода, В. П. Данилов рассказывает, как в начале 1924 г., когда промышленное производство еще не достигло уровня 1913 г., Советское государство резко снизило цены на сельскохозяйственные машины и орудия, установив их ниже себестоимости. Только из государственного бюджета на возмещение образовавшихся в связи с этим убытков с 1924 по 1927 г. было отпущено 16,7 млн. рублей. Кроме того, на счету самих предприятий убытки этого рода составили 15,5 млн. рублей. Советское правительство нашло возможным пойти на значительный материальный ущерб ради быстрейшего подъема крестьянского хозяйства (стр. 132—135).

Не менее важную роль в снабжении крестьян машинами и орудиями сыграло кредитование. По подсчетам автора, «за восьмилетний период с момента допущения свободного товарооборота средств сельскохозяйственного производства до перехода к сплошной коллективизации (то есть за 1922/23—1928/29 гг.— *А. Т.*) больше половины машин и орудий было куплено крестьянами за счет средств, полученных в кредит от государства» (стр. 136). В книге показано, что кредитование являлось одним из важнейших рычагов, обеспечивших поступление основной массы машин и орудий в бедняцкие и середняцкие хозяйства, а также в колхозы.

Роль кооперации не ограничивалась тем, что в период подготовки массовой коллективизации она являлась основной машинопроводящей системой. В эти годы кооперация приобрела особое значение и в дальнейшем укреплении союза рабочего класса и трудового крестьянства, в развитии производственных форм смычки между промышленностью и сельским хозяйством.

Не вызывает возражений вывод автора о том, что до создания широкой сети машинно-тракторных станций снабжение машинами являлось основной формой производственной смычки между городом и деревней, охватывавшей самые широкие слои крестьянства и поэтому оказывавшей наибольшее влияние на развитие сельского хозяйства

Кстати отметим, что роль кооперации в развитии производственной смычки между

городом и деревней в нашей исторической литературе иногда освещается неточно. Так, И. В. Загоскина в статье, посвященной контрактации, без какого-либо подкрепления своего вывода фактами утверждала, что кооперация до 1928 г. удовлетворяла «в основном личные потребности крестьянина»[2]. Исследование конкретно-исторического материала позволило В. П. Данилову дать более точную характеристику роли кооперации в укреплении рабоче-крестьянской смычки. В книге правильно подчеркивается, что «с 1921 г., т. е. с момента своего воссоздания, сельскохозяйственная кооперация развивалась как система, специально предназначенная для удовлетворения хозяйственных нужд деревни, как орудие установления и развития производственной смычки между городом и деревней» (стр. 140).

Следует, однако, упрекнуть автора в том, что он, показывая значение кооперации, не уделил должного внимания вопросу о конкретных формах связи между кооперативами и промышленностью.

Интересны выводы автора, сделанные на основе анализа изменений социального состава потребителей машин и орудий. В. П. Данилов показывает, что благодаря огромной материальной помощи крестьянству со стороны Советского государства, сделавшей машину доступной для середняка и даже для бедняка, произошло коренное изменение социального состава крестьянских хозяйств. В дореволюционной России 10% кулацких хозяйств приобретали 70% машин и орудий, а 90% бедняцко-середняцких хозяйств — всего 30%. В РСФСР за 1926/27 г. бедняки приобрели 28,8% машин и орудий, середняки — 52,2%, а кулаки — 19,6% (стр. 128, 156). В последующие годы, когда развернулось наступление на кулачество, удельный вес приобретаемых ими машин и орудий стал еще ниже. «В условиях Советского государства,— формулирует один из своих выводов автор,— машиноснабжение стало одним из основных рычагов осереднячения крестьянства за счет подъема бедняцких хозяйств, поддержки середняцких и ограничения роста кулацких хозяйств» (стр. 195).

В 1928—1929 гг. государство стало снабжать машинами и орудиями главным образом колхозы. Это, как показывает автор, послужило важнейшим стимулом обобществления крестьянских хозяйств, одним из главных условий подъема коллективного производства в деревне.

Большое место в книге отведено исследованию организации кооперативного использования машин и орудий в сельском хозяйстве. Автор прослеживает, в частности, развитие машинных товариществ, показывает, как они строились, какую роль сыграли в подготовке материально-технической базы массовой коллективизации, как Коммунистическая партия, опираясь на широкую сеть местных партийных, советских и кооперативных организаций, направляла развитие простейших производственных объединений по пути постепенного перерастания в колхозы.

Однако мы не можем полностью согласиться с трактовкой В. П. Даниловым вопроса о характере переходных производственных отношений. Автор правильно критикует Г. Е. Глезермана, отрицающего переходные производственные отношения внутри различных социально-экономических укладов того времени. Но сам В. П. Данилов, по нашему мнению, впадает в ошибку, когда подвергает сомнению наличие переходных производственных отношений между рабочим классом и трудящимся крестьянством в период становления социалистического общества (стр. 214). Нам думается, что в этом вопросе прав Г. Е. Глезерман, характеризующий отношения между этими классами как переходные. Производственная смычка рабочих и трудящегося крестьянства — это тоже производственные отношения, в которые оба класса вступают в процессе производства материальных благ.

В подготовке материально-технических предпосылок массовой коллективизации важную роль сыграла организация проката сельскохозяйственных машин и орудий. Этому вопросу посвящен специальный параграф книги, в котором содержится ценный материал об организации проката машин кооперацией, крестьянскими обществами взаимопомощи, совхозами и другими организациями, о росте сети прокатных пунктов и т. д. Прокатные пункты сдавали машины маломощным хозяйствам на льготных условиях, при этом они старались стимулировать развитие общественной обработки земли. На конкретных примерах Се

---

[2] И. В. Загоскина. Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в подготовке массового колхозного движения (1928—1929 гг.). «Исторические записки», № 39, 1952, стр. 4.

верного Кавказа, Сибири, ЦЧО и других областей СССР автор показал роль прокатных пунктов в подъеме бедняцких и середняцких хозяйств, в развитии колхозного движения.

К числу достоинств книги следует отнести освещение руководящей роли рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Автор собрал и проанализировал огромный материал, свидетельствующий о том, что рабочий класс выступил организатором и руководителем движения миллионов трудящихся крестьян за переход на колхозный путь. В. П. Данилов показал, как Коммунистическая партия и Советское государство привлекали рабочий класс к решению важнейших задач социалистического переустройства сельского хозяйства. Весь фактический материал, собранный в рецензируемой книге, убедительно говорит о том, что после XV съезда ВКП(б), в связи с новым курсом хозяйственного строительства в деревне, деятельность рабочего класса все больше подчинялась задаче укрепления производственной смычки рабочих и крестьян, задаче социалистической перестройки деревни.

Последнюю, третью главу В. П. Данилов посвятил вопросу о значении снабжения деревни тракторами в создании материально-технической базы коллективизации. Как и другие главы, она написана на архивных материалах. Автор показал огромную работу партии и Советского государства по обеспечению сельского хозяйства новой техникой. В главе приводится много ценных сведений о том, как накануне коллективизации постепенно накапливались материальные элементы технической базы для социалистической реконструкции сельского хозяйства. В годы подготовки массовой коллективизации родилась новая форма обслуживания тракторами крестьянских хозяйств, сыгравшая важную роль в их переводе на социалистический путь. Речь идет о создании при совхозах тракторных колонн. Последние являлись не просто крупными прокатными пунктами,— они обслуживали лишь определенные общества, организованные на уставных началах, начиная от простейших производственных объединений и кончая сельхозартелями. В этой связи автор правильно отмечает, что нельзя отождествлять роль прокатных пунктов с ролью тракторных колонн, являвшихся одним из важных рычагов в переводе мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного коллективного производства.

С большим интересом читаются страницы книги, посвященные работе первых тракторных отрядов, созданных в 1920—1922 гг., и тракторной колонны, организованной при совхозе имени Т. Г. Шевченко на Одесщине. В отличие от других исследований книга В. П. Данилова освещает и опыт работы тракторных отрядов на хлопковых полях среднеазиатских республик и Казахстана в 1924—1928 годах.

Особая роль в создании материально-технической базы коллективизации принадлежала, как известно, машинно-тракторным станциям. Автор обстоятельно показывает историю их возникновения, приводит много ценных архивных материалов, раскрывающих историческое значение МТС в подготовке массовой коллективизации, на многочисленных ярких примерах воспроизводит картину тех изменений, которые совершались при участии МТС в социально-экономических отношениях в деревне.

Таким образом, перед читателем книги предстает целая сеть опорных пунктов, организованных в 1926—1929 гг., с помощью которых партия подготовила переход к массовой коллективизации.

Следует подчеркнуть, что роль опорных пунктов — МТК, МТС, совхозов, кооперации — была неодинаковой в различных районах нашей страны. В одних местах главное значение имели совхозы, в других — МТС или кооперация. К сожалению, в книге В. П. Данилова не получил достаточного освещения этот вопрос. Между тем более глубокое его изучение позволило бы проследить, как проявлялись общие закономерности социалистического преобразования сельского хозяйства в конкретно-исторических условиях тех или иных районов нашей Родины.

В рецензируемом труде рассматривается еще один важный вопрос из истории колхозного строительства 1926—1929 годов. Речь идет о сосредоточении в то время основных средств сельскохозяйственного производства в руках государства, то есть в МТС. Приводимые автором данные подтверждают то положение, что молодые, экономически слабые в ту пору колхозы не имели возможности покупать тракторы и другую сложную технику. Кроме того, в колхозах не было квалифицированных кадров, способных управлять новыми машинами. Автор правильно указывает, что приобретение техники не окрепшими еще колхозами на первых этапах социалистического строительства затруднило бы рекон-

струкцию сельского хозяйства (стр. 382). Машинно-тракторные станции сыграли тогда важную роль в создании и организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Указав на признаки наметившегося накануне коллективизации перелома в развитии производительных сил сельского хозяйства, автор отмечает, что задача создания новой материально-технической базы должна была решаться непосредственно в ходе сплошной коллективизации. В 1929—1932 гг. социальная и техническая революция в сельском хозяйстве развернулась одновременно как две стороны единого процесса социалистического преобразования деревни (стр. 396). Предпосылками для осуществления коллективизации автор считает быстрый рост на основе индустриализации страны снабжения сельского хозяйства машинами и тракторами, работу широкой сети машинных товариществ и прокатных пунктов, успешное освоение новой техники колхозами и совхозами, наконец, возникновение тракторных колонн и МТС.

В монографии В. П. Данилова, таким образом, содержатся не только ценные обобщения большого конкретного материала: ряд вопросов в ней решается по-новому. Автор создал глубокое и всестороннее исследование, показывающее развитие советской деревни накануне массовой коллективизации.

А. Б. Турсунбаев

И. И. СМИРНОВ. *Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века.* Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1958. 516 стр. Тираж 3 000. Цена 23 руб. 35 коп.

Выход в свет монографии И. И. Смирнова — значительное событие в советской историографии. Это—первое обобщающее исследование одного из важнейших периодов в истории Русского централизованного государства. Ранее печатавшиеся отдельные разделы рецензируемой книги [1] значительно дополнены новыми источниками и литературой, полемикой с историками, не разделяющими некоторые положения И. И. Смирнова. Все это придает и указанным разделам монографии значительный интерес.

В работах советских ученых получил освещение ряд вопросов истории Русского государства 30—50-х годов XVI в.— история крестьянства и феодального землевладения [2], городов и классовой борьбы посадских людей [3], общественной мысли [4], отдельные проблемы политической истории [5]; появились и очерки популярного характера

[1] И. И. Смирнов. Из истории политической борьбы в Русском государстве в 30-х годах XVI в. (Заговор Михаила Глинского 1534 г.). «Ученые записки» Ленинградского университета, № 205. Серия исторических наук, вып. 24. 1956; его же. Мятеж Андрея Старицкого 1537 г. «Исторические записки». Т. 50, 1955; его же. Московское восстание 1547 г. «Вопросы истории», 1953. № 12; его же. Иван Грозный и боярский мятеж 1553 г. «Исторические записки». Т. 43, 1953; его же. Судебник 1550 года. «Исторические записки». Т. 24, 1947; его же. К вопросу о мерах в Московском государстве XVI в. «Ученые записки» Ленинградского университета. Т. 48. Серия исторических наук, вып. 5. 1939.

[2] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М-Л. 1947; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М. 1954; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.-Л. 1951; М. Н. Тихомиров. Монастырь — вотчинник XVI в. «Исторические записки». Т. 3, 1938, и др.

[3] С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. «Научные труды». Т. I. М. 1952; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба. Ч. I. М. 1947, и др.

[4] И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.-Л. 1947; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М. 1958; В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. I. Л. 1934; его же. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 33. Л. 1926, и др.

[5] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. «Научные труды». Т. II. М. 1954; А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. Вып. 3. 1954; его же. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. «Исторические записки». Т. 55, 1956; С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. 7. 1950. № 5, и др.

о России того времени[6]. Однако трудов, в которых был бы исследован и обобщен материал по истории политической борьбы в период боярского правления и реформ 50-х годов XVI в., до сих пор не появлялось. Книга И. И. Смирнова способствует заполнению этого пробела в нашей историографии.

Рецензируемая работа состоит из двадцати глав, объединенных в три части: «Боярское правление 30—40-х годов», «Правительство 50-х годов и характер его деятельности», «Реформы 50-х годов». В приложении даны четыре небольших источниковедческих очерка.

В монографии использован широкий круг разнообразных источников: летописи, записи современников-иностранцев, дипломатические документы, донесения и инструкции, юридические памятники, публицистические произведения, разрядные книги. Автор сделал много интересных сопоставлений, ценных источниковедческих выводов, свежих наблюдений. Собранный в книге обширный фактический материал доказывает положения И. И. Смирнова о реакционности боровшихся за власть в 30—40-х годах боярских группировок и о прогрессивном характере деятельности правительства 50-х годов, способствовавшего развитию и укреплению централизованного государства и осуществившего ряд реформ. Эти выводы со всей очевидностью показывают, насколько беспочвенны были имевшие место в недавнем прошлом выступления некоторых историков, стремившихся под флагом борьбы с идеализацией Ивана IV отрицать закономерный и исторически прогрессивный характер его деятельности

В книге И. И. Смирнова впервые в советской историографии дано подробное, основанное на тщательном анализе часто противоречивых показаний источников описание сложных перипетий политической борьбы в детские годы Ивана IV. Автор рассказывает о борьбе боярских группировок, частой смене их у власти, подробно разбирает подоплеку и ход заговора Михаила Глинского. Ряд важных наблюдений сделан И. И. Смирновым по вопросу о земельной политике правительства Елены Глинской (стр. 46); можно считать доказанным положение автора о том, что в 1533—1538 гг. привилегированные горожане привлекались правительством к городскому строительству (стр. 48—49). В книге подробно прослежен ход мятежа Андрея Старицкого и его подавления и установлена при этом связь между мероприятиями Ивана III по испомещению послужильцев на Новгородской земле и неудачей Андрея Старицкого под Новгородом (стр. 58—60). Вызывает интерес также высказанное в книге предположение об отрицательном отношении к мятежу части старицких детей боярских (стр. 68).

Самостоятельное значение имеет обширная глава о Судебнике 1550 г., в которой подробно анализируются происхождение Судебника и каждая из его статей, приводится большой сравнительный материал. В этой главе много важных выводов: так, удачно проведено сличение положений ст. 43 Судебника (об отмене тарханов) с текстом Двинской уставной грамоты (стр. 364—366), постановлений Судебника (ст. 91) и Стоглава (ст. 98) о закладчиках (стр. 366—375). Интересны сделанные в главе о земельной переписи наблюдения относительно увеличения земельных владений служилых людей, записанных в боярской книге 1556 г., хорошо показан рост поместного землевладения за счет черных земель. Ценно также указание автора на факты перехода монастырских земель в число поместных, хотя в книге, может быть, несколько преувеличена распространенность таких случаев (стр. 437—439). В главе об унификации мер автор справедливо рассматривает правительственные мероприятия как одно из выражений процесса укрепления централизованного государства.

В работе И. И. Смирнова рассмотрен широкий круг вопросов истории Русского государства XVI в., вызывающих до сих пор полемику. Автор не стремится сглаживать острые углы, обходить молчанием сложные вопросы: его работа не только исследовательская, но и полемическая и, естественно, во многих своих положениях спорная.

В монографии имеется значительное количество отдельных историографических замечаний, но, к сожалению, нет специального историографического очерка, отсутствует и анализ современной зарубежной литературы.

Книге предпослано краткое введение, в котором автор излагает свою концепцию образования Русского централизованного государства; здесь содержится ряд интересных замечаний (о происхождении дво-

[6] С. В. Бахрушин. Иван Грозный «Научные труды». Т. II; Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.-Л. 1944; И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л. 1944.

рянства, о сходстве социального облика новгородского боярства и удельных князей и т. д.).

Однако периодизация, отстаиваемая И. И. Смирновым, нам представляется спорной. По мнению автора, Русское централизованное государство было создано в конце XV — начале XVII в.; свою датировку И. И. Смирнов, к сожалению, лишь декларирует, не упоминая о существовании в литературе другой точки зрения, согласно которой указанный процесс относится к более раннему периоду — ко второй половине XV — началу XVI в., а более поздние годы характеризуются уже как время укрепления централизованного государства [7]. Последняя точка зрения представляется нам более обоснованной: во всех выступлениях феодальной реакции в XVI в. речь шла не о ликвидации единства государства, не о политическом обособлении тех или иных его территорий [8] (исключая не до конца ясный эпизод с Новгородом, для которого могли быть характерны пережиточные сепаратистские тенденции), а лишь об ограничении центральной власти. В этой связи трудно согласиться с выводом автора о том, что в период боярского правления «осуществлялось разрушение централизованного аппарата власти в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных времен» (стр. 27).

Годы боярского правления, наступившие после смерти Елены Глинской, И. И. Смирнов справедливо характеризует как «реакцию не только политическую, но и социальную» (стр. 78). Но, подробно прослеживая все переплетения сложной борьбы боярских группировок за власть, он недостаточно глубоко определяет характер социальной реакции в период боярского правления. И здесь дело, по-видимому, в узости источниковедческой базы. Сосредоточив основное внимание на изучении показаний современников, летописей и других нарративных источников, автор уделяет мало места документальным материалам, приводя лишь отдельные, хотя и ценные, жалованные грамоты. По нашему мнению, вопрос о характере социальной реакции в годы боярского правления может решаться лишь на основании анализа всего комплекса повествовательных и документальных источников, в том числе жалованных и указных грамот. Такой анализ, вероятно, частично подтвердил бы и, может быть, уточнил выводы автора [9].

Трудно согласиться с И. И. Смирновым, что падение Шуйских и приход к власти Бельских ничего не изменили, и Бельские в той же степени, что и Шуйские, были проводниками политики социальной реакции (стр. 86—88). Н. Е. Носов убедительно показал, что с приходом к власти Бельских и назначением в связи с этим И. Г. Морозова главой Разбойного приказа (или комиссии боярской думы по разбойным делам?) продвинулось вперед дело губной реформы. К тому же обострение классовой борьбы в стране заставляло представителей феодальной реакции искать в дворянстве опору для совместных выступлений против крестьян и посадских людей, с которыми они не могли справиться в одиночку [10]. Быть может, в данном случае в проведении губной реформы осуществлялся в миниатюре тот компромисс между двумя группами господствующего класса, который, на наш взгляд, был характерен для деятельности правительства 50-х годов.

Вызывает сомнение трактовка автором событий 1542 г. как переворота в пользу дворянства. Участие последнего в свержении Бельских и приходе к власти Шуйских само по себе еще не делает это движение дворянским и антибоярским. Ясно, что соперничавшие между собой боярские группировки прибегали к посторонней помощи. Ведь и мятежные войска Андрея Старицкого состояли не из крупных феодалов. Наблюдения С. М. Каштанова также подтверждают, что 1542 г. не был началом борьбы за ликвидацию боярского правления, иммунитетные привилегии монастырей стали сокращаться только с 1549 г., после прихода к власти правительства «избранной рады», а с началом господства Шуйских они даже несколько расширились по сравнению с временем правления Бель-

[7] См., например, «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» Ч. II. М. 1953, стр. 271—332.

[8] В этом, между прочим, не упрекал бояр и Грозный, кроме одного намека в переписке с Курбским. См. «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951, стр. 10.

[9] С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. «Археографический ежегодник» за 1957 г. М. 1958.

[10] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.-Л. 1957, стр. 289—327.

ских [11]. Автор прав, утверждая, что митрополит Макарий был сторонником укрепления централизованного государства. Однако вряд ли этот факт может служить достаточным аргументом для признания переворота 1542 г. антибоярским. На выбор Макария в митрополиты могли повлиять как его давние связи с Шуйскими, которых не отрицает И. И. Смирнов (стр. 97), так и то, что его осифлянство, его политическая ориентация могли подать Шуйским надежду успокоить таким образом рядовых «воинников» — мелких феодалов. Можно напомнить, как через 25 лет, в разгар опричнины, Грозный «понужал» явно настроенного против опричнины игумена Филиппа Колычева принять сан митрополита. По мнению И. И. Смирнова, «незначительный сам по себе факт смены митрополитов приобрел значение этапного события. 1542 год, сделавший Макария митрополитом, знаменует собой начало ликвидации боярской реакции» (стр. 97). Но ведь если бы о событиях 1566 г. не было известно ничего, кроме факта смены митрополитов, то, исходя из политической биографии Филиппа (куда более яркой, чем биография Макария), можно было бы сказать, что 1566 г., когда Филипп стал митрополитом, является началом ликвидации опричнины и торжества боярской реакции.

Подробно и тщательно исследует И. И. Смирнов бурные события последующих лет, наполненных острой борьбой между различными группировками феодалов. Он убедительно показывает, что Глинским удалось прийти к власти только после казни Кубенского и Воронцовых (стр. 111—112). Справедливо отмечая невозможность «видеть в казни Кубенского и Воронцовых и опале Федорова победу прогрессивных элементов, боровшихся против княжеско-боярской реакции» (стр. 112), автор, по нашему мнению, неправ, когда стремится тут же доказать, что Воронцовы и Кубенские были представителями более близкой к дворянству группировки, чем Глинские. Это утверждение основано на том, что в группировке Кубенских и Воронцовых было небольшое число князей. Актовый материал за годы правления группы Кубенских — Воронцовых в книге не анализируется, хотя это внесло бы значительные поправки в выводы автора [12]. Думается, что в данном случае имела место борьба за власть двух соперничавших боярских группировок.

Многие положения главы о Московском восстании 1547 г. (уже публиковавшейся в виде статьи) прочно вошли в научный оборот и приняты большинством советских исследователей. Не вызывают сомнения выводы автора об антифеодальном характере восстания, не являвшегося результатом «интриги и провокации со стороны бояр», о роли земских органов посада и «веча» в восстании. Однако историческая действительность будет выглядеть несколько упрощенной, если согласиться с И. И. Смирновым, отрицающим факт активизации Шуйских в связи с восстанием. Вполне возможно, что и представители реакции и сторонники укрепления централизации государства и консолидации сил феодалов стремились извлечь для себя пользу из восстания московского посада. Рассказ об обострении классовой борьбы в середине XVI в. автор ограничил, к сожалению, Московским восстанием, не говоря о волнениях в других городах страны. Это создает несколько суженное представление о размерах народного движения в рассматриваемое время.

Вторая часть монографии открывается рассмотрением «проблемы избранной рады». Утверждение И. И. Смирнова о публицистическом происхождении термина «избранная рада», употреблявшегося только Курбским, не вызывает возражений. Но какие бы понятия ни применялись: «ближняя дума», или «избранная рада», или кружок Сильвестра и Адашева,— факт существования правительства 50-х годов достаточно подтверждается источниками. Мысль автора о несоответствии рассказа Курбского о функциях «избранной рады» исторической действительности (стр. 148) противоречит высказываниям самого Ивана IV. И. И. Смирнов обратил внимание на это несоответствие. Он пишет, что оценка Иваном IV деятельности «избранной рады» — «момент, еще более затрудняющий ее (проблемы «избранной рады».— *В. К.*) решение» (стр. 160). Из этого противоречия И. И. Смирнов пытается выйти логическим путем, предположив, что Иван IV в полемике с Курбским подпал под влияние последнего, «помимо своей воли и желаний, оказался в какой-то мере втянутым в русло публицистических построений Курбского» (стр. 161). Но дело в том, что взгляды Курбского на «избранную раду» были развиты им не в первом послании к царю, а в «Истории о

[11] «Памятники русского права» XV — XVII вв. Вып. IV. М. 1956, стр. 128—129, 142—147, 151, 157—158 и т. д.

[12] См. С. М. Каштанов. Указ. соч.

великом князе Московском», которая была закончена не ранее 1573 года. Основное же послание Ивана IV Курбскому, где содержатся обвинения в адрес Адашева и Сильвестра как политических друзей Курбского, написано в 1564 году. Таким образом, если считать, что один из противников во время полемики находился под влиянием другого, то приоритет Ивана Грозного в выдвижении концепции «избранной рады» неоспорим.

Прав И. И. Смирнов, полагая, что «для решения вопроса о правительстве 50-х годов и характере его политики необходимо выйти за рамки сочинений Грозного и Курбского и строить решение этого вопроса не на основе субъективных и тенденциозных оценок публицистов XVI в., а путем анализа объективных данных источников» (стр. 165).

Однако у самого автора этот анализ не всегда точен. Неясно, например, в чем И. И. Смирнов видит эклектизм и непоследовательность точки зрения С. В. Бахрушина (принятой большим числом современных исследователей) на «избранную раду» как на правительство компромисса между боярством и дворянством. Представляется вполне естественным, что в момент резкого обострения классовой борьбы в стране господствующий класс стремился к консолидации своих сил. Вряд ли во всех политических действиях в XVI в. нужно обязательно искать направленность, укладывающуюся в схему: либо на пользу дворянству, либо на пользу боярству, ведь и дворяне и бояре были представителями одного и того же класса феодалов, противоречия между ними могли примиряться в моменты подъема классовой борьбы. Так было, например, во время восстания Болотникова, когда дворянство признало боярского царя Василия Шуйского.

При рассмотрении состава боярской думы и правящих кругов, при анализе их политики И. И. Смирнов постоянно сопоставляет число титулованных и нетитулованных людей. Такой критерий недостаточен не только для суждения о политической тенденции того или иного деятеля, но и для характеристики его социального лица. Нетитулованный боярин мог принадлежать к числу крупнейших феодалов, как, например, И. В. Шереметев или И. П. Федоров, иметь, как они, своих вассалов-феодалов, а титулованный служилый человек мог находиться на самых нижних ступенях феодальной иерархии; взять хотя бы князей Вяземских, о которых в XVII в. презрительно говорили, что «искони... Вяземские князи люди городовые, а объявились только в опришные годы» [13]. Вероятно, дело не только в титуле, но в размере и характере земельных владений, в знатности, которая, как показывают многочисленные местнические дела, в понимании людей XVI в. отнюдь не была тождественна с княжеским титулом [14].

Положения автора о характере изменений в боярской думе после 1547 г., при значительных расхождениях в конкретных цифрах и именах, близки к взглядам А. А. Зимина [15]. Но И. И. Смирнов, отрицая факт использования Шуйскими в своих интересах падения Глинских в результате восстания 1547 г., считает появление в числе новых членов думы нескольких Шуйских лишь данью традиции. В той же главе о боярской думе он справедливо подчеркивает, что одной из характерных особенностей политического развития Русского государства XVI в. было активное участие в правительстве лиц, не входивших в боярскую думу или занимавших в ней скромное положение (стр. 193). Цифры, приводимые в этом разделе, данные о конкретных лицах были бы точнее, если бы автор более критически отнесся к так называемому Шереметевскому списку боярской книги, содержащему, как это неоднократно отмечалось в литературе, ряд неверных сведений.

Интересны включенные в монографию очерки о крупнейших деятелях правительства 50-х годов: Сильвестре, Адашеве, Макарии, Захарьиных-Юрьевых, Висковатом. Следует согласиться с автором, когда он настаивает на широком участии Макария в правительственных делах и главным образом в идеологической борьбе. И. И. Смирнов прав, доказывая причастность к проведению ряда мероприятий Д. Р. и В. М. Юрьевых, хотя, возможно, несколько преувеличивает степень их участия. Однако, когда автор считает, что «анализ публицистических концепций Грозного и Курбского и рассмотрение вопроса о политической деятельности Макария и Захарьиных» дают возможность отвергнуть тезис о «полно-

[13] «Русский исторический сборник». Т. V. М. 1842, стр. 66.

[14] Так, имело немаловажное значение, был ли предок князя, когда поступал на московскую службу, удельным князем или вассалом другого удельного или великого князя.

[15] А. А. Зимин. Состав боярской думы в XV—XVI вв. «Археографический ежегодник» за 1957 г., стр. 59—63.

властии» Адашева и Сильвестра (стр. 212), с ним нельзя согласиться. Пискаревский летописец прямо говорит об Адашеве и Сильвестре (а не о Макарии, Висковатом или Захарьиных-Юрьевых) как о двух лицах, которые «правили» Русскую землю [16]. Вряд ли случайно и известное сравнение Адашева с Годуновым. Тот факт, что Адашев стоял во главе правительства 50-х годов, а Сильвестр был его ближайшим помощником, не опровергнут И. И. Смирновым. В связи с этим при характеристике правительства 50-х годов указание на Захарьиных как на наиболее сильную группировку представляется сомнительным (стр. 263).

Карьера А. Ф. Адашева и его отца прослежена в книге чрезвычайно тщательно. Автор полемизирует с С. О. Шмидтом по вопросу о Челобитенном приказе и его функциях (стр. 221—230), о том, возглавлялось ли указанное учреждение Адашевым. В этой полемике ему удалось обнаружить слабые места концепции С. О. Шмидта и показать, что вопрос нуждается в дополнительном изучении. И. И. Смирнов, на наш взгляд, прав, утверждая, что появление временщиков было одним из признаков усиления личной власти царя, что в деятельности Адашева преобладал «элемент исполнителя воли самодержавного государя» (стр. 230). Однако едва ли можно согласиться с тем, что Адашев находился в составе ближней думы не по должности, а как приближенный к царю человек. Хотя деятельность Адашева, как справедливо замечает автор, действительно «не может быть уложена в рамки обычной должностной службы» (стр. 229), это не противоречит тому, что Адашев имел определенную должность и возглавлял один из приказов: не случайно Пискаревский летописец говорит о «избе», в которой сидели Адашев и Сильвестр, то есть об определенном учреждении, и именно приказе (может быть, и Челобитенном).

Дав серию очерков о крупных деятелях правительства 50-х годов, И. И. Смирнов, к сожалению, не посвятил особого очерка наиболее значительному из них — царю Ивану IV.

Интересно, подробно и в основном убедительно разбирает И. И. Смирнов ход боярского «мятежа» 1553 года. Однако следует все же сделать некоторые замечания. Нам кажется, что автор излишне доверяет в данном случае известиям такого источника, как приписки к Царственной книге. Доказанную Д. Н. Альшицем тенденциозность этого источника И. И. Смирнов не отрицает, но использует его несколько субъективно. Те сведения, которые не укладываются в его концепцию, он объявляет вымышленными, например, о том, что Сильвестр «указывал» митрополиту и что его «промыслом» Старицкие были выпущены из «нятства» (стр. 249, 257), другие же сообщения этого источника у автора сомнения не вызывают. Это, по нашему мнению, неверно. Если сам факт существования заговора в пользу Владимира Андреевича доказан — и это показал И. И. Смирнов,— то политическую позицию во время болезни царя тех или иных конкретных лиц из ближайшего окружения Ивана IV установить на основании приписок к Царственной книге можно лишь приблизительно. Участие Грозного в редактировании упомянутого источника (а может быть, и авторство приписок) И. И. Смирнов признает вполне вероятным (стр. 485). При этом хорошо известна тенденциозность царя в его публицистических творениях. Достаточно вспомнить, как на Стоглавом соборе он приписывал боярам заточение Андрея Старицкого и Юрия Дмитровского, себе же — освобождение Старицких, а в Царственной книге освобождение Старицких, как известно, ставилось уже в вину Сильвестру! Можно ли после этого принимать на веру указания на конкретных лиц в рассказе приписок? Кстати, ни в самом источнике, ни в работе И. И. Смирнова нет правдоподобного объяснения, почему люди, активно боровшиеся против воли царя, сохранили свое положение, не пострадали и даже продвигались дальше по иерархической лестнице. Общеизвестен факт пожалования в окольничие в июне 1553 г., то есть через три месяца после «мятежа», Ф. Г. Адашева, который, по рассказу приписок к Царственной книге, открыто выступал против присяги «пеленочнику»

Третья часть книги, пишет автор в предисловии, «далеко не охватывает всех реформ 50-х годов» (стр. 4). В ней получили отражение лишь Судебник 1550 г., приговор о местничестве, вопрос об испомещении избранной тысячи, земельная перепись, земельное законодательство и вопрос об унификации мер. Это объясняется тем, что ряд реформ 50-х годов нуждается в специальном исследовании, к тому же в структуре

[16] «Материалы по истории СССР». Вып. II. М. 1955, стр. 56—57.

монографии отразилось направление занятий автора книги. По мнению И. И. Смирнова, и в урезанном виде третья часть «дает достаточно материала для определения общего направления и характера реформ 50-х годов XVI в.» (там же). Надо надеяться, что в дальнейшем автор продолжит свои изыскания в этой области. Окончательное и обоснованное суждение о реформах 50-х годов можно сделать только на основании рассмотрения их во всей совокупности. Автор, на наш взгляд, несколько сужает значение реформ. Он пишет, что их общей чертой является антибоярская направленность (стр. 289). Представляется, что в первую очередь следовало дать им классовую характеристику, отметить их феодальную сущность и указать на цель — укрепление феодального государства, способного обуздать, подавить движение посадских людей и крестьян. Например, законодательство о «лихих людях» имело ярко выраженную антикрестьянскую, а не антибоярскую направленность.

Рассматривая выступление Ивана IV на так называемом «соборе примирения», И. И. Смирнов справедливо ставит вопрос о наличии у правительства определенной программы реформ. В главе о Судебнике автор полемизирует с Б. А. Романовым и А. А. Зиминым, относящими складывание приказной системы к временам опричнины, и на основании изучения заголовка Судебника утверждает, что приказная система к 1550 г. уже сложилась. Он считает, что Судебник превратил суд по приказам «в основную форму центрального суда» (стр. 321).

Наибольшие возражения вызывают комментарий И. И. Смирнова к ст. 85 Судебника и его полемика по этому вопросу с Б. А. Романовым. Автор полагает, что эта статья ограничивала право родового выкупа вотчин, являвшегося «одним из важнейших прав землевладельцев-вотчинников», что она давала большие привилегии «новым» вотчинникам по сравнению со «старыми», и связывает его с процессом мобилизации земель для развития поместного землевладения (стр. 357—364).

Во-первых, ограничивая права продавца, Судебник делал это в пользу покупателя, который также являлся вотчинником. Противопоставление же старых вотчинников новым у автора не обосновано, не показано, в чем состояло различие между ними. Так как на актовом материале не прослежено, по каким причинам продавались и покупались вотчины, то утверждать, что продавцы и покупатели вотчин принадлежали к разным социальным группам, у нас нет оснований. Во-вторых, сомнительно вообще разделение феодалов на две противостоящие друг другу группы: помещиков и вотчинников. На практике две формы землевладения не были резко разграничены, и многие служилые люди одновременно являлись вотчинниками и помещиками. Вероятно, противоречия надо искать не между вотчинниками и помещиками, а между крупными и мелкими феодалами. При этом необходимо учитывать не только характер, но и размеры их владений. Далее, неясно, как ограничение права выкупа вотчин могло содействовать развитию поместного землевладения: вотчины после их покупки оставались вотчинами, не превращаясь в поместья. И. И. Смирнов не привел ни одного факта, который свидетельствовал бы о развитии в доопричные годы поместного землевладения за счет вотчинного, тем более о применении при этом постановлений ст. 85 Судебника.

Комментируя ст. 88 Судебника в той части, которая касается разрешения не платить пожилого крестьянам, идущим в холопы, автор полемизирует с Б. А. Романовым, считавшим, что этот пункт защищал интересы холоповладельца. К сожалению, И. И. Смирнов ничего не сказал по поводу комментария А. Г. Поляка к этой статье, точка зрения которого близка к мнению Б. А. Романова[17]. Заметим, что аргументация Б. А. Романова и А. Г. Поляка представляется нам более убедительной: в случае самопродажи крестьянина в холопы он, каковы бы ни были юридические нормы, не мог бы заплатить пожилого; за него, как в случае перевоза, должен был бы платить его будущий хозяин. При отмене уплаты пожилого крестьянином, уходившим в холопы, с холоповладельца снималась, таким образом, обязанность платить довольно значительную сумму. Вопрос, конечно, этим не исчерпывается и нуждается в дополнительном исследовании, причем интересные соображения И. И. Смирнова должны быть приняты во внимание.

И. И. Смирнов рассматривает в своей книге также вопрос об ограничении местничества, предпринятом в 1549 году. Однако автор неточно излагает приговор или приговоры о местничестве. Он считает, что

[17] «Памятники русского права». Вып. IV, стр. 334—335.

после местнической реформы 1549 г. «ни первый, ни второй воеводы Большого полка не могли... стать объектом местнических атак», что «правительство получало возможность назначать на должности воевод Большого полка того, кого оно находило нужным, не считаясь с местническими счетами» (стр. 403—404). В действительности ни один из воевод не изымался этой реформой из местнических споров, а ограничивался лишь круг лиц, которые имели право возбуждать эти споры против определенных воевод, устанавливались две мало связанные друг с другом цепи местнической подчиненности — между первыми воеводами всех полков и между вторыми воеводами этих же полков. Указанная реформа вряд ли имела своей целью, как полагает И. И. Смирнов, борьбу с местничеством, она лишь ограничивала его вредные последствия.

Полемика между И. И. Смирновым и А. А. Зиминым относительно реальных результатов создания «избранной тысячи» в 1550 г. заслуживает особого, более детального рассмотрения, что невозможно сделать в рамках рецензии. Заметим, что приведенные в книге данные нельзя не принять во внимание при решении этого спорного вопроса. Однако они вовсе не исключают того, что реформа не была осуществлена или была осуществлена лишь частично, — ведь испомещения новгородцев в «московских городах», на которые ссылается И. И. Смирнов, относятся не к 1550, а к 1554—1556 гг. (стр. 408—409), причем нам неизвестны как эти «московские города» (может быть, довольно далекие от Москвы уезды, названные так в противовес городам Новгородской области), так и причины перевода служилых людей из Новгорода в «московские города». Если предположить, что земельная перепись 1550-х годов сопровождалась крупными раздачами земель в поместье (стр. 425—428), то и испомещение этих лиц можно будет связать с земельной переписью. Ясно, что если реформа осталась на бумаге, то правительство при последующих земельных раздачах должно было стремиться в первую очередь удовлетворять лиц, внесенных в список тысячников.

В главе о земельной переписи И. И. Смирнов справедливо пишет, что к моменту составления боярской книги 1556 г. «процесс раздачи земель в поместья далеко не закончился» (стр. 430). Этот процесс продолжался на протяжении не одного десятка лет. Однако данное явление не следовало бы связывать с тем, что фактические размеры владений помещиков, записанных в книге 1556 г., ниже их «окладов». Разница между «дачей» и «окладом» была характерна для поместного землевладения в Русском государстве.

В главе о земельном законодательстве И. И. Смирнов подробно рассматривает приговоры о запрете продавать княжеские вотчины 1551, 1562 и 1572 гг., причем пишет о своем несогласии с С. В. Рождественским (не полемизируя с ним), отрицавшим антикняжескую направленность этих законодательных актов. И. И. Смирнов почти не останавливается на вопросе о реализации указанных приговоров, а между тем С. Б. Веселовский в своей известной работе ясно показал, что эти акты не были или почти не были претворены в жизнь [18]. Автор в данном случае даже не упоминает исследования С. Б. Веселовского. Тенденция приговоров запрещать продажу земель князей без разрешения центральной власти, по нашему мнению, может лишь с большой натяжкой рассматриваться как борьба с княжеским землевладением. Наоборот, эти приговоры охраняли княжеские вотчины от перехода их в другие руки. Вообще при рассмотрении земельной политики правительства 50-х годов И. И. Смирнов иногда трактует как принятые в интересах дворянства совершенно различные мероприятия правительства: и ограничение права выкупа вотчин и ограничение права их продажи.

Таков круг вопросов, которые представлялось нам необходимым отметить в связи с монографией И. И. Смирнова.

В. Б. Кобрин

---

[18] С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. «Исторические записки». Т. 10. 1941, стр. 97—100.

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ. *Русская армия и флот в XVIII веке.* Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР. М. 1958. 644 стр. Цена 23 руб.

До Октябрьской революции военные историки исследовали развитие армии и флота — этих двух неразрывно связанных между собой частей вооруженных сил — изолированно друг от друга. Правда, в начале XX в. в 15-томной «Истории русской армии и флота» была предпринята попытка дать общую историю вооруженных сил России. Но она окончилась неудачей, так как в указанном издании материал, относящийся к истории армии, рассматривался вне связи с историей флота.

В советский период вышло немало работ, посвященных тем или иным вопросам русского военного дела в XVIII веке. Материальные предпосылки строительства вооруженных сил, в особенности развитие металлургической промышленности, составлявшей основу военного могущества страны, рассматриваются в трудах С. Г. Струмилина, В. В. Данилевского, Б. Б. Кафенгауза, Д. Кашинцева, Н. И. Павленко и других[1]. История войн и военного искусства нашла отражение в исследованиях Е. В. Тарле, Б. С. Тельпуховского, Н. М. Коробкова, А. А. Строкова и многих других[2].

Следует также отметить издание серии документов и материалов о деятельности выдающихся полководцев и флотоводцев — А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Ф. Ф. Ушакова, сборник документов о Семилетней войне[3].

Однако до сих пор не было еще работы, посвященной истории развития вооруженных сил России XVIII в. в целом. Монография Л. Г. Бескровного — это первый обобщающий труд по данной проблеме. На конкретном фактическом материале, охватывающем длительный отрезок времени, с привлечением большого числа опубликованных и архивных источников автор рассмотрел вопросы строительства вооруженных сил России в период складывания регулярной армии и флота. Он показал систему комплектования, организации и управления сухопутных войск и флота, исследовал, каким путем шло материально-техническое обеспечение вооруженных сил, осветил характер боевой подготовки солдат и матросов, историю создания военной школы в России и на этой базе дал анализ развития способов и форм ведения войн и боя.

Л. Г. Бескровный критически изучил русскую дворянскую и буржуазную военно-историческую литературу, раскрыл ограниченность и порочность методологии дореволюционных военных историков России, рассматривавших историю вооруженных сил страны с идеалистических позиций, как результат преобразовательной деятельности гениальных полководцев и флотоводцев (стр. 11—15). По нашему мнению, автору следовало бы этот анализ дополнить критикой современной буржуазной историографии, фальсифицирующей военную историю России XVIII века.

Дворянской и буржуазной историографии в книге противопоставлено марксистско-ленинское учение о войне и армии, позволившее единственно правильно разрешить вопрос о развитии военной истории.

В отличие от дореволюционных историков, признававших вечность и неизменность принципов военного искусства, Л. Г. Бескровный выдвигает идею закономерности развития вооруженных сил и военного дела в целом. Эта закономерность прослеживается им в двух направлениях. Во-первых, проводится мысль, что каждой общественно-экономической формации свойственны специфические способы и формы ведения войны и боя, что эти особенности меняются в зависимости от социально-экономических условий и прежде всего от развития производства. Во-вторых, автор показывает, что система организации вооруженных сил находится в неразрывной связи со способами ведения военных действий и зависит от социально-экономического строя.

---

[1] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. «Технический прогресс за 300 лет». М.-Л., 1935; его же. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М. 1954; В. В. Данилевский. Русская техника. Л. 1948; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Т. I. М.-Л. 1949; Д. Кашинцев. История металлургии Урала. Т. I. М.-Л. 1939; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М. 1953.

[2] Е. В. Тарле. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. 1949; Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. М. 1951; Н. М. Коробков. Русский флот в Семилетней войне. М. 1946; его же. Семилетняя война. М. 1940; А. А. Строков. История военного искусства. М. 1955.

[3] «А. В. Суворов». Сборник документов. Т. I—III. М. 1949—1953; «П. А. Румянцев». Т. I—II. М. 1953; «Ф. Ф. Ушаков». Т. I—III. М. 1951—1956; «Семилетняя война». М. 1948 и др.

Такая постановка вопроса дает возможность выяснить те объективные факторы, которые способствовали развитию русского военного искусства в XVIII в. и появлению выдающихся полководцев и флотоводцев, передовых военных деятелей того времени.

Наибольшее значение для военного дела имели металлургия и связанные с нею отрасли промышленности. Например, во второй половине XVIII в. в России металлургия достигла сравнительно больших успехов, особенно на Урале. Уровень экономики страны в тот период позволял удовлетворять из внутренних ресурсов все возраставшие потребности армии и флота в вооружении, боеприпасах, снаряжении, обмундировании и т. п. Развитием экономики России объясняется и довольно высокий по тому времени уровень военной техники — выше, чем в странах Западной Европы.

В середине XVIII в. в России были созданы первоклассные образцы артиллерийских орудий, так называемые «единороги», сочетавшие в себе качества пушки и гаубицы. Они нашли повсеместно широкое применение и состояли на вооружении в русских войсках почти до середины XIX века[4]. Было также улучшено ручное огнестрельное оружие, усовершенствованы конструкции ударно-кремневых фузей; на вооружении егерских частей появились нарезные «винтовальные» ружья и штуцера.

Прогресс в области экономики способствовал дальнейшему развитию русской нации и росту национальной культуры. Носителем лучших черт русской нации, подлинным творцом всех ценностей материальной и духовной культуры был народ, трудящиеся массы России.

Русская армия по своему составу была национальной, так как она комплектовалась на основе рекрутских наборов из коренного населения великорусских губерний России — крестьян и ремесленников. Будучи национальной, русская армия обладала более высокими боевыми качествами, чем наемные армии Западной Европы, которые формировались в основном из деклассированных элементов и иностранцев. В этом смысле рекрутская система в России была тогда лучшей системой комплектования войск.

Но, как правильно отмечает автор, эта система к концу XVIII в. уже изжила себя, поскольку исключала возможность создания обученных резервов, превращения феодальной армии в массовую. Реорганизацию армии возможно было провести лишь на основе всеобщей воинской повинности населения (стр. 302).

Автору следовало бы еще указать, что важное значение для развития военного дела в России в XVIII в. имела также сама боевая практика. Необходимо было бы особенно подчеркнуть, что в действиях вооруженных сил России, в войнах данного периода проявились высокие моральные и боевые качества русского народа, его славные боевые традиции, выкованные в многовековой борьбе за свою национальную и государственную независимость. Это проявилось и в развитии национального русского военного искусства.

Л. Г. Бескровный правильно отмечает, что внешняя (как и внутренняя) политика царской России определялась интересами господствовавшего дворянского класса и развивавшейся буржуазии и была направлена на укрепление феодально-абсолютистского государства. Поэтому внешняя политика царизма в XVIII в. отличалась большой активностью, сопровождалась присоединением к России ряда территорий.

Но в рецензируемой книге классовое содержание этой политики раскрывается недостаточно. Например, указывая, что во второй половине XVIII в. насущной задачей внешней политики России была борьба за разрешение черноморской проблемы, автор лишь в общей форме говорит о том, что настоятельная необходимость ее разрешения определялась экономическими интересами страны, требовавшими свободного выхода к Черному и Средиземному морям. Здесь следовало бы сказать о помещичьем хозяйстве, увеличивавшем производство сельскохозяйственных продуктов на продажу, о возросшей заинтересованности дворян в земле, в особенности территорий, расположенных на юге страны и в значительной своей части принадлежавших Турции и ее вассалу — Крымскому ханству. Далее нужно было подчеркнуть, что с конца XVIII в. во внешней политике России все более четко вырисовываются захватнические устремления русского царизма.

Но при всей своей классовой направленности внешняя политика царизма объективно способствовала разрешению ряда важнейших исторических задач, стоявших перед страной в то время. Сюда относится борьба

[4] См. И. С. Прочко. Передовой характер отечественной науки и техники. М. 1952, стр. 24.

за выход к Балтийскому морю, дальнейшее закрепление позиций России в Прибалтике, в Северном Причерноморье, воссоединение украинского и белорусского народов с русским народом. Эти факторы в конечном счете вели к развитию производительных сил страны, укреплению ее оборонной мощи.

Автор говорит о выдающейся роли русской армии и флота в проведении активной внешней политики России, в достижении крупных военных побед в данный период, характеризуя их как единую военную систему. Поэтому развитие вооруженных сил страны в XVIII в. предстает перед нами как результат единой политики феодально-абсолютистского государства.

Тесное взаимодействие сухопутных и военно-морских сил успешно осуществлялось со времени Северной войны и особенно ярко проявилось в период русско-турецких войн второй половины XVIII столетия и войны России с Францией 1798—1800 годов. Автор показал, что идея взаимодействия армии и флота проходит красной нитью через все развитие русского военного и военно-морского искусства рассматриваемого периода. Это, кстати, наглядно иллюстрируется и картами, приложениями, данными в книге.

Однако история армии написана Л. Г. Бескровным полнее, чем история флота. Это касается как вопросов материально-технической базы для строительства флота, его организации и управления, так и комплектования и боевой подготовки личного состава. Также схематично изложены в книге военные действия на море (особенно борьба на Средиземном море в 1799—1800 годах), вопросы военно-морского искусства, боевая и организаторская деятельность выдающегося флотоводца Ф. Ф. Ушакова. Автора можно упрекнуть и в том, что он мало использовал в этих целях серию публикаций «Ф. Ф. Ушаков» (т. I—III) и другие материалы по истории военно-морского флота рассматриваемого периода.

Л. Г. Бескровный дал новую периодизацию истории вооруженных сил России XVIII века. Первый период — 1700—1760 гг. и второй — с 60-х годов до конца столетия. Такая периодизация вполне правомерна Организация армии, система боевой подготовки и ее тактика рассмотрены в зависимости от способов ведения военных действий. Несмотря на то, что во второй половине XVIII в. продолжала еще господствовать линейная тактика, именно в это время начинает развиваться (как в России, так и за рубежом) новая тактика — тактика колонн и рассыпного строя, что было обусловлено, как справедливо отмечено в книге, формированием в стране в недрах феодально-крепостнического строя капиталистического уклада (стр. 385). Действительно, распространение тактики колонн и рассыпного строя знаменовало собой зарождение нового, буржуазного по своей сущности, способа ведения военных действий.

Достоинство книги заключается также и в том, что история русской армии и флота показана в тесной связи с теми классовыми взаимоотношениями, которые были свойственны данному периоду исторического развития России. Русская армия и флот того времени являлись вооруженной опорой феодально-абсолютистского государства. Военная система России имела сугубо классовый характер. Это отражалось на всех сторонах жизни и деятельности вооруженных сил, проявляясь особенно сильно в комплектовании, организации и обучении солдат и матросов. Действительно, рядовой состав русской армии и флота комплектовался путем рекрутских наборов из крестьян и городских ремесленников, а офицерский — исключительно из дворян.

Офицеры в большинстве своем относились к солдатам, как помещики к крепостным, жестоко избивали и истязали их.

В рецензируемой книге содержатся материалы о классовой борьбе в русской армии. Среди различных форм социального протеста рядовой солдатской массы автор отметил побеги солдат из войск и участие их в народных восстаниях. В частности, приводятся сведения о переходе солдат регулярных частей армии на сторону восставших во время Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева (стр. 436—437). Но освещению этого вопроса в книге следовало бы уделить значительно больше места, чем это сделано автором.

Л. Г. Бескровный приходит к выводу об исторической обусловленности способов и форм ведения войны и боя в русской армии XVIII века. В то время в военном искусстве армий стран Западной Европы безраздельно господствовали так называемая кордонная стратегия и линейная тактика. Согласно этой стратегии, войска равномерно распределялись по всему театру военных действий для прикрытия всех оборонительных линий и методическое маневрирование

на коммуникациях противника вне поля сражения признавалось главным способом ведения войны. Кордонному расположению сил на театре войны соответствовал такой же шаблонный линейный боевой порядок на поле сражения. Он состоял в том, что, выстроившись двумя линиями одна против другой, армии противника вели главным образом огневой бой и таким образом стремились одержать победу. Это ограничивало подвижность войск, лишало их возможности применять холодное оружие для решительных наступательных действий.

Совершенно иная картина наблюдалась в России. Развитие военной техники, лучшее вооружение — нарезные «винтовальные» ружья, новые конструкции гладкоствольной артиллерии — вызвали появление в стране во второй половине XVIII в. более эффективных, чем прежде, способов и форм ведения войны и боя как на суше, так и на море. Л. Г. Бескровный показал, как в русской армии под руководством передовых военных деятелей П. А. Румянцева и А. В. Суворова разрабатывалась тактика колонн и рассыпного строя, применялась новая, ударная стратегия генерального сражения, имевшая целью уничтожение живой силы противника. В конце XVIII в., во время войны России с Францией в 1798—1800 гг., возникла даже стратегия системы сражений. Это был именно тот путь, по которому пошло развитие военного искусства в последующий период как в нашей стране, так и за рубежом.

Военно-морское искусство России, по своему уровню превосходившее военно-морское искусство западноевропейских государств, в XVIII в. имело серьезные успехи. В этой связи необходимо отметить важное значение деятельности выдающегося флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова. Он был сторонником активной, наступательной морской стратегии и тактики, преследовавших цель разгрома противника в решительном сражении.

Заслуга выдающихся военных деятелей, лучших представителей вооруженных сил России, состоит в том, что они увидели новые тенденции в военном и военно-морском искусстве и развили их, сумев отказаться от устаревших форм и способов ведения войны и военных действий на суше и на море, способствуя тем самым прогрессивному развитию национального русского военного дела.

Но в книге, однако, не дана классовая характеристика передовых военных деятелей, выдающихся полководцев и флотоводцев России. Не следует забывать, что, как бы ни были прогрессивны их военно-теоретические взгляды, они являлись исполнителями воли реакционных правительств Екатерины II и Павла I. Поэтому, отмечая заслуги лучших представителей вооруженных сил России XVIII в., мы должны рассматривать их деятельность в рамках данной конкретно-исторической эпохи. И эта деятельность объективно была направлена на укрепление феодально-абсолютистского государства.

Блестящие успехи русского оружия, выдающиеся победы, одержанные русской армией и флотом под руководством Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, показывают высокий уровень и самостоятельный путь развития русского военного и военно-морского искусства рассматриваемого периода. Это наглядно иллюстрируют соответствующие главы рецензируемой книги, посвященные развитию русского военного искусства в XVIII веке.

К сожалению, в монографии Л. Г. Бескровного очерки по истории военного искусства в значительной мере носят общий характер. Здесь превалирует материал, касающийся истории войн, что, естественно, отвлекает автора от его прямой задачи — дать историю русского военного искусства за соответствующий период времени.

Для характеристики русского военного и военно-морского искусства вовсе не обязательно было подробно описывать почти все войны, которые вела Россия в XVIII веке. Далеко не всякая война того времени обогащала теорию и практику военного дела, вносила новый вклад в развитие русского военного искусства. К числу таких войн относятся, например, русско-турецкая война 1735—1739 гг. и русско-шведская война 1788—1790 годов. Эти войны велись по принципам привнесенного с Запада военного искусства, поэтому пространное изложение их не вызывалось задачами исследования.

За счет сокращения такого рода материалов автору следовало бы глубже раскрыть закономерности развития способов ведения войны и боя по каждому роду вооруженных сил.

На наш взгляд, необходимо также было провести более четкую грань между реакционным и передовым направлениями русского военного искусства. Автор правильно говорит, что развитие военного искусства

проходило в острой борьбе старого и нового, прогрессивного и реакционного направлений (стр. 290).

Верно утверждение автора и о том, что «прогрессивное направление составляет существо русской военной школы», которая «обобщала все то лучшее, что создавалось армией и флотом в ходе войны», двигала вперед теорию и практику военного дела в России (стр. 290, 643). Но, как нам кажется, ошибочно считать, что результатом всех этих обобщений и выводов являлись издаваемые в то время «уставы, наставления, инструкции, трактаты и другие документы», что «все они осуждали косность и шаблон, учили полководцев и флотоводцев искать новые, наиболее передовые способы ведения войны» (стр. 290). В действительности это касалось лишь тех наставлений и инструкций, которые составлялись передовыми военными деятелями — П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым — для войск, бывших под их командованием. Здесь можно назвать «Обряд службы» и дополнявшие его инструкции П. А. Румянцева, «Полковое учреждение» и «Науку побеждать» А. В. Суворова и другие документы. Но нельзя в один ряд с этими уставами ставить все официальные уставы и наставления, изданные после Петра I. Так, вышедший в 1755 г. устав имел сильное влияние Запада. Все тактические построения войск, согласно данному уставу, были приспособлены главным образом для действия огнем, что признает и автор рецензируемой книги. Роль холодного оружия пехоты, на активное применение которого «Устав воинский» 1716 г. обращал особое внимание, была здесь сведена до минимума. Некритически заимствуя военное искусство Западной Европы, устав 1755 г. вносил в русскую армию шаблонность и догматизм — именно то, что решительно отвергалось всем содержанием устава Петра I.

В равной мере и устав пехоты 1763 г., подражая западноевропейским образцам, главное внимание обращал на ведение огневого боя и ничего не говорил об обучении войск штыковому бою.

Следовательно, хотя Елизавета, а затем и Екатерина II на словах и декларировали восстановление принципов боевой подготовки войск Петра I, преемственность своей политики в отношении устройства армии и флота, но на деле влияние совершенно чуждой в условиях России прусской военной системы не было устранено до конца. И во второй половине XVIII в. в русской армии и флоте большой удельный вес сохраняла группа иностранных военных специалистов, близких к правящим кругам. Часть из них честно служила России, но было много и авантюристов, смотревших на службу в русской армии и флоте как на средство наживы и обогащения. Из числа русского дворянства наряду с передовыми военными деятелями, генералами и офицерами, в вооруженных силах России были и сторонники реакционного направления в военном искусстве. Они также не дорожили честью и славой русского оружия, раболепствовали перед иностранными военными «авторитетами», и прежде всего перед Фридрихом II, видели в нем пример для подражания.

Поэтому нельзя считать, что русская армия с 1740 г. «вновь вернулась к той системе, которая сложилась в первой четверти XVIII в.», как утверждает автор (стр. 166). На наш взгляд, в книге следовало бы более четко выразить мысль о том, что преклонение правящих кругов России перед военным искусством Запада исключало возможность возврата в 40-х годах XVIII в. к той системе подготовки солдат и матросов, которая сложилась еще в первой четверти данного столетия (имея в виду при этом не отдельные части и соединения армии и флота, а вооруженные силы страны в целом). Ставить же знак равенства между теми войсками и частями флота, которыми командовали выдающиеся полководцы и флотоводцы, и остальной русской армией и флотом у нас нет никаких оснований.

Автор не раскрывает до конца существо дела, утверждая, что реакционное направление в русском военном искусстве «иногда побеждало и становилось официальным направлением» (стр. 290). На самом деле оно всегда было господствующим в военной системе России после Петра I. Именно сторонники реакционного направления возглавляли верховное руководство вооруженными силами страны. Автору необходимо было подчеркнуть, что с обострением классовых противоречий в России в конце XVIII в. правящие круги во главе с Павлом I решительно стали на путь перестройки русской армии по прусскому образцу.

Слепо копируя прусскую военную систему, эти реакционеры насаждали в русской армии шаблонность и догматизм, тупую и жестокую муштру именно потому, что такая

муштра и палочная дисциплина казались им лучшим способом держать солдат в повиновении, средством превращения их в послушных исполнителей воли дворянско-помещичьего класса. Они пытались перестроить всю русскую армию по прусскому образцу именно потому, что военная система феодальной Пруссии соответствовала их классовым интересам, она представлялась им надежным средством для сохранения и упрочения феодально-крепостнического строя и абсолютизма в России.

Все это ограничивало деятельность передовых полководцев и флотоводцев, генералов и офицеров русской армии и флота, тормозило развитие национального русского военного искусства в целом. И если во второй половине XVIII в. русское военное искусство достигло выдающихся успехов то это произошло вопреки политике правящих кругов России в деле устройства армии и флота. Тем более значительным предстает перед нами гений русского народа, роль выдающихся полководцев и флотоводцев, которые, опираясь на рядового воина, солдата и матроса, как на решающую силу армии и флота, сами двинули вперед развитие русского национального военного искусства.

Существенным недостатком книги является и то, что в ней не дана история развития военной теории в России XVIII века Отдельные замечания на этот счет, разбросанные в различных главах по частным вопросам, разумеется, не восполняют указанного пробела. Между тем всестороннее изучение военной теории крайне важно для характеристики уровня развития военного дела в России рассматриваемого периода. В истории русской военной мысли XVIII век составляет очень интересный самостоятельный этап. Он опять-таки связан в первую очередь с именами П. А. Румянцева и особенно А. В. Суворова, много и плодотворно работавших в области развития русской военной теории. Высказанные ими взгляды о формах и методах ведения войны и боя, о несомненных преимуществах наступательной войны и действий сосредоточенными силами с целью разгрома живой силы противника в решительном сражении, о связи политики и стратегии и многие другие были передовыми для того времени: они показывают ведущую роль русской военной теории по отношению к теории и практике военного дела Западной Европы.

Справедливости ради следует указать, что в рукописи докторской диссертации автора, защищенной в Институте истории АН СССР в 1950 г., был специальный раздел о развитии военной теории в России XVIII века. Но в настоящей книге такого раздела нет, и об этом можно только пожалеть.

Досадно, что книга, рассчитанная на массового читателя, содержит много опечаток и фактических неточностей Приведем только некоторые из них. Так, на стр. 15 в третьей сноске работа Н. Н Рубцова правильно названа «История литейного производства в СССР», а на стр. 78 она фигурирует уже под другим, ошибочным названием — «История металлургического производства в СССР». На стр. 183 неправильно указаны инициалы советского историка Т. К. Крыловой (в книге — П. К. Крылова). На стр. 408 при ссылке на материалы Центрального государственного архива древних актов ошибочно указан фонд № 12, а на самом деле это фонд № 20. На стр. 452 директором 2-го Кадетского корпуса в конце XVIII в. назван П. Зубов, а в действительности им был Валериан Зубов.

На стр. 599 в числе участников антифранцузской коалиции, завершившейся войной России с Францией 1798—1800 гг., приведена Испания, а из последующего текста явствует, что речь идет об Австрии. На стр. 595 конституция Польши, принятая 3 мая 1791 г., ошибочно названа как конституция 3 июня 1792 г., хотя на той же странице несколькими строками выше дается ее краткое объяснение.

Наряду с этими в книге имеются и другие опечатки. Так, на стр. 75 приводятся цифры производства боеприпасов (бомб, ядер, гранат и ручных гранат) на заводах Демидова за 1707—1709 гг., а на самом деле здесь следует поставить другую дату — 1701—1709 годы. В этом, кстати сказать, можно убедиться, посмотрев опубликованную ранее статью автора «Производство вооружения на русских заводах в первой половине XVIII века» (см. «Исторические записки». Т. 36, таблица № 1, стр. 108—109).

На стр. 87 в таблице производства стрелкового оружия указано, что в 1726 г. было изготовлено новых 1 548 солдатских фузей, тогда как в действительности их было произведено 1 575 штук.

Несомненно, что за все эти опечатки и неточности несет ответственность прежде

сего сам автор, который должен был при-
ять необходимые меры к их устранению
процессе подготовки своей рукописи к из-
анию.

Указанные здесь недостатки не снимают
бщей положительной оценки рецензируе-
ой книги. Монография Л. Г. Бескровного
оложила начало изданию ряда обстоятель-
ных исследований по истории вооруженных сил России периода феодализма. На очереди стоит создание работ, посвященных истории армии и флота в период капиталистической формации, и особенно в эпоху империализма.

Ю. Р. Клокман

Всеобщая история

«Всемирная история». Т. III. Под редакцией Н. А. Сидоровой (отв. редактор), Н. И. Конрада, И. П. Петрушевского и Л. В. Черепнина. Академия наук СССР. Госполитиздат. М. 1957. 896 стр. Тираж 200 000. Цена 40 руб.

Третий том «Всемирной истории» посвящен средневековью, то есть периоду формирования и развития феодального строя.

Как и в первых двух томах, в третьем оме отражены новейшие достижения со-етской исторической науки. Это коллективная работа, и поэтому научный уровень тдельных глав несколько неодинаков. общем же том производит глубокое впечатление как единый, цельный труд, в котором последовательно применяются принципы и метод исторического материализма.

В отличие от работ буржуазных ученых, ассматривающих историю человечества как сторию главным образом западноевропейских стран, в нем дано освещение подлинно всемирной истории.

В рецензируемом томе «Всемирной исто-ии» в противоположность буржуазной ис-ориографии, которая не учитывает подлинного значения истории стран Востока в азвитии человеческого общества, дана стория всех стран земного шара, и в частности уделено достойное внимание Китаю, Индии, Японии и Северной Африке.

Авторы обратили серьезное внимание не олько на политическую историю, но и показали крупнейшие преобразования экономического и социального порядка, происшедшие в различных странах, а также орьбу народных масс против эксплуататии, не игнорируя также события культурной жизни. Они ярко раскрыли действие аконов развития общества в целом, одновременно подчеркнув и специфические чер-ы, имеющиеся в истории каждой отдельной страны.

Краткое вступление содержит характеристику средневековья с позиций марксизма-ленинизма. В нем указываются свойственные этому историческому периоду новые явления, с учетом которых устанавливаются хронологические рубежи трех этапов развития феодализма: раннего, развитого и позднего.

В труде убедительно раскрываются такие проблемы, как генезис феодализма, феодальная собственность на землю, различные виды феодальной ренты, различные формы зависимости крестьян, роль городов, товарного производства в эпоху феодализма, образование народов и феодальных государств, классовая борьба в различных странах при феодальном строе, а также проблемы искусства, литературы и религии.

Рецензируемый том начинается с освещения истории Китая, где феодальные отношения возникли раньше, чем в других странах. Датировка возникновения феодализма в Китае является пока спорным вопросом для историков КНР и Советского Союза. Одни историки высказывают мнение, что феодализм возник в Китае еще в эпоху Хань (II в. до н. э.— II в. н. э.); другие относят начало феодализма к периоду, начавшемуся после падения династии Хань. Не отрицая существования отдельных форм феодального производства в период Ханьской династии, последние утверждают, что феодальный способ производства стал доминирующим лишь в III в., после великого восстания «Желтых тюрбанов».

Эту точку зрения разделяют и авторы первой главы III тома «Всемирной истории» (стр. 25). Они отмечают, что, несмотря на подавление восстания, оно имело

серьезные последствия. Китай был сильно опустошен. Необходимость восстановления экономики и централизации общественных работ (ирригационных и фортификационных сооружений) привела к возникновению государственной феодальной земельной собственности. В то же время развивалась и феодальная собственность крупнейших сановников, которые при новой династии Цзинь наделялись поместьями и награждались различными титулами. Декрет 485 г. прикрепил крестьян к земле (стр. 31).

В книге показано, что китайский феодализм достиг своего наибольшего развития в VII—IX вв. во времена Танской империи, при которой укрепилось единство Китая, восстановленное в VI веке. В этот период, по существу, исчезла государственная феодальная собственность и происходило мощное развитие экономики и культуры страны. Частная феодальная собственность продолжала развиваться и в период Сунской империи (960—1279 гг.). Прогресс Китая прервало в XIII в. монгольское нашествие. Монгольское господство было свергнуто народным восстанием под руководством основателя новой династии Мин (1368—1644 гг.). Читатель узнает об оригинальных чертах исторического развития китайского народа. Отметим, однако, что сравнение китайского феодализма с европейским позволило бы еще ярче раскрыть эти особенности.

Три главы посвящены средневековой Индии. В них показан распад рабовладельческого строя и переход к феодальным отношениям в этой стране (IV—VI вв.). При описании феодальных государств Индии VII—XII вв. авторы рассказывают о сельских общинах, о различных формах феодальной эксплуатации, о городах, ремеслах и торговле, раскрывают роль религиозных каст в усилении феодальной эксплуатации, кратко характеризуют состояние искусства, литературы и философии Индии того времени.

Освещая развитие Индии с конца XII в. до XV в., авторы рассказали о борьбе индийцев против арабских и монгольских захватчиков.

Существенный недостаток тома состоит в отсутствии последовательного изложения истории развития отдельных стран. История различных народов излагается вперемежку. В силу этого читатель теряет связь между теми или иными большими событиями. К тому же нередко изложение отличается излишней краткостью. Подробное и последовательное освещение некоторых фактов, несомненно, дало бы читателю более полное и верное представление о ходе событий. В книге, например, говорится о тамильском языке и о литературе, написанной на этом языке, но не упоминается, что он представлял собой ответвление дравидианского языка, на котором говорили древние жители Индии до появления арийцев. Об этом стоило напомнить, тем более что и сейчас на юге Индии живут дравидианские народности.

★

Процесс разложения рабовладельческого способа производства и появления феодальных отношений в Европе кратко охарактеризован во введении и раскрыт в главе «Зарождение феодальных отношений в поздней Римской империи. Передвижения германских и славянских племен». Изложение этого вопроса дается последовательно, в духе исторического материализма. Авторы в целях лучшей иллюстрации основных положений часто используют исторические источники, относящиеся к рассматриваемому периоду (Цезарь, Тацит и другие), а также результаты археологических раскопок.

Очень ясно и правильно показаны причины, вызвавшие кризис рабовладельческого способа производства в Восточной и Западной Римской империи (III—VI вв.): резкое сокращение числа рабов, упадок сельского хозяйства и ремесел, сокращение денежного обращения, уменьшение численности населения в городах, переход городских жителей к сельскохозяйственному производству и развитие натурального хозяйства в Западной Римской империи. Менее бурный характер кризиса рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи объясняется тем, что в ней рабство не приняло таких размеров и форм, как в Западной Римской империи, и, следовательно, переход от рабовладельческого строя к феодальному происходил медленнее. Уровень жизни населения в Восточной Римской империи был выше, производство интенсивней, торговля с Востоком здесь не прекращалась, города не подвергались разрушению и сохраняли значительно дольше, чем в Западной Римской империи, свое экономическое значение.

Особое внимание в III томе уделено возникновению ранних элементов феодализма в рабовладельческом обществе: распространению мелкой земельной собственности, появлению колонов, «размещению» рабов

и т. д. В IV—VI вв. превращение земельной аристократии в феодалов сопровождалось созданием частных армий, новых судебных местных органов и т. д. Немало места в книге отводится анализу классовой борьбы, ее роли в переходе от рабовладельческого строя к феодальному.

На основании трудов историков того времени, а также археологических открытий в книге доказывается, что германские и славянские племена не знали рабства; они перешли от примитивной общины к раннему феодализму. В томе подчеркивается, что германские и славянские племена оказали влияние на укрепление территориальных общин и свободного крестьянства в тех провинциях, где они осели. Вместе с тем в книге показан реакционный характер попыток Юстиниана восстановить бывшую Римскую империю и рабовладельческий строй путем введения Свода гражданского права и ряда других мероприятий (стр. 87).

Много места авторы тома отвели вопросам идеологии. Литература, искусство и философия IV—VI вв. отражали кризис рабовладельческого способа производства. В них проявлялся формализм и стремление приспособиться к вкусам императорского двора и рабовладельческой аристократии.

Христианство было провозглашено государственной религией и использовалось для оправдания существовавшего социального строя, основанного на эксплуатации. Церковь, находившаяся на службе господствующих классов, стремилась внушить народным массам смирение и объявила всякое восстание нарушением порядка, установленного богом. Идеологи христианства решительно отрицали какую бы то ни было свободу и самостоятельность научного мышления, подчиняя науку догматам религии. На смену античной философии пришло богословие, которое так глубоко пронизало общественную мысль, что наложило религиозный отпечаток на крестьянские восстания. Вот почему в средние века выступления еретиков являлись одной из форм классовой борьбы.

Обоснованно авторы показывают переход от античного мира к эпохе феодализма. Мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями по данному вопросу.

Франкское государство представлено как «классический пример раннефеодального общества на завоеванной германскими племенами территории Западной Римской империи... в котором разложение первобытно-общинного строя было ускорено в результате влияния римских порядков» (стр. 140). «Салическая правда» позволила авторам подробно описать переход от родовых отношений к обществу, разделенному на классы. Однако некоторые их высказывания требуют уточнения. На стр. 140 написано: «В V в. франки захватили значительную часть территории Римской империи, а именно Северо-Восточную Галлию». Но последняя входила лишь небольшой частью в Римскую империю. Битва против Аттилы в 451 г. имела место не на Каталаунских полях (как это утверждается на стр. 140), а на запад от Тройи, на Мавриакских полях. Сомнительно также утверждение о том, что «франки широко пользовались водяными мельницами» (стр. 143). Водяные мельницы были известны со времени римлян, но их широкое использование началось лишь после XI века.

В главе «Развитое феодальное общество во Франции в XI—XIII вв.» говорится, что причиной значительного прогресса, достигнутого в этот период, был рост производительных сил. Далее мы узнаем, что этот рост сводился к улучшению сельскохозяйственной техники и к повышению производительности труда крестьян (стр. 342). Может ли это объяснить появление многочисленных соборов и дворцов во Франции, не говоря уже о развитии судостроения, ремесла, об улучшении средств передвижения? Авторам следовало шире представить картину роста производительных сил

В X главе указано, что основными чертами развития Франции в IX—XI вв. являлись «окончательное оформление феодальной собственности на землю, резкое обострение классовой борьбы крестьян против закрепощения и феодальной эксплуатации и крайняя политическая раздробленность государства» (стр. 167). В данном случае — именно потому, что речь идет о Франции, «классической стране феодализма», о правах феода более крупных сеньоров, а также об их вассалах — нужно было обязательно добавить параграф о складывании вассальных отношений.

Некоторые формулировки недостаточно ясны. Например, при описании иерархической лестницы в эпоху крайней политической раздробленности государства говорится, что королю «подчинялись крупные светские и духовные феодалы» (стр. 167). И хотя тут же отмечается, что фактически крупные феодалы были независимы от короля, приведенная формулировка может заставить читателя забыть, что речь идет об

эпохе «крайней политической раздробленности государства». Кроме того, феодалы были сильны не столько своими феодами, полученными от короля, сколько владениями, которые они силой захватили у свободных собственников, вынужденных в условиях феодального произвола подчинить свои аллоды всесильным соседям и признать права феода. Верденский договор не утвердил отделение от империи Западного Франкского государства (стр. 166), поскольку Карл Лысый являлся императором. Точно так же нельзя сказать, что Восточное Франкское государство отделилось от империи Каролингов (стр. 172)

Глава «Франция во время Столетней войны. Жакерия» охватывает время глубоких преобразований и изменений во всех областях жизни страны. Это период разложения феодализма и появления капиталистических отношений. Естественно, что вопросы экономического развития и борьбы народных масс здесь заняли ведущее место. Имеются, однако, некоторые замечания. В этой главе не раскрыт тезис об экономическом подъеме сельского хозяйства (стр. 634). На стр. 636 написано, что цензива — это небольшой участок земли, который присоединялся феодалом к крестьянскому держанию. Появление такого определения особенно непонятно после того, как С. Д. Сказкин показал природу и сущность цензивы[1]. Цензива — это участок свободных крестьян, на который накладывался налог в натуре или в деньгах. Попытка Филиппа Красивого присоединить Фландрию показана как борьба между французскими феодалами и фландрскими ткачами (стр. 637), но при этом не учтен конфликт между патрициями и корпорациями ремесленников, а также союз патрициев с Францией и союз ремесленников с графом Фламандским. Конфликт между Филиппом IV и папой Бонифацием VIII не следовало бы упрощенно сводить к тому, что король нуждался в деньгах (стр. 637). Сущность его состояла в непримиримости между властью папы и суверенитетом светского государства, и разрешиться он мог только поражением одной из сторон Значение этого конфликта состоит именно в том, что потерпела поражение папская власть.

К сожалению, в главе допущены неточности вследствие некоторого упрощения упомянутых событий. Так, автор считает что папа отлучил короля Филиппа IV за то что тот якобы установил налоги на французское духовенство без его согласия «В июне 1303 г. в королевском дворце были собраны крупнейшие представители (!) французского духовенства и светских феодалов, которые приняли специальное решение, направленное против Бонифация VIII и обвинявшее его в различных преступлениях. Затем в Италию были направлены представители (!) французского короля, захватившие папу (!) и подвергшие его всяческим оскорблениям» (стр. 638). На деле же существовала грамота об отлучении короля от церкви. Она находилась у папского легата, но не могла быть приведена в исполнение. О каком «специальном решении» 1303 г. идет речь? Ведь в параграфе даже не упоминается Анагнийский акт.

Слишком бегло показаны причины Столетней войны. Среди причин следовало бы упомянуть о вассальном положении короля Англии.

Изображение парижского восстания как ответа на роспуск Генеральных Штатов (стр. 641), включавших представителей трех сословий, также значительно упрощает подлинное положение. Авторы не показали тех задач, которые ставила городская верхушка в Генеральных Штатах, и не раскрыли целей народного восстания в Париже.

Хорошо и основательно в рецензируемом томе вскрыты причины, общие и второстепенные, связанные с Крестьянской войной (Жакерией), отображено историческое значение этого события. Правда, и в связи с изложением этих событий необходимо сделать ряд замечаний. Если верно, что повстанцы не смогли вступить в Компьен, то этого нельзя утверждать в отношении Санлиса. Известен жестокий урок, который получили дворяне Санлиса. Остается неясным, какое участие принимал король Наварры Карл Злой в этих событиях, какова была его роль в Генеральных Штатах, что дало ему возможность захватить в свои руки французский престол. Мир в Бретиньи показан как следствие крестьянского восстания (стр. 645), хотя между этими двумя событиями прошло два года и в 1359 г. предварительные переговоры в Лондоне были сорваны французским правительством. Только после нового похода Эдуарда III Франция приняла мир

[1] С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве. «Средние века». Вып. I. 1942.

Борьба между бургундскими герцогами партией графов Арманьяков и восстание айотенов изложены не в том порядке, который способствовал бы ясному пониманию бытий. Так, рассказав о партии бургунд-в и партии Арманьяков, которые возник-лишь после 1407 г., автор переходит к сстанию майотенов 1382 г., чтобы затем рескочить к восстанию кабошьенов 13 г. (стр. 646—647)

Неточным является утверждение, что по-е битвы при Азенкуре (1415 г.) «Ген-х V объявил своего сына наследником ранцузского престола» (стр. 647). В действительности же на основании договора, ключенного в Труа в 1420 г., Карл VI рекся от своего сына, будущего короля ранции Карла VII.

В XV в. Шампаньские ярмарки уже не рали той роли, которая им приписывается тр. 650) Их упадок начался еще в на-ле XIV в. вследствие развития кредита установления прямого водного сообщения жду Италией и Северной Европой.

На наш взгляд, имеется противоречие жду утверждением авторов о том, что в рмании в X—XI вв. «отсутствовали со-ально-экономические условия, благопри-ные для государственной централизации раны» (стр. 173—174), и словами: «В пер-й половине XII в. уже начали зарож-ться так называемые территориальные няжества» (стр 179). Территориальное няжество — это образование, появляющее-на стадии централизации государства собенность Германии состоит в том, что звитие государственной власти останови-сь как раз на этой стадии. Но в X в. а была более развитой в Германии, чем Франции. Именно наличием более силь-й королевской власти отличается с по-тической точки зрения Германия от ранции в X веке

В третьем параграфе X главы неточно азывается, что остготы пришли в Италию Паннонии; на самом деле они явились из езии. В отношении захвата земель ост-тами говорится, что «они расположились» землях римских землевладельцев, с ко-рых завоеватели взимали третью часть ожая (стр. 179). В действительности вар-ры получали лишь часть какого-то вла-ния, которая предназначалась для того, обы солдат-варвар прокормил себя и ою семью.

Неправильно утверждение, что «в 555 г. тготское королевство было завоевано изантией» (стр. 179), ибо это завоевание началось в 535 и закончилось в 554 году. На стр. 180 сказано: «...К югу от Рима лангобардам принадлежали герцогство Сполето и лишь частично зависимый от лангобардских королей Беневент». Но Сполето находится к северу, а не к югу от Рима, а Беневент также являлся герцогством

При рассмотрении вопроса о торговых связях городов Италии ничего не сказано об их связях с арабским миром. Нельзя согласиться с утверждением, что Милан, Павия и Верона — «новые города» (?), якобы возникшие в IX в. (стр. 182). Имеются неточности в следующей фразе: «Государства, основанные иноземными завоевателями в южной и средней части Апеннинского полуострова (сначала арабское, а затем норманское), не только не стали центром объединения всей страны, но, напротив, содействовали еще большему ее раздроблению» (стр. 183). В средней Италии не существовало норманского государства, а в континентальной Италии не было арабских государств. Римское герцогство никогда не находилось под властью лангобардов

Несмотря на ранний расцвет городов, в Италии не сложился единый внутренний рынок, что дало бы основу для возникновения централизованного государства. Нет сомнения в том, что папская власть и империя являлись препятствиями для централизации, но следовало бы упомянуть при этом и об отсутствии экономического центра в Италии того времени.

Применительно к Италии XII—XIII вв. (глава XXVI) нельзя уже говорить, что Королевство обеих Сицилий включало герцогства Беневент и Салерно (стр. 387). Герцог Беневентский объявил себя князем после того, как в 754 г. Павия была завоевана франками; Салерно являлось княжеством начиная с первой половины IX века.

При описании городов Италии следовало бы более подробно остановиться на вопросе о коммерческом и морском значении Пизы. Важно было бы упомянуть и о Венецианской коммуне. Неточной является следующая формулировка: «Из среды Большого совета был выделен исполнительный орган — Малый совет, или Совет сорока» (стр. 388). Во-первых, как Большой, так и Малый совет, или «синьория», как он еще назывался, возникли в связи с расколом в совете мудрейших. Во-вторых, Малый совет состоял из шести членов, к которым позже присоединились три главы «Гарантии», то

есть трибунала, состоявшего из 40 членов.

Классовая борьба, которая имела место среди населения внутри итальянских городов, показана на примере Флоренции и Милана. Но при этом не уточнены социальные элементы, из которых состояли враждующие партии, и не указаны основные фазы борьбы. Говоря о гвельфах и гибеллинах, авторы упустили из вида, что гибеллины и гвельфы были вначале партиями аристократии. Во время непримиримой борьбы между ними «народ», значение которого возрастало, присоединялся то к одной, то к другой из этих двух партий, причем так называемый «жирный народ» (popolo grasso) больше примыкал к гвельфам, а «тощий народ» (popolo minuto) чаще оказывался на стороне гибеллинов. В свете сказанного представляется неточным утверждение авторов, что «в основном гибеллинам сочувствовала городская знать, вышедшая из дворянских родов, а гвельфам — высший слой горожан, богатые купцы и ростовщики» (стр. 391).

Папские банкиры вначале происходили из сенесийцев и лишь впоследствии были флорентийцами. Поэтому нельзя утверждать, что именно в Риме «очень сильно было развито ростовщичество и банковское дело» (там же).

★

Хотя главы, посвященные истории Византии, недостаточно учитывают результаты последних исследований, все же они основаны на очень богатом материале. В них главным образом уделяется внимание социально-экономической структуре государства, классовой борьбе и социальным основам культуры.

Некоторые вопросы требуют более полного освещения. Так, при ознакомлении с этими главами возникает представление, будто бы рабовладельцы в Византии VII—IX вв. составляли какую-то особенную категорию феодалов. На стр. 214 мы читаем: «В Византии VII—IX вв., как и в западноевропейских странах, существовало и неуклонно росло, главным образом за счет поглощения земель обедневших крестьян-общинников, крупное феодальное землевладение. Но процесс формирования феодальных отношений в Византии имел свои специфические особенности. Важнейшей из них являлось сохранение в Византии в большей степени и на более долгое время (вплоть до XI в.) пережитков рабовладения». При определении феодального характера византийского государства было бы правильнее в основу положить тезис Ф. Энгельса о различии между деспотическим феодальным государством и иерархическим феодальным государством (на Западе) [2].

Не является ли установление господства Ираклия доказательством того, что положение крестьян улучшилось в VII—VIII вв., а не в VI—VII вв., как утверждается на стр. 215? Могло ли быть так, как утверждают авторы, что в VIII в. выросло крупное феодальное землевладение и в то же время усилилась власть империи (см. там же)? Ведь это два непримиримых явления.

XIII глава «Развитие феодализма в Византии» охватывает период с VII по XI век. Между тем в XXVIII главе, посвященной XI—XIII вв., говорится о том, что феодальные отношения окончательно сложились лишь в XI и в начале XII века. Здесь нужно было бы внести ясность, чтобы у читателя сложилось определенное впечатление о времени становления феодализма в Византии.

На наш взгляд, надо было подробнее рассказать о восстановлении единства Византийской империи. В книге слишком бегло упомянут факт участия румын в великом антивизантийском восстании в 1086—1087 гг. (стр. 415), подтверждаемый источниками и признанный современными специалистами по Византии (например, Н. Иорга, Н. Бэнеску и др.).

Показ истории Англии и Скандинавии периода раннего феодализма (VII—XI вв.) в одной главе оправдывается общностью их судеб, одинаковым характером их социально-экономического развития. Феодализм в Англии складывался медленнее, чем на континенте. Однако мы считаем, что прочность сельских общин являлась не одной из причин медленного процесса развития феодализма в Англии, а основной причиной.

Интересны замечания авторов о том, что эпопеи и легенды отражают жизнь родовых и сельских общин, а церковная литература и историография на латинском языке — процесс феодализации, развитие феодальной знати.

Параллелизм в освещении развития английского и французского общества в

---

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 391—392.

XIV—XV вв. в основном правилен. Однако игнорируются специфические черты английской истории того периода: особое развитие мануфактур, основанных на наемном труде, формирование крупных латифундий, появление новой аристократии, связанной с капиталистическим производством, и, наконец, роль английского парламента, который коренным образом отличался от Генеральных Штатов Франции. Авторы правильно отмечают факт раскрепощения крестьян в этот период. Но слова «с XIV века крепостное право в Англии начало клониться к упадку» (стр. 661) создают впечатление, что этому процессу предстояло еще долго продолжаться. Между тем К. Маркс совершенно определенно указывал, что в Англии «крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия» [3].

По нашему мнению, параграф «Рабочее законодательство» (стр. 661) логичнее было бы поместить после параграфа «Перемены в строе цехового ремесла» (стр. 662). Авторы справедливо отмечают различие между идеями Джона Виклефа, которые отражали еретические взгляды горожан, и социальной программой лоллардов. Виклеф, по сути, защищал интересы короля против папских притязаний на взимание поборов с Англии. Лолларды же поднялись против самого феодального строя.

В томе очень ярко показан антифеодальный характер восстания 1381 года. Однако стоило бы подчеркнуть, что крестьянство не являлось представителем нового способа производства и, следовательно, не обладало ни политической зрелостью, ни необходимым единством, которые позволили бы ему успешно бороться против феодалов. Авторы считают, что следствием восстания Уота Тайлера была ликвидация крепостничества в Англии. Так, они пишут: «В течение XV в. почти все крестьяне были переведены на денежные платежи, и большинство крестьян выкупилось на волю» (стр. 668). Это положение может создать впечатление, что переход от отработочных повинностей к денежным платежам произошел лишь в XV в., что неверно в свете уже отмеченного нами положения К. Маркса. Формы крестьянского владения землей следовало бы в книге разъяснить, дав точное определение двум категориям собственников: «фриголдер» и «копиголдер». «Огораживания» и развитие торговли заслуживают более подробного описания. Между тем этим вопросам посвящено всего несколько строк (там же).

При изложении политики Генриха VII в области укрепления королевской власти следовало бы упомянуть, что в данном случае, как и во Франции при Людовике XI, мы сталкиваемся с прологом абсолютной монархии. Неудачно написан параграф «Предпосылки складывания английской нации». Он начинается с утверждения: «В эпоху господства феодализма в Англии не могло сложиться национальное единство. Но известные элементы нации возникали постепенно еще в докапиталистический период» (стр. 671). Во-первых, неверно подменять понятие «нации» понятием «национальное единство». Во-вторых, в дальнейшем в параграфе перечисляются все основные признаки наций, но не объясняется, почему же, несмотря на наличие их, в XIV—XV вв. английская нация еще не сложилась.

В главе, посвященной развитию феодализма в Скандинавских странах в XII—XV вв., указывается на то, что этот процесс по сравнению со Швецией и Норвегией в Дании шел быстрее. Здесь сельское хозяйство находилось на более высоком уровне, в ряде областей уже существовали крупные поместья, а к XIV в. основную массу крестьян составляли лично зависимые держатели. В Швеции и Норвегии свободное крестьянство сохранилось в большом числе, держатели были свободны от личных повинностей. Крестьянские восстания были направлены преимущественно против системы налоговых поборов и против церковной десятины — этих своеобразных проявлений феодальной эксплуатации.

Хотя Скандинавские страны не прошли через этап феодальной раздробленности, однако королевская власть была здесь ограничена при помощи съездов знати и постоянного государственного совета. Хартию датского короля Эрика Клиппинга в 1282 г. и условия избрания шведско-норвежского короля Магнуса в 1319 г. нельзя считать, как это делают авторы (стр. 691), яркими памятниками торжества аристократической монархии в Скандинавских странах. Известно, что эти документы ограничивали королевскую власть.

Совершенно правильно, что Кальмарская уния (1397 г.) явилась попыткой трех стран, населенных родственными по языку и культуре народами, усилить сопротивление немецкой Ганзе, которая после поражения

[3] К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 721.

Дании в 1370 г. при короле Вальдемаре Аттердаге утвердила свое господство на Балтийском море и стала угрожать экономической независимости Скандинавских стран. Ганза получила даже право вмешиваться в избрание датского короля.

В главах, рассказывающих об Иберийском полуострове, дана яркая картина развития там феодальных государств, из которых на протяжении почти тысячелетия складывались Испания и Португалия. Хочется отметить четкую трактовку экономических и социальных вопросов, а также правильный показ главных этапов развития феодализма в Испании. Верно утверждение, что Реконкиста обеспечила крестьянам освобожденных областей улучшение положения Справедливо положительно оценивать Реконкисту, во время которой сложились испанский и португальский народы Может быть, следовало бы больше сказать о специфике идеологии испанской аристократии, об ее религиозном фанатизме и презрении к труду.

Авторы правильно показали процесс объединения Испании. Объединение было связано с экономическим и социальным прогрессом городов Кастилии, с наличием их союза «Святая Эрмандада». Королевская власть использовала эту силу в борьбе с крупными феодалами. История Португалии, пожалуй, изложена слишком кратко

Известно, что буржуазная историография старалась описать крестовые походы как великое движение за освобождение «святых мест». В рецензируемом томе «Всемирной истории» показаны истинные цели крестовых походов — больших экспедиций колонизаторов, стремившихся завоевать для младших сыновей аристократических семейств феодальные владения и в то же время обеспечить купцам и судовладельцам господство на Средиземном море, свободный доступ к рынкам Востока, а католической церкви — господство над православной. Авторы вскрывают грабительский, захватнический характер крестовых походов, жестокости и злодеяния крестоносцев, совершенные ими по отношению к «неверным» и тем православным, которые были подданными Византийской империи. Особое внимание авторы уделили первому и четвертому крестовым походам; второй и третий представлены очень кратко Пятый, шестой, седьмой и восьмой крестовые походы лишь упомянуты. Читатель так и не узнает, где они происходили и каковы были их результаты Между тем на последних крестовых походах, направленных против Египта и Туниса, надо было остановиться подробнее как на доказательстве экономического характера экспедиций, предпринятых королем, которого церковь объявила святым.

★

Главы по истории феодальной России (VI—XV вв.) свидетельствуют о замечательных достижениях советской историографии за последние 40 лет.

История восточных славян с VI по IX в. и создание первого русского государства предстают перед нами в новом свете благодаря глубокому критическому анализу, которому были подвергнуты все положения старой русской историографии. Советские историки широко использовали при этом данные археологии и тщательно обработали не только русские, но и зарубежные источники

С самых древних времен сельское хозяйство являлось основным занятием восточных славян. Исследование могильных курганов IX—X вв. позволило прийти к заключению, что еще в ту пору хозяева земли в Киевской Руси пользовались трудом зависимых крестьян. Следовательно, возникновение феодальных отношений в России можно отнести к IX веку. Вопрос о времени появления городов на Руси историками еще не решен в полной мере (стр. 248).

При рассмотрении вопроса о создании Киевского государства авторы приводят ряд новых аргументов против теории «норманистов» Вместе с тем нельзя не сказать, что борьбе с «норманистами» и их «теориями» в книге уделено все же мало места

Крупным успехом следует считать главу, посвященную образованию централизованного государства. Авторы на основе огромного документального материала сумели дать живую картину сложного исторического процесса

Чтобы читатель, особенно зарубежный, мог лучше понять развитие средневековой Руси и полностью осознать значение достижений советской историографии, полезно было шире показать порочность буржуазных концепций. Например, стоило отметить, как глубоко неправ был Ключевский, который, говоря об основном занятии древних славян, выделял главным образом вопросы торговли, между тем как советские историки убедительно доказали, что основным занятием населения являлось земледелие.

В рассматриваемых главах не нашла отражения та борьба взглядов, которая привела советскую историографию к уточнению и упрочению позиций, завоеванных ею. Тщательный отбор материалов о происхождении Киевской Руси, а также учет того положительного, что историческая наука признала в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова (высказывавших различные точки зрения), показывают, как основательно подходили авторы этого тома к решению коренных проблем. Многое из высказываний Б. Д Грекова (например, о политических формациях, предшествовавших образованию Киевского государства, о роли Рюрика как основателя династии киевских князей) не принято в III томе.

Более широкое применение авторами сравнительно-исторического метода могло бы помочь читателю лучше понять описываемые в книге события. Сопоставление еретических движений в Новгороде и Пскове и таких же движений на Западе могло бы придать анализу событий в России большую глубину и показать всемирную значимость этих движений.

Некоторые исторические факты, изложенные в книге, быть может, совершенно ясны советскому читателю, но зарубежный читатель нуждается в более обстоятельных разъяснениях. Так, авторы тома ограничиваются только заявлением о переходе славян от родовых отношений к феодальным, вместо того, чтобы описать этот процесс подробно. Они сообщают, что земледелие «издавна» являлось основным занятием славян, не уточняя даже приблизительно, с каких же пор; утверждают, что села снабжали города продуктами питания, не добавляя при этом, что средневековые города имели и свои собственные земельные угодья. Правда, в последнем случае объяснение дается в другом месте, но значительно позже, после того, как у читателя могло уже составиться ложное представление о том, что города якобы были полностью оторваны от земледелия. История торговли Киевской Руси и появление купцов также требуют подробного освещения. Это необходимо и для понимания следующих вопросов: каково было положение беглых крестьян, селившихся в городах, каков был характер киевской культуры, какую роль играли купцы в политической жизни Новгорода (об этом следовало бы сказать там, где говорится о роли бояр), почему вольный Новгород сохранил при всем своем республиканском характере функцию князя, с каких пор известна система поместий. На стр. 769 говорится, что «характерной особенностью феодального землевладения XIV—XV вв. было соединение собственности на землю с политическими правами по отношению к феодально зависимому населению», а об иммунитетных правах феодалов мы узнаем только на 791-й странице. Досадно, что ни во введении, ни в главах о России не раскрыта сущность иммунитета в феодальном обществе.

Взаимоотношения между великими и удельными князьями в томе освещены, но при этом не показано, были связаны или нет их слуги из числа феодалов вассальными отношениями. Наконец, очень подробное изложение связей Ивана III с другими странами можно было бы дополнить и сведениями о его очень близких отношениях со Стефаном Великим, господарем Молдовы.

Истории южных и западных славян в период с VII по X в. посвящено 17 страниц. Это всего лишь краткая информация весьма общего характера. В главе недостаточно ясно показано, почему болгарское государство стало великой державой в середине IX в., а затем рухнуло в 1018 году. Роль народных масс Болгарии упомянута лишь в связи с богомильскими общинами.

Усилия сербов, хорватов и словенцев создать феодальные государства в период раннего феодализма не привели к положительным результатам как по причинам внутреннего характера, так и из-за борьбы с внешними врагами: аварами, баварскими герцогами, лангобардскими королями и позже франками. В книге освещена роль Само, который объединил западные славянские племена и организовал их освободительную борьбу против аварского господства. Удивляет заявление авторов о том, что Само был славянином (стр. 234). В подтверждение этого не приводится никаких документальных данных Между тем единственным источником, где говорится о Само, является летопись Фредегара, который считает его франком. Правильней поступили советские историки в «Истории Чехословакии», оставившие вопрос о происхождении Само открытым [4]. Чешская марксистская историография утверждает, что государство Пржемысла создалось на основе Чехии [5], а не

[4] «История Чехословакии». Т. I. Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М. 1956, стр. 50.

[5] «Přehled Československých dějin», I. Maketa Praha. 1958, p. 72.

как продолжение Великоморавии (стр. 235). Болеслав I вступил на престол не в 935, а в 929 году.

Изложение ранней истории Польши воспринимается лишь как очень краткий очерк.

В XXIX главе — о западнославянских государствах Чехии и Польше — отображены события с XI по XIII век. В этой главе история отдельных народов дробится на небольшие периоды без учета этапов развития и специфики периодизации истории в каждой стране. Большинство описанных здесь событий относится к периоду раннего феодализма, который в Польше закончился в середине, а в Чехословакии в конце XII века. Но авторы относят и весь отрезок истории этих стран XIII в. к периоду раннего феодализма, затушевывая характерные черты двух этапов феодализма: раннего и развитого.

Шесть параграфов XXIX главы, посвященных Чехии, подводят читателя к событиям, связанным с возникновением Гуситских войн (1419—1437 гг.). Наряду с отличным анализом экономических условий этого периода необходимо было показать и классовое расслоение чешского общества.

Две основные категории сельского населения (свободные крестьяне — дедичи и потомки рабов — подсоседки) в разделе «Укрепление феодального строя» (стр. 427—428) охарактеризованы не так, как это вытекает из результатов исследований чешских историков. Последние считают дедичей зависимыми крестьянами, которые могли быть подарены или проданы, как и сервы, не имевшие земли, а подсоседков — низшей прослойкой сельского населения (подсоседки приравнивались к слугам).

Раскрывая причины феодальной раздробленности Чехии, авторы умалчивают о междоусобной борьбе в среде верхушки чешского феодального общества. Эта борьба привела к интервенции со стороны германских феодалов и к ослаблению центральной власти.

В противовес утверждениям буржуазной историографии, особенно германской, которая считает германскую колонизацию событием, вызвавшим «подлинную революцию», чехословацкие и советские историки убедительно показали резко отрицательные стороны этого процесса. В книге, к сожалению, недостаточно учтены последние достижения советской и чехословацкой историографии в данной области.

При изложении истории Польши в период феодальной раздробленности основное внимание уделяется вопросу о появлении и роли городов.

XLIV глава посвящена Чехии и Польше XIV—XV веков. Здесь речь идет главным образом о великой крестьянской войне в Чехии в XV веке. Авторы подчеркивают, что преобладающим видом феодальной ренты была денежная, при этом в центре и на севере страны все больше усиливалась роль барщины (стр. 696). Между тем чехословацкие историки, в частности Й. Мацек, считают, что нельзя проводить такого резкого различия между существовавшими условиями в сельском хозяйстве Чехии на юге и на севере[6].

Пражское епископство получило ранг архиепископства не во время царствования Карла I, а до того, как он стал королем. Позже, став императором Германии, он называл себя и королем Чехии, Карлом IV. Поэтому, именуя его Карлом I (стр. 697), автор может дезориентировать читателя, ибо в таком случае легко спутать этого короля с другим.

Вопрос о проникновении учения Джона Виклефа в Пражский университет и его роли в развитии революционного движения следовало бы, по нашему мнению, изложить в более тесной связи с социальной действительностью Чехии, чтобы программа чешского революционного движения не казалась позаимствованной извне. При описании «двух лагерей» отношения между различными общественными элементами в гуситском движении очерчены слишком схематично.

В этой главе не дана даже краткая характеристика католической церкви, которая была крупнейшим феодальным собственником и жестоко эксплуатировала крестьян.

★

Советские востоковеды добились больших успехов в изучении истории арабских, тюркских и монгольских народов. Это положительно сказалось на качестве материалов соответствующего раздела III тома «Всемирной истории». Читатель узнает много нового и интересного. К сожалению, порой чувствуется тенденция к схематическому изложению, что приводит к упрощению и даже неточностям.

Так, в главе об Османской империи XIV—XV вв. имеются, по нашему мнению, некоторые неполные или неточные форму-

[6] См. «Československý časopis historický», IV, 1956, I, p. 347.

лировки. Против турок воевали не только южнославянские народы, но и греки и румыны. Огузы, перекочевавшие на запад, находились под руководством не Эртогрула, а его отца Сулеймана. Шах Сулейман был дедом Османа — основателя Османского государства. Огузы входили в состав тюрков. Орхан завоевал не только Никею (1331 г.), но и Никомедию (Изник и Изникмид). О начале турецкого господства в Европе в середине XIV в. при Сулеймане, сыне Орхана, в томе сказано очень немного. Между тем этот вопрос заслуживает более подробного описания.

Хотя в книге и уделяется большое внимание движениям общественного характера, однако ничего не говорится о восстании Савги (одного из сыновей Мурада I) приблизительно в 1385 году. Не сообщается также о поражении турок в 1388 г. у Плокника и о завоевании Софии в 1386 году. В битве у Никополя в 1396 г. участвовали не только венгры и чехи, но и румыны. Баязид пять раз атаковал Константинополь в период между 1391 и 1400 годами. Турецкие походы против Венгрии не начались, а усилились после битвы у Никополя; первое нападение было совершено в 1391 году. В этой главе даже вскользь не упомянута роль Мирчи Старого, князя Валахии, которую он сыграл в период смутного междуцарствия 1402—1413 годов. Новейшими исследованиями установлено, что движение, в результате которого вспыхнуло восстание мелких пленников под руководством шейха Бедр-Ад-Дина Симави, имело место не в 1413—1418 гг., а в 1418—1420 годах. Говоря о битвах Яноша Хуньяди, следовало бы упомянуть также битвы у Железных ворот на Дунае, на юге Трансильвании и др. Осада и завоевание Константинополя заслуживают более подробного описания.

★

В III томе очень хорошо показаны роль Германии в мировой торговле, значение городов Южной Германии и долины Рейна в развитии текстильной промышленности, а также значение развития горнорудного дела для укрепления Габсбургов. Однако имеются некоторые неточности. Ганза сформировалась не в XIV, а в XIII в., когда купцы Северной Германии во главе с вестфальскими завоевали господствующее положение в районе Балтийского моря.

В развитии крупной земельной собственности на западе и востоке Германии происходили значительные изменения начиная с XVI века. На западе от Эльбы феодалы разделили часть своих владений на мелкие участки, которые они сдавали в краткосрочную аренду. К востоку от Эльбы феодалы, наоборот, увеличивали свои владения за счет захвата коммунальных земель, а также земель крестьян. В этих больших феодальных владениях земледелие было основано на барщине. Следовательно, не соответствует действительности утверждение, что в Западной Германии феодалы расширяли свои владения, захватывая земли крестьян и общин (стр. 680).

В средние века контингенты войск были небольшими. Поэтому сообщение о том, что «арманьяки» вступили в Германию с 50 тыс.(!) рыцарей, вызывает сомнение (стр. 684).

В томе утверждается, будто бы анонимный автор «Реформации императора Сигизмунда» считал, что реформа империи произойдет по инициативе городов (стр. 684). Это неверно. В действительности он враждебно относился к князьям, к городам, а главным образом к монастырям, которые, по мысли анонима, следовало распустить, если бы они оказали сопротивление реформе.

Глава «Зарождение капиталистических отношений в Италии. Раннее Возрождение» начинается с вопроса о ликвидации крепостного права в некоторых областях Италии (стр. 606). Нам представляется, что целесообразнее было начать главу рассказом о мануфактурах, то есть о концентрации средств производства в руках капиталистических предпринимателей. Формирование нового городского общества помогает объяснить и понять раннее Возрождение.

Крестьяне, приходившие в город, могли быть использованы главным образом на работах по промывке и прочесыванию шерсти, но не в мастерских суконных изделий (стр. 611), где требовался квалифицированный труд. В тексте говорится: «Участником производственного процесса был уже не цеховой мастер или подмастерье, а наемный рабочий» (там же). Но разве подмастерье, даже если у него имелись шансы стать мастером, не являлся наемным рабочим?

На наш взгляд, материал о раннем Возрождении стал бы содержательнее, если бы авторы дали систематическое изложение вопросов архитектуры, скульптуры и живописи, подчеркнув основную линию развития искусства в XV веке.

★

В главе «Венгрия в IX—XIII вв.» имеются неточности. Без основания говорится, что венгры появились в Восточной Трансильвании одновременно с их проникновением в 90-х годах X в. в область, расположенную между Дунаем и Тисой (стр. 440). В этот период венгерские племена совершали только набеги на Северную Трансильванию и Банат. Имея в виду времена Арпада, можно говорить об объединении племен, но не о существовании центральной администрации государственного характера. Централизованная власть зарождалась при Гейзе, а главным образом при Стефане I. Точно так же лишь в XI в. стали создаваться комитаты Стефан I не с самого рождения получил корону и титул короля, а лишь в 1000 году. Не все свободные крестьяне (и их земли) были объявлены при Стефане I королевской собственностью, и не все они были закрепощены феодалами. Процесс закрепощения крестьян и захвата общинных земель тогда только начался.

На стр. 445 читаем: «В последние десятилетия XI в феодальные отношения в венгерском обществе окончательно утвердились». А на самом деле они не укрепились даже и в следующем веке. По нашему мнению, нельзя говорить, что в конце XI в. свободные крестьяне были исключением в Венгрии (там же). Мы считаем также, что процесс формирования феодальной иерархии и социальных классов в Венгрии закончился не в конце XI, а в первой половине XIII века. В XIII в. происходило и приближение рабов к положению крепостных

В III томе говорится о венгерских «магнатах» первой половины X в. (стр. 441), о крупных феодалах во времена Стефана I. Все это не соответствует фактам. Андрей II не участвовал в четвертом крестовом походе, ибо в это время королем был Эмерик; Андрей II возглавил в 1217 г. пятый крестовый поход.

В томе есть географическая карта, озаглавленная: «Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия в XIII веке» В ней есть некоторые неточности. Город Бая расположен к югу от Сучавы. Города Роман, Васлуй и Галац в XIII в. еще не существовали (стр. 442). Первые упоминания об этих городах содержатся в источниках начала XV века. И, наконец, Валахия и Молдавия еще не сформировались в XIII в как независимые феодальные государства

Главы, посвященные румынским княжествам (XXXI; XLVIII, параграф 3), в целом написаны хорошо. Они включают основные вопросы истории румынского народа в IX—XV веках. К сожалению, в них имеются некоторые упущения, ошибки и расхождения со взглядами румынских историков. На стр. 450 сказано: «Уже в конце IX и особенно в X в. здесь выросли монастыри, которые увеличивали свои земли, получая пожалования от князей или же захватывая общинные земли» Однако первоисточники говорят о том, что это происходило лишь в XI в. в Трансильвании и в XIV в. в Валахии и в Молдавии [8].

На стр. 451, где говорится о славянском языке как языке официальном в трех румынских княжествах с конца X по XVII в., следует уточнить, что в Трансильвании на протяжении всего этого периода официальным языком государственных учреждений был не славянский, а латинский язык. В разговорной же, устной речи пользовались румынским языком.

В той же главе сообщается о том, что в Молдавии и Валахии еще в XII в. и в первой половине XIII в. имелось много городов. Однако румынским историкам известно о существовании городов лишь начиная с XIV века. Читатель, к сожалению, не найдет в книге сведений о том, как сформировался румынский народ, как сложился его язык.

На стр. 757 говорится о «княжестве» Богдана В действительности это было воеводство.

Румынские историки считают неправильным применение термина «слобозия» для обозначения иммунитетных прав в Валахии в XIV—XV вв. (стр 758). Слобозии — это не иммунитетные поместья, а села, населенные колонистами; они были характерны для XVII века. Нельзя утверждать, что процесс закрепощения румынских крестьян закончился в XV в. (стр. 758). Прикрепление крестьян к земле в Валахии произошло в 1594 г., а в Молдавии еще позже.

На наш взгляд, в книге не отображен ряд фактов и явлений, имевших большое значение в истории Румынии. Например, ничего не сказано о том, что румынские княжества (земли) всегда стремились к

[8] См. «Documente privind istoria Rominiei, C. Transilvania, veacurile XI, XII si XIII», passim; «Documente privind istoria Rominiei, B. Tara Rominesco veac. XIII, XIV si XV», passim; «Documente privind istoria Rominiei A. Moldova, veac. XIV—XV». Vol. I, passim.

объединению. Это вызывалось частично и необходимостью их совместной борьбы против турецких захватчиков. Временные объединения происходили под эгидой то одного, то другого правителя: при Иоане Хунедоарском (Яноше Хуньяди), при Стефане Великом, а также при Михае Храбром.

При освещении истории формирования феодального государства в Валахии и Молдавии ничего не говорится об организации системы налогов, о роли государственных налогов в эксплуатации крестьянства, о «господарском совете», являвшемся высшим политическим органом господствующего класса, о военной организации страны и значении румынских крепостей.

★

«Всемирная история» — большой и ценный труд. Заслугой авторов и редакторов его является широкий показ развития общества в эпоху феодализма. В книге правильно раскрыты основные черты и характерные особенности развития каждой страны. В ней убедительно показано действие общих закономерностей исторического развития, отмеченных в каждой отдельной стране специфическими чертами.

Андрей Оцетя,
действительный член Академии РНР

«История южных и западных славян». Изд-во Московского государственного университета. М. 1957. 574 стр. Тираж 9 000. Цена 13 руб. 45 коп.

Изучение исторических судеб братских славянских народов представляет большой политический и научный интерес. Естественно, что курсам по истории южных и западных славян отведено видное место в нашем университетском преподавании. Цель этих курсов — дать студенту, будущему историку, отчетливое представление о важнейших фактах и основных закономерностях исторического развития каждого славянского народа, а также о роли славян в мировой истории. Особое значение имеет изучение современного этапа истории славянских народов, которые идут по пути строительства социализма.

К сожалению, до сих пор наша высшая школа не имела марксистского учебника по истории славян. Учебник «История южных и западных славян» теперь восполняет существенный пробел в нашей научно-учебной литературе по всеобщей истории.

Написание и издание учебника стало возможным благодаря работам советских славистов. Только за последние годы перед выпуском в свет «Истории южных и западных славян» были опубликованы монографии и статьи советских ученых по отдельным проблемам истории славянских народов, напечатаны коллективный двухтомный труд «История Болгарии» (1954—1955 гг.), первые два тома трехтомной «Истории Польши» (1954—1955 гг.), первый том трехтомной «Истории Чехословакии» (1956 г.). В последних изданиях учебников по истории средних веков и новой истории, а также в вышедших томах «Всемирной истории» отведено значительное место вопросам истории южных и западных славян. Однако до выхода в свет «Истории южных и западных славян» нужда в этом учебнике остро ощущалась.

Рецензируемая книга состоит из введения и двух частей (23 главы в первой части и 12 — во второй). Первая часть охватывает период до 1918 г., вторая — с 1918 до 1945 года.

Перед авторским коллективом стояли немалые трудности. Важнейшие проблемы истории южных и западных славян в советской науке разработаны крайне неравномерно, а отдельные из них вообще не подвергались специальному исследованию. Особенно много неизученных вопросов в области новой и новейшей истории славянских народов. Недостаточно освещена в марксистской историографии история народов Югославии. Составители учебника проделали большую работу и, несмотря на отдельные недочеты, в целом успешно справились со стоявшей перед ними задачей.

В книге впервые в советской историографии дается систематическое изложение истории всех зарубежных славянских народов с древнейших времен до окончания второй мировой войны. При этом основное внимание уделено социально-экономическому развитию, истории народных масс и их классовой борьбе. Достаточно места отве-

дено истории крестьянства и крестьянских движений как в средние века, так в новое и новейшее время. Всякий, кто будет пользоваться учебником, получит представление о феодальной и капиталистической эксплуатации крестьянства, о причинах и характере крестьянских движений в Болгарии, Сербии, Хорватии, Чехии, Польше и других славянских странах. Показывая решающую и возрастающую роль народных масс в истории зарубежных славянских стран, авторский коллектив совершенно правильно сконцентрировал внимание на истории рабочего и социалистического движения в конце XIX и начале XX в., а в новейшее время — на истории классовых битв пролетариата под руководством коммунистических партий.

★

Открывается учебник введением, в котором говорится о значении курса истории славян, подчеркивается роль, какую сыграли они в общем ходе всемирной истории и развитии мировой культуры. Здесь же приводятся некоторые данные об изучении истории славян. Но из-за краткости изложения во введении не нашли отражения существенные моменты в развитии славяноведения. Например, правильно отмечается славянофильская и панславистская направленность большинства трудов русских буржуазных ученых, но не говорится о роли русских революционных демократов (особенно Н. Г. Чернышевского) в изучении истории славян. В числе историков-славистов второй половины XIX в. не названы такие видные ученые, как А. Н. Ясинский, Н. Н. Любович, И. Н. Смирнов. Подробнее следовало, как нам кажется, сказать об изучении славянской истории в странах народной демократии; в числе историков Чехословакии не упомянут З. Неедлы. Надо было также подвергнуть критике новейшие зарубежные фальсификации истории славян. При этом отметим, что историографический элемент, за немногими исключениями, почти не представлен в других разделах учебника. Последнее обстоятельство особенно досадно, когда речь идет о проблемах, вызывавших дискуссии. Недостаточное внимание к вопросам историографии является существенным пробелом учебника. Этот пробел необходимо устранить при переиздании книги. Наконец, во введении не отведено места характеристике источников.

Оценивая изложение средневекового периода в истории славянства, следует прежде всего отметить, что основные проблемы средневековья у славянских народов нашли то или иное отражение в учебнике, но не всегда с достаточной полнотой и ясностью. С наибольшими трудностями авторы столкнулись при изложении таких проблем, как разложение первобытнообщинного строя и генезис феодальных отношений, а также образование раннефеодальных государств. Скудость источников, слабая изученность отдельных вопросов не позволили им с должной четкостью изложить указанные проблемы. В ряде случаев составители ограничились лишь общими положениями, без достаточной конкретизации. Это видно, например, на материале, привлеченном в параграфе «Складывание раннефеодального Польского государства» (стр. 15—16). Нам представляется, что при рассмотрении сложных проблем, для освещения которых не имеется достаточного количества источников, авторам следовало проводить некоторые аналогии с историей западноевропейских народов, где благодаря сравнительному обилию письменных памятников процессы генезиса феодальных отношений и образования раннефеодальных государств изучены более конкретно и полно.

Усвоение материала весьма затрудняет дробность структуры учебника, особенно при изложении истории раннего средневековья. Так, общая характеристика Союза семи славянских племен, на основе которого сложилось древнее Болгарское государство, приведена на стр. 14. Затем следует краткий раздел о западных славянах в VI—VII вв. (стр. 14—16), а на стр. 17 авторы снова возвращаются к вопросу об основании древнего Болгарского государства, начиная при этом соответствующий раздел с отличительных черт протоболгар, не игравших, как правильно отмечается в учебнике, решающей роли в образовании этого государства.

Некоторые важные проблемы средневековья затрагиваются в учебнике только вскользь. К ним относятся: развитие феодальной ренты, вторичное закрепощение.

В первой главе рассматривается первобытнообщинный строй у славян и его разложение, образование первых славянских государств (IV—VII вв.). Основные проблемы этого периода получили правильное освещение. Авторы довольно удачно суммировали последние достижения советской и зарубежной литературы.

Однако в определении времени складывания городов как центров ремесла и торговли в славянских странах допущена некоторая неточность. В советской медиевистике принято считать, что этот процесс происходил в Европе в IX—XI веках. В учебнике же он отнесен к VI—VII векам (стр. 10—15). При этом новая датировка авторами не обоснована.

Глава вторая посвящена складыванию феодальных отношений у южных и западных славян в VII—X веках. Ее первый раздел — о Болгарии — написан в свете новейших данных. Но его, по нашему мнению, следовало начинать не с характеристики протоболгар, а с Союза семи славянских племен. В разделе, рассказывающем о Сербии, вызывает сомнение мысль о том, что «сербские племена развивались медленнее, чем другие южные славяне, так как они были окружены сильными соседями» (стр. 23). Разве Болгария или Хорватия были не в таком же положении? Тем не менее общественное развитие шло у них быстрее, чем у сербов. Очевидно, причины этого явления следует искать прежде всего в большей прочности родовых связей у сербов и лишь отчасти в географической среде. В других разделах о Хорватии почти не уделяется внимания далматинским городам. Между тем сами авторы пишут: «Далматинская Хорватия, где развитие феодальных институтов имело более быстрые темпы, явилась тем центром, вокруг которого началось объединение хорватских земель» (стр. 26).

В разделе о Великоморавском государстве авторы противоречиво изложили вопросы взаимоотношений князя Ростислава с немцами. На стр. 28 сказано: «В 846 г. немецкий король Людовик совершил поход в Моравию, сверг Моймира и посадил князем его племянника Ростислава». А несколькими строками ниже читаем: «На всем протяжении своего правления он (Ростислав.— Ред.) вел активную борьбу с немецкой феодальной агрессией». Невольно возникает вопрос: почему же ставленник немецких феодалов вел с ними борьбу? Авторы не дают на него ответа. Из того, что написано на стр. 29 о политике Святополка по отношению к Мефодию, можно понять, что Святополк последнего поддерживал. Но ведь известно, что Святополк покровительствовал также и немецкому католическому духовенству. Великоморавское княжество пало под совместным ударом венгров и немцев, а не только одних венгров.

Вопросы образования чешского и польского раннефеодальных государств раздроблены в учебнике на мелкие разделы, что не позволяет представить во всей полноте этот процесс.

Глава третья трактует о развитии феодальных отношений у южных славян в X—XV вв. и завоевании Балканского полуострова турками. Разделы о Сербии вызывают некоторые возражения. Не совсем понятен, например, заголовок на стр. 50: «Образование Сербского государства в XII в.». Вслед за этим заголовком сказано: «Сербия в XI—XII вв. представляла собой феодальную страну». Но ведь феодальное государство складывалось в результате развития феодальных отношений. Авторы, по-видимому, не разграничили этих двух вопросов. Первый из них предполагает рассмотрение процесса образования Сербского феодального государства, который начался задолго до XII в. в связи с возникновением и развитием феодальных отношений (стр. 24). Второй — это вопрос об объединении сербских земель, где уже сложилась феодальная государственность, в одном государстве, что произошло в XII веке. На стр. 51 говорится: «Позднее образование Сербского государства, возникшего в ту пору, когда сербские феодалы представляли значительную и крупную силу, помешало сложиться в Сербии крепкому государственному единству». Думается, что отсутствие крепкого государственного единства объясняется победой феодальных отношений, с чем связана феодальная раздробленность. В дальнейшем феодальная централизованная монархия в Сербии не была установлена из-за слабого развития городов. Феодальная раздробленность наступила в Сербии не после смерти Душана (стр. 63), а еще в X веке (стр. 35). После смерти Душана она лишь снова восторжествовала. В учебнике недостаточно показано, что политическое усиление Сербии при Душане было подготовлено ее социально-экономическим развитием в XII — первой четверти XIV века.

В разделе о Боснии ощущается неразработанность ее социально-экономической истории. Но все же при характеристике боснийского патаренства (богомильства) следовало бы коротко осветить состояние вопроса и более четко показать социальную сущность движения. Нельзя согласиться с утверждением, что «в XII—XIII вв. произошло завершение процесса феодализации

хорватского общества» (стр. 60), ибо в это время Хорватия представляла развитую феодальную страну. Да и сами авторы отмечали, что в IX в. в Хорватии «перед нами уже отчетливо выраженные феодальные отношения, зарождение которых, очевидно, следует отнести к значительно более раннему времени» (стр. 26).

Нам представляется, что в разделе «Завоевание Балканского полуострова турками» необходимо было бы более ярко показать героическую борьбу славянских народов против турецкого нашествия. Например, битва на Косовом поле описана слишком кратко; к сожалению, не привлечены даже данные сербского эпоса. Лишь вскользь говорится о падении Болгарии. Вызывает удивление отсутствие в этой главе специального раздела о далматинских городах вообще и о Дубровнике в частности. Не освещена также история македонского народа.

В главе «Развитие феодальных отношений и социальная борьба в Чехии и Словакии (XI—XV вв.)», в целом дающей правильную картину, имеются слабые места. В разделе о Чехии в XI—XIV вв. не показан достаточно отчетливо ее социально-экономический строй, не дана характеристика разных категорий крестьянства, а также различных слоев феодалов. По нашему мнению, историю Чехии XI в. следовало бы отнести к раннему средневековью и рассматривать в § 6 главы II, озаглавленном «Образование Чешского раннефеодального государства», а не излагать в главе IV, где речь идет уже о развитии феодальных отношениий в Чехии до XIV века. При рассмотрении истории гуситского движения бледно показаны его герои, не отмечено, как было поставлено военное дело у таборитов. Неясно, как управлялась страна с 1418 по 1434 год.

Глава пятая посвящена развитию феодальных отношений в Польше в конце X—XV в. и полабским славянам в IX—XII веках. Разделы о Польше перегружены датами, именами, событиями, которые недостаточно тщательно отобраны и мотивированно сгруппированы. Нет четкости в изложении социально-экономического развития Польши, не охарактеризованы отдельные категории польского крестьянства. Авторы допускают некоторую односторонность в объяснении причин образования польско-литовской унии. Польские магнаты искали унии с Литвой не только под влиянием внешней опасности (стр. 97), они стремились, как известно, захватить богатые украинские земли, входившие в состав Литовского княжества.

История полабских славян написана кратко, бегло и сухо. А между тем это один из важнейших разделов западнославянской средневековой истории. Вопросу об исторической роли полабских славян и их борьбе с немецкой агрессией в средние века следовало бы уделить значительно больше места. Нам представляется, что здесь нужно было бы отметить важную исследовательскую работу, проделанную советскими историками (в особенности Н. П. Грацианским), в результате которой был отчетливо показан грабительский характер немецкого движения «Drang nach Osten». Это тем более важно, что западногерманские историки ныне пытаются вновь реставрировать идеи, давно потерпевшие крах. В учебнике ни слова не сказано о дальнейшей судьбе полабских славян, а сербам-лужичанам не отведено места и в части книги, посвященной новой истории.

Глава «Южные славяне под властью турок и Австрии (XV—первая половина XVIII в.)» дает правильное и четкое освещение основных вопросов проблемы. В главе имеется историографическая справка. Однако нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что туркофильские тенденции в историографии возникли в 70-е годы XIX века. Известно, что Н. Г. Чернышевский в 1855 г. выступал против тенденциозного толкования турецкого завоевания Балканского полуострова, данного русским буржуазным историком М. М. Стасюлевичем.

И в этой главе следует отметить некоторые недостатки, дробность и в ряде мест несогласованность, допущенные в изложении. Например, о военной границе говорится на стр. 107 и 114. О войне «Священной лиги» против Турции в конце XVII в. и Карловицком мире рассказывается в нескольких местах (стр. 108, 130), но нигде не дано общего очерка состояния «восточного вопроса» во второй половине XVII века.

Главы «Феодально-крепостническая Польша XVI—XVIII вв. Кризис феодально-крепостнической системы. Падение магнатско-шляхетской «Речи Посполитой»» и «Феодально-крепостнические отношения Чехии и Словакии. Чехия и Словакия под игом Габсбургов (середина XV—XVIII в.)» написа-

ны на большом фактическом материале и имеют правильную общую концепцию. Однако и они страдают нечеткостью изложения. Например, три раздела главы седьмой посвящены Польше второй половины XV—XVI в., но только один из них имеет название, соответствующее тексту (стр. 119, 120 и 123). Параграф первый первого раздела седьмой главы назван «Переход к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства», а половина его рассказывает о развитии городов. Параграф первый раздела второго этой же главы называется «Политическое усиление среднепоместной шляхты. Реформация. Завершение оформления сословной монархии», а говорится в нем лишь об усилении шляхты, реформации посвящен специальный параграф. На стр. 127 речь идет о крестьянских движениях, но ничего не сказано о движении 1630 г. в Новотаргском старостве. Социально-экономическое развитие и Польши и Чехии охарактеризовано фрагментарно. О крестьянстве говорится много, но в разных местах, и поэтому нет общей картины его положения в рассматриваемый период.

В целом часть учебника, посвященная средневековью, написана неровно. Наиболее четко и продуманно изложена история Болгарии. В освещении истории народов Югославии есть ряд спорных положений (например, о причинах более медленного развития сербского народа, об образовании Сербского государства, о характере боснийского богомильства), что во многом объясняется, как уже отмечалось, слабой изученностью у нас исторического прошлого югославских народов.

С освещением важных и сложных проблем истории славянских народов в эпоху капитализма авторский коллектив в основном справился. В учебнике показаны закономерности генезиса и эволюции капиталистических отношений, правильно, на наш взгляд, подчеркивается, что процесс зарождения и развития капиталистических отношений в славянских странах хронологически почти совпадает с общеевропейским. В учебнике уделено достаточное внимание первоначальному накоплению капитала, раскрываются основные черты и особенности промышленного переворота в каждой славянской стране. Развитие капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве в XVIII—XIX вв. показано на тщательно отобранном фактическом материале. Так же обстоятельно освещено экономическое положение славянских стран в период довоенного империализма и на первом этапе общего кризиса капитализма. В учебнике достаточно четко прослежены основные экономические процессы в промышленности и сельском хозяйстве Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польши в период между двумя мировыми войнами.

Однако материал по экономике, как нам кажется, следовало бы давать концентрированнее, характеризовать экономическое состояние страны за более длительные промежутки времени. Распыленность экономического материала по разным главам не дает возможности проследить тенденции и общее направление в развитии производительных сил. Так, в главе семнадцатой, посвященной развитию капитализма в Польше, а также рабочему и социалистическому движению в этой стране во второй половине XIX в., об экономике говорится в двух местах (стр. 286—290, 298—299).

Много внимания в учебнике отведено проблемам национального возрождения у славянских народов, которое рассматривается в органической связи с развитием капиталистических отношений и формированием буржуазных наций. Однако, как нам кажется, необходимо было раскрыть особенности формирования польской буржуазной нации, и в частности отметить, что формирование буржуазной нации в Польше происходило уже после образования многонационального государства, каким была старая Речь Посполитая. Отставание этого процесса привело страну к тяжелым последствиям.

Недостаточно показано авторами и влияние революционных событий во Франции конца XVIII в. на историю славянских народов. Кратко упоминается об откликах на Французскую буржуазную революцию в Чехии (стр. 149—150). Но совершенно обойден вопрос о воздействии Французской революции на Польшу, хотя известно, что события во Франции вызвали подъем патриотического движения, решительные действия «третьего сословия», активизировали реформаторов в Польше. В то же время Французская революция повергла в страх шляхту и вынудила ее идти на некоторые уступки поднимавшейся буржуазии. В тесной связи с революционными событиями во Франции следовало бы рассматривать буржуазные проекты Гуго Коллонтая и появление конституции 3 мая 1791 года.

Авторы убедительно раскрывают эконо-

мические причины крестьянских восстаний и пролетарских движений, которыми так богата новая и новейшая история славянских народов. Вместе с тем учебник не свободен от некоторых недостатков в освещении рабочего движения конца XIX и начала XX века. Бросается в глаза неравномерность в привлечении фактического материала, относящегося к зарождению и развитию рабочего движения в отдельных странах. Если история рабочего движения в Польше и Болгарии показана на богатом материале, то этого нельзя сказать в отношении Югославии. Так, при изложении истории народов Югославии во второй половине XIX в. (глава восемнадцатая) отсутствует конкретный фактический материал по истории зарождения и развития рабочего движения в Сербии и Хорватии, за исключением некоторых данных о численности рабочих. Нет указания на особенности формирования сербского и хорватского пролетариата.

При освещении событий 1848 г. в польских землях нужно было бы отметить характерные черты национального движения в Силезии, состоявшие в активном участии в нем рабочего класса. Это было первое значительное выступление польского пролетариата на арене революционной борьбы, к тому же польские рабочие часто солидаризировались с немецкими. В данной связи надо было бы упомянуть Вильгельма Вольфа, который в качестве представителя «Союза коммунистов» выступал в Силезии за объединение сил немецкой и польской демократии.

В учебнике последовательно проводится идея о связи судеб зарубежных славянских народов с историей России, о влиянии русской культуры и революционно-демократической мысли на зарождение и развитие национально-освободительного движения в Болгарии, Сербии, Хорватии, Чехии, Словакии, Польше и других странах. В книге прослеживается связь социалистических организаций в этих странах с марксистским направлением российской социал-демократии, показывается воздействие первой русской буржуазно-демократической революции на подъем революционного движения в славянских странах в начале XX века.

Вместе с тем в освещении истории революционных связей славянских народов с Россией в учебнике имеются недочеты. Не раскрывается помощь В. И. Ленина польским социал-демократам в преодолении теоретических и тактических ошибок. Не всегда полно показывается значение Великой Октябрьской социалистической революции для дальнейших судеб славянских народов.

В главе двадцать третьей, посвященной истории славянских народов в период первой мировой войны, имеется, например, параграф «Отклики в Чехии и Словакии на Октябрьскую революцию» (стр. 417). Это название не раскрывает значения Великого Октября для Чехии и Словакии. Нам представляется, что в основе изложения всей новейшей истории южных и западных славян должна лежать центральная идея о неразрывной связи судеб Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польши с победой Великой Октябрьской социалистической революции, которая не только явилась решающей предпосылкой для восстановления независимых польского, чехословацкого и югославского государств, но и указала всем славянским народам путь к освобождению от гнета капитала.

Создание коммунистических партий было величайшим историческим событием в жизни славянских народов. Между тем в учебнике имеются серьезные пробелы в освещении ряда вопросов истории образования коммунистических партий и их деятельности на первом этапе общего кризиса капитализма. Так, об образовании Коммунистической партии Польши сказаны общие фразы (стр. 427), да и дальнейшая ее деятельность показана бледно; в учебнике лишь упоминается о некоторых съездах. Нельзя узнать из книги о борьбе польских коммунистов, выступавших за единство рабочего класса, с буржуазно-националистическими концепциями ППС. Не раскрывается позиция КПП во время переворота Пилсудского, не говорится об ошибках Компартии в майские дни 1926 г., не раскрыто на конкретном материале исключительно важное положение, что «большую помощь партии оказали Коминтерн и Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)» (стр. 441).

Гораздо более обстоятельно изложена в учебнике деятельность Коммунистической партии Чехословакии, показана ее тесная связь с широкими массами трудящихся. Хорошо освещена борьба КПЧ с ревизионизмом, за единство рабочего класса и создание народного антифашистского фронта. Ярко обрисованы позиция Компартии в период мюнхенской капитуляции и борьба чехословацкого народа с германским фашизмом во время оккупации Чехословакии.

Однако об образовании Коммунистической партии Чехословакии мы можем узнать лишь то, что «в мае 1921 г. на съезде, созванном исполкомом чешской марксистской левицы, была основана Коммунистическая партия Чехословакии» (стр. 457). Нигде авторы не отмечают историческое значение этого факта. В учебнике называется и другая дата основания Компартии Чехословакии. Так, на стр. 418 читаем: «Выразителем интересов революционного чехословацкого рабочего класса явилась Чехословацкая коммунистическая партия, основанная в конце мая 1918 г. в Москве». У читателя возникает недоуменный вопрос: какую же дату следует считать исходной для основания КПЧ?

Недостаточно конкретно говорится в учебнике и о деятельности коммунистических партий Югославии и Болгарии. Из параграфа «Ошибки руководства КПЮ в национальном и крестьянском вопросах» (стр. 504—505) читатель не узнает, кто занимал ошибочную позицию, кто отстаивал ленинскую линию в КПЮ по этим вопросам. Вместо того, чтобы конкретно показать помощь Коминтерна югославским коммунистам в преодолении ошибок, автор этой главы ограничился общей фразой: «Опираясь на помощь Коминтерна, югославские коммунисты усилили борьбу против фракционности» (стр. 505).

В разделе «Преобразование БРСДП (тесных социалистов) в Коммунистическую партию Болгарии» необходимо было назвать имена основателей и руководителей Компартии.

Весьма абстрактно сказано в учебнике об образовании польских буржуазно-помещичьих партий (стр. 300), в результате не создается ясного представления о различии между «угодовцами» и «эндеками», об их социальном составе и программе. Много места отведено изложению экономических затруднений, которые переживала буржуазно-панская Польша после первой мировой войны. В числе причин этих трудностей не называется главная — нарушение исторически сложившихся традиционных экономических связей между Польшей и Россией. Антисоветская политика, ориентация на империалистические державы сделали невозможным восстановление этих связей.

Не совсем правильно трактуется в учебнике вопрос о причинах поражения польского пролетариата в 1919 году. В главе первой, часть вторая, сказано: «Польские трудящиеся массы оказались недостаточно сознательными и организованными... Классовые противоречия оставались недостаточно вскрытыми. Главную вину за недостаточную сознательность и организованность польских трудящихся масс несли ППС и людовцы. Серьезную роль в этом сыграли также ошибки Польской компартии» (стр. 430). Все это общие и весьма условные определения. Главные причины поражения польского пролетариата в 1918—1919 гг. заключались в расколе рабочего движения, в зараженности известной части польских рабочих идеологией буржуазного национализма.

При изложении истории образования Чехословацкой республики (стр. 455) следовало бы сказать о распаде Австро-Венгрии, а также о территории, границах и составе населения республики. Отсутствие таких данных затрудняет понимание того, почему господствующие классы Чехословакии были заинтересованы в сохранении версальской системы. В этой же главе не освещается политический строй Чехословацкой буржуазной республики, нет даже упоминания о конституции 1920 года. В результате непонятны рассуждения о кризисе буржуазного парламентаризма в 30-е годы (стр. 466—467).

На наш взгляд, не совсем правильно оцениваются события 1928 г. в Югославии. «Убийство оппозиционных депутатов,— говорится на стр. 506,— послужило поводом к новому подъему массовой борьбы рабочих и крестьян, в особенности в районах, населенных хорватами». В 1928 г., после июньской перестрелки в белградской скупщине, в Югославии был не обычный революционный подъем, а сложилась революционная ситуация. КПЮ вышла из подполья, чтобы возглавить массы, поднявшиеся на борьбу с антинародным правительством. Отсутствие единства в революционном лагере и неустойчивость руководства хорватской крестьянской партии, предательство правых социал-демократов, слабость Компартии — все это привело к поражению пролетариата и крестьянства в 1928 г. и позволило реакции совершить монархо-фашистский переворот в начале января 1929 года. При освещении этого переворота следовало бы отметить такой факт, как участие в нем русской белой эмиграции — врангелевцев.

Заслугой авторов является то, что они показали решающую роль народных масс. Вместе с тем в ряде случаев исторические

события излагаются безлико, портреты исторических деятелей нарисованы порой неярко и поэтому не запоминаются. Если в книге довольно колоритно описана деятельность Г. Раковского, В. Левского, Х. Ботева, Д. Благоева, то, к сожалению, о Г. Димитрове и В. Коларове нет даже биографических данных. О них сказано весьма суммарно: «Вокруг Димитрия Благоева сложилась группа выдающихся революционных деятелей (Г. Кирков, Г. Георгиев, В. Коларов, Г. Димитров и др.)» (стр. 378). Следовало бы не только раскрыть скобки, но и подробно написать о жизни и деятельности этих выдающихся борцов болгарского рабочего и коммунистического движения. Биографии выдающихся деятелей Компартии Чехословакии в новейшее время, в том числе К. Готвальда, А. Запотоцкого, тоже отсутствуют. В главах, посвященных истории Польши, гораздо большего внимания заслуживает И. Лелевель. Упоминания о нем (стр. 165, 167) не дают представления о политической деятельности этого польского ученого-демократа XIX века. Бледно показаны такие деятели польского рабочего и социал-демократического движения, как Станислав Куницкий, Мартин Касшпак, Юлиан Мархлевский.

При изложении новой и новейшей истории Польши и Чехословакии совершенно обойден вопрос о реакционной роли Ватикана и католической церкви. Как известно, Ватикан и высшие круги католического духовенства являлись оплотом реакционных сил в этих странах, вдохновляли антисоветскую внешнюю политику упомянутых государств. Правда, в книге отмечено, что во главе фашистской словацкой партии стоял католический священник Глинка (стр. 467), что «гейнлейновцы и глинковцы получали поддержку со стороны Ватикана и католического клира» (стр. 468). Но таких замечаний явно недостаточно.

Заключительные главы учебника посвящены истории славянских стран в период второй мировой войны. Основное внимание здесь уделено проблеме зарождения и развития антифашистского движения. Сжато и ярко характеризуется гитлеровский оккупационный режим, показывается руководящая роль коммунистических партий в организации народной антифашистской войны и руководстве ею, раскрываются предательство буржуазно-помещичьих классов и антинациональная политика эмигрантских кругов. Достаточное место отводится вопросу о помощи Советского Союза движению сопротивления в оккупированных славянских странах, показу значения побед Советской Армии для развития освободительной борьбы славянских народов. Авторы проводят правильную идею о том, что народная антифашистская война являлась одновременно народно-демократической революцией. Однако в учебнике не дается ответа на вопросы о характере и особенностях народно-демократических революций и их историческом значении.

Главным композиционным недостатком глав по новой и новейшей истории, так же как и глав по истории средних веков, является излишняя дробность. Особенно страдают этим главы по истории Польши. В главе десятой без необходимости выделен заголовок «Назревание кризиса феодально-крепостнического строя в польских землях», под которым стоит лишь несколько общих фраз (стр. 174). К тому же весь первый параграф этой главы носит такое же название (стр. 169). В главе двадцать третьей истории Польши отведено всего четыре страницы, но и они расчленены на семь заголовков. Так, на стр. 420 имеется заголовок «Реакционная антинациональная позиция польских буржуазно-помещичьих и соглашательских партий». Через две страницы стоит заголовок под аналогичным наименованием: «Политика польских буржуазно-помещичьих и соглашательских партий» (стр. 423).

Глава десятая второй части так же искусственно разделена на мелкие параграфы, обилие которых затрудняет целостное представление о положении Польши в период гитлеровской оккупации. Здесь встречаются такие заголовки: «Антинародная политика эксплуататорских классов...» (стр. 521), «Тактика польских реакционных кругов в 1943 г.» (стр. 527). Разве принципиально менялась политика и тактика польских реакционеров во время войны? Так же искусственно расчленена освободительная борьба польского народа (стр. 521, 523, 525). В главе двадцать второй не следовало бы разрывать историю сербского рабочего движения в начале XX в., как это сделано в учебнике

Необходимо отметить и такой существенный недостаток учебника, как отсутствие в нем характеристики источников. Об этом говорится лишь в отдельных местах и вскользь. Например, на стр. 25 написано: «Росло имущественное неравенство внутри общин, о чем ярко свидетельствуют археологические находки, относящиеся к VII—

VIII вв.». Однако, поскольку никакой характеристики этих находок не дано, у читателя создается весьма отвлеченное и неполное представление о вопросе. Или возьмем такую фразу: «...о чем встречается упоминание в источниках» (стр. 68). Но что именно говорят источники, об этом авторы умалчивают. Правда, в редких случаях некоторым источникам дана суммарная оценка, например, на стр. 52 сказано о хрисовулах и Законнике Стефана Душана, но их характеристика слишком лаконична. Между тем изучение истории в высших учебных заведениях должно основываться прежде всего на тщательном анализе исторических источников. Поэтому в вузовских учебниках необходимо давать хотя бы минимум сведений о них.

Следует отметить и некоторые общие недостатки, присущие учебнику. Обращает на себя внимание неравномерность в распределении материала. Из 550 страниц на долю средневековой истории славянства приходится менее 150. Вряд ли целесообразно было включать в первую часть учебника и средневековую и новую историю славянства. Очевидно, это произошло в результате отсутствия в учебнике четкой периодизации, о которой следовало бы сказать специально, дав общую характеристику каждому периоду в развитии славянских народов. Известно, что в советской науке существует общепринятая периодизация истории европейских народов, тем не менее в книге ничего не говорится о том, что̀ в истории славянских народов было общего с другими европейскими народами и что̀ в их развитии носило специфический характер.

Не определены в книге достаточно ясно хронологические рамки существования феодального и капиталистического строя у славян. В результате трудно определить, где кончается средневековая история славян и где начинается их новая история. Нам представляется, что первую часть учебника можно было разделить на две части, из которых одна была бы посвящена средневековой истории славян, а вторая — новой истории. Тогда новейшая история излагалась бы в третьей части.

Серьезным недостатком книги является отсутствие библиографии, а также обстоятельной разработки истории культуры. Совершенно недостаточно освещается история культуры славянских народов в средние века. Ничего не говорится о польской культуре XIX — первой половины XX века. В параграфе «Формирование идеологии чешской буржуазии. Чешское Возрождение» сообщаются интересные факты о выдающихся представителях чешской культуры первой половины XIX в.: Й. Добровском, Ф. Палацком, Й. Юнгмане, Б. Немцовой, Б. Сметане и др.,— но в дальнейшем, при изложении истории Чехии второй половины XIX и начала XX в., вопросы культуры обходятся. Сведения о болгарской культуре также не выходят за пределы «Возрождения». В главах, посвященных истории народов Югославии, не рассматривается вопрос об их культурном развитии в XX веке.

Серьезными недостатками страдает учебник и в методическом отношении. Как показал опыт работы студентов над учебником, его текст запоминается с трудом. Усвоению материала мешают дробность структуры, местами излишняя перегруженность фактическими данными и отсутствие единства стиля.

Указанные недостатки учебника, которые могут быть устранены при новом издании (а оно, конечно, понадобится), отнюдь не умаляют большой и полезной работы, проделанной авторским коллективом. Студенты и преподаватели исторических факультетов получили наконец долгожданный учебник. Он принесет пользу также учителям истории средней школы и всем советским читателям, интересующимся историей братских зарубежных славянских народов.

И. Н. Бороздин, П. М. Гапонов, А. Е. Москаленко

Заметки о книгах

Р. Ф. ИВАНОВ. *Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865—1877 гг.).* Изд-во АН СССР. М. 1958. 322 стр. Тираж 2 000. Цена 12 руб. 90 коп.

Гражданская война в Северной Америке, столетие которой приближается,— важнейший переломный момент в истории США. В войне участвовали миллионы трудящихся фермеров и рабочих, а также негров, боровшихся за освобождение от цепей рабства. Во время гражданской войны (1861—1865 гг.) и затем Реконструкции Юга (1865—1877 гг.) в США сильно возросла роль народных масс как творцов истории. Три с половиной миллиона черных невольников получили в результате революции личную свободу. И хотя они не обладали опытом политической борьбы и почти не имели политических руководителей из своей среды, они вложили большой вклад в победу Севера над рабовладельческой Конфедерацией и приняли активное участие в острейшей классовой борьбе в период Реконструкции.

В рецензируемой работе гражданской войне посвящена лишь первая, вводная глава. Основной предмет исследования — период Реконструкции Юга, явившийся продолжением гражданской войны, второй фазой буржуазно-демократической революции в США.

События этого периода подвергаются грубейшей фальсификации реакционной буржуазной историографией, которая игнорирует их революционный характер, активное участие в них широких народных масс, особенно негров.

Расистская концепция истории этого времени нашла свое выражение в работах Барджесса, Родса, Даннинга[1] и их последователей, которые полностью отрицают прогрессивное значение Реконструкции. Для них негры — представители низшей расы, «никогда не создававшей какой-либо цивилизации»[2]. Барджесс, например, расценивает деятельность правительств Реконструкции на Юге, носившую революционный характер, как установление господства «варварства над цивилизацией»[3]. Программу Реконструкции, выработанную конгрессом, он считает грубейшей ошибкой и прямым нарушением конституции[4].

В конце XIX — начале XX в. в буржуазной историографии США возникло так называемое «экономическое направление», наиболее видным представителем которого является Чарлз Бирд[5]. В первое время отдельные историки этого течения признавали революционный характер гражданской войны, рассматривали ее как вторую американскую революцию. Однако Бирд отрицал политическую роль негров в гражданской войне и Реконструкции, считал их безвольным орудием в руках «правящих групп». Так же, как и историки-расисты, большинство сторонников «экономического направления» ставило своей задачей борьбу против революционных традиций американского народа. В целом эта школа вела активную борьбу с марксизмом.

Современные американские реакционные историки взяли на вооружение расистские концепции своих предшественников. В работах Коултер, Паркса, Симкинса[6] полностью отрицается революционный характер событий гражданской войны и Реконструкции. Коултер заявляет, что гражданская война была бессмысленна и ее результаты не оправдали затраченных средств. Она выступает в защиту «черных кодексов» и других реакционных антинегритянских законов, введенных на Юге после гражданской войны. Прогрессивную деятельность правительств Реконструкции Коултер рассматривает сквозь призму интересов рабовладельцев и расценивает ее как засилье в этих органах власти негров, как их покушение на права высшей, белой расы. Паркс обливает грязью аболиционистов, оправдывает

---

[1] J. W. Burgess. Reconstruction and the Constitution, 1866—1876. New York. 1905; J. F. Rhodes. History of the United States from the Compromise of 1850 to the Final Restoration of Home Rule at the South in 1877. Vol. VI—VII. New York — London. 1906; W. A. Dunning. Reconstruction. Political and Economic, 1865—1877. New York. 1907.

[2] J. Burgess. Указ. соч., стр. VII.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 245—246.

[5] См. И. П. Дементьев. Об исторических взглядах Чарлза Бирда. «Вопросы истории», 1957, № 6.

[6] E. Coulter. The South during Reconstruction, 1865—1877. Louisiana State University Press. 1947; H. Parkes. The United States of America. A History. New York. 1953; F. Simkins. A History of the South. New York. 1953.

мятеж рабовладельцев и осуждает все прогрессивные мероприятия, проведенные на Юге в период Реконструкции.

Реакционные историки, оправдывающие рабовладельцев и их политику, ратуют за усиление расовой дискриминации и классового угнетения негритянских трудящихся США. И весьма показательно, что в ряду этих «ученых» оказался, по существу, шведский социал-демократ Гуннар Мюрдаль, автор претендующей на объективность двухтомной работы о негритянской проблеме [7]. Конечно, работа Мюрдаля по своему тону и ряду общих положений отличается от писаний реакционных апологетов рабства. Однако, освещая разрешение аграрного вопроса в период Реконструкции, Мюрдаль осуждает попытки негров революционным путем получить землю. Выступая против революционного разрешения аграрного вопроса, Мюрдаль повторяет те же аргументы, которые в 60—70-х годах выдвигали рабовладельцы, а именно, что их земли являлись их «законной собственностью».

Значительный вклад в изучение роли негров в гражданской войне и Реконструкции внесли историки-негры Г. Вильямс, Д. Вильсон, К. Вудсон. Они обобщили многие факты героической борьбы негритянского народа против плантаторской реакции, но не сумели дать правильной оценки революции 1861—1877 гг., не показали, что борьба негров могла быть успешной лишь в союзе с белыми трудящимися.

Особое место среди работ этих исследователей занимает книга известного американского прогрессивного историка и общественного деятеля Уильяма Дюбуа «Черная Реконструкция» [8]. Этот фундаментальный труд разоблачает реакционные концепции американской буржуазной историографии, показывает большую прогрессивную роль негров в гражданской войне и Реконструкции. Дюбуа в противоположность буржуазным историкам не отрывает период Реконструкции от гражданской войны: он рассматривает их в неразрывной связи как вторую американскую революцию.

Можно не соглашаться с отдельными положениями этой работы, в частности, с оценкой Реконструкции как социалистической революции, а республиканской партии—как партии рабочих [9], но бесспорно то, что это исследование является крупнейшим вкладом в изучение истории негритянских народных масс в период революции 1861—1877 годов.

Марксистская американская историография — У. Фостер, Д. Аллен, Г. Аптекер [10] и др.,— развивая взгляды Маркса и Энгельса на гражданскую войну и Реконструкцию, дала научную оценку этим событиям как буржуазно-демократической революции. Историки-марксисты установили большую положительную роль негров в них, показали сильные и слабые стороны негритянского движения в те годы.

Р. Ф. Иванов в своем исследовании продолжает линию, намеченную в трудах американских историков-марксистов. Основное внимание он уделяет наименее изученным вопросам темы, в частности, аграрной проблеме в период Реконструкции, борьбе негров за землю. В книге рассматривается роль негритянских масс в осуществлении реконструкции Юга, дается всесторонняя оценка многогранной деятельности правительств Реконструкции. Без глубокого изучения этих вопросов, недостаточно освещенных американскими прогрессивными авторами, нельзя понять буржуазно-демократического характера движения этого периода.

Р. Ф. Иванов уточнил периодизацию второго этапа революции (1865—1877 гг.), подробно изучил конституционную историю Южных штатов. Он внес некоторые новые моменты в понимание роли негров в гражданской войне и Реконструкции. Исследуя большой фактический материал, автор в большей, чем это было сделано раньше, мере показал активное участие негритянского населения в классовых битвах, что дает возможность более точно характеризовать движущие силы буржуазно-демократической революции в США.

Изложение материала начинается с рассмотрения вопроса об участии негров в гражданской войне. По традиции буржуазная историография игнорировала, замалчивала эту борьбу и даже отрицала ее. Р. Ф. Иванов, напротив, широко осветил участие представителей негритянского народа в вой-

---

[7] G. Myrdal. An American Dillema. The Negro Problem and Modern Democracy. Vol. I—II. New York — London. 1944.

[8] W. Du Bois. Black Reconstruction. New York. 1935.

[9] Там же, стр 240, 358, 367, 419, 420.

[10] W. Foster. The Negro People in American History. New York. 1954; J. Allen. Reconstruction. The Battle for Democracy (1865—1876). New York. 1937; H. Aptheker. A Documentary History of the Negro People in the United States. New York. 1951.

не в качестве бойцов, разведчиков, партизан и т. д. Негры подрывали военные силы рабовладельцев также массовыми побегами, саботажем на плантациях и т. д.

В последующих главах автор глубоко рассмотрел экономические условия Реконструкции и ее политические планы, четко проследил основные этапы классовой борьбы этого периода. Особое внимание уделено вопросам борьбы за землю, негритянским народным конвентам и борьбе за 13-ю и 14-ю поправки к конституции США.

Обращаясь к характеристике негров, автор отмечает, что ко времени гражданской войны они не были однородной массой, среди них наблюдались зачатки классового расслоения. Из свободной верхушки — малочисленной негритянской буржуазии и интеллигенции — вышли в основном руководители негритянского движения. Эта верхушка занимала умеренную позицию в земельном вопросе, выступала за покупку земли у плантаторов, а не за ее захват. Между тем, как правильно отмечает автор, «от разрешения аграрного вопроса зависел весь ход развития революции на Юге» (стр. 94). Радикальное разрешение этой проблемы означало конфискацию плантаторской земли и передачу ее неграм и безземельным белым беднякам. В этом и заключалось главное требование негритянских масс в период Реконструкции — «40 акров и мула» каждой негритянской семье. Р. Ф. Иванов показывает, что, не дожидаясь решения проблемы законодательным путем, негры при возможности захватывали или покупали землю, а затем применяли разнообразные формы хозяйствования на ней В книге приведен ряд интересных фактов организации ими сельскохозяйственных кооперативов. Ожесточенная борьба за землю в ряде мест вылилась даже в восстания, примеры которых приведены в книге (стр. 218—222).

Земельные требования негров были в значительной мере поддержаны наиболее революционной частью северной буржуазии — радикальными республиканцами во главе с Т. Стивенсом и Ч. Самнером. В книге описана борьба радикалов со ставленником реакции президентом Э. Джонсоном, закончившаяся судебным обвинением Джонсона и созданием так называемой «комиссии 15-ти», возглавившей Реконструкцию Юга на последующем этапе.

Автор правильно трактует классовые позиции радикальных республиканцев, считая их представителями революционной части буржуазии. Республиканская партия в 50—60-х годах представляла собою временный политический блок буржуазии, трудящихся фермеров и рабочих. В годы гражданской войны радикальные республиканцы боролись за отмену рабства и право негров находиться в армии. В 1865 г., после окончания военных действий, когда реакция — бывшие рабовладельцы — перешла в наступление, поднялась волна политического и экономического движения негров — бывших рабов: созывались народные негритянские лиги, шла борьба за землю и т. п. Значительное участие негров в классовых выступлениях, особенно к концу 1865 г., было, на наш взгляд, одним из важнейших факторов, вызвавших оформление радикального республиканизма как руководящей части республиканской партии. В 1865—1866 гг. руководство в республиканской партии перешло к радикальным республиканцам, которые, хотя и не были до конца последовательными, представляли революционную буржуазию, в какой-то мере фермеров, рабочих и негров, вчерашних рабов, оказавшихся безземельными крестьянами, которых их бывшие владельцы хотели вновь обратить в рабство.

Говоря о борьбе за власть, важно было отметить, что если буржуазия, стремясь к власти, выступала против аграриев-южан, то народные массы не были только простыми свидетелями этой борьбы. Во всякой буржуазно-демократической революции возникает тенденция к взятию власти самим народом. Когда, например, негры в Бюфорде с оружием в руках отстаивали свою землю, они вели разрозненную, силами единичных групп борьбу за власть. Она не получила развития. Но когда Грант вывел с Юга негритянские полки, а часть их расформировал, он, очевидно, понимал возможную роль этих полков.

Вопрос о тенденциях народной борьбы в период Реконструкции следовало поставить в книге шире.

Важнейший этап в Реконструкции, пора так называемой «радикальной реконструкции» 1867—1870 гг., широко освещен Р. Ф. Ивановым. Это был, указывает автор, период военной диктатуры, введенной на Юге северной буржуазией. В интересах дальнейшего развития капитализма буржуазии нужно было сломить сопротивление плантаторов. Заинтересованная в поддержке негритянских масс, она была вынуждена в какой-то мере уступать их требованиям. Этим

бъясняется революционный характер собы-ий, происходивших в то время на Юге. Но оенная диктатура, как показано на много-исленных примерах, была осуществлена алеко не полностью и не последовательно. Не прекращался террор ку-клукс-клана, воз-икшего в предшествующее время, и, самое лавное, не был разрешен аграрный вопрос: уржуазия не решилась на конфискацию и аздел плантаций. Но негры пользовались те годы избирательным правом и вели многих своих представителей в за-онодательные собрания Южных штатов. Представители негритянского населения за-имали и важные муниципальные должно-сти.

Характерно, что в составе законодатель-ых собраний некоторых Южных штатов реобладали бедняки — как негры, так и елые.

В борьбе за землю негры потерпели по-ажение. Крупное землевладение в значи-ельной мере сохранилось на Юге. Однако, ак справедливо отмечает автор, сельское озяйство Юга подверглось в годы Рекон-трукции глубоким преобразованиям (стр. 221). Рабовладению был положен ко-ец. Разорение крупных землевладельцев, ызванное войной, и значительное повыше-ие налогов на плантаторов привели к про-даже многих плантаций за долги. Разде-ленные на мелкие участки, они нередко раскупались белыми фермерами и нег-рами. Правда, количество образовавших-ся при этом ферм преувеличено американ-ской статистикой, которая под одну руб-рику подводила и фермеров-собственников и арендаторов. Большой и сложный вопрос о землевладении на Юге после граж-данской войны требует дальнейшей разра-ботки.

В рецензируемой книге отмечается огром-ная жажда негров к образованию, приве-шая к резкому росту школьного обучения. Но известную модернизацию представляют неоднократные утверждения автора, будто негры боролись за отмену сегрегации в школах. Как можно было ее отменять, ко-да не только о сегрегации, но и вообще о школьном обучении негритянских детей на Юге до тех пор практически не приходи-лось говорить! Приводимые самим же авто-ром материалы убедительно свидетельству-ют о том, что негры, неся огромные финан-совые тяготы, заботились не об отмене сегрегации (как ныне), а о создании негри-тянских школ и отстаивали их с оружием в руках от ку-клукс-клановских террори-стов.

В заключительной главе показаны причи-ны и характер реакционного завершения периода Реконструкции. При этом рассмо-трена интересная и весьма актуальная про-блема формирования негритянского проле-тариата и его отношений с организациями белых рабочих. Игнорирование американ-ским рабочим, а также фермерским дви-жением борьбы негритянских масс в зна-чительной мере облегчило победу реакции на Юге. Буржуазия же, добившись укреп-ления своих позиций как в Южных шта-тах, так и во всей стране, встревоженная ростом рабочего и фермерского движения, активностью негров-южан, имевших свои вооруженные отряды и революционные организации, реакционным сговором с ра-бовладельцами, положила конец граждан-ской войне, которая не прекращалась на Юге на протяжении всего периода Рекон-струкции. Чтобы привести этот сговор в действие, она сумела разъединить белых бедняков и негров.

Так была сохранена система расового угнетения и дискриминации негритянского народа, отравляющая американское обще-ство и по сей день.

В работе Р. Ф. Иванова имеются неко-торые существенные положения, которые нуждаются в обосновании. Так, автор счи-тает переломным периодом Реконструкции 1870 год, когда начался переход к реакции. В этот год радикальные республиканцы в 4 штатах — Теннесси, Виргинии, Джорд-жии и Северной Каролине — уступили власть «демократам» — блоку аграриев — вчерашних рабовладельцев и крупной бур-жуазии. Между тем и после 1870 г. на Юге происходили крупнейшие классо-вые бои, а 1871 год — год славной Комму-ны во Франции — принес с собой и круп-ные революционные выступления рабочих в США.

Так, в сентябре 1871 г. состоялась 20-ты-сячная демонстрация, организованная Сою-зом рабочих Нью-Йорка, с требованием 8-часового рабочего дня. В рядах демон-странтов шли члены I Интернационала с красным знаменем, под лозунгом «Пролета-рии всех стран, соединяйтесь!». В демон-страции участвовало много негров. 18 де-кабря в организованной секциями I Интер-национала демонстрации протеста против казни трех вождей Коммуны приняла уча-стие рота негритянской милиции. Классо-

вые бои американских рабочих, особенно в Техасе, Арканзасе, а также в Миссисипи, Луизиане и Южной Каролине, с особой силой развернулись именно после 1870 года. Вопрос о периодизации Реконструкции нуждается еще, таким образом, в дальнейшем изучении и уточнении, но, исходя из основного момента — революционной активности масс, не следует считать 1870 г. решающим рубежом в истории Реконструкции.

В исследовании Р. Ф. Иванова следовало бы поставить вопрос о победе «американского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве США. Приходится сделать замечание по поводу первой же фразы введения: «В кровопролитных сражениях гражданской войны 1861—1865 гг. негры, сражаясь против рабовладельцев совместно с белыми рабочими и фермерами, добились уничтожения рабства» (стр. 3). Здесь ни словом не упомянута буржуазия, бывшая политическим гегемоном движения, чем в значительной мере объяснялся ход и исход Реконструкции.

В работе имеются и другие недочеты. Так, неточно использованы статистические материалы на стр. 225, где автор сопоставляет число неграмотных свободных граждан на Севере и Юге с общим числом жителей. Но ведь на Юге треть населения составляли рабы!

Защищая Бюро освобожденных от обвинений в расточительности и продажности, автор указывает, что расходы на Бюро обошлись казне в 18 млн. долларов. «Но и эти расходы окупились с лихвой»,— пишет он далее и в подтверждение своих слов приводит документ о стоимости риса, сахара, табака, хлопка и т. д., произведенных трудом освобожденных негров (стр. 245—246). Но нельзя же стоимость урожая этих культур записывать на счет Бюро освобожденных!

Книга издана, к сожалению, не совсем тщательно. Встречаются опечатки, редакционные погрешности. Досадно, что нет указателей, которые облегчают пользование научной литературой.

Но отдельные недочеты не снижают ценности работы. Книга разоблачает расистские концепции реакционной буржуазной историографии, причем в ней прослеживаются исторические корни этих концепций, которые идут от контрреволюционной публицистики рабовладельцев периода гражданской войны 1861—1865 годов.

А. В. Ефимов,
член-корреспондент АН СССР

М. АЛЬПЕРОВИЧ, Б. РУДЕНКО. *Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США*. Москва. Изд-во социально-экономической литературы. 1958. 329 стр. Тираж 5 000. Цена 9 руб. 50 коп.

Освободительная борьба мексиканского народа имеет великие революционные традиции. Одной из наиболее ярких ее страниц является буржуазно-демократическая революция 1910—1917 годов. Она описана многими буржуазными авторами различных стран. Но их труды, как правило, характеризуются фактографичностью или тенденциозным освещением событий.

В Мексике по вопросу о революции 1910—1917 гг. имеется большая историография. В стране в 1953 г. был создан Национальный институт, занимающийся изучением этой революции. Только за последние годы издан ряд сводных трудов, а также работ по отдельным проблемам революции. Среди них — монографии Р. Бланко Моэно, Ф. Баррера Фуэнтеса, Х. Мансисидора, Э. Лукина и др.[1].

Мексиканская революция неизменно привлекает внимание исследователей США. Реакционная часть их стремится фальсифицировать историю революции, показать монополистов Соединенных Штатов в роли якобы бескорыстных друзей мексиканского народа[2].

В советской историографии мексиканская революция не получила до последнего времени всестороннего освещения. Первая попытка дать ее общий очерк с марксистских позиций была предпринята А. Вольским[3], посвятившим специальный раздел своей книги данному вопросу. В свое время ра-

---

[1] R. Blanco Moheno. Cronica de la revolucion mexicana. Mexico. 1957; F. Barrera Fuentes. Historia de la revolution mexicana. La etapa precursora. Mexico. 1955; J. Mancisidor. Historia de la revolución mexicana. Mexico. 1958; E. Luquin. La politica international de la revolucion constitucionalista. Mexico. 1957; A. de Maria y Campos. Episodios de la revolucion. Mexico. 1958; G. Ferrer de Mendiolea. Historia de la revolucion mexicana. Mexico. 1956.

[2] C. L. Goues. Mexico and its Reconstruction. New York. 1922; S. F. Bewis. The Latin American policy of the United States. New York. 1943; C. C. Cumberland. Mexican Revolution. Genesis under Madero, Austin. 1952; H. F. Cline. The United States and Mexico. Cambridge. Massachusetts», 1953, и др.

[3] А. Вольский. История мексиканских революций. М. 1928.

бота А. Вольского сыграла немалую положительную роль. Но теперь, более чем через 30 лет после ее опубликования, когда накоплен огромный фактический материал, позволяющий по-новому осветить многие проблемы, она в значительной мере устарела. В статьях М. С. Альперовича, Е. В. Ананновой, Н. М. Лаврова, Б. Т. Руденко исследуются отдельные вопросы истории Мексики периода революции[4]. Этой проблеме посвящен также ряд кандидатских диссертаций[5]. Авторы этих трудов не ставили перед собой задачи исследовать всю сумму вопросов, связанных с мексиканской революцией. Однако, рассматривая отдельные ее стороны, они пришли к ряду выводов о ее характере, предпосылках, движущих силах и т. д.

В рецензируемой монографии история мексиканской революции проанализирована во всей ее сложности и многогранности. В книге получили разработку такие основные проблемы, как социально-экономические предпосылки, движущие силы и характер революции, ее историческое значение, роль народных масс. Вместе с тем внимание авторов неизменно приковано к анализу сил, с которыми революции приходилось бороться: внутренней реакции и иностранной, прежде всего североамериканской, интервенции. Исследование всех этих проблем осуществлено на основании изучения официальных документов, мемуаров, периодической печати, статистических материалов и справочных изданий. Особо следует отметить привлечение фондов архива МИД СССР, относящихся к изучаемому периоду.

В первой главе, «Мексика накануне революции 1910—1917 гг.», М. С. Альперович и Б. Т. Руденко показали основные направления экономического, социального и общественно-политического развития страны в последней трети XIX и начале XX века. Это был мрачный период диктатуры Диаса, выражавшей интересы наиболее реакционных слоев мексиканского общества: помещиков, духовенства, военщины, компрадоров.

Приводимые авторами факты рисуют страшную нищету крестьян, чудовищный произвол помещиков, жесточайшую эксплуатацию рабочих.

Реакционный режим Диаса, служивший главным препятствием на пути экономического, политического и культурного развития Мексики, вызывал глубокое возмущение в самых широких слоях народа. Как показывают авторы, в результате аграрной политики Диаса резко обострилась классовая борьба в деревне. К концу первого десятилетия XX в. выступления крестьян приняли массовый характер. Восстания охватили значительную часть страны. Особенно активизировалась борьба крестьян на Юге, в штате Морелос. Признанным руководителем восставших здесь был Эмилио Сапата (1883—1919), а в центре крестьянского движения, на Севере, в штате Чиуауа, действовал другой народный вождь — Доротео Аранго (1873—1923), известный под именем Франсиско Вилья.

К концу 1910 г. в целом ряде штатов крестьянство перешло к вооруженной борьбе. Оно стало основной движущей силой революции.

В первые десятилетия XX в. начался также подъем рабочего движения. В борьбу стала включаться и городская мелкая буржуазия. Наконец оппозиционные настроения начали распространяться и среди некоторых слоев помещиков, связанных с национальной буржуазией.

Либеральные помещики и национальная буржуазия боялись взрыва народной революции, поэтому они готовы были на про-

---

[4] М. С. Альперович. Империалистическая политика США в Мексике в 1913—1914 гг. «Вопросы истории», 1950, № 5; его же. Освещение некоторых вопросов новой и новейшей истории Мексики в послевоенной буржуазной литературе США. «Доклады и сообщения Института истории». Вып. 10. М. 1956; его же. Гражданская война в Мексике (1914—1916) и политика США. «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. 3. М. 1957; Е. В. Ананова. Контрреволюционная интервенция США в Мексике в 1914—1917 гг. «Ученые записки» МГПИ им. Потемкина. Т. XXV. Кафедра истории нового времени. Вып. 2. М. 1953; Н. М. Лавров. Аграрный вопрос в мексиканской революции 1910—1917 гг. «Вопросы истории», 1949, № 4; его же. Мексиканская революция 1910—1917 гг. Сборник «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». Ч. 2. М. 1956; Б. Т. Руденко. К вопросу об экономическом и политическом положении Мексики накануне буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. I. М. 1955.

[5] Е. В. Ананова. Империалистическая политика США в Мексике в период президентства Вудро Вильсона (1913—1921 гг.); М. С. Альперович. Мексиканская революция и американский империализм (1913—1917 гг.); Н. М. Лавров. Аграрный вопрос в мексиканской революции (1910—1917 гг.); Б. Т. Руденко. Политика США в Мексике (1910—1913 гг.).

ведение реформ и ликвидацию диктатуры Диаса. Во главе буржуазно-помещичьей оппозиции стоял один из мексиканских помещиков, владелец многих предприятий — Франсиско Мадеро. В борьбе с режимом Диаса он предлагал использовать только конституционные методы.

Прослеживая события осени 1910 г., авторы делают обоснованный вывод, что к этому времени «революционная ситуация в Мексике сложилась окончательно» (стр. 74).

Однако при чтении первой главы бросаются в глаза некоторые существенные недостатки. В предисловии говорится о влиянии русской революции 1905 г. на подъем национально-освободительного движения в Мексике; в обширном же тексте первой главы этот вопрос обойден.

Слабо раскрыта реакционная роль католической церкви. Авторы даже не упоминают о ее попытках подчинить себе рабочее движение.

Во второй главе, «Падение диктатуры Диаса и политика США», рассказывается, как правительство Соединенных Штатов, непосредственно связанное с интересами американских монополий в Мексике, стремилось к полному порабощению мексиканского народа.

В книге отмечается, что, отказавшись от поддержки Диаса, американские империалисты начали искать другую политическую фигуру, которую можно было бы превратить в свое послушное орудие. Они решили сделать ставку на Мадеро. Но деятели Уолл-стрита просчитались в своих политических расчетах. Мадеро, как отмечают авторы, «являлся представителем мексиканской национальной буржуазии и либеральных помещиков, интересы которых во многом сталкивались с интересами американского капитала в Мексике» (стр. 8).

Империалисты США не учли и того, что представители имущих классов не могли уже осуществлять свою политику без учета настроений мексиканского народа, носивших ярко выраженный антиимпериалистический характер. Движение против режима Диаса становилось все более организованным. Особого подъема достигла крестьянская борьба. Правилен и убедительно аргументирован вывод авторов о том, что если буржуазно-помещичья оппозиция во главе с Мадеро не осмелилась открыто выступить против засилья американских монополий, то вопреки ей это сделал мексиканский народ. Революция, начавшаяся в Мексике, сразу же приняла антиимпериалистический характер. Правительство США стало готовить вооруженную интервенцию, что вызвало бурное негодование всех слоев мексиканского народа и усилило антиамериканские настроения в стране.

На наш взгляд, авторы правильно связывают начало революции с восстаниями 20 ноября 1910 г. в ряде городов Мексики. Эти восстания рассматриваются в первой главе; поэтому, как представляется нам, во второй главе не имело смысла описывать события первой половины ноября 1910 г. (стр. 83)

В третьей главе, «США и буржуазно-помещичье правительство Мадеро», детально изложен ход революции в 1911—1913 годах.

Мадеро и его сторонники сыграли важную роль в борьбе за свержение реакционного режима. Но ограниченность их программы стала очевидной уже с первых дней прихода к власти. 2 октября 1911 г. Мадеро был избран президентом. Однако он не оправдал надежд трудящихся. Не были удовлетворены справедливые требования крестьян, не улучшилось существенно положение рабочих.

Тогда Сапата призвал крестьян к восстанию. Авторы особо останавливаются на изложении «плана Айяла» (ставшего вскоре революционной программой крестьянства), с которым Сапата выступил 28 ноября на собрании своих сторонников. «План» предусматривал возвращение крестьянам захваченных у них помещиками земель и экспроприацию владений с частичной компенсацией крупным землевладельцам. Мадеро был обвинен в измене своей первоначальной программе и сговоре с реакцией. Авторам удалось показать широкий размах мексиканской крестьянской войны в первой половине 1912 года. Несколько скупо охарактеризовано рабочее движение в это время.

В книге вскрываются попытки удушить революцию путем организации внутренних заговоров и интервенции. При прямом участии посла США в феврале 1913 г. в Мексике был совершен контрреволюционный переворот: свергнуто правительство Мадеро и установлена диктатура Уэрты.

В четвертой главе рассматриваются взаимоотношения Мексики и США в период этой диктатуры.

Наиболее агрессивные элементы американской буржуазии звали в этот период к вооруженной интервенции в Мексике. Был спровоцирован так называемый инцидент

Тампико (стр. 194). В апреле 1914 г. началась оккупация мексиканской территории. Мексиканский народ оказал ожесточенное сопротивление интервентам. Под напором народной революции летом 1914 г. рухнул режим Уэрты. Американские войска были вынуждены уйти из Мексики.

В пятой главе, «Гражданская война в Мексике и интервенция США», показаны усиление революционной борьбы трудящихся и ход гражданской войны в 1914—1915 годах. Авторы подчеркивают, что пришедшее к власти правительство Каррансы, которое выражало интересы национальной буржуазии и либеральных помещиков, не приступило к коренным социальным реформам; в частности, не был решен аграрный вопрос.

Специальный раздел пятой главы посвящен описанию вооруженной интервенции США в 1916 году. Здесь подчеркнуто, что, хотя внешняя политика Каррансы отличалась непоследовательностью, тем не менее взятый правительством курс внушал серьезные опасения американским империалистам, которым не давал покоя призрак национализации. Воспользовавшись гражданской войной в Мексике, 15 марта 1916 г. американские войска под командованием генерала Першинга вторглись на мексиканскую территорию. Иностранное вторжение вызвало подъем народного движения против интервентов. В активную борьбу включились самые различные слои. Но правительство Каррансы вместо того, чтобы призвать народ к решительному сопротивлению, продолжало проводить политику подавления рабочего и крестьянского движения. Однако решительный отпор, который мексиканский народ оказал американским интервентам, протест трудящихся других латиноамериканских стран заставили империалистов в конце концов пойти на попятную. В обстановке антиимпериалистического подъема в Мексике дальнейшее пребывание американских войск в стране грозило США серьезными осложнениями, связанными с развертыванием партизанской войны против интервентов. 2 января 1917 г. началась эвакуация американских войск, завершившаяся 5 февраля. Так бесславно закончилась еще одна авантюра правящих кругов Соединенных Штатов в Мексике (стр. 265).

В шестой главе, «Новая мексиканская Конституция и позиция США», подробно анализируется Конституция 1917 года. Конституция носила печать буржуазной ограниченности. Тем не менее, по мнению авторов, она была весьма передовой для своего времени и являлась, говоря словами У. Фостера, «безусловно самой демократической конституцией в мире»[6].

Подводя итоги исследованию, авторы приходят к выводу, что революция 1910—1917 гг. была по своему характеру буржуазно-демократической, подчеркивают ее антиимпериалистическую направленность. Как отмечается в книге, движущими силами революции были крестьянство, рабочий класс, мелкая городская буржуазия, а также национальная буржуазия. В монографии дана четкая схема расстановки классовых сил на различных этапах революции.

Авторы отмечают огромное историческое значение революции, так как она ослабила феодальное землевладение и католическую церковь, нанесла удар по иностранному капиталу в стране. В Мексике сложились более благоприятные условия для развития капитализма. Революция дала Мексике демократическую конституцию, ставшую для мексиканского народа стимулом в его дальнейшей борьбе против сил империализма и реакции. Революция оказала большое влияние на развитие национально-освободительного движения во всех странах Латинской Америки.

Мексиканский народ, борясь за мир, процветание и национальную независимость, с гордостью вспоминает суровую и величественную пору революции, выдвинутых ею народных героев. Лучшим хранителем славных революционных традиций является пролетариат и его передовой отряд — Коммунистическая партия Мексики.

К сожалению, в книге нет глубокого анализа историографии вопроса. Правда, в предисловии даны краткие сведения о литературе, посвященной мексиканской революции, но они носят характер библиографической справки. При этом обширная мексиканская литература осталась вне рассмотрения авторами. Упущением является и то, что в книге нет критического обзора источников.

Оценивая монографию в целом, следует сказать, что М. С. Альперович и Б. Т. Руденко написали полезную книгу по истории мексиканской революции 1910—1917 годов.

Е. В. Рубцова

[6] У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 426.

О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ СССР

30 октября 1959 г. состоялось совместное заседание Комиссии Президиума Академии педагогических наук РСФСР по историческому образованию и сектора методики истории и Конституции СССР Института методов обучения АПН РСФСР, на котором присутствовало более 150 преподавателей истории школ и вузов, сотрудников научных исторических учреждений. На заседании были обсуждены задачи в области методики преподавания истории и Конституции в свете постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах».

Председатель Комиссии Президиума Академии педагогических наук по историческому образованию академик М. В. Нечкина в кратком вступительном слове охарактеризовала те огромные перспективы, которые постановление открыло перед советскими историками. В постановлении подчеркивается большое значение истории для формирования идеологии строителей коммунистического общества, указываются пути дальнейшего улучшения преподавания этой дисциплины. Как трудно бывает подчас педагогу, отметила М. В. Нечкина, донести до сознания учащихся важнейшие исторические понятия из-за недостатка хороших учебников, методических пособий и научных трудов. В постановлении показано огромное значение изучения в школе современного этапа коммунистического строительства, освещения роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества. Постановлением предусмотрены конкретные мероприятия по созданию новых учебников, методических руководств, наглядных пособий, с помощью которых историческое образование в школе будет поднято на более высокий уровень.

С докладом по обсуждавшемуся на заседании вопросу выступил заведующий сектором методики истории и Конституции СССР Института методов обучения А. Т. Кинкулькин. Он отметил, что преподавание истории и Конституции играет важную роль в осуществлении ответственных задач, поставленных перед общеобразовательной школой решениями XXI съезда партии, законами Верховных Советов СССР и союзных республик об укреплении связи школы с жизнью, о дальнейшем развитии системы народного образования в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР не только определяет порядок изучения истории и Конституции в школах, но и выдвигает широкую программу воспитательной работы с учащимися.

Характеризуя очередные задачи в области методики преподавания истории и Конституции, докладчик рассказал собравшимся о тех мероприятиях по осуществлению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые намечены Институтом методов обучения и Президиумом АПН РСФСР. В докладе были подробно рассмотрены, в частности, вопросы составления и обсуждения широкой общественностью новых программ. Прежде всего, сказал докладчик, нужны правильная детализация содержания образования по ступеням обучения и по отдельным курсам, выбор наиболее целесообразного размещения учебного материала по годам обучения. Вместе с тем следует разгрузить курсы истории от второстепенных материалов, не являющихся необходимыми для понимания учащимися исторического процесса и формирования у них материалистического мировоззрения.

В новых программах должно быть подчеркнуто, что законченную систему знаний основ исторической науки может дать только 11-летняя школа. Поэтому содержание курса истории на первом и втором этапах обучения следует рассматривать в органической связи, как части единой системы среднего образования. Определить в программах и учебниках содержание обучения — важнейшая часть научно-исследовательской деятельности в методической области. Сектор

методики истории и Конституции СССР закончил разработку проектов программ. При этом, отметил докладчик, пришлось столкнуться с рядом трудностей. Главная из них заключается в том, что не всегда достаточно решительно сокращается учебный материал для 8-летней школы, не учитывается, что излагаемый в элементарных курсах материал должен быть доступен учащимся.

Докладчик сообщил, что проекты программ разосланы в края, области, автономные республики РСФСР, а также в союзные республики для обсуждения на кустовых совещаниях учителей, научных работников, преподавателей вузов (в Москве, Ленинграде, Горьком, Свердловске, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Казани, Уфе). Кроме того, предстоит обсуждение проектов программ в Институте истории Академии наук СССР и на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. После этого программы будут доработаны и представлены на утверждение Президиума АПН и Министерства просвещения РСФСР.

Докладчик отметил, что дальнейшее улучшение исторического образования в школе во многом зависит от качества новых учебных пособий. Настало время, опираясь на предшествующий опыт, разработать научно обоснованные педагогические требования к учебникам и создать такие новые учебники по истории и Конституции СССР, которые были бы написаны ярко и убедительно, на высоком научном и методическом уровне. Необходимо привлечь для написания учебников видных ученых и опытных преподавателей, повысить роль учительской общественности в решении вопроса о качестве учебников. В связи с этим докладчик выдвинул предложение, чтобы рукописи учебников, а также их макеты обсуждались учительскими коллективами на местах.

В докладе А. Т. Кинкулькина были освещены также вопросы, связанные с подготовкой методических пособий для учителей. Прежде всего необходима разработка наиболее целесообразных путей и средств формирования у школьников глубокой убежденности в неизбежной гибели капиталистического строя и победе коммунизма, научного понимания закономерностей истории развития общества, воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической идейности и морали, глубокого уважения к труду. Очень важно показать в курсе истории определяющую роль способа производства и народных масс в общественной жизни, значение труда в развитии общества, раскрыть выдающуюся роль Коммунистической партии в судьбах нашей страны и всего мира, разъяснить содержание и задачи современного этапа коммунистического строительства в СССР.

Докладчик подчеркнул, что преподавателям истории и Конституции СССР очень нужны методические руководства, особенно для 8-летней школы, а также для школ рабочей и сельской молодежи. Поэтому надо подготовить методические руководства для разных классов и одновременно создать обобщающие труды по методике преподавания истории.

Много внимания оратор уделил освещению вопросов преподавания истории и Конституции в школах рабочей и сельской молодежи. Он подчеркнул необходимость разработки с помощью учителей системы мероприятий по улучшению исторического образования в учебных заведениях такого типа, создания специальных программ и учебников, коренного усовершенствования методики обучения в школах для взрослых.

По мнению докладчика, Главное управление учебными заведениями Министерства просвещения совместно с АПН РСФСР должно вовлечь в исследовательскую работу методистов педагогических институтов и университетов и координировать их деятельность.

В заключение А. Т. Кинкулькин отметил полезную инициативу учителей, выдвигающих новые формы учебной и методической работы: семинарские занятия в старших классах по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма и партийных решений; подготовка школьниками рефератов; широкое использование местного материала на уроках; изучение истории фабрик и заводов, на которых учащиеся проходят производственное обучение; привлечение учащихся старших классов к общественной политико-просветительной работе; участие школьников во время производственного обучения в производственных совещаниях, проводимых на фабриках и заводах; встречи с новаторами производства и т. п.

По докладу развернулись оживленные прения.

А. П. Аверьянов (заведующий кабинетом истории Московского городского института усовершенствования учителей) остановился в своем выступлении на вопросах начального исторического образования, создания новых учебников по истории, преподавания истории в школах рабочей мо-

лодежи. Он считает, что участие учителей в написании учебников принесет большую пользу. Преподаватели могут дать ряд ценных советов ученым, пишущим учебники. Поэтому, по мнению А. П. Аверьянова, состав авторских коллективов, готовящих школьные учебники, надо пополнить педагогами-практиками.

Оратор отметил, что хотя со времени принятия закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» прошло уже около года, учителя истории школ рабочей и сельской молодежи не имеют хороших программ и учебников. Говоря о преподавании истории в начальной школе, выступавший подчеркнул, что, поскольку в IV классе все предметы, в том числе и историю, ведет один преподаватель, необходимо усилить методическую помощь таким учителям. А. П. Аверьянов поддержал предложение докладчика об участии наиболее опытных учителей начальной школы в составлении учебников и программ.

В свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, сказал проф. А. Л. Нарочницкий (Институт истории АН СССР), особую важность приобретает вопрос о практике преподавания истории в школе, о повышении общего уровня исторического образования. Нельзя признать нормальным положение, когда многие учителя истории не имеют высшего образования. Необходимо оказывать систематическую помощь таким учителям и осуществлять контроль за их работой. Многие из них долго и плодотворно трудятся в школе, и было бы несправедливо набрасывать тень на их работу, но помощь и контроль, несомненно, будут способствовать улучшению их методики преподавания. А. Л. Нарочницкий указал также на необходимость поддерживать инициативу учителей-практиков в создании учебных пособий. По его мнению, полезно одновременно использовать в школах несколько учебников по истории. Все они должны строиться на основе теории марксизма-ленинизма, воспитывать у учащихся чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Однако, с точки зрения методических приемов, оформления, стиля, подбора иллюстраций, они могут отличаться друг от друга. А. Л. Нарочницкий считает, что необходимо покончить с практикой монопольного распространения учебников одних и тех же авторов.

З. В. Кожокина (учительница начальной школы № 315 г. Москвы) с большим удовлетворением отметила, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает ознакомление учащихся 4-х классов с эпизодическими рассказами из отечественной истории. Она указала, что многие учителя охотно преподают историю в начальной школе, ярким, понятным для детей языком рассказывают о жизни и деятельности В. И. Ленина, о Великой Октябрьской социалистической революции и т. д. Однако учитель начальной школы испытывает большие трудности из-за недостатка хороших учебных пособий, ему очень нужна хрестоматия по истории. Все еще очень мало книг для внеклассного чтения. В 1959 г. была издана полезная книга «Жизнь детей до революции». Нужно побольше таких книг для учеников младших классов.

Г. В. Клокова (преподавательница истории школы № 635 г. Москвы) подчеркнула, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР остро ставит вопрос о разработке наиболее актуальных методических проблем. Судя по опыту нашей школы, сказала Г. В. Клокова, было бы правильно ввести в практику занятий по истории в старших классах работу над историческими документами и материалами экскурсий, прививать учащимся навыки анализа документов и экспонатов исторических музеев. Однако, чтобы такая форма работы стала массовой, учителю нужен вспомогательный материал. Следует подумать об издании хрестоматий для учащихся, удовлетворить возможно полнее нужды школ в различных наглядных пособиях (карты, картины, схемы, макеты орудий труда и т. д.). Г. В. Клокова обратила в связи с этим внимание на опыт школ Германской Демократической Республики, где широко практикуется так называемый раздаточный материал (альбомы, схемы, таблицы).

Декан юридического факультета Московского государственного университета проф. Д. С. Карев посвятил свое выступление преподаванию Конституции в школе. Он сказал, что программа по Конституции должна содержать элементарные сведения о государственной, трудовой, колхозной и других отраслях советского законодательства. Д. С. Карев считает целесообразным обсудить программу для 11-го класса средней школы и учебник по Конституции СССР на совместном совещании учителей средней школы и юристов. Оратор поддержал предложение о привлечении к написанию учебников для школы учителей-практиков. В за-

ключение Д. С. Карев отметил, что задача лучшения преподавания Конституции ССР в школе может быть успешно реше- только совместными усилиями учителей юристов, работающих в вузах.

Депутат Верховного Совета РСФСР заженная учительница Е. М. Бердникова (школа № 360 г. Москвы) сказала: Я как учителю и как гражданину мне хочется воскликнуть: как своевременно это постановление!». Воспитывая молодое поколение строителей коммунизма, мы выполняем ажную государственную задачу. Почетная оль истории в школьном обучении состоит том, что она формирует сознание, нравственный облик учащихся, воспитывает ненависть ко всему отвратительному, эксплуаторскому, корыстолюбивому, прививает ащимся уважение и глубокую любовь ко ему благородному, героическому, революционному.

Е. М. Бердникова отметила огромное знание того факта, что постановление ЦК ПСС и Совета Министров СССР предварительно широко обсуждалось советским народом. Оно опирается на мнение учителей, ченых, рабочих и крестьян нашей страны. алее Е. М. Бердникова подчеркнула осоую важность высококачественных учебников, методических руководств, хрестоматий, глядных пособий для дальнейшего улучения преподавания истории и подвергла итике недостатки деятельности Учпедгиза. аждый из нас знает, сказала Е. М. Бердникова, как хрестоматия обогащает знания ащихся и облегчает процесс преподавания. Между тем до сих пор нет такой литературы по истории социалистического и оммунистического строительства в СССР, новейшей истории зарубежных стран. Изанные у нас хрестоматии по другим разелам истории не рассчитаны на детей, к му же тираж их ограничен. Очень мало тересных книг для чтения по истории. адо более широко привлекать писателей созданию ярких, занимательных произвеений для детей, подростков и юношества, ъявить с этой целью конкурс, выпускать торическую литературу большими тиражами.

Л. П. Богословская (Сокольнический район г. Москвы) остановилась на преподавании истории в школах рабочей и льской молодежи. Она подчеркнула актуальность создания специальных программ учебников для школ этого типа и отмела необходимость включения в учебники атериалов для самостоятельной работы учащихся. В преподавании истории должен широко использоваться жизненный и производственный опыт учащихся вечерних (сменных) и сезонных школ. В программах и учебниках, в практике преподавания особенно важно, отметила Л. П. Богословская, глубоко показать роль труда народных масс в общественно-историческом развитии, раскрыть положение различных классов в антагонистических обществах.

Г. Л. Рейборт (преподаватель истории школы рабочей молодежи № 47 г. Москвы) говорил о необходимости тщательно и экономно отбирать программный материал для вечерних школ, об участии учителей в написании учебников. В учебниках для школ взрослых нужно, по мнению Г. Л. Рейборта, провести грань между материалом главным и второстепенным, выделяя последний петитом.

Кандидат юридических наук Г. П. Давыдов (Институт методов обучения АПН РСФСР) отметил, что постановление ЦК КПСС и Советского правительства имеет важное значение для преподавания не только истории, но и Конституции СССР. Кончая школу и вступая в жизнь, молодежь должна иметь элементарные сведения об общественном и государственном устройстве Советского Союза, знать о своих правах и обязанностях. Г. П. Давыдов предложил расширить преподавание юридических дисциплин на исторических факультетах университетов и педагогических институтов, сделать более планомерной и систематической помощь преподавателям Конституции со стороны институтов усовершенствования учителей. Оратор считает, что нужно уделить особое внимание преподаванию Конституции в школах рабочей и сельской молодежи. Специфика школ этого типа требует особого подхода к изучению вопросов права, заставляет подумать о специальных программах и учебниках.

Член-корреспондент АПН Э. И. Моносзон отметил, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о преподавании истории имеет важное значение для высшей и средней школы и особенно для улучшения преподавания гуманитарных дисциплин. Далее оратор говорил о необходимости создать единый план работы Министерства просвещения, Академии педагогических наук и издательств по реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. По мнению Э. И. Моносзона, при окончательной доработке программ нужно особое внимание обратить на то, чтобы в 8-летней школе бы-

ли действительно доступные для учащихся курсы. По мнению оратора, нужно увеличить время на преподавание истории в школах сельской молодежи. Он считает, что учителям должна быть предоставлена реальная возможность выбрать лучший, по их мнению, учебник. Следовательно, учебников по каждому курсу должно быть несколько. Надо решить вопрос и о перестройке подготовки преподавателей истории. Эксперимент с подготовкой учителей широкого профиля не дал, по его мнению, положительных результатов. В этой связи целесообразно провести специальное совещание по вопросам подготовки учителей.

Учительница школы № 601 г. Москвы Н. И. Запорожец сказала, что преподавание истории надо сделать максимально доступным и в то же время поднять его идейность. Большое внимание Н. И. Запорожец уделила вопросу о подготовке учебников истории для V—VIII классов. Учебники должны быть написаны живым, ярким языком. Факты следует излагать так, чтобы учитель мог, основываясь на них, подводить учащихся к марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса. В учебники полезно включить схемы, таблицы, отрывки из документов, материалы для самостоятельной работы, списки художественной и научно-популярной литературы для внеклассного чтения, словарь исторических терминов. Полиграфическое оформление учебных пособий следует серьезно улучшить. В процессе преподавания, по мнению Н. И. Запорожец, надо широко использовать отрывки из произведений художественной литературы.

Учительница школы № 59 г. Москвы В. В. Сказкина подчеркнула необходимость координации усилий всех организаций, работающих над выполнением постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о преподавании истории в школах. Элементарные курсы в восьмилетней школе должны дать детям то, что́ они действительно могут усвоить, и вместе с тем подвести их постепенно к овладению более сложным историческим материалом.

Коммунистическая партия и Советское государство, сказал методист-консультант Министерства просвещения РСФСР Г. Е. Габриелов, учитывая объективные потребности развития исторического образования в школе, своевременно приняли документ огромного значения. Г. Е. Габриелов познакомил собравшихся с приказом министра просвещения РСФСР, в котором говорится о мероприятиях по осуществлению решения партии и правительства. Учебно-педагогическому издательству предложено после обсуждения новых программ издать их не позже апреля 1960 года. Министерству поручено рассмотреть план проведения конкурса на учебники по истории, а Детгизу — представить план издания научно-популярной и художественной литературы для детей по истории и Конституции СССР.

По мнению Г. Е. Габриелова, некоторые преподаватели истории не обладают необходимыми знаниями, не повышают уровня своей подготовки. Органы народного образования должны принять соответствующие меры для ликвидации этого ненормального положения. Оратор отметил также, что в ближайшее время намечается пересмотр вузовских программ по истории, методике ее преподавания, предусматриваются меры по улучшению исследовательской деятельности в высших учебных заведениях, по обобщению педагогического опыта. Ряд специальных кафедр вузов примет участие в составлении учебников и учебных пособий. В ближайшее время начнут работать курсы для учителей истории и Конституции СССР, тематика занятий которых будет исходить из задач преподавания истории, выдвинутых в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Выступивший в прениях член-корреспондент АПН РСФСР А. И. Стражев подчеркнул большое значение постановления для улучшения коммунистического воспитания учащихся. Он поддержал предложение о создании при Академии педагогических наук Ученого совета по историческому образованию во главе с академиком М. В. Нечкиной. В состав совета, по его мнению, надо включить представителей от университетов, педагогических институтов, институтов усовершенствования учителей, научных учреждений не только РСФСР, но и других союзных республик. Совет должен обсуждать животрепещущие вопросы преподавания истории, вносить свои предложения министру просвещения. Он поможет сплотить все силы для реализации указаний партии и правительства. В заключение А. И. Стражев остановился на вопросе подготовки учителей истории и подверг в связи с этим резкой критике опубликованную в «Учительской газете» статью начальника Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР А. Г. Орлова.

В принятом на заседании решении было

тмечено, что постановление ЦК КПСС и овета Министров СССР «О некоторых из-енениях в преподавании истории в шко-ах» имеет важнейшее значение для дея-льности советской школы и является но-ым свидетельством неустанной заботы оммунистической партии и Советского го-ударства о развитии народного образова-ия в стране, укреплении связи школы с изнью и подъеме на более высокий уровень ела коммунистического воспитания моло-ежи. Постановление ЦК КПСС и Совета инистров СССР направлено на улучше-ие преподавания основ гуманитарных наук, тавит новые ответственные задачи перед едагогикой.

Заседание горячо одобрило постановление и приняло его к неуклонному руководству и выполнению. Заседание одобрило и изложенный в докладе А. Т. Кинкулькина план мероприятий по проведению его в жизнь. Сектору методики истории и Конституции Института методов обучения АПН РСФСР предложено внести, с учетом состоявшегося обмена мнениями, некоторые изменения в этот план. Заседание выразило твердую уверенность, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР вызовет новый творческий подъем среди учителей истории и научных работников.

К. А. Тимофеев

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 1100-ЛЕТИЮ НОВГОРОДА

В августе 1959 г. в Новгороде проходила аучно-теоретическая конференция, посвя-енная 1100-летию города.

Конференцию открыл первый секретарь овгородского обкома КПСС В. А. Про-офьев.

С докладом «Великий Новгород в исто-ии мировой культуры» выступил акаде-ик М. Н. Тихомиров[1].

Доктор исторических наук А. В. Арци-овский прочитал доклад «Великий овгород по археологическим данным».

Самые большие в Советском Союзе рхеологические раскопки, отметил . В. Арциховский, происходят в Новго-оде. Начались они с 1929 года. В 1951 г. связи с находками берестяных грамот аскопки были значительно расширены.

Буржуазные историки преувеличивают оеобразие русских городов, делая отсюда вод об исключительном характере разви-ия древней Руси в целом. Они не призна-али, в частности, ремесленного характера усских городов, считая, что ремесло было спространено только в Западной Европе. аскопки в Новгороде полностью опровер-и это утверждение буржуазной историо-афии. Подавляющая часть населения евнего Новгорода занималась ремеслом. десь обнаружено много ремесленных астерских, особенно сапожных. Все нов-родцы носили кожаную обувь, лаптей в роде совсем не было.

А. В. Арциховский рассказал, что в древнем Новгороде дома представляли собой двух- или трехэтажные деревянные постройки, которые украшались богатой резьбой. Великолепные узоры покрывали также шкафы, диваны, кресла и посуду.

Новгород был одним из первых замощенных городов в Европе. В Париже такие мостовые появились лишь через 200 лет, в Лондоне — через 400 лет. Мостовые в Новгороде часто заменялись, строились они из очень прочных бревен. Архитектурную основу города составляли каменные церкви. Зодчие Новгорода проявили при постройке этих церквей высокое чувство пропорций и красоты линий.

До проведения раскопок считалось, что в Новгороде только кремль был каменным. Раскопки опровергли это мнение: была найдена каменная стена внешних городских укреплений XIV века.

Наличие 28 мостовых (на старую мостовую новгородцы клали новую), обнаруженных при раскопках Новгорода, значительно облегчило датировку многочисленных предметов, извлеченных из земли. 28 мостовых составляют 28 археологических горизонтов. С ними связаны все постройки, возводившиеся в то или иное время в городе. Эта датировка подтверждается также находками монет, бус, браслетов. Особая точность датировки объясняется также удобным расположением почвенных слоев: из-за большой сырости в Новгороде почти не встречалось глубоких ям. Сырость же содействовала высокой сохранности дерева.

[1] Доклад М. Н. Тихомирова опубликован данном номере журнала.

Докладчик говорил далее о берестяных грамотах — главных научных трофеях Новгородской археологической экспедиции. До 1951 г. ученые считали, что все средневековые письменные источники уже известны нам и больше ничего не будет найдено. Но в 1951 г. экспедиция в Новгороде обнаружила впервые берестяные грамоты — кусочки бересты, на которые острым предметом новгородцы наносили записи. За девять лет работы экспедицией найдено 366 грамот. Это не архив — в землю грамоты попали в разное время, поодиночке. Культурный слой Новгорода насыщен грамотами, которые были утеряны или брошены новгородцами. Грамоты датируются по форме букв и по месту залегания в земле. Сопоставление обоих методов датировки дает идентичные результаты

Можно выразить уверенность, что подобные грамоты будут найдены как на других территориях Советского Союза, так и за границей. Кстати, одна грамота уже найдена в Смоленске и одна в Пскове.

Грамоты, как правило, представляют собой частные письма. Ранее существовало мнение, что в Новгороде, как и в других русских городах, грамотными были только попы. Находки берестяных грамот опровергли это мнение. Значительная часть авторов и адресатов берестяных грамот — люди светские: богатые и бедные, мужчины и женщины. Подавляющее большинство населения Новгорода было грамотным. Обнаружен ряд азбук. Широкое распространение грамотности подтверждает вывод о высокой культуре древнего Новгорода.

А. В. Арциховский рассказал далее о торговле Новгорода в свете археологических исследований. В горизонтах, относящихся к X в., найдено два клада серебряных монет, чеканенных в Самарканде. В X—XII вв. была сильно развита торговля с Югом, о чем свидетельствуют находки миндаля и грецких орехов. В XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием южная торговля сократилась.

При раскопках обнаружено несколько миллионов зерен злаков. Для X в. это в основном просо, в XII в. преобладает рожь, в XV — рожь, пшеница, ячмень. Эти находки опровергают утверждение, что в Новгороде не хватало своего хлеба. Однако сами новгородцы землю не пахали. Об этом говорит отсутствие сработанных сошников и серпов.

Докладчик охарактеризовал политический строй древнего Новгорода. Он отметил, что здесь во многих отношениях археологам помогают находки печатей. После переворота 1136 г. монархия в Новгороде прекратила свое существование. Верховную власть осуществляло вече с посадниками. Власть князя, однако, была сохранена. Таким образом, Новгород с XII в. представлял собой республику с пережитками монархии.

Грамоты подтверждают выводы академика Б. Д. Грекова о том, что крестьяне в Новгороде не были закрепощены полностью, имели свободу перехода от одного феодала к другому.

Большинство обнаруженных берестяных грамот — сельскохозяйственного содержания. Это неожиданный факт, так как жители города не занимались сельским хозяйством. А. В. Арциховский объясняет подобное явление тем, что большое число жителей Новгорода являлось мелкими феодалами. Найдены списки, в которых перечислены феодальные повинности, что позволило впервые дать сравнительный анализ этих повинностей в разные периоды.

С докладом «Памятники искусства и литературы Новгорода» выступил член-корреспондент Академии наук СССР Д. С. Лихачев.

Роль Новгорода в истории русского искусства XI—XV вв. исключительно велика. Ни один из русских городов не дал за этот период такого количества памятников. Всемирно прославленные иконы из Новгорода хранятся не только в наших советских музеях, но и в Париже, Стокгольме, Вашингтоне, Нью-Йорке, Ватикане и других городах.

Докладчик рассмотрел вопрос о том, как сами новгородцы относились к своему искусству. Древняя Русь до XV в. не знала художественной критики. Но вся новгородская письменность пронизана интересом к искусству. Ни одна из русских областей не имела такой летописи, как Новгородская третья; в ней собраны все сведения об архитектурных памятниках Новгорода: об их строительстве, ремонтах, пожарах, даже о побелках. Летопись эта составлена в конце XVII в., но источниками ее послужили более древние летописи.

Ни в одной из литератур других русских областей писатели не показали себя такими знатоками живописи, как новгородцы. Новгородская литература включает произведения, в которых доминирующим являет

и живописный образ. Таково послание асилия Калики.

Редкое крупное здание в Новгороде не мело легенды о своем возникновении, в о же время редкое произведение новгородской литературы не было связано с теи или иными памятниками. Это признак оеобразной культуры населения Новгорода.

Однако об отношении новгородских исателей к памятникам искусства лучше сего можно судить не по литературе о овгороде, а по новгородским «хождениям». Когда дело касалось памятников скусства далеких стран, то их надо было писать, дать о них представление своим отечественникам. Здесь с особой ясностью роявлялось художественное чутье новгородцев.

Литературе Новгорода свойственны простота, деловитость, конкретность, отсутствие приукрашенности, трезвый, практический ум и точность понятий. И действительно, в сравнении с литературами других областей литература Новгорода — одна из амых простых. Однако за этой внешней епритязательностью кроется настоящее утье художников, ценителей искусства, мельцев, для которых искусство было деом жизни.

Кандидат исторических наук И. П. Шаольский выступил на конференции с окладом «Внешняя политика Новгорода в III—XV вв.».

На протяжении шести веков Новгород ыл главным центром внешних сношений с ругими государствами и народами. Лишь а рубеже XVI в., когда вся Русь объединилась под руководством Москвы, Новгород тратил свою главенствующую роль.

Новгород возник на территории, где славянские земли соседствовали с землями неусских племен севера. Он шаг за шагом тягивал их в русло своего развития, и они навсегда связывали себя с русским народом.

Самостоятельную внешнюю политику овгород начал проводить после распада иевского государства. Это была политика еодального государства, но она, особенно моменты отпора вражеской агрессии, выажала также и интересы широких народных масс, поднимавшихся на защиту границ родной земли. Во второй половине II в. началась агрессия западноевропейских феодалов против восточных земель. ервой выступила Швеция, стремившаяся завоевать юго-западное побережье Финляндии. Это была попытка захватить южный берег Финского залива, находившийся под влиянием Новгорода. Новгород сумел защитить свои государственные интересы.

В 1240—1242 гг. развернулось одно из крупнейших наступлений западноевропейских рыцарей на русские земли. Начался очень трудный для русского народа период. В 1237—1240 гг. на русские земли обрушились татарские завоеватели В стране царило чудовищное разорение и опустошение. Рассчитывать на помощь других княжеств нельзя было. Как раз это время и было выбрано агрессорами для нападения с Запада.

Теперь установлено, что агрессия с Запада, подготовленная католической церковью, имела далеко идущие планы. Существовал договор о разделе русских земель и новгородской территории. В нападении на Новгород должны были принять участие шведские, немецкие и датские рыцари.

В 1240 г. новгородцы во главе с Александром Невским своими силами нанесли на берегу Невы жестокий удар шведским завоевателям, отбросили их с русской земли. За невской операцией последовало Ледовое побоище, принесшее решительную победу над немецкими псами-рыцарями славянским народам. Эта победа — результат действия сил всей Северо-Восточной Руси, но главную роль в подготовке ее сыграл Новгород.

С докладом на тему «К вопросу о древнем мореходстве новгородцев» выступил доктор исторических наук С. Ф. Найда.

История мореходства в древней Руси представляет большой научный и политический интерес. Советские историки в изучении этого вопроса опираются на труды таких выдающихся исследователей, как академики Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, профессор А. В. Арциховский и др. Буржуазные историки Запада всячески искажают и фальсифицируют факты, умаляя большое значение и роль русского народа в области развития мореходства на Руси. В действительности новгородцы были выдающимися мореходами своего времени, а Новгород играл доминирующую роль в морской торговле.

Уже в X в. русские моряки завоевали себе прочную репутацию отважных мореходов. Греки старались нанимать славян на морскую службу. О развитии мореходства говорит также высокий уровень судостроения на Руси, где умели уже строить круп-

ные суда — ладьи, служившие для военных походов и для дальних перевозок по рекам и морям.

Монголо-татарское иго, говорил докладчик, на столетия задержало дальнейшее развитие Киевской Руси. Свободным остался только Новгород, который к тому же имел выход к морю. В этих условиях Новгород внес огромный вклад в развитие экономики и культуры древней Руси, явившись ее форпостом в борьбе с немецкими и шведскими агрессорами.

С. Ф. Найда привел ряд примеров фальсификации истории мореходства на Руси буржуазными учеными. Так, западногерманский историк Г. Штёкль пропагандирует лживые концепции о том, что Новгород якобы был основан норманнами, а затем стал городом, близким к ганзейским городам. Он считает даже, что новгородцы по своему типу отличались от славян. Нетрудно видеть, что позиция Штёкля антинаучна. В. Кирхнер (США) писал, что русские никогда не стремились к развитию торговли, что народам Прибалтики принес освобождение немецкий рыцарский орден. Все это не соответствует исторической действительности.

Русские дворянские и буржуазные историки за 200 с лишним лет систематизировали и опубликовали много важных материалов по истории мореходства, торговли и военных походов в древней Руси и Великом Новгороде. Однако они не смогли преодолеть ошибочных взглядов последователей норманской теории.

Советские историки разбили норманистские лжетеории и установили, что история русского мореходства началась с морских походов восточных славян в VI—VIII вв., еще до образования Киевского государства. Массовые морские походы наших предков, широкое использование флота в торговых целях, развитое судостроение — все это свидетельствует о том, что военно-морская история Руси IX—XV вв. не менее богата событиями, чем история Византии и других крупных морских держав того времени.

С докладом на тему «Ранняя новгородская станковая живопись» выступил член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев.

Исследования советских ученых убедительно показали, что среди древнерусских живописных школ XII—XIII вв. новгородской принадлежала ведущая роль. В Новгороде была своя собственная иконописная школа. Это удалось выяснить в результат исследования русских икон XII—XIII в (иконы Спаса Нерукотворного, Устюжског Благовещения, Георгия в Благовещенско соборе и др.). Новгородское происхожде ние иконы Спаса Нерукотворного, храня щейся в Третьяковской галерее, можно про следить, например, по надписи на оборот где буква Ч заменена буквой Ц, что харак терно только для новгородцев. Одна и новгородских рукописей (1262 г.) воспроиз водит лицевую сторону этой иконы, чт также служит доказательством ее новгород ского происхождения.

Икона Устюжское Благовещение, как Окладной архангел (Русский музей), отно сится, по мнению докладчика, к той ж мастерской. В «Розыске дворянина Вискова того» есть ссылка на икону Устюжско Благовещение. Это свидетельство XVI в опровергает предание о происхождении е из Великого Устюга. Сложная символик иконы восходит к древним источникам, ана логичных икон почти нет.

Прекрасным образцом новгородского искусства является икона с изображением головы архангела (Русский музей).

Из Юрьева монастыря в Новгороде был вывезена икона «Святого Георгия». Это по-видимому, самое раннее произведени новгородской станковой живописи. Очен хороша икона «Святого Георгия» из Мо сковского Кремля. Она тоже новгородского происхождения. В ней нашел отражение от ход от мрачного византийского стиля.

Открытия последних лет убедительно опровергают утверждение о том, что рус ская живопись происходила исключительно из Византии. Обнаруженные в результате раскопок и восстановленные иконы и фрески говорят о существовании различных школ и направлений русских мастеров. Местны школы сами выдвигали себе задачи, про диктованные русской действительностью, и успешно решали их.

Иконопись в Новгороде была все же в бо́льшей зависимости от греческих образ цов, чем фресковая живопись, так как в Новгород широко ввозились гречески иконы. Фресковая живопись развивалась бо лее самостоятельно.

В XIII в. в новгородском искусстве укре пились те народные начала, которые подго товили блестящий расцвет новгородско живописи в XIV—XV веках.

С докладом «Революционное прошло Новгорода» выступил председатель новго

одского городского Совета депутатов рудящихся В. И. Брагин.

Революция 1905 г. в Новгороде проходи-а под руководством большевистской руппы, оказавшей большое влияние на ход обытий в деревне. Из Новгорода и области ышло много замечательных революционе-ов, которые в 1905—1907 гг. вели актив-ую борьбу за освобождение рабочего ласса.

Наиболее крупные революционные собы-ия в Новгороде развернулись в 1917 г., акануне Великой Октябрьской социалисти-еской революции.

При первых известиях о Февральской ре-олюции в Петрограде всколыхнулись тру-ящиеся массы Новгородской губернии. В марте 1917 г. был создан Совет солдат-ских депутатов. 14 апреля был созван съезд рабочих и солдат, на котором воз-ик первый губернский Совет рабочих и олдатских депутатов. Затем Советы стали оздаваться в Боровичах, Старой Руссе и ругих городах.

Огромное значение для новгородских ольшевиков имели Апрельские тезисы В. И. Ленина. Опираясь на них, большеви-и повели борьбу за изоляцию меньшеви-ов от масс, за сплочение рабочих и кре-тьян; они разъясняли солдатам, что Вре-енное правительство не даст народу ни ира, ни земли, ни свободы.

Весть о победе Великой Октябрьской со-иалистической революции в Петрограде онеслась до Новгорода уже на следующий ень. Новгородские большевики и предста-ители полков активно выступили в под-ержку победивших рабочих и солдат Петрограда. Рабочие и крестьяне Новго-одской губернии с радостью встретили екреты о мире и земле. В короткий срок Советская власть была установлена на всей ерритории Новгородской губернии.

Так, под руководством большевистской артии, заключил В. И. Брагин, следуя казаниям великого Ленина, используя еволюционный опыт питерского пролета-иата и его помощь, новгородская органи-ация большевиков сумела в период подго-овки социалистической революции изоли-овать меньшевиков и эсеров от трудящих-я масс, внести в ряды рабочего класса и рудящегося крестьянства губернии дух исциплинированности, организованности и беспечить победу социалистической рево-юции в губернии.

Бывший комиссар партизанской бригады Герой Советского Союза И. И. Сергунин выступил с докладом «Партизанское движение на новгородской земле в период Великой Отечественной войны».

Докладчик отметил, что партизанское движение на новгородской земле развернулось с первых же дней вторжения немецко-фашистских захватчиков. Оно возникло как патриотическое движение, как выражение народного гнева. На всех этапах это движение проходило под руководством Коммунистической партии. Коммунисты области объединили лучших представителей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции и возглавили их в борьбе против оккупантов.

На территории Новгородской области действовали два партизанских отряда: под руководством секретаря райкома Ступикова и председателя райисполкома Мирошниченко. Большое значение в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками имели подпольные группы, образованные коммунистами в ряде городов и сел области. К концу 1941 г. партизанское движение приобрело большой размах. Сотни советских людей влились в ряды партизан. Образовались целые партизанские соединения: 1-я партизанская бригада под командованием Буйкова и Кондратьева, 2-я партизанская бригада под командованием Васильева, партизанская бригада Глебова. По мере роста численности и усиления боевой активности партизанских бригад и отрядов по решению командования они были объединены и выведены в партизанский край на юге области. Немецкое командование предприняло наступление на партизанский край. Фашисты расстреляли 107 жителей, сожгли 39 деревень и 486 домов. Но советские люди не сдались врагу.

В январе и феврале 1942 г. 2-я партизанская бригада разгромила ряд крупных гарнизонов в городах Холм (445 фашистов, 49 автомашин, автобус, радиостанцию), Дедовичи, селе Яски, Флотовец и других местах. Только в Тюрикове было уничтожено более 300 немецких солдат и офицеров. Партизанские соединения выросли количественно, у партизан появились пушки и минометы.

В феврале 1942 г. немецкие захватчики вновь предприняли карательную экспедицию против партизанского края. Но партизаны сорвали замысел врага, они обрушились на карателей и к марту разбили их. Эти успехи, подчеркнул И. И. Сергунин, были обусловлены активной поддержкой

населения области, доставлявшего партизанам продовольствие и одежду и оказывавшего им военную помощь.

Зимой 1942 г. население оккупированной Новгородской области организовало продовольственный обоз блокированному Ленинграду. По всем деревням проходили собрания и сборы продовольствия. В результате героическим защитникам города были отправлены 223 подводы с хлебом, мясом, маслом. Месяц обоз пробирался к Ленинграду и 4 апреля благополучно прибыл туда. Письмо ленинградцам подписали более 3 тыс. новгородцев.

В марте 1942 г. сформировалась 4-я партизанская бригада из 500 партизан. 10 марта она перешла в партизанский край. В мае 1942 г. 1-я, 2-я и 4-я бригады провели 55 операций, уничтожили до 2 тыс. гитлеровцев, 15 танков, 4 автомашины и бронепоезд. Партизанский край просуществовал около года. Здесь вырабатывалась и совершенствовалась партизанская тактика, создавались полки и бригады, воспитались такие герои, как Д. Соколов, Е. Винокуров, А. Тараканов, В. Егоров, Л. Голиков и др.

На севере области боролись волховские партизаны. С августа 1941 по март 1942 г. здесь проходила линия фронта, и поэтому борьба была особенно тяжелой. Однако партизаны провели ряд смелых операций. В конце марта 1942 г., например, 1-я волховская партизанская бригада освободила из фашистского плена 800 советских воинов, уничтожила 4 эшелона, 3 железнодорожных и 6 шоссейных мостов.

В 1943 г. началось изгнание немецко-фашистских захватчиков из Новгородской области. К этому времени партизанское движение здесь достигло наибольшего размаха. На юго-западе области была образована 5-я партизанская бригада под командованием И. Корицкого. С июля 1943 г. партизаны развернули «рельсовую войну», дезорганизовавшую немецкий тыл.

В сентябре 1943 г. в области вспыхнуло всеобщее восстание. Немецкое командование приказало угнать в Германию все население Новгородской и Ленинградской областей. Гитлеровцы хотели превратить эти территории в «мертвую зону». Перед партизанами встала задача спасения советских людей в городах и селах. Жители скрывались в лесах. Все способные носить оружие вступали в партизаны (с октября 1943 по январь 1944 г. только в 5-ю бригаду вступило 6 тыс. человек). Были разгромлены немецкие комендатуры и управы, со здавались советские органы управления народные суды. Приказы оккупационных властей не выполнялись. Командования Волховского фронта направило на помощь партизанам кадровых офицеров; оно снаб дило партизан «катюшами». Впервые в истории партизанские соединения действо вали совместно с малой авиацией.

15 января 1944 г. началось наступлени Советской Армии при поддержке партизан которые за одну ночь с 15 на 16 январ взорвали 2 506 рельсов, бронепоезд, уничто жили 28 км телефонно-телеграфной связи и т. д. Утром 27 января партизаны перере зали Витебскую железную дорогу и встре тились с передовыми частями Советско Армии. 22 февраля 1944 г. вся Новгород ская область была освобождена от врага.

Всего за время немецко-фашистской окку пации партизаны уничтожили 104 232 сол дата и офицера, за 32 месяца — 1 106 эше лонов, 1 050 паровозов, 18 643 ваго на и платформы. За проявленное мужество и героизм тысячи партизан награждены орденами и медалями. Новгородцы Н. Ва сильев, А. Герман, И. Корицкий, А. Тара канов, Л. Голиков и другие получили вы сокое звание Героя Советского Союза.

С заключительным докладом «О перспек тивах экономического и культурного разви тия Новгорода в семилетке» выступил пер вый секретарь Новгородского горкома КПСС М. Н. Малютин.

При огромной помощи партии и прави тельства, говорит докладчик, за послевоен ные 15 лет Новгород создан заново. Страшную картину представлял город в ян варе 1944 г., когда воины Советской Армии освободили его от немецко-фашистской оккупации. Свыше 11 млрд. руб. составил убыток, причиненный Новгороду в резуль тате нашествия фашистских захватчиков.

1 сентября 1944 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление о восста новлении города. Большую помощь новго родцам оказала ленинградская парторгани зация, а также районы Ленинградской и других областей, присылавшие строитель ные бригады. Новгородцы отдавали все свои силы строительству города.

Существенные изменения произойдут в Новгороде за семилетие. Увеличится жи лищное строительство. Выпуск валовой про дукции промышленности возрастет в 4,5 ра за по сравнению с 1958 г. и в 50 раз по сравнению с 1940 годом. За семилетку в

городе будут реставрированы все памятники старины.

Благодаря заботе партии и правительства, заключил докладчик, Новгород станет еще красивее. Наше поколение вправе гордиться тем, что оно является строителем новой жизни.

Закрывая сессию, В. А. Прокофьев выразил от имени областного и городского комитета партии, облисполкома и горисполкома благодарность товарищам, принявшим участие в работе конференции, и докладчикам за их глубокие и содержательные доклады о значении Новгорода в развитии русской и мировой культуры. Он выразил уверенность, что советские ученые и впредь будут плодотворно трудиться над разработкой основных вопросов истории Новгорода.

Ю. О. Бем

О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ *

(К 25-летию ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) И СОВНАРКОМА СССР «О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ СССР»)

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Исторический факультет в Дагестане был основан в 1934 г. при Педагогическом институте имени С. Стальского. В 1954/55 учебном году с объединением этого факультета и факультета русского языка и литературы возник историко-филологический факультет. В созданном в 1957 г. на базе педагогического института Дагестанском государственном университете этот факультет сохранен как историко-филологический.

За этот период исторический и историко-филологический факультеты окончили 1 063 человека. Среди них ныне доктор исторических наук, профессор Р. Магомедов, кандидаты исторических наук Н. Эмиров, Д. Карабеков, З. Аликберов, С. Гаджиева, А. Гаджиев, Р. Мунчаев, Г. Османов, А. Алиев, М. Ихилов, Р. Маршаев, М. Кичев, Х. Рамазанов, Г. Каймаразов, И. Керимов, М. Абдуллаев и др.

Большинство окончивших факультет специалистов работает в школах Дагестана. Некоторые из них удостоены почетного звания заслуженного учителя республики. Многие выпускники находятся на ответственной работе в советских и партийных органах республики.

Сотрудниками факультета за последние годы подготовлен ряд научных трудов, в частности монографии проф. Р. Магомедова «Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII и начале XIX в.», доц. Н. Эмирова «Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими захватчиками» и др.

XXI съезд КПСС выдвинул перед советской исторической наукой ответственные задачи. В свете решений съезда перед сотрудниками кафедр поставлена задача создания ряда важных обобщающих трудов и монографических исследований по истории Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства в Дагестане. В республике будут изданы труды по всеобщей истории, в частности истории стран народной демократии.

Исторические кафедры ДГУ приступили к разработке истории народов Дагестана, дагестанской историографии, по которой до сих пор не издано ни одной работы. Кафедрой истории СССР намечен выпуск ежегодного сборника по истории. Большое внимание будет уделено изучению археологии и этнографии Дагестана, истории отдельных его народностей (лезгин, даргинцев, лакцев, аварцев и др.), а также вопросам культуры и культурной революции в Дагестанской республике.

В перспективном плане работы кафедры предусмотрено написание пособий по истории Дагестана в помощь учителю.

Сотрудники исторических кафедр Дагестанского государственного университета стремятся внести свой вклад в решение важных задач, поставленных XXI съездом КПСС перед работниками идеологического фронта.

С. С. Швачко

* Начало см. в №№ 7, 10, 11, 12 за 1959 год.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

В 1918 г. в Иркутске был открыт Государственный университет — первое советское высшее учебное заведение на территории Сибири. С 1918 по 1930 г. Иркутский государственный университет имел в своем составе историческое отделение, которое после реорганизации университета было переведено в Иркутский государственный педагогический институт.

В 1940 г. в связи с широко развернувшимся социалистическим строительством в Сибири возросла потребность в кадрах историков — преподавателей, работников вузов, научных и культурно-просветительных учреждений. В университете был создан историко-филологический факультет. Для постановки и развития исторического образования в Иркутском государственном университете много сделал заведующий кафедрой истории СССР кандидат исторических наук М. А. Гудошников, автор трудов по истории Карелии и Восточной Сибири и методике преподавания истории.

Историческое отделение подготовило 577 историков, большинство из которых работает в вузах Сибири и Дальнего Востока, в средних школах, в специальных учебных заведениях, в органах народного образования, в Областном краеведческом и Областном художественном музеях, Государственном архиве Иркутской области, Бурятском комплексном научно-исследовательском институте Сибирского отделения АН СССР, а также в партийных, комсомольских и других общественных организациях.

Многие выпускники исторического отделения университета посвятили себя научно-исследовательской работе. Часть из них защитила диссертации. Кроме того, в университете защищены кандидатские диссертации по истории преподавателями высших учебных заведений из других городов Сибири и Дальнего Востока. Всего в Иркутском государственном университете защищено 22 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

На исторических кафедрах ведется научно-исследовательская работа в области археологии, социально-экономического, политического и культурного развития Восточной Сибири в XVII—XX вв., истории гражданской войны и социалистического преобразования Сибири, истории Отечественной войны 1941—1945 гг., истории русской дипломатии и международных отношений России, включая вопрос о связях между Россией и Китаем.

Университет ежегодно проводит археологические раскопки, главным образом в зоне затопления долины реки Ангары, в связи со строительством Иркутской и Братской ГЭС. Руководство археологической работой осуществляет кандидат исторических наук П. П. Хороших. Активное участие в экспедициях принимают студенты. В 1958—1959 гг. были проведены историко-археологические экспедиции в долину реки Ангары.

Преподавателями исторического отделения опубликован, а также подготовлен к печати ряд работ по историческим дисциплинам. Несколько статей по археологии Сибири опубликовал П. П. Хороших. Сдано в печать монографическое исследование покойного И. М. Манжигеева «Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографической монографии)». По истории Сибири изданы работы Ф. А. Кудрявцева «Исторические памятники Иркутской области» (Иркутск. 1949), Ф. А. Кудрявцева и Г. А. Вендриха «Иркутск. Очерки по истории города» (Иркутск. 1958). Истории русско-монгольских и русско-китайских отношений посвящены статьи Е. М. Даревской и монография Е. П. Силина «Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайских отношений». С. Ф. Коваль написал исследование «Декабрист В. Ф. Раевский» (Иркутск. 1951). История Советской Сибири отражена в трудах В. Т. Агалакова «Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири» (Иркутск. 1958), И. И. Кузнецова («Иркутяне-Герои Советского Союза» (Иркутск. 1957), М. А. Гудошникова «Из истории гражданской войны в Восточной Сибири» и др. Опубликованы монографии и статьи по истории сибирских организаций КПСС. Революционному движению в Восточной Сибири в период революции 1905—1907 гг. посвящена совместная работа Ф. А. Кудрявцева и В. И. Дулова. С. В. Шостакович напечатал ряд статей по истории русско-иранских отношений и сдал в печать монографию «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова». Статьи Н. Д. Овсянниковой и А. А. Мухина освещают историю промышленности и рабочего класса Сибири.

С. В. Шостакович,
Ф. А. Кудрявцев

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЧЕРНОВИЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исторический факультет Черновицкого осударственного университета был создан 1940 г., когда Буковина вошла в состав ССР. Его деятельность широко развернулась по окончании Великой Отечественной ойны.

За прошедшие 15 лет исторический факультет сыграл важную роль в подготовке адров советских историков. С 1945 по 958 г. включительно подготовлено 854 человека по специальностям: история СССР, стория Украины и новейшая история. Из бщего числа выпускников 335 человек закончили заочное отделение. Молодые специалисты работают, как правило, в западных областях Украинской ССР.

Среди научных сотрудников и аспирантов исторического факультета 14 человек защитили диссертации и получили ученую степень кандидата исторических наук и звание доцента. Большинство из них работает в Черновицком университете.

Научная деятельность кафедр факультета определяется комплексной темой, предусматривающей изучение Буковины. Актуальность данной темы определяется тем, что в период иноземной оккупации австрийские и румынские буржуазные историки, а вслед за ними и украинские буржуазно-националистические элементы всячески извращали и фальсифицировали историю Буковины.

Доценты К. Г. Цыпко, М. А. Алекберли, Н. А. Лищенко, И. А. Гриценко, В. К. Литвинов провели значительную работу по исследованию исторической дружбы трудящегося населения Буковины с русским народом, крестьянского восстания под руководством Лукьяна Кобылицы (1848 г.), революционного движения во время первой русской революции, борьбы трудящихся масс после победы Великой Октябрьской социалистической революции за воссоединение с Советской Украиной, социалистических преобразований на Буковине.

Начиная с 1957 г. университет ежегодно направляет научные экспедиции преподавателей и студентов факультета в районы Черновицкой области для изучения истории отдельных колхозов, а также археологические экспедиции для исследования памятников древней славянской культуры.

Доцент Ф. А. Редько, кандидаты исторических наук Г. С. Габ и А. М. Пономарев, преподаватели Г. М. Страхов, П. В. Михайлина, Е. С. Приходько, Р. П. Ростикус, помимо истории Буковины, занимаются изучением отдельных вопросов истории Украины. Работники кафедры всеобщей истории исследуют проблемы истории древнего Египта (доцент Е. В. Черезов), международных отношений в XVII—XX вв. (доцент М. А. Алекберли, кандидат исторических наук И. М. Теодорович).

На протяжении последних 5 лет изданы шесть томов «Научных записок», сборник документов о борьбе трудящихся Буковины за социальное и национальное освобождение (1917—1941 гг.), монографии М. А. Алекберли «Хотинская война 1621 г.» и К. Г. Цыпко «Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба трудящихся Буковины за власть Советов и воссоединение с Советской Украиной».

Основной задачей научных сотрудников исторического факультета на ближайшие 7 лет является монографическое исследование истории Буковины и отдельных вопросов истории Украины. Подготовляется к печати сборник, посвященный 20-летию воссоединения Буковины с Советской Украиной.

Н. А. Лищенко

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

До Великой Октябрьской социалистической революции в Мордовии не было ни одного высшего учебного заведения. Открытие в 1931 г. Агропедвуза в городе Саранске с отделения при нем для подготовки преподавателей обществоведения положило начало созданию кадров учителей-историков в Мордовской АССР.

После постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. общественно-экономическое отделение Мордовского пединститута было преобразовано в исторический факультет. В 1957 г. институт был преобразован в Мордовский государственный университет.

За 25 лет деятельности исторического факультета подготовлено на стационаре 836 учителей истории и на заочном отделении 656. Около 40% выпускников истфака — представители коренного населения Мордовии: эрзя и мокша. В настоящее время все школы МАССР обеспечены квалифицированными историками. Часть специалистов из числа окончивших исторический факультет работает в партийных и советских учреждениях республики.

Многие выпускники факультета включились в научно-исследовательскую работу, успешно окончили аспирантуру и защитили диссертации, в большинстве своем посвященные изучению истории Мордовии.

Среди диссертаций и статей на местные темы необходимо отметить следующие: «Хозяйство мордвы в XIII—XVI веках» (по археологическим данным) (М. Ф. Жиганов), «Восточные походы Ивана Грозного» (Г. Я. Меркушкин), «Участие мордовского народа в крестьянской войне под руководством Степана Разина» (Д. Г. Наумова), «Восстание мордвы Терюшевской волости в 1743—1745 гг.» (А. Г. Захаркина), «Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии» (А. М. Гребнев), «Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии» (И. И. Фирстов), «Открытие Лениным Советов как государственной формы диктатуры пролетариата» (Н. Н. Молин), «Образование Мордовской АССР» (И. А. Васькин), «Марксистско-ленинское решение национального вопроса на примере Мордовии» (Т. М. Косолапов), «Социалистическая культура Мордовии» (А. Л. Киселев), «Победа социалистической революции на территории Мордовии» (М. В. Дорожкин), «Участие рабочих в коллективизации сельского хозяйства Мордовской АССР» (С. С. Ивашкин).

Кафедры факультета ведут научно-исследовательскую деятельность.

Основное внимание членов кафедры истории СССР было сосредоточено на изучении истории мордовского народа. Эта работа осуществлялась в контакте с сектором истории Мордовского научно-исследовательского института. М. Г. Сафаргалиев принимал участие в составлении первого тома коллективного труда «Очерки истории Мордовской АССР»; им написаны также статьи, освещающие малоизученные проблемы истории мордвы: «К вопросу об общественном строе древней мордвы», «Борьба мордовского народа с татарским игом», «Участие рузаевских рабочих в революции 1905 года». Д. Г. Наумова подготовила к печати статью «Оборонительные сооружения XVII века на территории Мордовии». М. Н. Шатунов изучает историю города Саранска. Он опубликовал «Хронику революционных событий на территории Мордовии в годы первой русской революции». Коллектив кафедры участвует в разработке темы «Советское строительство в Мордовии за 40 лет».

Кроме местной тематики М. Г. Сафаргалиев исследует историю Золотой Орды. Им написаны статьи «Разгром Большой Орды», «Заметки об Астраханском ханстве», «Ногайская Орда в XVI веке» и др. М. Г. Сафаргалиев подготовил обширную монографию «Распад Золотой Орды», явившуюся результатом многолетнего изучения большого количества источников.

Кафедра истории КПСС также концентрирует свое внимание на темах, связанных с историей МАССР, уделяет основное внимание событиям советского периода. Члены кафедры Н. Н. Молин, Д. И. Глазунов совместно с научными работниками Мордовского научно-исследовательского института участвуют в создании второго тома «Очерков истории Мордовской АССР (1917—1958 гг.)». Т. В. Попков издал книгу «Комсомол Мордовии за 40 лет», Д. И. Глазунов — книгу «Героические подвиги комсомольцев Мордовии в годы Великой Отечественной войны».

С начала 1959 г. кафедра истории КПСС приступила к изучению комплексной темы — «История партийной организации МАССР».

Научные сотрудники факультета А. Я. Коковин и др. разрабатывают также вопросы методики преподавания истории в школе. Большое количество статей на эту тему опубликовано в журнале «Преподавание истории в школе», в сборниках научных работ Мордовского пединститута, в сборнике «В помощь учителю», в газете «Советская Мордовия».

Вдохновленный историческими решениями XXI съезда КПСС, коллектив факультета в предстоящем семилетии считает своим долгом всемерно улучшать учебно-воспитательную и научно-исследовательскую работу.

М. Н. Шатунов

Хроникальные заметки

◆ Астраханский областной краеведческий музей располагает материалами, характеризующими пребывание семьи Ульяновых в Астрахани. Отец В. И. Ленина Илья Николаевич родился в Астрахани в 1831 году. Дед Владимира Ильича Николай Васильевич был портным. Он умер, когда Илье Николаевичу было пять лет. Содержание семьи и воспитание детей взял на себя старший брат отца Владимира Ильича — Василий Николаевич Ульянов, фото которого хранится в музее. В музее имеются снимок дома № 9 по ул. Ильича, где проживала семья Ульяновых (в этом же доме родился Илья Николаевич), свидетельство, выданное Илье Николаевичу об окончании 1-й Астраханской мужской гимназии, в которой он обучался с 7 сентября 1843 г. по 10 июня 1850 года. Есть и рисунок здания этой гимназии.

◆ В государственном архиве Томской области найдены новые документы о В. В. Куйбышеве. В сообщении начальника томского губернского жандармского управления томскому губернатору за № 1049 от 18 февраля 1910 г. говорится, что в ночь на 15 февраля были произведены обыски у ряда студентов Томского университета и Томского технологического института. Среди них указана и фамилия В. В. Куйбышева. 18 февраля 1910 г. начальник томского исправительного арестантского отделения № 1 рапортовал томскому губернатору, что политзаключенный В. В. Куйбышев взят под стражу. 26 мая из департамента полиции министерства внутренних дел томскому губернатору секретно сообщалось о высылке Куйбышева вместе с другими арестованными студентами в Нарымский край под гласный надзор полиции сроком на два года. В июне 1910 г. томскому губернатору доложили, что следствие жандармского управления о революционной деятельности В. В. Куйбышева закончено и дело передано прокурору Томского окружного суда. Последний 18 июня сообщил об этом томскому губернатору.

23 июня 1910 г. председатель окружного суда назначил на 17 июля дело В. В. Куйбышева к слушанию в Томске. На суде обвинение не смогло предъявить вещественных доказательств для осуждения В. В. Куйбышева. Поэтому он был оправдан. Однако 21 июля томскому полицмейстеру экстренно и секретно было дано предписание довести до сведения В. В. Куйбышева решение о высылке его в Нарымский край на два года. 22 июля Валериан Владимирович был передан в распоряжение томского уездного исправника, а 31 июля последний сообщил губернатору, что студент Томского университета В. В. Куйбышев прибыл в Нарымский край под гласный надзор полиции. Собственноручно заполненные Куйбышевым 31 июля 1910 г. «список о состоящем под гласным надзором» и «подписка» свидетельствуют о том, что он родился в Омске, где окончил кадетский корпус, после чего поступил в Томский университет. В Томске жил вместе с матерью, пятью сестрами и двумя братьями. В момент заполнения списка ему было 22 года. В 1906 г. был осужден омским военно-окружным судом к году тюремного заключения.

◆ Аспирант Института истории АН БССР А. Хацкевич обнаружил в московских архивах малоизвестные документы о Ф. Э. Дзержинском. В марте 1897 г. виленская партийная организация направила Ф. Э. Дзержинского в Каунас, где не было тогда еще социал-демократической организации. Двадцатилетний Феликс Эдмундович устроился в переплетную мастерскую. Он быстро связался с передовыми рабочими, познакомил их с марксистской литературой, организовал издание подпольной газеты «Ковенский работник» (на польском языке), писал и сам размножал на гектографе подпольные листовки и прокламации. 17 июля 1897 г. полиции удалось задержать Ф. Э. Дзержинского. Прокурор виленской судебной палаты, ознакомившись с материалами следствия, писал в своем заключении: «Дзержинский... начал пропагандировать среди рабочих и другие идеи и, называя себя социалистом, говорил, что если рабочие в городах будут бунтовать, то поднимутся и деревенские люди, можно будет легко порешить с правительством, т. е. с государем, и основать республику...».

13 мая 1898 г. Ф. Э. Дзержинский был выслан на три года под гласный надзор полиции в уездный город Вятской губернии Нолинск, куда царское правительство ссылало наиболее «опасных для государственного спокойствия преступников». Но вскоре по распоряжению вятского генерал-губернатора Ф. Э. Дзержинского как «политически неблагонадежного» перевели на 500 верст севернее, в село Кайгородское, Слободского уезда, откуда в августе 1899 г. ему удалось бежать.

◆ Экспозиции и фонды музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде пополнились новыми интересными материалами. Более двухсот документов собрали научные сотрудники, посетившие участников революции и гражданской войны. Среди них редкая фотография Ильича, экземпляр первого издания книги А. М. Горького «Мать» с автографом автора. Уникальный экспонат — красное знамя — передала в дар музею персональная пенсионерка В. И. Воробьева. В годы столыпинской реакции ее муж, старый большевик А. П. Воробьев, преследуемый ищейками царского правительства, был вынужден бежать за границу. Весной 1917 г. он вместе с группой русских политических эмигрантов прибыл на пароходе во Владивосток. А. П. Воробьев вступил на родную землю с красным знаменем в руках. Это знамя он сделал сам. На алом атласе была изображена мускулистая рабочая рука, поднявшая зажженный факел.

◆ В Государственном архиве Псковской области, в фонде судебного следователя по важнейшим делам, обнаружены 10-й, 13-й

и 15-й номера большевистской газеты «Пролетарий», напечатанные в Выборге (хотя из конспиративных соображений в газете было указано, что местом ее издания была Москва). В них опубликованы восемь статей В. И. Ленина.

◆ В Армавирском краеведческом музее имеются материалы о пребывании декабристов в районе города. В послевоенные годы эти материалы пополнились новыми данными. Так, ветеран гражданской войны, персональный пенсионер А. Н. Марчихин, проживавший в молодости в станице Прочноокопской, сообщил, что один из декабристов, Михаил Михайлович Нарышкин, прибыл в 1837 г. из Сибири в крепость Прочный Окоп. Вслед за ним приехала его жена Екатерина Петровна, которая была дочерью героя Отечественной войны 1812 г. генерала Коновницына. Большую помощь музею в пополнении экспозиций оказала литературовед Е. А. Силиньш. Ее отец был директором Минусинского музея в Сибири и собрал ценную библиотеку о декабристах, которую Е. А. Силиньш передала Армавирскому музею. Среди полученных книг имеются редкие в библиографическом отношении труды, освещающие жизнь и деятельность ряда декабристов, проживавших в Прочном Окопе, Форштадте, Чамлыкском и Махошевском укреплениях и других населенных пунктах. Помимо Нарышкина, здесь находились А. Бестужев-Марлинский, Н. Лорер, А. Одоевский, братья Беляевы, К. Игельстром, А. Вегелин и др. Известно также, что брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич приезжал в Прочный Окоп и Чамлыкское укрепление и рассказал подробности о гибели великого поэта.

◆ Новые документы, найденные в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск), рассказывают о революционных настроениях чехословацких военнопленных, о том, как многие из них отказались выступить против Советской России, перешли на сторону красногвардейских частей. 18 мая 1918 г. контрреволюционная кадетская газета «Голос Приморья» с тревогой сообщала, что революционные настроения среди чехословацких солдат растут, что чешско-словацкий революционный отряд наравне с русскими красногвардейцами несет караульную службу на почте и телеграфе. Этот отряд принимал участие в боях против банд Орлова и Калмыкова на Гродековском фронте. Во Владивостоке, во время мятежа чехословацких военнопленных, организованного контрреволюционными силами 29 июня 1918 г., солдаты 3-го, 7-го и 11-го чехословацких полков отказались принять в нем участие.

В середине лета 1918 г. был создан «Полевой комитет чехословацкой революционной Красной Армии», обратившийся к обманутым контрреволюционным командованием солдатам-соотечественникам с воззванием, в котором разъяснялись замыслы международного империализма. 25 июня 1918 г. та же газета «Голос Приморья» сообщала, что несколько чешских солдат, не желая воевать против Советской власти, решили покинуть свои части. Контрреволюционное командование беспощадно расправилось с «беглецами». Они были арестованы и тут же расстреляны.

◆ Особое место в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина занимают печатные издания отдела редких книг. Созданный в 1925 г. из нескольких разрозненных собраний этот отдел стал крупнейшим центром хранения, изучения и популяризации книг, представляющих большой исторический, научный и литературный интерес. Здесь имеется богатая коллекция русских книг XVI и XVIII вв.: первая печатная книга «Евангелие», выпущенная неизвестной типографией в 1555 г., первая русская азбука Ф. Бурцева, грамматика М. Смотрицкого, первая печатная книга по военному искусству, арифметика Л. Магницкого и др. Среди зарубежных изданий большой интерес представляют первый выпуск книги Коперника «Об обращении небесных светил», напечатанной в 1543 г., произведения Джордано Бруно. Всего в отделе редких книг хранится более 200 тыс. экземпляров различных изданий.

◆ В библиотеку Академии наук СССР доставлено собрание старинных книг видного деятеля петровского времени Ф. Лопатинского. Эта коллекция хранилась раньше в г. Калинине. Она насчитывает около 1 350 редких и уникальных книг, относящихся по времени их напечатания к XV — началу XVIII века. Среди них — произведения классической греческой и римской литературы, сочинения по философии и общественно-политические работы, в том числе Макиавелли, Эразма Роттердамского, Ф. Кампанеллы. Широко представлены книги по географии, математике, инженерному делу, гражданской и военной архитектуре, медицине и другим наукам. Подавляющее большинство книг на латинском и западноевропейских языках. В числе книг, напечатанных на славянском и русском языках,— «Устав морской» издания 1720 г.; «Регламент управления адмиралтейства и верфи», изданный в 1724 г., «Лексикон славено-русский» Павла Берынды.

◆ В таджикском «Собрании летописей» (Фергана. XVI в.) обнаружены интересные историко-этнографические сведения о киргизских племенах и несколько материалов, связанных с именем Манаса — героя киргизского эпоса. Новые материалы выявлены в списках этого сочинения, хранящихся в Ленинграде и датируемых XVIII — началом XIX века. В «Собрании летописей» вымышленные герои выступают наряду с историческими лицами. Подлинные события перемешаны с легендами и фантастическими жизнеописаниями. Новые данные представляют большой научный интерес, поскольку первые записи эпоса «Манас» были выполнены только во второй половине XIX в. казахским ученым Ч. Валихановым и академиком В. В. Радловым.

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК ПОРП

Институт истории партии возник около трех лет назад на базе бывшего Отдела истории партии ЦК ПОРП. Его создание объяснялось тем, что в связи с возросшим объемом работы стал необходим особый научно-исследовательский центр, работающий под непосредственным руководством и контролем партии. Основные направления деятельности института определяет созданный Секретариатом ЦК ПОРП Научный совет, в состав которого наряду с научными работниками института входят лучшие специалисты этой области науки из других исторических учреждений страны. Председателем совета является проф. Н. Гонсеровская

Перед институтом стоят задачи научной разработки истории партии и польского рабочего движения, освещения борьбы пролетариата в связи с основными событиями национальной истории и международным рабочим движением, прежде всего с революционным движением в России, с которым польский пролетариат всегда объединяли тесные узы братской солидарности.

Вместе с тем, являясь составной частью общей деятельности партии в идейно-политической области, работа института служит подъему идейного уровня членов партии, закалке их в борьбе против ревизионистских тенденций, представляющих главную идеологическую опасность на данном этапе, а также догматических тенденций, являющихся питательной средой для ревизионистских теорий.

К важным задачам Института истории партии относится также популяризация прогрессивных и революционных традиций польского народа.

Реализация этих задач встречала, особенно в начальный период деятельности, ряд трудностей. Главная из них заключалась в том, что скудная архивная база делала для нас невозможными какие-либо комплексные исследования. Недостаток этот отчасти был восполнен благодаря систематической помощи, которую нам оказывал и оказывает Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Чтобы наладить широкие научные исследования, работникам института пришлось прежде всего поднять в партийных и государственных архивах народной Польши сотни тысяч документов (ведь у нас не было соответствующих работ о состоянии источников), провести многочисленные консультации и беседы, позволяющие установить различные факты, которые не нашли отражения в архивных материалах. Необходимо было подготовить научный аппарат: библиографию, картотеки и т. п. Следовало, наконец, обучить относительно молодых и недостаточно опытных сотрудников правильному применению марксистско-ленинской методологии.

Истекшие годы напряженного труда всего коллектива, насчитывающего около 90 научных, архивных, библиотечных и других сотрудников, уже принесли первые плоды.

Основные направления деятельности института — архивная и научная работа.

Архив ИИП, назначение которого — сбор и обработка архивных материалов по истории партии и рабочего движения, включает в себя: а) собственно архив, б) сектор механической документации, в) специальные лаборатории, г) читальный зал, где исследователи могут получить хранящиеся в институтской библиотеке как архивные, так и печатные материалы.

В архиве имеется 265 фондов и коллекций, многие из которых представляют собою собрания бесценных, уникальных первоисточников (иногда в фотокопиях и микрофильмах). Если взять, например, период до 1918 г., то можно назвать переписку К. Маркса и Ф. Энгельса и их высказывания по польскому вопросу, архив Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), личные архивы Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского и Розы Люксембург, так называемый лондонский архив Польской социалистической партии (ППС); среди документов периода 1918—1939 гг. содержатся материалы съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии Польши (КПП), документы

отделов ЦК и окружных комитетов КПП, материалы Коммунистического союза молодежи Польши, Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) и Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), документы конгрессов и руководящих органов ППС, документы Советов рабочих депутатов, Временного революционного комитета Польши, материалы, касающиеся гражданской войны в Испании. За годы 1939—1944 уникальными являются материалы ЦК и округов Польской рабочей партии (ППР), Гвардии людовой и Армии людовой, документы Крайовой рады народовой, Союза польских патриотов, штаба польских партизан. По периоду с 1944 г. особого внимания заслуживают документы ЦК ППР и ЦИК ППС, а также Польского комитета национального освобождения и Временного правительства Польской республики.

В АИИП сосредоточены также богатые материалы по истории международного рабочего движения (главным образом документы II и Амстердамского Интернационалов).

Все эти фонды дополняются сосредоточенным в нашем книгохранилище самым крупным в Польше собранием литературы по истории польского и международного рабочего движения. Здесь насчитывается около 3 тыс. названий периодических изданий (11 354 тома) и 862 названия конспиративной прессы за 1939—1944 годы.

Очень важным, а во многих случаях единственным вследствие недостатка документов источником по истории рабочего движения являются воспоминания, отчеты и биографии партийных деятелей. Для сбора такого рода материалов организован специальный сектор. Он располагает уже около 14 тыс. воспоминаний. Сектор ведет также центральную именную картотеку, в которой насчитывается примерно 16 тыс. карточек, и картотеку актива революционных деятелей.

Научный отдел ИИП делится на группы, занимающиеся изучением истории партии и рабочего движения. Эти группы (их в институте свыше десяти) охватывают определенные отрезки времени или же имеют проблемный характер.

План работы научного отдела предусматривает исследования в области развития идеологии, организации и деятельности главных предшественников ПОРП — партии «Пролетариат» (1882—1886), СДКПиЛ (1893—1918), ППС-левицы (1906-1918), КПП (1918—1938) и ППР (1942—1948).

История партии рассматривается нами в органической связи с историей всего рабочего движения. Исследуется сложный процесс созревания объективных и субъективных предпосылок гегемонии пролетариата в отношении средних слоев города и деревни. Под субъективными предпосылками мы подразумеваем степень усвоения марксизма-ленинизма польским пролетариатом и особенно его революционным авангардом, способность пролетарской партии применять марксистско-ленинскую теорию в конкретных условиях страны.

Предметом изучения в институте являются также реформистская и националистическая тенденции в польском рабочем движении, главным выразителем которых была ППС. Особое внимание при разработке данного вопроса мы обращаем на левые течения внутри этой партии, которые проявлялись постоянно, хотя и с различной силой. Революционные элементы ППС влились затем (в декабре 1948 г.) в Польскую объединенную рабочую партию.

В исследовательских работах и публикациях института важное место занимает проблема связей польского революционного рабочего движения с революционным пролетариатом России, сотрудничества СДКПиЛ, КПП и ППР с партией, выпестованной великим Лениным.

Тезис В. И. Ленина о том, что свобода Польши и России нераздельна, находит широкое подтверждение в историческом материале. Не случайно — и эта проблема анализируется во многих работах института — революционная Россия дважды проложила польскому народу путь к независимости и в огромной степени ускорила движение Польши к прогрессу и социализму.

Главный огонь на идеологическом фронте направляется в Польше против ревизионистских взглядов, которые в прошлые годы проникли во все гуманитарные науки, в том числе и в область новейшей истории. Эти тенденции нашли, между прочим, свое выражение в объективистской оценке фактов и событий, в противопоставлении понятий «наука» и «идеология», в отрицании принципа партийности в исторической науке, в замазывании ошибок правого течения в польском рабочем движении при одновременном затушевывании правильных взглядов революционной левицы, в неверном подходе к важному для истории Польши национальному вопросу, который рассматри-

вается ревизионистами не с классово-революционных, а с националистических позиций.

В борьбе против ревизионизма, которую систематически и упорно ведет Центральный Комитет ПОРП во главе с В. Гомулкой, Институт истории партии принимает активное участие. В научных и публицистических статьях, в выступлениях на конференциях и совещаниях историков сотрудники ИИП выступают против попыток реформистского искажения истории рабочего движения, обеления реформизма, правицы ППС, пилсудчины, верхушки Армии крайовой, против недооценки роли партии в истории польского народа.

В институте состоялись многочисленные дискуссии с целью выработать путем творческого обмена мнениями правильный взгляд по узловым проблемам истории партии и рабочего движения, преодолеть различные идеологические искривления.

Благодаря расширению архивной базы института значительно обогатились наши знания о предшественниках ПОРП и о таких проблемах, как, например, идеологическое развитие КПП и его внутренние и международные источники, процессы, которые происходили в различные исторические периоды внутри ППС, возникновение и развитие ППР и т. д.

За время существования ИИП вышло из печати или было сдано в издательство около 20 работ общим объемом свыше 500 печатных листов. Главное место среди них занимают издания источников по истории партии и рабочего движения. Назовем 1-й том документов СДКПиЛ, 1-й том документов ППС-левицы (в печати), стенограммы II съезда Коммунистической рабочей партии Польши, сборник документов ППР времени гитлеровской оккупации, сообщения штаба Гвардии людовой и Армии людовой, материалы и документы ЦК ППР 1944—1945 годов. Переиздан журнал «Proletariat», начато переиздание центрального теоретического органа КПП «Nowy Przegląd» (вышло два тома). Большую ценность представляют опубликованные собрания сочинений Розы Люксембург (в трех томах), Адольфа Варского (в двух томах) и Ежи Рынга. Сданы в печать сочинения Марии Кошутской (Веры Костшевы).

На богатом документальном материале основаны подготавливаемые к печати издания: «Советы рабочих депутатов в Польше», «Революционные депутаты в Сейме в межвоенные годы», «Всеобщая крестьянская забастовка 1937 г.» и др. Публикации снабжены обширными вступительными статьями, подробными комментариями и указателями.

ИИП издал также ряд научно-популярных брошюр, посвященных отдельным периодам деятельности партии.

Главные усилия мы направили на подготовку очерков по истории партии и польского рабочего движения (в четырех томах). В настоящее время дорабатывается и расширяется 1-й том (до 1917 г.), который был издан в 1956 г.; опубликована 1-я часть (до 1928 г.) II тома (межвоенный период) и подготавливается 2-я часть; заканчиваются III (1939—1944) и IV (1944—1947) тома. Продвинулась вперед также работа над очерком по истории профсоюзного движения в Королевстве Польском.

К достижениям института следует отнести издание квартальника «Z pola walki», посвященного истории рабочего движения. В журнале опубликован ряд ценных статей и исследований, воспоминаний и отчетов, биографических материалов и малоизвестных до сего времени документов.

Свою деятельность ИИП тесно связывает с общей политической работой партии. В частности, институт принял участие в проведении годовщин важнейших событий в истории польского и международного рабочего движения: 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 15-летия возникновения ППР, годовщин важнейших битв Гвардии людовой и Армии людовой и т. д. Были подготовлены соответствующие материалы и статьи, оказана помощь в организации ряда мероприятий: конференций на местах в связи с празднованием 40-й годовщины Октября, научных сессий, посвященных влиянию Октябрьской революции на польское рабочее движение, встреч участников Октябрьской революции с трудящимися (в Варшаве их состоялось 72).

На рубеже 1958—1959 гг. Польская Народная Республика отпраздновала 40-летие КПП. Институт внес свой вклад в кампанию, связанную с этим юбилеем. Он участвовал в выработке тезисов ЦК ПОРП, давших оценку истории КПП и ее идеологического наследства, организовал научную конференцию, посвященную обсуждению итогов изучения истории КПП. Научные работники института приняли участие в подготовке сессий на местах, выступали на них с докладами. Институт организовал ряд совещаний с бывшими деятелями КПП,

КПЗБ и КПЗУ. Многие из них приняли участие в собраниях на предприятиях и встречах с трудящейся молодежью.

На основе решения Секретариата и указаний Отдела пропаганды ЦК ПОРП воеводские комитеты и большинство поветовых комитетов выработали собственные конкретные планы празднования 40-летия КПП. Это позволило учесть специфику районов, интересы и потребности отдельных общественных, профсоюзных, национальных и тому подобных центров, в которых действовала КПП. Уже в ходе подготовительной работы удалось придать всей кампании массовый характер, привлечь к участию в ней такие организации, как, например, отраслевые профсоюзы, общественные и культурные общества, молодежные организации, учительство и литераторов, и прежде всего бывших членов КПП, Независимой крестьянской партии, деятелей единого фронта из Польской социалистической партии и Стронництва людового.

Большое политическое значение имели манифестации, собрания, митинги населения, посвященные важнейшим событиям в истории КПП, а также памяти ее выдающихся деятелей. В дни 40-летия КПП состоялись стотысячная манифестация населения Силезии, посвященная 40-й годовщине возникновения Советов депутатов Красного (Домбровского) бассейна, митинги населения Люблинщины в 40-ю годовщину возникновения Советов депутатов Красного бассейна и Советов рабочих депутатов Люблина, многотысячная манифестация крестьян Жешувщины по случаю 40-летия образования Тарнобжегской республики, митинг жителей Кракова в связи с 35-летием со дня начала краковского восстания 1923 г., массовые торжества в Лодзи, связанные с 50-й годовщиной образования профсоюза текстильщиков, многотысячные собрания и заседания, организованные во всех воеводских городах, и среди них в Гданьске, где в течение ряда лет находилось центральное руководство КПП и где проходила III партийная конференция.

В ознаменование 40-летия КПП в стране появились десятки изданий: научные работы, сборники документов, воспоминания бывших деятелей партии, произведения художественной литературы. Хотелось бы специально отметить заводские издания. Для ознакомления молодых рабочих с историей фабрик и заводов, на которых они трудятся сейчас, с историей героических боев польского пролетариата против буржуазии и реакционных правительств на ряде предприятий выпускались специальные однодневные газеты.

Наряду с центральной выставкой документов, посвященной 40-летию КПП, были подготовлены выставки во многих воеводствах. Между прочим, в здании лодзинской тюрьмы, в стенах которой на протяжении 60 лет томилось три поколения польских революционеров, открылась выставка о деятельности партии в районе Лодзи и Лодзинском воеводстве. Она задумана как первый шаг в организации постоянного музея революционного движения, который будет основан на месте бывшего заточения борцов за свободу польского народа.

В ведении института находятся все польские музеи, занятые пропагандой польских и международных революционных традиций, в том числе музеи В. И. Ленина в Варшаве, Кракове, Поронино и Белом Дунайце, недавно созданный Музей польского революционного движения, который поставил перед собою задачу организовать на обширной территории Варшавской цитадели ряд экспозиций, в первую очередь в X павильоне цитадели, являвшемся в течение почти 100 лет политической тюрьмой.

К сессии Польской Академии наук, посвященной 15-летию Народной Польши, Институт истории партии готовит доклад на тему «Зарождение и упрочение народной власти в Польше в 1944—1946 гг.».

В связи с 90-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина предполагается провести в Варшаве в марте — апреле 1960 г. три научных сессии, в том числе сессию, организованную Институтом истории партии при ЦК ПОРП, Институтом истории Польской Академии наук и историческим факультетом Варшавского университета. На сессии будут освещены некоторые аспекты проблемы «Ленин и Польша». Намечаются следующие темы докладов: «Ленин и независимость Польши», «Ленин и два течения в польском рабочем движении (1892—1918)», «Ленин и коммунистическое движение в Польше (1918—1923)» и т. д.

Подводя итоги работы ИИП в различных областях, нельзя не сказать и о недостатках и трудностях. Они сводятся в основном к следующему:

а) сотрудники института иногда недостаточно реагируют в научной полемике на антиленинские концепции, особенно ревизионистского типа;

б) научный уровень исследований и публикаций документов не всегда удовлетво-

рителен. В области монографических работ институт делает лишь первые шаги;

в) издания института носят до сих пор слишком специальный характер, рассчитаны большей частью на узкий круг читателей — историков или партийный актив. Возникает необходимость публиковать в значительно большей, чем до сих пор, степени популярные издания, которые находили бы дорогу к широким слоям населения.

На эти недостатки в работе института было обращено внимание и при выработке долгосрочных планов ИИП.

Не только потребности польской науки и всей общественно-политической жизни в народной Польше, где принцип перспективного планирования применяется теперь всюду, но и опыт самого института свидетельствует о том, что необходимо выйти за рамки квартальных и годовых планов. Перспективные планы, рассчитанные на 5 и 15 лет, дают возможность определять основные направления научно-исследовательской и вспомогательной работы, облегчают расстановку сил и определение очередных этапов деятельности, содействуют уточнению задач института при сопоставлении с другими близкими ему научными центрами, помогают координировать исследования в области истории польского рабочего движения, а также новой и новейшей истории Польши.

Продолжая исследования, начатые в прошедшие годы, институт намерен в ближайшее время обратить особое внимание на следующие упущенные прежде моменты:

1. Усилить изучение истории польского рабочего движения в областях, находившихся после разделов Польши в руках Германии и Австрии (ИИП занимался до сих пор главным образом вопросами революционного движения в Королевстве Польском).

2. При анализе деятельности революционных партий больше изучать работу массовых организаций, которые находились под их непосредственным влиянием (в отношении КПП: Союз пролетариата городов и деревень; ППС-левица; Независимая крестьянская партия; Белорусская «Громада»; Украинский «Сельроб»; «Крестьянская взаимопомощь»; «Красная помощь» и др.).

3. Проводить более широкое критическое изучение истории реформистских групп, а также групп, распространявших различного рода буржуазную, националистическую, клерикальную идеологию.

4. Расширить исследования по истории самого рабочего класса не только с точки зрения массовых движений, но также и с социально-экономической стороны.

5. Изучать историю молодежного революционного движения (с этой целью при ИИП организован специальный коллектив сотрудников).

6. Глубже исследовать проблемы связей польского рабочего движения с международным революционным и социалистическим движением, в особенности в период деятельности I, II и III Интернационалов. Существующая при ИИП группа международного рабочего движения составила библиографию трудов о деятельности поляков во всех трех Интернационалах. Главной ее задачей будет участие в создании учебника по истории международного рабочего и коммунистического движения.

В исследовательских трудах и публикациях института много внимания будет уделено критике буржуазной и реформистской историографии, как отечественной, так и зарубежной, а также систематической борьбе с проявлениями ревизионизма и догматическими тенденциями.

Свою главную задачу в ближайшие годы ИИП видит в том, чтобы довести до конца работу над изданием очерков по истории партии и польского рабочего движения и подготовить многотомный учебник по истории партии и ее предшественников, а также истории польского рабочего движения.

Над составлением учебника трудятся не только сотрудники института, но и многие другие ученые нашей страны. Отдельные тома этой капитальной работы выйдут в свет в 1961—1964 годах.

Перспективный план предусматривает издание в течение ближайших пяти лет серии документальных сборников по истории СДКПиЛ и ППС-левицы, стенографических протоколов важнейших конференций и съездов КПП, а также возможно полной документации, освещающей деятельность ППР. Намечается также издание избранных сочинений руководителей польского революционного движения.

Институт готовит к публикации монографии, посвященные важнейшим периодам революционного движения в Польше. Предусматривается создание примерно 30 таких работ.

Наряду с научными исследованиями сотрудники института будут заниматься переработкой для популярных изданий своих монографий, докладов и т. д. Начатая серия научно-популярных брошюр будет про-

должена и расширена. Предусматривается также подготовка серии брошюр, которые в доступной массовому читателю форме покажут отдельные эпизоды деятельности и борьбы рабочих партий, а также руководителей рабочего движения.

Соответственно плану развернут свою работу и все остальные секторы. Архив намечает закончить пополнение своих фондов, опираясь на фонды других отечественных и зарубежных архивов, полностью обработать собственные коллекции, завершить инвентаризацию и микрофильмирование всего фонда. В 1960 г. выйдет справочник о собраниях архива и его микрофильмах.

Все эти задачи могут быть выполнены при условии повышения квалификации работников ИИП и в первую очередь укрепления его научного отдела. Предпринят ряд шагов для углубления профессиональных знаний сотрудников.

То обстоятельство, что институт представлен в президиуме Комитета исторических наук (задачей которого является планирование и координация работ в области истории), облегчает нам контакт с широким кругом историков. Сотрудники ИИП принимают участие в подготовке Институтом истории Польской Академии наук учебника по истории Польши, в работе Исторического бюро Центрального совета профсоюзов, в создании биографического словаря деятелей польского рабочего движения, в выработке словника для польского биографического словаря и т. д.

В заключение следует подчеркнуть, что Институт истории партии поддерживает систематическую и тесную связь с близкими нам научными учреждениями как в странах лагеря социализма, так и в капиталистических странах. Это относится прежде всего к Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который оказывает нам всестороннюю и неоценимую помощь.

На конференциях институтов истории партии и исторических комиссий ИИП при ЦК ПОРП вносит свой вклад, принимая участие в дискуссиях по всем обсуждаемым вопросам.

В соответствии с решением проходившей в августе 1959 г. в Бухаресте конференции институтов истории партии и исторических комиссий ИИП при ЦК ПОРП будет участвовать в работе Редакционной комиссии учебника по истории международного рабочего и коммунистического движения. Научные сотрудники института постараются с честью выполнить эту почетную задачу.

Т. Данишевский

О ПЛАНАХ ИЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ВЕНГРИИ В 1960 ГОДУ

Издательства Венгерской Народной Республики стремятся удовлетворить возрастающий интерес читателей к истории. В предварительных планах только центральных издательств предусмотрена публикация в 1960 г. около 40 книг на исторические темы. В основном это работы венгерских авторов, что свидетельствует о неуклонном развитии отечественной исторической науки и росте ее кадров.

Планируется выпуск ряда книг, посвященных 15-летию освобождения Венгрии. Выходит вторым изданием монография Деже Немеша «Освобождение Венгрии». В ней автор на основе большого количества источников показал распад хортистского режима, рассказал об освободительных боях Советской Армии на территории Венгрии и особое внимание обратил на возрождение жизни в стране, начавшееся после ликвидации фашизма.

События 1944—1945 гг. излагаются в работе Михаля Корома «Кризис хортистского фашизма и создание народной демократии». Предполагается выпустить «Альбом к 15-й годовщине освобождения», в котором будет дан материал об освобождении страны от фашизма, прослежен исторический путь, пройденный Венгрией. Названные работы выйдут в свет в издательстве имени Кошута.

Вызывает интерес не только в Венгрии, но и за рубежом подготовленный Институтом истории Венгерской Академии наук обобщающий труд «История венгерского народа», который предполагает опублико-

вать издательство «Гондолат». В работе использованы результаты новых исследований, проведенных за последние годы.

Выйдет в свет несколько публикаций источников, относящихся к раннему периоду истории Венгрии. Издательство Академии опубликует «Грамоты королей династии Арпадов» под редакцией Ивана Борша, «Архив Совета наместничеств», подготовленный к изданию Венгерским государственным архивом под редакцией Ибои Фелхе и Антала Вереша, второй том документов Пала Радаи под редакцией Калмана Бенды. В серии «Национальная библиотека» (издательство «Гондолат») будет напечатан «Архив эпохи династии Арпадов и Анжу». В связи со 100-летием со дня смерти выдающегося венгерского реформатора XIX в. Иштвана Сечени предполагается опубликовать его избранные произведения.

Запланированная в издательстве Академии публикация Иштвана Н. Кишша «Оброчные списки XVI века комитатов Боршод, Хевеш, Берег, Бихар и Средний Солнок» объединяет разрозненные источники по этой теме и дает наиболее полное освещение вопроса.

Среди исследований по истории Венгрии следует назвать работу Дьердя Секеля «Крестьянская война Дьердя Дожи» (издательство Академии), в которой дается марксистский анализ крестьянской войны 1514 г. в Венгрии. В форме исторической биографии Ева Х. Балаж в книге «Жизнь и труды Гергеля Берзевици» освещает некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII века (издательство Академии). Очень важный вопрос из истории освободительной борьбы 1848—1849 гг. разрабатывает Ержебет Андич в монографии «Союз Габсбургов и Романовых в 1848—1849 гг.».

Для изучения истории нового времени большое значение имеют издания: Можеф Галантаи «Церковь и политика в 1867—1918 гг.», «Протоколы Совета министров периода первой мировой войны» (под редакцией Эммы Иваньи), Дьердь Фукас «Буржуазный радикализм (Яси Оскар) 1900—1918». Марта Темери в «Истории кружка Галилея» освещает движение революционной интеллигенции начала XX века.

В планах издательств важное место занимают работы по истории венгерского рабочего движения Венгерской Советской Республики. Будут опубликованы доклады и выступления ветеранов этого движения, а также зарубежных ученых на международном конгрессе историков в 1959 г., проходившем под названием «Международное влияние Венгерской Советской Республики». Выйдет в свет труд Тибора Хетеша «Вперед, рабочие полки!», в котором впервые подробно будет изложена история рабочих полков в период Венгерской Советской Республики. Документальные материалы, освещающие деятельность двух выдающихся руководителей венгерского рабочего движения, Ене Ландлера и Дьюлы Алпари, опубликует издательство имени Кошута. Значительный интерес представит монография Эдит Винце «Образование и деятельность социал-демократической партии Венгрии в начале 90-х годов прошлого века (1890—1896)».

Сборник «Очерки о прошлом Будапешта» (под редакцией Ласло Геревича, издательство Академии) осветит важнейшие периоды истории столицы Венгрии. Неразработанные историографические вопросы получат свое разрешение в серии, озаглавленной «Статьи по истории исторической науки».

Выйдет в свет вторая часть четвертого тома «Венгерской исторической библиографии» под редакцией Габора Пеменя. Эта книга полностью охватит библиографический материал по истории национальностей Венгрии с 1825 по 1867 год.

По всеобщей истории представляет интерес монография Ласло Жигмонда «Международные и экономические факторы возрождения немецкого империализма и милитаризма в 1918—1923 гг.», написанная на богатом архивном материале. Ласло Мезеи в двухтомной публикации «Хроники и летописцы» приводит выдержки из хроник различных народов XII—XIII вв., обстоятельно комментируя их. Ласло Маккаи в своей книге раскрывает образ вождя английской буржуазной революции Кромвеля. Труд Яноша Дьери «Энциклопедия» вводит читателя в эпоху Французской революции. В этом же году в издательстве «Гондолат» будет опубликована работа зарубежного автора «Краткая история Китая», которая имеет целью познакомить венгерских читателей с историческим развитием этой могущественной социалистической державы.

Среди изданий по всеобщей истории значительное число посвящено вопросам рабочего движения. Издательство имени Кошута выпустит в свет том «Избранных статей и выступлений» Розы Люксембург, воспоминания о Я. М. Свердлове его жены К. Т. Свердловой. «Воспоминания туринско-

го рабочего» Мантегана познакомят венгерского читателя с историей итальянского рабочего движения. Выдающемуся событию французского и международного революционного рабочего движения посвящена работа Лиссагарэ «История Парижской коммуны 1871 г.». Издательство «Гондолат» запланировало публикацию ряда научно-популярных работ по истории.

В данной краткой информации не упоминаются те работы, которые будут опубликованы в местных издательствах, а также постоянные серии, как, например, «Труды из области исторических наук», систематически выпускаемые издательством Академии под редакцией Ищтвана Барта.

Э. Памлени

Хроникальные заметки

◆ В Варшаве, в Музее В. И. Ленина, открыта выставка «Ленин — вождь победоносной революции», на которой представлено около 1 000 фотографий и документов. Многие из них впервые экспонируются в Польше.

◆ Польское научное издательство «Оссолинеум» выпустило в свет книгу «Из недавнего прошлого», содержащую воспоминания деятелей Коммунистической партии Польши. В них приведены многочисленные данные о борьбе рабочего класса за свои права в период между первой и второй мировыми войнами, в том числе неизвестные до сих пор факты о стачках, столкновениях рабочих с полицией, о пропагандистской деятельности КПП.

◆ Группа польских археологов открыла у деревни Шишинек (Конинский повет) древнеславянское поселение, датируемое первой половиной I тыс. до н. э. Это — единственное городище лужицкой культуры, не имеющее оборонных валов. В землянках обнаружены остатки глиняной посуды.

◆ В связи с 10-летием Китайской Народной Республики 12 ноября в Варшаве состоялась научная сессия, организованная Отделением общественных наук Польской Академии наук. Сессия подвела итоги развития китаеведения в Польше. Польская синология берет свое начало с XVII в., когда работал выдающийся польский китаевед М. Боим. Позднее, в XIX в., другой польский синолог, М. Клечковский, был профессором китайского языка в Париже. В 1936 г. в Варшавском университете была создана первая и до сих пор единственная в Польше кафедра китаеведения. В ближайшие 2—3 года будет закончена подготовка большого китайско-польского словаря.

◆ В Белостоке 16—17 ноября 1959 г. состоялась научная сессия, посвященная деятельности Коммунистической партии Польши и Компартии Западной Белоруссии в Белостокском округе. В сессии приняли участие свыше 200 бывших членов КПП и КПЗБ, а также партийный актив. Сессия была организована в связи с 40-летием КПП Белостокским воеводским комитетом ПОРП и Институтом истории партии при ЦК ПОРП.

◆ Расширяется сотрудничество между археологами Польши и Германской Демократической Республики. В 1959 г. немецкие ученые исследовали городище Зислов, а польские — лужицкое городище в Щецине. В 1960 г. предполагается продолжить работы немецких археологов на месте древнепольского городища в Лебусе (Любуше), где находилась одна из резиденций Мешка I, в XII в.— центр одного из польских епископств. Немецкий археолог в 1960 г. будет принимать участие в раскопках в Сантоке. По обоим берегам Одры общими усилиями будут изучаться лужицкие городища. Проводившиеся до сих пор в ГДР раскопки подтверждают высокий уровень культуры славян, живших здесь в X—XII веках.

◆ В связи с 40-летием основания университета имени Я. А. Коменского в Братиславе состоялась научная конференция, посвященная истории дружбы чешского и словацкого народов. В работе конференции принимали участие ученые университета имени Коменского и Карлова университета (Прага).

◆ Выдающийся чехословацкий археолог и историк академик Ярослав Бем, директор Археологического института Чехословацкой АН, избран членом-корреспондентом Саксонской Академии наук в Лейпциге.

◆ Недавно в Шверине состоялась сессия историков по древней и новой истории. С особым интересом были встречены доклады проф. д-ра Гензеля (Польская Академия наук) и проф. д-ра Раевского (Варшавский государственный археологический музей). На сессии был также заслушан обстоятельный доклад проф. д-ра К. Г. Отто (университет имени Гумбольдта, Берлин) об использовании метода исторического материализма в исследованиях по древней и новой истории.

В заключение сессии были проведены экскурсии на место раскопок позднеславянских замковых построек близ Берен Любхин и к месту погребений возле Теплица (эпоха поздней бронзы).

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СИВКОВ

12 декабря 1959 г. скончался видный советский историк, доктор исторических наук профессор Константин Васильевич Сивков.

К. В. Сивков родился в 1882 г. в Белгороде. В 1906 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета. До Великой Октябрьской социалистической революции работал учителем истории средней школы. К. В. Сивков принадлежал к числу передовых учителей того времени. В статьях на педагогические темы, которые он помещал в журнале «Вестник воспитания», много внимания уделялось им методическим вопросам преподавания. К. В. Сивков входил в состав редакции таких сборников, как «Книга для чтения по истории нового времени», «Книга для чтения по древней истории», «Три века», «Средние века в очерках и рассказах» и др.

Еще в ту пору он начал заниматься научно-исследовательской работой, печатал статьи на исторические темы.

Научная деятельность К. В. Сивкова широко развернулась после Октябрьской революции. В 1919 г. он был избран профессором Иваново-Вознесенского института народного образования. В 20-х годах Константин Васильевич работал в Московском историческом музее и в управлении музеями-усадьбами Наркомпроса и одновременно состоял профессором Тверского педагогического института.

С 1935 г. и до самой смерти научная деятельность Константина Васильевича протекала в основном в Институте истории АН СССР. В эти же годы он состоял профессором последовательно в ряде московских высших учебных заведений — в Историко-архивном институте, педагогических институтах имени Либкнехта и имени Ленина, Высшей дипломатической школе, Московском университете.

Константин Васильевич опубликовал свыше 180 научных и научно-популярных работ. Первая из них вышла в свет в 1907, а последняя — в 1959 году. Основной областью его научных интересов была история сельского хозяйства и крестьянства. Истории крестьянства была посвящена его первая печатная работа — статья «Крестьянские приговоры 1905 года», опубликованная в журнале «Русская мысль».

К. В. Сивков был в течение ряда лет заместителем председателя Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства. Под его редакцией вышли из печати II и III тома «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства» и подготовлен к печати IV том. История сельского хозяйства и крестьянства была главной, но далеко не единственной областью научной работы К. В. Сивкова. Его докторская диссертация была посвящена «Политическим процессам в России в последней трети XVIII в.». Смерть сразила Константина Васильевича за окончанием обширного труда «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века».

К. В. Сивков в своей области был одним из крупных историков-исследователей. Круг его научных интересов также охватывал историю русской культуры, народов Кавказа, Карелии и Коми. Много сил и энергии он отдал историческому краеведению.

К. В. Сивков был деятельным участником краеведческих сборников, посвященных Москве и Московской губернии. В «Истории Москвы» ему принадлежит ряд глав по социально-экономической истории столицы.

К. В. Сивков вложил много труда в «Очерки по истории СССР», «Очерки по истории исторической науки в СССР», в учебник по истории СССР для высшей школы.

Большая заслуга К. В. Сивкова и в области подготовки кадров историков. За сорок лет работы в высшей школе его лекции слушали тысячи студентов. Много времени посвящал он подготовке аспирантов и докторантов. Многочисленные ученики Константина Васильевича работают в высших учебных заведениях, в научно-исследовательских учреждениях нашей страны.

Константин Васильевич отличался большой скромностью и всегда очень доброжелательно относился к товарищам по совместной работе. Память о нем будет жить в сердцах его учеников и друзей.

Журнал **«ВЕСТНИК ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»** — единственный в СССР специальный журнал по теории и истории мировой культуры. На его страницах в 1960 г. будут регулярно публиковаться статьи советских и иностранных авторов, посвященные важнейшим проблемам теории и истории мировой культуры. В 1960 г. особое внимание редакцией будет уделяться освещению вопросов истории культуры в XX в., чаще будут помещаться статьи, освещающие различные аспекты культурного развития народов Америки и Африки.

В наступающем году на страницах журнала читатель найдет сведения о том, что сделано учеными Советского Союза в деле строительства коммунистической культуры, каков их вклад в мировую науку, какие достижения имеет наука и культура в странах социализма, что такое социалистический гуманизм.

В 1960 г. журнал продолжит публикацию критических замечаний советских и зарубежных ученых по тексту подготовляемого ЮНЕСКО шеститомного издания «История научного и культурного развития человечества». При этом особое внимание будет уделено 5-му и 6-му томам, освещающим культурно-исторические проблемы XIX и XX веков.

Читатель найдет в журнале также рецензии на современные зарубежные издания по различным проблемам истории культуры и смежных с нею наук, реферативные обзоры зарубежных периодических изданий: Comprendre (Италия), Diogéne (Франция), Journal of the History of Jdeas (США), Anthropos (Швейцария) и др. — и рефераты важнейших советских книг по вопросам культуры.

В 1959 г. журнал имеет подписчиков в 27 странах мира, в том числе в Англии, Аргентине, Бельгии, Вьетнаме, Израиле, Индонезии, Италии, Китае, Польше, США, ФРГ, Чехословакии, Югославии, Японии.

Подписная цена на 1960 г. снижена.

Научный журнал **«ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»**, орган институтов востоковедения и китаеведения АН СССР, освещает актуальные вопросы истории, экономики, политики, культуры, литературы и языков народов Азии и Африки.

Журнал публикует статьи по истории национально-освободительного, рабочего и крестьянского движения в странах Востока, социально-экономического развития стран Азии и Африки в период средневековья и особенно в новое и новейшее время, истории развития общественной мысли. Большое место отводится освещению истории экономических, политических и культурных связей между нашей страной и странами Востока, а также между различными государствами Азии и Африки.

На страницах журнала регулярно печатаются новые архивные материалы и документы, сообщения о новых источниках, историографические обзоры. Журнал организует дискуссии по узловым проблемам истории стран Азии и Африки, информирует читателей о состоянии отечественного и зарубежного востоковедения.

Особое внимание журнал уделяет обобщению опыта социалистического строительства в народно-демократических государствах Азии, освещению распада колониальной системы империализма, разоблачению политики и идеологии современного колониализма, анализу экономического и политического положения в несоциалистических странах Азии и Африки.

В журнале сотрудничают видные советские и иностранные ученые. Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, преподавателей истории в средней школе.

Журнал выходит шесть раз в год. Объем номера — 16 печатных листов. Подписная цена на год — 96 руб., на полгода — 48 руб.

Подписка принимается местными отделениями «Союзпечати», отделениями связи, общественными уполномоченными на предприятиях и в учреждениях, а также отделениями и магазинами «Академкнига».

Продолжается подписка на первую серию издания **«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА. ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ».**

«Внешняя политика России XIX — начала XX века» представляет собой многотомную публикацию важнейших внешнеполитических документов российского Министерства иностранных дел за период с 1801 по 1917 г., подготавливаемых к печати Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР.

Все издание подразделяется на несколько серий. В первую серию (1801—1815 гг.), состоящую из 8 томов, войдут важнейшие документы, освещающие историю внешней политики и дипломатии России с момента учреждения российского МИД до Венского конгресса 1815 г.: договорные акты, заключенные Россией с иностранными государствами в этот период, инструкции Министерства иностранных дел русским дипломатическим представителям в Лондоне, Париже, Вене, Берлине, Константинополе, Вашингтоне и других столицах, их донесения в МИД, ноты, протокольные записи бесед с иностранными представителями в России и т. д.

Большинство документов, включаемых в первую серию «Внешней политики России XIX — начала XX века», публикуется впервые.

Документы публикуются на языке оригинала (как правило, французском) и сопровождаются переводом на русский язык.

В интересах более полного освещения истории внешней политики России в издание включается большое количество кратких аннотированных отсылок на русские и иностранные документы, которые публиковались ранее и не воспроизводятся в настоящем издании.

Каждый том издания будет снабжен справочным аппаратом (примечания и комментарии, именной и предметно-тематический указатели, библиография).

Издание «Внешняя политика России XIX — начала XX века» представляет интерес не только для научных работников, преподавателей истории, аспирантов и студентов исторических факультетов, но и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами внешней политики и дипломатии.

Первый том первой серии выйдет в свет в начале 1960 года.

内 容

論 文

在达格斯坦为苏維埃政权而斗爭（1917年3月到1920年3月）巴·奧·卡什卡耶夫（馬哈奇卡拉）
摘自在苏联創立合成材料工业的历史……維·謝·列尔楚克
世界文化史上伟大的諾夫戈罗德……米·尼·齐霍米罗夫院士
工人代表苏維埃和民主派知識分子在俄国第一次革命中……列·康·叶尔曼
蒙古人民共和国的社会主义建設……蒙古人民革命党中央第三書記桑德

討論与商榷

論在原始公社生产方法崩潰的基础上直接过渡到封建主义的問題……
……瑪·納·麦伊曼，謝达·斯卡茲金院士

編 史 学

法国編史学上关于十月革命的若干問題……亚·叶·霞飞，謝·瓦·莫京
俄罗斯汉学家的手稿遺产的意义……彼·叶·斯卡契科夫（列宁格勒）

情 报

1925年苏联和日本恢复外交关系……列·尼·庫达紹夫

書 評

历史科学在苏联

論苏联中学校里的历史課……康·安·齐莫菲耶夫
紀念諾夫戈罗德1100周年的科学理論会議……尤·奧·別姆
評国立各大学历史系的工作

历史科学在海外

波兰統一工人党中央附設历史研究所的工作……塔·达尼什夫齐基（波兰）
談匈牙利1960年的历史書籍出版計划……帕姆列尼（匈牙利）聞訃

康士坦丁·瓦西里叶維奇·西弗科夫

CONTENTS

Articles: **B. O. Kazhkayev** (Makhach-Kala). The Struggle for Soviet Power in Daghestan (March 1917-March 1920). **V. S. Lelchuk.** The Origin and Development of the Synthetic Materials Industry in the U.S.S.R.: **Academician M. N. Tikhomirov.** Great Novgorod in the History of World Culture; **L. K. Erman.** The Role of the Soviets of Workers' Deputies and Democratic Intelligentsia in the First Russian Revolution. **L. Tsend, Second Secretary of the CC, Mongolian People's Revolutionary Party.** Socialist Construction in the Mongolian People's Republic. Discussion: **N. M. Meiman and Academician S. D. Skazkin.** Concerning the Direct Transition to Feudalism on the Basis of the Disintegration of the Primitive Communal Mode of Production. Historiography: **A. E. Ioffe and S. V. Mokin.** Certain Questions Relating to the Treatment of the October Revolution by French Historiography; **P. E. Skachkov** (Leningrad). The Russian Sinologists' Manuscript Heritage and Its Significance. Reports: **L. N. Kudashev.** The Establishment of Soviet-Japanese Diplomatic Relations in 1925. Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R.: **K. A. Timofeyev.** Teaching Civil History in Soviet Schools; **Y. O. Bem.** A Scientific Conference Devoted to the 1100th Anniversary of Novgorod; The Work Conducted by History Departments of State Universities. Historical Science Abroad: **T. Daniszewski** (Poland). The Activities of the Party History Institute of the Central Committee of the Polish United Workers' Party; **E. Pamleni** (Hungary). Planning the Publication of Historical Literature in Hungary in 1960. Obituary: Konstantin Vasilyevich Sivkov.

SOMMAIRE

Articles: **B. O. Kachkaev** (Mahatchkala). La lutte pour le pouvoir des Soviets au Daghestan (mars 1917 — mars 1920); **V. S. Leltchouk.** Extrait de l'histoire de l'industrie des matériaux synthétiques en U.R.S.S.; **M. N. Tihomirov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Grand Novgorod dans l'histoire de la culture mondiale; **L. K. Erman.** Soviet de députés ouvriers et les intellectuels démocratiques dans la première révolution russe; **L. Tsend, second secrétaire du C.C. du P.P.R.M.** L'édification socialiste dans la République Populaire de Mongolie. Discussions et délibérations: **M. N. Meiman, S. D. Skazkin, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Sur la question du passage direct au féodalisme sur la base de la désagrégation du mode de production de la communauté primitive. Historiographie: **A. E. Joffé, S. V. Mokin.** Quelques questions de l'historiographie française de la Révolution d'Octobre; **P. E. Skatchkov** (Léningrade). L'importance de l'héritage de manuscrits des sinologues russes. Communications: **L. N. Koudachev.** Etablissement des rapports diplomatiques entre l'U.R.S.S. et le Japon en 1925. Critique et bibliographie. Science historique en U.R.S.S.: **K. A. Timophéev.** Sur l'enseignement de l'histoire civile aux écoles de l'U.R.S.S.; **I. O. Bem.** La conférence scientifique théorique consacrée au 1100-e anniversaire de Novgorod; Sur le travail des facultés historiques des universités d'Etat. Science historique à l'étranger: **T. Daniszewsky** (Pologne). A propos du travail de l'Institut de l'histoire du parti près du C.C. du P.O.U.P.; **E. Pamléni** (Hongrie). Plans de la publication de la littérature sur l'histoire de Hongrie en 1960. Nécrologe: **Konstantin Vassiliévitch Sivkov.**

INHALT

Beiträge: **B. O. Kaschkajew (Machatsch-Kala).** Der Kampf um die Sowjetmacht in Daghestan (März 1917 — März 1920); **W. S. Leltschuk.** Aus der Geschichte der Industrie der synthetischen Stoffe in der UdSSR; **Akademiemitglied M. N. Tichomirow.** Das Große Nowgorod in der Geschichte der Weltkultur; **L. K. Erman.** Die Sowjets der Arbeiterdeputierten und die demokratische Intelligenz während der ersten russischen Revolution; **L. Zend, Zweiter Sekretär des ZK der Mongolischen Volksrevolutionären Partei.** Der sozialistische Aufbau in der Mongolischen Volksrepublik. Diskussionen und Erörterungen: **M. N. Meiman, Akademiemitglied S. D. Skaskin.** Über den umittelbaren Übergang zum Feudalismus auf Grund der Zersetzung der Produktionsweise in der Urgemeinschaft. Historiographie: **A. E. Ioffe, S. W. Mokin.** Einige Fragen der französischen Historiographie der Oktoberrevolution; **P. E. Skatschkow** (Leningrad). Die Bedeutung des handschriftlichen Nachlasses der russischen Sinologen. Mitteilungen: **L. N. Kudaschew.** Die Herstellung der diplomatischen Beziehungen zwischen der UdSSR und Japan 1925. Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **K. A. Timofejew.** Über den Unterricht der Zivilgeschichte in den Schulen der UdSSR; **J. O. Bem.** Wissenschaftlich-theoretische Konferenz zum 1100. Jahrestag von Nowgorod; Über die Tätigkeit der historischen Fakultäten der Staatsuniversitäten. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **T. Daniszewski** (Polen). Die Tätigkeit des Instituts für Parteigeschichte beim ZK der Polnischen Vereinigten Arbeiterpartei; E. **Pamleni** (Ungarn). Die Pläne der Herausgabe der Geschichtsliteratur in Ungarn für 1960. Nachruf für Konstantin Wassiljewitsch Siwkow.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора); А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.
А 01080. Подписано к печати 22/XII 1959 г. Тираж 21 900.
Изд. № 7. Заказ № 3146. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

Гуаньюй сицзан вэньти (1959 ньюе-уюеды вэньцзянь цзыляо). тибетском вопросе. Документы и териалы. Март—май 1959.) Пекин. эньминь чубаньшэ. 1959, 4, 220 стр.

Ихэтуань, данань шиляо (Движение этуань. Архивные материалы.) Пе-н. 1959. Т. 1, май—август 1900 г., 2 стр., т. 2, август 1900 — декабрь 01 г., стр. 673—1346.

ХУ ШЭН-У, ЦЗИНЬ ЧУН-ЦЗИ. **нь Цин люды лисянь юньдун** (Дви-ение за установление конституцион-й формы правления в конце дина-ии Цин.) Шанхай. 1959.

ВАН СЯНЬ-ЦЯНЬ. **Хоу Ханьшу и цзе** (Комментарии к династийной тории периода поздней Хань.) Пе-н, Шан'уиньшу гуань. 1959. Т. 1, 108,761 стр.; т. 2, 763—1621 стр.; 3, 1623—2516 стр.; т. 4, 17—3346 стр.; т. 5, 3347—4225 р.

ЛИ ЦЗЯНЬ-НУН. **Вэй Цзинь Нань-й Чао Суй Тан цзинцзи шигао** кономика Китая в период династий й, Цзинь, Южных и Северных рств, династий Суй и Тан. Истори-ский очерк.) Пекин. 1959, 302 стр.

ЧЖУ ЦЯНЬ-ЧЖИ. **Жибэньды чжу-ы сюе** (Учение Чжу Си в Японии.) екин. Саньлянь шудянь. 1958, 3, 8, 7 стр.

ЦАЙ ШАН-СЯН. **Ван Цзин-гун иньпу каолюе** (Исследование биогра-ии Вань Ань-ши.) Пекин. 1959. 2 стр.

ЧОН СОК ТАМ, ЦХЭ ЮН ГЮ. **сегихубанги — ильчже тхончжи альгиы Чосон сахве кёнчжеса** (Соци-ьно-экономическая история Кореи. торая половина XIX в.— конец япон-ого господства.) Чосон нодонтан ульпханса. 1959. 319 стр.

АТАНАСОВ Г. **Към въпроса за иянието на Първата руска революция върху развитието на работни-ското движение у нас, 1907—917 г.** Изд-во на БКП, София. 1959. р. 288.

ИГЛЕВ Ф. Т. **Из моя миньорски ивот.** Изд-во на БКП. София. 1959. р. 116.

ХРИСТОВ Ф., ДАИЛОВ П., МАР-ОВ М. **Българска Комунистическа ртия — създател и ръководител на ългарската народна армия.** Държе-ениздат. София. 1959. 120 стр.

KRZEMIEŃ L. **Przeciwko ideolo-cznemu rozbrajaniu Partii. O niektó-ch problemach revizjónizmu na tle wnych publikacji prasowych w Pol-e w latach 1956—1957.** Wyd. 2., praw. Warszawa. KiW. 1959, s. 137.

GRADOWSKI R. **Polska 1918—39.** Niektóre zagadnienia kapitalizmu nopolistycznego. Warszawa. KiW. 55, s. 260.

KAMIŃSKI A. **Prehistoria polskich związków młodzieży.** Warszawa. PWN. 1959, s. 242.

NOVOTNÝ J. **O bratrské družbě Čechů a Slováků za národního obrození.** Kapitoly z dějin vzájemných vztahů Čechů a Slováků v národním hnutí do roku 1848. Praha. SNPL. 1959. 274 s.

BRABENEC J. **Po stopách starých pověstí českých.** Praha. Orbis. 1959. 271 s.

LAŠTOVKA V. **Boj pracujícího lidu Plzeňska proti fašistickým okupantům.** Plzeň. KN. 1959. 117 s.

Le Parti communiste marocain dans la lutte pour l'indépendance nationale. Textes et documents, 1949—1958. Paris. Imp. Paris-Province, s. d. 1959. 340 p.

TAPIE V. L. et BRULEY E. **Histoire. Les Temps Modernes** (1492—1789). Paris. Hatier. 1959. 416 p.

GUILLEMIN H. **Madame de Staël, Benjamin Constant et Napoléon.** Paris. Plon. 1959. IV, 213 p.

ARTHOFFER L. **Als Priester im Konzentrations Lager.** Wien. Ulrich Moser Verlag. Graz. 1959. 150 S.

VAN DEUSEN C. G. **The Jacksonian Era, 1828—1848.** New York. Harper and Brothers. 1959. 291 p.

CAPERS G. M. **Stephen A. Douglas.** Defender of the Union. Boston. Toronto. Little, Brown and C°. 1959. 239 p.

REMINI R. V. **Martin van Buren and the Making of the Democratic Party.** New York. Columbia University Press. 1959, 271 p.

LINCOLN E. F. **Britain's Unwritten History.** London. Mac Gibbon and Kee. 1959. 208 p.

LENNARD R. **Rural England 1086—1135.** A Study of Social and Agrarian Conditions. Oxford University Press. 1959. 418 p.

BRIGGS A. **The Age of Improvement.** London. Longmans, Green and C°. 1959. 547 p.

SALMON Y. H. M. **The French Religions Wars in English Political Thought.** Oxford. Clarendon Press. 1959. 202 p.

BLACK J. B. **The Reign of Elisabeth, 1558—1603.** 2nd ed. Oxford, Clarendon Press. 1958. XVIII, 539 p.

CREIGHTON D. G. **The Story of Canada.** London. Faber. 1959. 3—291 p.

KIDDER J. E. **Japan before Buddhism.** London. Thames and Hudson. 1959. 282 p.

MORANDI R. **Lettere al Fratello, 1937—1943.** Torino. Einaudi. 1959. 183 p.

MORANDI R. **Lotta di popolo 1937—1945. Torino.** Einaudi. 1959, 151 p.

Цена 7 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ТРУД

«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1941—1945 гг.»

(В ШЕСТИ ТОМАХ)

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» разрабатывается Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и выпускается в свет Военным Издательством Министерства Обороны СССР.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» рассчитана на широкий круг читателей. Бывшие участники войны, научные работники и преподаватели, партийный, комсомольский, профсоюзный и советский актив, военнослужащие и инженеры, рабочие и колхозники, молодежь и студенты, пропагандисты и лекторы — все советские люди, интересующиеся историей самого трудного и героического периода жизни нашей Родины, найдут в этом издании новые и важные материалы.

По своим идейно-теоретическим основам и по содержанию «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» явится марксистским исследованием, освещающим как основные военные события 1941—1945 годов, так и процессы экономического и общественно-политического развития нашей страны, а также проблемы внешней политики СССР в этот период. В труде будет дан общий обзор и характеристика подготовки агрессии против СССР со стороны фашистской Германии и других империалистических держав, показан пламенный патриотизм и героическая борьба советского народа на фронте и в тылу, важнейшие операции Красной Армии и Военно-Морского Флота, возраставшая в ходе войны мощь Вооруженных Сил СССР и превосходство советского военного искусства.

Это издание широко осветит великую, непобедимую силу социалистического общественного строя и раскроет роль Коммунистической партии Советского Союза как вдохновителя и организатора всенародной борьбы с врагом, покажет многогранную деятельность партии по руководству фронтом, партизанской войной в тылу врага, хозяйственной и политической жизнью страны. Труд освещает освободительную борьбу народов Европы и Азии против германского фашизма и японского империализма, а также борьбу антифашистских сил внутри Германии. В нем находят освещение и совместные действия Советского Союза, США, Англии и других стран антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага. В «Истории Великой Отечественной войны» дается подробный анализ источников побед Советского государства, подводятся всемирно-исторические итоги войны.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» состоит из шести томов.

Первый том посвящен возникновению второй мировой войны и подготовке империалистическими державами нападения на СССР.

Второй том охватывает события первого периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 года — ноябрь 1942 года).

Третий том освещает события второго периода Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 года — декабрь 1943 года).

Четвертый и пятый тома освещают третий период Великой Отечественной войны, завершившийся разгромом фашистской Германии (1944—1945 годов), а также поражение империалистической Японии.

Шестой том подводит всемирно-исторические итоги Великой Отечественной войны и итоги второй мировой войны в целом, анализирует источники победы Советского государства, его послевоенное развитие и борьбу за мир и мирное сосуществование.

Издание хорошо оформлено и богато иллюстрировано. Каждый том снабжен многоцветными картами, документальными и художественными иллюстрациями и необходимым научно-справочным аппаратом: перечнем важнейших дат и событий, именным, предметным и географическим указателями.

Все шесть томов выйдут в свет в 1960—1961 годах.

Стоимость одного тома 30 рублей, всего издания 180 рублей. При подписке вносится задаток в размере стоимости одного тома.

Подписка принимается книжными магазинами республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации, а также магазинами «Военная книга».

Союзкнига